

К. С. Гаджиев

Геополитика

УЧЕБНИК

4-е издание, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальностям и направлениям: «Политология»,
«Международные отношения», «Юриспруденция»,
«История», «Социология»*

МОСКВА • ЮРАЙТ • 2011

УДК 34
ББК 67.404.3я73
Г13

Автор:

Гаджиев Камалудин Серажудинович — доктор исторических наук, профессор ИМЭМО РАН.

Гаджиев, К. С.

Г13 Геополитика : учебник / К. С. Гаджиев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2011. — 479 с. — Серия : Основы наук.

ISBN 978-5-9916-1205-0

Предлагается курс геополитики, учитывающий последние достижения отечественной и зарубежной политической науки, которая основывается на идее, что современный мир отделяется от привычных и известных нам параметров миропорядка (биполярного мира или традиционного «концерта держав», основанного на системе баланса сил) и движется в направлении новой полицентричности.

Беспрецедентное усложнение взаимосвязей между странами и народами, переплетение национальных и наднациональных начал, неуклонная глобализация мировых процессов ставят множество неотложных вопросов. В учебном курсе предпринята попытка системного анализа этих тенденций и процессов с использованием элементов синергетического подхода, в совокупности создающих основу для формирования нового полицентрического миропорядка.

Содержание учебника соответствует государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования и методологическим требованиям, предъявляемым к учебным изданиям.

Для студентов, преподавателей высших учебных заведений, а также всех интересующихся вопросами геополитики.

УДК 34
ББК 67.404.3я73

Покупайте наши книги:

Оптом в офисе книготорга «Юрайт»:

140004, Московская обл., г. Люберцы, 1-й Панковский проезд, д. 1,
тел. (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В розницу в интернет-магазине: www.urait-book.ru,
e-mail: order@urait-book.ru, тел.: (495) 742-72-12

Для закупок у Единого поставщика в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ обращайтесь по тел. (495) 744-00-12,
e-mail: sales@urait.ru, vuz@urait.ru

ISBN 978-5-9916-1205-0 © Гаджиев К. С., 2011
© ООО «Издательство Юрайт», 2011

Оглавление

Предисловие	11
Глава 1. Формирование и эволюция геополитики как самостоятельной научной и образовательной дисциплины.....	13
1.1. Предпосылки формирования идей и методологических принципов геополитики	13
1.2. Отцы-основатели традиционной геополитики.....	15
1.3. Основные направления геополитических разработок после Второй мировой войны.....	21
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>26</i>
Глава 2. Формирование и эволюция геополитических идей в России	27
2.1. Первые попытки геополитического осмысления места и роли России в мире	27
2.2. Вклад евразийства в разработку геополитических идей...29	
2.3. Развитие геополитических идей в новой России.....	33
2.4. Необходимость разработки новой геополитики	37
2.5. Геополитика в реальностях глобализирующегося мира	40
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>45</i>
Глава 3. Глобализация: предпосылки и основные трактовки	46
3.1. Важнейшие составляющие прогресса в XX веке.....	46
3.2. Основные трактовки глобализации.....	48
3.3. Формирование и утверждение гегемонии евроцентристского мира	50
3.4. Превращение Востока в активный субъект мирового сообщества	56
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>60</i>
Глава 4. Сущностные характеристики глобализации	61
4.1. Что понимается под глобализацией?	61
4.2. Регионализация как важнейшая составляющая глобализации	66

4.3. Основные характеристики, принципы и установки антиглобалистского движения	71
4.4. Глобализация как сложный и многоплановый феномен	72
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	73
Глава 5. Пространственно-временное измерение глобализации	74
5.1. Формирование единого мирового пространства.....	74
5.2. Формирование единого информационно- телекоммуникационного пространства.....	78
5.3. Проблема ускорения времени.....	80
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	84
Глава 6. Демографический и экологический императивы в контексте глобализации	85
6.1. Темпы роста численности населения земного шара в историческом разрезе	85
6.2. Роль миграций в изменении демографического облика современного мира.....	87
6.3. Социальные, экономические и политические последствия изменения демографических реальностей в мире	91
6.4. Глобализация экологических проблем	95
6.5. Негативные последствия загрязнения окружающей среды для перспектив человечества	97
6.6. О пределах роста.....	99
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	103
Глава 7. Глобализация мировой экономики	104
7.1. Технологический и экономический прорыв развитого мира	104
7.2. Интеграция экономики развивающихся стран в мировую экономику	111
7.3. Изменение векторов глобализации экономики.....	113
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	119
Глава 8. Основные направления изменения статуса и роли национального государства	121
8.1. Появление на международно-политической авансцене национального государства	121
8.2. Трансформация места и роли национального государства	123
8.3. Проблема выживаемости национального государства ...	125
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	127

Глава 9. Двуетидный процесс политической глобализации и пролиферации государств.....	129
9.1. Место и роль международных организаций как инструмента политической глобализации	129
9.2. Организация Объединенных Наций: состояние и перспективы	131
9.3. Сохранение за государством статуса главного актора мировой политики.....	136
9.4. Феномен фрагментации и пролиферации государств	141
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>144</i>
Глава 10. Кризис евроцентристского мира.....	145
10.1. Понятие парадигмы.....	145
10.2. Проблема энтропийности цивилизации	147
10.3. Особенности кризиса евроцентристского мира	149
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>154</i>
Глава 11. Вестернизация или особый путь модернизации	155
11.1. Проблема восточной модели демократии	155
11.2. Сущностные характеристики социокультурной системы Востока	157
11.3. Соотношение активного и пассивного начал в социокультурной системе Востока	162
11.4. На путях синтеза двух начал.....	167
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>170</i>
Глава 12. Системные характеристики миропорядка: синергетический подход.....	171
12.1. Соотношение принципов самоорганизации и организации международно-политических систем	171
12.2. Анархические основы миропорядка.....	175
12.3. Гегемония сильных над слабыми как принцип организации миропорядка	178
12.4. Принципы смены международно-политических систем.....	182
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>186</i>
Глава 13. Двухполосный миропорядок: сущностные характеристики	187
13.1. Контурь двухполосного миропорядка	187
13.2. Конец двухполосного миропорядка	191
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>195</i>

Глава 14. Полицентрический миропорядок	196
14.1. Вероятность и случайность в эволюции миропорядка.....	196
14.2. Системные параметры нового миропорядка	200
14.3. Изменение роли военно-политического и экономического факторов в мировой политике	202
14.4. О перспективах феномена сверхдержавности в современном мире.....	206
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>212</i>
Глава 15. Основные контуры полицентрического миропорядка	213
15.1. Почему центры, а не полюса силы?	213
15.2. Качественно новый уровень сложности отношений между ведущими акторами мировой политики	215
15.3. Соотношение стабильности и нестабильности в полицентрическом миропорядке.....	220
15.4. Перспективы обеспечения мира и стабильности между народами	223
15.5. Кодекс и нормы поведения нового миропорядка	226
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>228</i>
Глава 16. Национальные интересы и национальная безопасность	229
16.1. Понятие «национальный интерес»	229
16.2. Основные составляющие национального интереса	232
16.3. Формы национальных интересов и пути их реализации.....	235
16.4. Понятие национальной безопасности и его составляющие	237
16.5. Важнейшие средства и направления обеспечения национальной безопасности.....	240
16.6. Соотношение морали и силы во внешней политике государства.....	245
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>251</i>
Глава 17. Соединенные Штаты Америки.....	253
17.1. Американская идея — идеологическая основа внешнеполитической стратегии Вашингтона	253
17.2. Основные тенденции трансформации места и роли США в современном мире	257
17.3. Политика США в новом полицентрическом миропорядке.....	259
17.4. Перспективы Pax Americana.....	263
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>267</i>

Глава 18. Европа	268
18.1. Идеино-политические предпосылки объединения Европы.....	268
18.2. Основные вехи объединения Европы	270
18.3. Возвращение стран Центрально-Восточной Европы в Европу	272
18.4. Общая оборонная и внешняя политика	275
18.5. Единая Европа: трудности формирования, успехи и перспективы	278
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>282</i>
Глава 19. Запад в реальностях нового миропорядка	284
19.1. Отношения между Европой и США	284
19.2. Антиамериканизм в Европе и антиевропеизм в США....	286
19.3. Факторы, определяющие общность интересов США и Европы	288
19.4. Причины и последствия расширения НАТО.....	291
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>295</i>
Глава 20. Восточная Азия на марше	296
20.1. Общие векторы развития Восточной Азии.....	296
20.2. Слабые узлы экономики восточноазиатских стран	302
20.3. Основные контуры азиатской идеи	304
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>307</i>
Глава 21. Геополитические ориентиры стран Восточной и Южной Азии	308
21.1. Проблемы безопасности в регионе.....	308
21.2. Тенденции к нормализации отношений в регионе.....	311
21.3. Перспективы регионального сотрудничества	314
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>317</i>
Глава 22. Эволюция отношений между Западом и странами Восточной и Южной Азии	318
22.1. Восточная Азия как геополитическая составляющая нового миропорядка	318
22.2. Запад и Китай.....	319
22.3. Запад в системе отношений Японии с другими восточноазиатскими государствами.....	323
22.4. Запад и Индия	328
22.5. Перспективы сохранения американского присутствия в Восточной Азии	330
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>332</i>
Глава 23. Мир ислама.....	334
23.1. Основные контуры исламского мира.....	334

23.2. Место и роль Ближнего и Среднего Востока в исламском мире	335
23.3. Трудноразрешимые проблемы Большого Ближнего Востока.....	338
23.4. Ислам как объединяющее начало мусульманского мира: единство и многообразие	340
23.5. Политизация ислама	343
23.6. Место джихада в исламе и основные его трактовки	346
23.7. Неправомерность отождествления исламизма с терроризмом.....	349
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>349</i>
Глава 24. Отношения мусульманских государств с остальным миром	351
24.1. Миф о единстве мира ислама.....	351
24.2. Отношения мусульманских стран с неисламским миром	355
24.3. О перспективах демократизации исламского мира	358
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>362</i>
Глава 25. Россия.....	363
25.1. Распад СССР и его последствия для судеб мирового сообщества	363
25.2. Внутриполитические приоритеты национальной безопасности России.....	365
25.3. Факторы, обеспечивающие единство и целостность России.....	369
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>372</i>
Глава 26. Статус и место России на геополитической карте мира.....	373
26.1. Россия в поисках геополитической идентичности.....	373
26.2. Россия: региональная или мировая держава?	377
26.3. Внешнеполитические приоритеты национальной безопасности России.....	382
26.4. Пути и средства сохранения статуса великой державы	385
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>388</i>
Глава 27. Россия и западные страны	389
27.1. Общая характеристика взаимоотношений России и западных стран	389
27.2. Российско-американские отношения	392
27.3. Взаимоотношения между Россией и Европейским союзом.....	396

27.4. Последствия расширения НАТО для России.....	399
27.5. Проблема энергетической безопасности.....	401
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>406</i>
Глава 28. Россия, Восточная и Южная Азия.....	407
28.1. Общая характеристика отношений России с Восточной и Южной Азией	407
28.2. Россия и Япония.....	409
28.3. Россия и Китай.....	410
28.4. Россия и Индия.....	414
28.5. Активизация присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе	416
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>418</i>
Глава 29. Россия на постсоветском пространстве	419
29.1. Интересы России на постсоветском пространстве.....	419
29.2. Роль России в СНГ	423
29.3. Основные векторы взаимоотношений между странами СНГ	426
29.4. Основные направления обеспечения национальной безопасности России на южных рубежах	430
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>435</i>
Глава 30. Грузино-российская пятидневная война: геополитическое измерение	436
30.1. Причины грузино-российской войны.....	436
30.2. Роль Запада в развязывании грузино-российской войны.....	440
30.3. Политическая воля как инструмент защиты национальной чести.....	442
30.4. Почему США не защитили Грузию?.....	443
30.5. Последствия пятидневной войны	446
30.6. Позиции Евросоюза на Кавказе в свете пятидневной войны	449
30.7. Сдвиги в позициях сопредельных государств	450
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>452</i>
Глава 31. Войны и конфликты в современном мире	453
31.1. Особенности войны в ядерную эпоху	453
31.2. Трансформация предназначения войны как продолжения политики другими средствами.....	456
31.3. Может ли демократия предотвратить войну?.....	459
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>463</i>

Глава 32. Терроризм: новая разновидность мировой войны или один из новых типов международных конфликтов	464
32.1. 11 сентября 2001 года как точка отсчета XXI века.....	464
32.2. Отличительные особенности современного терроризма от традиционных военных конфликтов	467
32.3. Типы современного терроризма.....	470
32.4. Причины терроризма.....	472
32.5. Терроризм как реакция на информационно- идеологическое и культурное наступление Запада.....	475
<i>Вопросы и задания для самоконтроля.....</i>	<i>479</i>

Предисловие

В данной книге предлагается курс геополитики, построенный с учетом последних достижений отечественной и зарубежной политической науки. Ее стержневая установка базируется на идее, согласно которой современный мир во все более растущей степени отдаляется от привычных и известных нам параметров миропорядка, будь то биполярного или традиционного «концерта держав», основанного на системе баланса сил. Мы движемся в направлении новой полицентричности, но какой будет эта полицентричность в близкой, среднесрочной и тем более в долгосрочной перспективе, вряд ли кто-либо возьмется прогнозировать.

Но очевидно то, что ее контуры и параметры в значительной степени будут определяться такими факторами, как беспрецедентное ускорение и сжатие времени, экспоненциальное убыстрение динамики социально-экономических, технологических, политических и иных процессов и т.д. События и процессы в буквальном смысле слова низвергаются, в результате чего главным характерным признаком нашего времени стала неопределенность и неустойчивость, реальность является как бы неуловимой, ускользающей. При таком положении вещей все более растущую значимость и императивность приобретает объективное изучение проблем, возникающих как перед мировым сообществом, так и перед отдельно взятыми государствами и народами.

Однако важнейшие вопросы мироустройства продолжают трактоваться и оцениваться в терминах традиционных теорий международных отношений. Реалии современного мира диктуют необходимость существенной переоценки традиционных понятий гегемонии, сфер влияния, национальной безопасности и национальных интересов, государственного суверенитета и др. Приобретает особую важность и актуальность всесторонний анализ динамически развивающихся социальных, экономических, политических, демографических, экологических и иных процессов и явлений,

в совокупности определяющих основные направления геополитического развития современного мира.

Беспрецедентное усложнение взаимосвязей между странами и народами, переплетение национальных и наднациональных начал, неуклонная глобализация мировых процессов ставят множество неотложных вопросов, которые зачастую остаются без ответов. Вопросы эти затрагивают фундаментальные аспекты политического бытия стран, союзов и человечества в целом. Становятся ли анахронизмами понятия национального самоопределения и национально-государственного суверенитета в мире взаимопереплетающихся политических образований и центров власти? Каковы ныне главные действующие лица на мировой арене? Становится ли анахронизмом само понятие национального государства? Каковы основные параметры формирующейся полицентрической международно-политической системы? Какое содержание вкладывается в понятия «права человека», «права и свободы гражданина»? Как должна регулироваться деятельность организаций и ассоциаций, пересекающих национальные границы?

При этом следует отметить, что понятие «миропорядок» можно трактовать в узком и широком понимании этого слова. В широком смысле — это мировое сообщество в его тотальности, включающей всех без исключения акторов: могущественных и слабых, крупных и малых (например, от почти полуторамиллиардного Китая до малюсенького Лихтенштейна), пассионарно активных и предельно пассивных и т.д. В узком смысле слова мировой порядок представляет собой систему взаимоотношений наиболее активных акторов мирового сообщества, основанную на определенном комплексе неофициальных и официальных правил и норм поведения, закрепленных в международном праве, а также созданных на их базе институтов, организаций, союзов и т.д. В данной работе это понятие используется во втором смысле.

В учебном курсе предпринята попытка системного анализа тенденций и процессов, определяющих основные направления геополитического развития современного мира, с использованием элементов синергетического подхода, в совокупности создающих базу для формирования нового полицентрического миропорядка.

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИКИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУЧНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Геополитические идеи и сама геополитика возникли и получили популярность на рубеже XIX и XX вв. в общем русле эволюции научной мысли того периода. В целом они представляли собой не что иное, как перенесение в сферу международных отношений господствовавших в тот период идей и концепций детерминизма, строгих естественно-исторических законов, социал-дарвинизма, органицизма и т.д.

1.1. Предпосылки формирования идей и методологических принципов геополитики

Возникновение именно в тот период геополитических идей и самой геополитики как самостоятельной области исследования международных отношений и мирового сообщества было вызвано целым комплексом факторов. Предвосхищая выводы, которые будут более подробно разработаны ниже, здесь отметим лишь некоторые из них.

Во-первых, это наметившиеся к тому времени тенденции к постепенному формированию глобального рынка, уплотнению ойкумены и «закрытию» мирового пространства.

Во-вторых, замедление (в немалой степени в силу этого «закрытия») европейской, чисто пространственно-территориальной, экспансии вследствие завершения фактического передела мира и ужесточение борьбы за передел уже поделенного мира.

В-третьих, перенесение в результате этих процессов неустойчивого баланса между европейскими державами на другие континенты «закрывшегося» мира.

В-четвертых, переход истории на качественно иную ступень развития, на которой она перестает быть историей одной только Европы или Запада и превращается уже в действительно всемирную.

В-пятых, в связи с вышеперечисленными факторами, именно тогда начали разрабатываться теоретические основы силовой политики на международной арене, послужившие в дальнейшем краеугольным камнем политического реализма.

Традиционные представления о международных отношениях основывались на трех главных китах — территории, суверенитете и безопасности государств. В трактовке же отцов-основателей геополитики центральное место в детерминации международной политики того или иного государства отводилось его географическому положению. В их глазах мощь государства прочно коренится в природе самой земли. Смысл геополитики им виделся в выдвигании на первый план пространственного, территориального начала, поэтому главная задача геополитики усматривалась в изучении государств как пространственно-географических феноменов и постижении природы их взаимодействия друг с другом.

Иначе говоря, в качестве ключевой методологической составляющей геополитики был принят *географический детерминизм*, согласно которому определяющую роль в формировании внешнеполитической стратегии государства играет географический фактор, т.е. месторасположение государства, его природно-климатические условия, близость или отдаленность от морей и океанов и другие параметры. Иными словами, географическая среда рассматривалась в качестве решающего фактора социально-экономического, политического и культурного развития народов.

Гипотезы об обусловленности жизни людей и обществ географической средой высказывали еще древнегреческие мыслители, такие как Демокрит, Геродот, Страбон, Полибий и др. Подобные идеи выдвигались средневековым арабским мыслителем Ибн Хальдуном. Одним из предтеч современной географической школы можно считать французского политического философа XVIII в. Ш. Л. Монтескье. Монтескье пытался вывести из географических условий характер, нравы и обычаи народов, их хозяйственный и политический строй.

Данную проблему в тех или иных аспектах затрагивали многие ученые и исследователи XIX в. Немало в этом направлении сделали немецкие исследователи В. фон Гумбольдт и К. Риттер, английский историк Г. Т. Бокль, французский и американский географы Р. Элизе и Э. Хантингтон, известный русский ученый Л. И. Мечников и др. Например, по мнению Гумбольдта, элементы ландшафта, повторяясь в бесконечных вариациях, оказывают немало-важное влияние на характер народов, живущих в тех или иных регионах земного шара.

Но все же признанным патриархом направления географического детерминизма в социальных и гуманитарных науках считается германский этнограф и географ, зачинатель политической географии конца XIX — начала XX вв. Ф. Ратцель. Главная его заслуга состояла в том, что он предпринял попытку связать между собой политику и географию: изучить политику того или иного государства исходя из географического положения занимаемого им пространства.

В своей «Политической географии», опубликованной в 1897 г., он обосновал тезис о том, что государство представляет собой *биологический организм*, действующий в соответствии с биологическими законами. Более того, Ратцель видел в государстве продукт органической эволюции, укорененный в земле подобно дереву. Поэтому сущностные характеристики государства определяются его территорией и месторасположением, а его процветание зависит от того, насколько успешно оно приспосабливается к условиям окружающей среды.

Одним из основных путей наращивания мощи этого организма, считал Ратцель, является территориальная экспансия, или *расширение жизненного пространства* — *Lebensraum*. С помощью этого понятия он пытался обосновать мысль о том, что основные экономические и политические проблемы Германии вызваны несправедливыми, слишком узкими границами, стесняющими ее динамическое развитие.

1.2. Отцы-основатели традиционной геополитики

Как правило, введение в научный оборот самого термина «геополитика» связывают с именем шведского исследо-

вателя и политического деятеля Р. Челлена (1846–1922). В своей главной работе «*Staten som Lifsform*» он предпринял попытку проанализировать анатомию силы и ее географические основы. Челлен говорил о необходимости органического сочетания пяти связанных между собой элементов политики, понимаемой в самом широком смысле этого слова: экономополитики, демополитики, социополитики, кратополитики и геополитики. При этом он характеризовал *геополитику* как «науку, которая рассматривает государство как географический организм или феномен в пространстве»¹. Будучи германофилом и сознавая слабость скандинавских стран перед лицом потенциальной внешней угрозы, он предлагал создать германо-нордический союз во главе с Германской империей.

Наряду с Челленом отцами-основателями и главными адептами геополитики в ее традиционном понимании считаются американский историк и «певец» морской мощи А. Т. Мэхен, британский географ и политик Г. Макиндер, британский географ Дж. Фейргрив, американский исследователь международных отношений Н. Спайкмен, германский исследователь К. Хаусхофер и др. Свои геополитические видения современного мира в первые десятилетия XX в. предлагали Л. С. Эмери, лорд Керзон, Й. Парч и др. Но в целом их работы носили эпигонский характер и не внесли ничего качественно нового по сравнению с классиками геополитики.

Одной из важных вех в формировании геополитических идей считается появление в конце XIX в. работ американского адмирала А. Мэхена, среди которых центральное место занимает книга «Влияние морской силы на историю (1660–1783)», опубликованная в 1890 г. В тот период эта книга имела огромный успех. Только в США и Англии она выдержала 32 издания и была переведена почти на все европейские языки, в том числе и на русский (в 1895 г.). Английские рецензенты называли работы Мэхена «евангелием британского величия», «философией морской истории». Кайзер Германии Вильгельм II утверждал, что он старается наизусть выучить его работы, и распорядился разослать их во все судовые библиотеки.

Суть главной идеи Мэхена состояла в том, что морская мощь в значительной мере определяет исторические судь-

¹ Kjellen R. *Staten som Lifsform*. Stockholm. 1916. P. 8.

бы стран и народов. Объясняя превосходство Великобритании над другими государствами в конце XIX в. ее морской мощью, он выделял следующие условия, определяющие, по его мнению, основные параметры морской мощи: географическое положение страны, ее природные ресурсы и климат, протяженность территории, численность населения, национальный характер и государственный строй. При благоприятном сочетании этих факторов, считал Мэхен, в действие вступает формула: $N + MM + NB = SP$, т.е. *военный флот + торговый флот + военно-морские базы = морское могущество*. По его мнению, превосходство на море позволяет государству установить контроль над океаном и, соответственно, над прилегающими к нему государствами.

Существенный вклад в разработку геополитической трактовки внешней политики государств внес английский исследователь Г. Маккиндер. 25 января 1904 г. Маккиндер выступил на заседании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории». Определенные коррективы в концепцию, сформулированную в этой статье, были внесены им в 1919 и 1943 гг. Как считал Маккиндер, вначале в качестве осевой области истории — срединной земли, или хартленда — выделилась Центральная Азия, откуда татаро-монголы, благодаря подвижности их конницы, распространили свое влияние на Азию и значительную часть Европы. Со времени Великих географических открытий баланс сил изменился в пользу приокеанических стран, в первую очередь Великобритании. Однако, считал Маккиндер в 1904 г., новые средства транспортных коммуникаций, прежде всего железные дороги, снова изменят баланс сил в пользу сухопутных держав. Исходя из этой установки, он сформулировал свою концепцию *хартленда*, каковым считал евразийское пространство или Евразию. По его схеме, «кто правит Восточной Европой — тот господствует над хартлендом. Кто правит хартлендом — тот господствует над мировым островом. Кто правит мировым островом — тот господствует над миром»¹.

В 1943 г., в разгар Второй мировой войны, редактор журнала «Форин афферс» пригласил престарелого Маккиндера (тогда ему было уже 82 года) порассуждать относительно его идей в контексте тогдашнего положения в мире. В статье «Круглый мир и завоевание мира (peace)», написанной

¹ Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction. New York : Henry Holt, 1919. P. 186.

по этому поводу, Маккиндер подверг значительной ревизии свою первоначальную концепцию.

По его новой схеме, хартленд включал помимо громадного массива суши северного полушария Сахару, пустыни Центральной Азии, Арктику и субарктические земли Сибири и Северной Америки. В этой схеме Северная Атлантика стала «средиземным океаном». Это пространство он рассматривал как опорную точку Земли, как регион, отделенный от другого главного региона — муссонных территорий Индии и Китая. По мере наращивания мощи этот регион, по словам Маккиндера, может стать противовесом северному полушарию. Предложенную в статье версию Маккиндер назвал *второй географической* концепцией, в которой он отказался от прежнего жесткого противопоставления сухопутных и морских держав.

Однако, несмотря на различия теорий Мэхена и Маккиндера, которые основывались, соответственно, на морской и сухопутной мощи, исследователи были едины в своих основополагающих позициях: оба презрительно оценивали демократию и враждебно относились к свободной торговле и самому коммерческому классу. Мэхен мог одобрительно говорить об использовании морской торговли в качестве источника английской экономической мощи. Но в его схеме именно контроль над морями играл решающую роль в восхождении и могуществе Британской империи. Маккиндер же был убежден в том, что экономическая мощь государства никак не зависит от свободной торговли. По его мнению, классические теории разделения труда не только вредны, но и попросту опасны, поскольку свободная конкуренция на мировых рынках чревата войной.

Таким образом, с точки зрения как приверженности основополагающим принципам географического детерминизма, так и враждебности демократии и свободной торговле, оба исследователя принадлежали уходящей эпохе. В качестве основы своих экономических выкладок они брали меркантилизм, в то время как магистральным направлением развития мировой экономики XX в. стали свободная торговля и принятие все более растущим числом стран и народов рыночной экономики.

Существенный вклад в науку внесла германская геополитика (Geopolitik). Она выросла из интеллектуальной традиции Пруссии и Второго рейха, которая рассматривала использование физической силы в качестве *prima ratio*

(первого аргумента) в отношениях между государствами. Как отмечал Г. Трейчке, триумф сильного над слабым составляет неискоренимый закон жизни.

Следует заметить, что, несмотря на блистательную дипломатию О. Бисмарка, Второй рейх был обязан своим возникновением могуществу Пруссии. Синтез идеологических германских мифов с современной индустриальной и военной мощью дал начало государству, в котором на первое место ставились героизм, агрессия, сила и господство. Пруссия уподоблялась вооруженному лагерю в центре враждебного окружения.

Постепенно сформировалась *территориальная* концепция обширной и могущественной Центральной Европы (Mitteleuropa), руководимой Германией. Эти идеи получили наиболее законченное выражение в книге Й. Парча «Mitteleuropa» («Срединная Европа»), опубликованной в 1906 г., и работе Ф. Наумана под тем же названием, появившейся в 1915 г., в разгар Первой мировой войны. Науман видел такое устройство послевоенной Европы, при котором будут две «великие китайские стены» военного и экономического характера, простирающиеся с севера на юг через весь континент: одна — между Германией и Францией, а другая — между Германией и Россией. Науман был озабочен тем, чтобы не допустить появления третьей стены (между Австро-Венгрией и Германией), которая могла ослабить обе страны. При этом Науман настойчиво обосновывал идею о необходимости присоединения к Срединной Европе балканских государств и Италии. Он предлагал создать нечто вроде сверхгосударства (Oberstaat) в форме довольно рыхлой конфедерации, занимающейся прежде всего экономическими и оборонными вопросами. В качестве важного условия реализации своего проекта Науман выдвигал формирование наднациональной центральноевропейской идентичности. Естественно, господствующее место в предполагаемом сверхгосударстве отводилось Германии.

Наибольший вклад в разработку германской геополитики внес профессор К. фон Хаусхофер (1869—1946), сын генерал-майора германской армии. Он сыграл ключевую роль в основании Института геополитики в Мюнхене и журнала «Geopolitik» там же в 1924 г. Возможно не случайно, что германские геополитики сконцентрировались именно в Мюнхене — одном из главных плацдармов восхождения германского национал-социализма. Сын Хаус-

хофера Альбрехт, находившийся в дружеских отношениях с небезызвестным Р. Гессом, способствовал внедрению геополитических идей в среду нацистской иерархии.

После прихода к власти нацистов в 1933 г. Институт геополитики получил признание в высших эшелонах власти Германии. Но парадокс состоит в том, что Хаусхофер в 1944 г. был заключен в концентрационный лагерь Дахау, а его сын казнен по обвинению в предполагаемой связи с армейскими офицерами, ответственными за июльский заговор 1944 г.

Следует отметить, что Хаусхофер был разносторонним исследователем и интересовался широким спектром проблем. Особый интерес он проявлял к Дальнему Востоку, прежде всего к Японии. Среди его работ необходимо упомянуть такие как «Японская империя в ее географическом развитии», «Геополитика Тихого океана», «Геополитика панидей», «Мировая политика сегодня».

Ключевыми в построениях Хаусхофера были выражения «кровь и почва» (*Blut und Boden*), «пространство и положение» (*Raum und Lage*), «сила и пространство» (*Macht und Raum*), «жизненное пространство» (*Lebensraum*). Главной движущей силой государства он считал обеспечение и расширение жизненного пространства. Расширяя свое жизненное пространство, считал он, динамическое государство обеспечивает себе большую экономическую автаркию, или независимость от своих соседей. Завоевание такой свободы им рассматривалось как показатель истинно великой державы. Важным способом территориального расширения такой державы, по его мнению, является поглощение более мелких государств.

Считая, что периоду господства морских держав приходит конец и что будущее принадлежит сухопутным державам, он вместе с тем придавал важное значение и морской мощи государства как средству защиты и расширения его границ. Рассматривая Центральную Европу оплотом Германии, Хаусхофер указывал на Восток как на главное направление германской территориальной экспансии. Предлагая свою версию *Drang nach Osten*, Хаусхофер рассматривал Восток как жизненное пространство, дарованное Германии самой судьбой (*Schicksalsraum*).

По схеме Хаусхофера, упадок Великобритании и более мелких морских держав создал благоприятные условия для формирования нового европейского порядка, в кото-

ром доминирующее положение занимает Германия. Такой порядок, в свою очередь, должен был стать основой новой мировой системы, базирующейся на так называемых *пан-идеях*. Среди последних он называл панамериканскую, пан-азиатскую, панрусскую, пантихоокеанскую, панисламскую и панъевропейскую.

К 1941 г. Хаусхофер подверг эту схему пересмотру, в результате чего было оставлено лишь три региона, каждый со своей особой панидеей: пан-Америка во главе с США, Великая Восточная Азия во главе с Японией и пан-Европа во главе с Германией. В целом же главный пафос построений Хаусхофера и его коллег из Института геополитики в Мюнхене и журнала «Geopolitik» состоял в том, чтобы сформулировать доводы и аргументы, призванные обосновать притязания Германии на господствующее положение в мире.

Очевидно, что Хаусхофер как бы подвел окончательную черту под традицией, заложенной Мэхеном и Маккиндером, суть которой состояла в попытках органического соединения географического детерминизма и силовой политики. С этой точки зрения традиционная геополитика стала предтечей современной теории политического реализма.

1.3. Основные направления геополитических разработок после Второй мировой войны

Во время Второй мировой войны в США началась разработка новых теорий внешней политики и мирового порядка, которые связаны прежде всего с именами Г. Уайджерта, Н. Спайкмена, Р. Страуса-Хюпе, В. Стефанссона, О. Латимора и др. Некоторые из этих исследователей претендовали на формулирование «гуманизированной» версии геополитики. В качестве отправной точки им служил тезис о том, что Америке суждено сыграть особую роль в мире.

Для реализации этой роли обосновывалась мысль о необходимости разработки особой американской геополитики. В целом, сохраняя приверженность основополагающим принципам, сформулированным А. Мэхеном, Г. Маккиндером, К. фон Хаусхофером и другими отцами-основателями традиционной геополитики, американские исследователи выдвинули на первый план силовой фактор.

Как считал, например, Р. Страус-Хюпе, геополитика представляет собой тщательно разработанный (master) план, предусматривающий что и как завоевать, указывая военному стратегу самый легкий путь завоевания¹. При разработке американской геополитики наряду с проблемами взаимоотношений США со странами западного полушария на первый план все более настойчиво выдвигался вопрос об отношениях со всей Евразией.

Показательна позиция Н. Спайкмена, который писал: «В мире международной анархии внешняя политика должна иметь своей целью прежде всего улучшение или по крайней мере сохранение сравнительной силовой позиции государства. Сила в конечном счете составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной и политической стратегии»². «География, — продолжал в том же духе Спайкмен, — является самым фундаментальным фактором во внешней политике государств, потому что этот фактор — самый постоянный»³.

Спайкмен выделял три крупных центра мировой мощи: атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье и Дальний Восток Евразии. Он допускал также возможность четвертого центра в лице Индии. Из всех трех евразийских регионов он считал особо значимым для США европейское побережье, поскольку Америка возникла в качестве трансатлантической проекции европейской цивилизации. К тому же, наиболее важные регионы США были, естественно, ориентированы в направлении Атлантики. При этом, подвергнув некоторому пересмотру концепцию Макиндера, Спайкмен переформулировал приведенный выше тезис последнего по-своему: «Кто контролирует Римленд — тот контролирует Евразию, а кто контролирует Евразию — тот контролирует судьбы всего мира»⁴.

Очевидно, что позиция Спайкмена, явно или неявно, имела своим предназначением обоснование лидирующей роли США в послевоенном мире. Другой американский исследователь Г. Уайджерт, призывая учиться у германской геополитики, утверждал, что Америка, будучи океанической державой с мощными военно-морским флотом и авиацией,

¹ См.: *Strausz-Hupe R. Geopolitics. The Struggle for space and power.* N. Y., 1972. P. 41.

² *Spykman N. America's strategy in world politics.* N. Y., 1942. P. 41.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

будет в состоянии установить свой контроль над прибрежными зонами Евразийского континента и, заблокировав евразийский хартленд, контролировать весь мир. В тех или иных вариациях подобных позиций придерживалась значительная часть американских геополитиков.

Необходимо отметить, что еще во время Второй мировой войны большинство европейских и американских геополитиков осудили нацистский режим. По сути, геополитика оказалась в некотором роде дискредитированной и была оттеснена на периферию международно-политических исследований и дискуссий. Как будет показано в соответствующих главах учебника, внешнеполитическая мысль, и в частности геополитическая мысль, после Второй мировой войны оказалась в некотором роде заложницей холодной войны и биполярной трактовки мирового порядка.

Сильнейшее влияние на разработки почти всех без исключения направлений, будь то крайний реализм или крайний идеализм, оказали системный конфликт эпохи, состояние конфронтации между двумя противоборствующими блоками во главе с двумя сверхдержавами.

Важно учесть и то, что при всем сохранившемся влиянии традиционных идей и концепций возникли новые разработки и конструкции, построенные на понимании того, что с появлением авиации и, особенно, ядерного оружия и средств его доставки традиционные модели устарели и нуждаются в серьезной корректировке.

Наиболее обоснованные аргументы в пользу этой точки зрения выдвинул А. П. Северски. В его геополитическом построении мир разделен на два огромных круга воздушной мощи, находящихся в индустриальных центрах США и Советского Союза. Американский круг покрывает большую часть западного полушария, а советский — большую часть мирового острова. Оба они обладают приблизительно равной силой и, по мнению Северски, в совокупности составляют ключ к мировому господству.

Следует отметить, что большинство исследователей как западного, так и советского блока, независимо от своих симпатий и антипатий, трактовали мировые реальности в контексте подобной биполярной геополитики. Поэтому здесь нет надобности останавливаться на их идеях и концепциях. Отметим лишь то, что по мере ослабления жесткой структурированности биполярного мира и выдвижения на политическую авансцену других акторов в лице новых

стран и регионов идеи зачинателей геополитики начали подвергаться существенной корректировке.

Это отчасти было связано с осознанием все более растущим числом исследователей конца евроцентристского мира. Уже с конца 60-х гг. минувшего века среди исследователей наметилась тенденция к полицентрической трактовке мировых реальностей. В этом отношении характерна позиция С. Б. Коэна, который характеризовал сформировавшуюся к 70-м гг. глобальную политическую систему в терминах полицентризма, выделив в ней четыре крупных силовых узла: США, прибрежную Европу, Советский Союз и Китай. По схеме Коэна, существует множество мировых силовых осей, которые служат лучшей гарантией глобального равновесия. Однако в тот период, в условиях подавляющего господства биполярного мышления в области международных отношений, идея полицентризма и регионализма не получила достаточно широкой популярности.

Следует также отметить тот факт, что после Второй мировой войны, особенно в 70—90-е гг., предпринимались попытки переосмысления методологических основ геополитических трактовок международных отношений.

Большая заслуга в существенной ревизии постулатов традиционной геополитики принадлежит французской геополитической школе. В своей работе «Принципы географии человечества», вышедшей еще в 1922 г., В. де ля Блаш подверг жесткой критике представителей англо-саксонской и германской школ традиционной геополитики за переоценку природного и чисто пространственного факторов в развитии государств. Им был предложен подход, получивший название *поссибилизма*. Блаш считал, что географический фактор может актуализироваться и стать реальным политическим фактором, но может остаться и нейтральным. Результат зависит от конкретных обстоятельств и людей, проживающих на данном пространстве.

Идеи В. де ля Блаша нашли дальнейшую разработку в работах Ж. Ансея, А. Деманжона, Ж. Готтманна, И. Лакоста, М. Фуше и др. Как справедливо подчеркивал И. Лакост, политико-географический анализ ограничивается в каждый момент описанием и измерением различия политических отношений... в разных частях какой-то территории, тогда как анализ геополитический... намного более озабочен стратегиями, направленными на то, чтобы модифицировать (или поддержать) разными способами отноше-

ния людей, живущих на некой территории, к государству, от которого они зависят, или к различным политическим силам, или к другим государствам¹.

Не случайно французские исследователи, занимающиеся этими проблемами, стали известны как *новые геополитики*. В распространении и популяризации их идей большую роль сыграл основанный в 1976 г. И. Лакостом журнал «Геродот» (с 1983 г. — «Журнал географии и геополитики»). Среди авторов этой группы, помимо Лакоста и Готтманна, можно выделить П. Жиро, П. Жоржа и др.

Наряду с территориально-пространственным фактором они сделали объектом своих исследований такие области знания, как религия (например, «геополитика ислама»), национальные меньшинства (например, «геополитика меньшинств»), регионы (например, «геополитика регионов» какого-либо более крупного пространственно организованного образования (в рамках одной или нескольких стран) и т.д. Оценивая значение географического фактора, Лакост определяющую роль отвел политике, полагая, что она не только «имеет дело с пространством, но часто его преобразует»².

Далеко идущую попытку пересмотра традиционных геополитических идей в условиях ракетно-ядерного века предпринял французский генерал и исследователь П. Галлуа. Прежде всего обращает на себя внимание отказ Галлуа от географического и энвайроментального детерминизма. По его мнению, важными параметрами геополитического измерения современного мира наряду с пространственно-территориальными характеристиками государства являются появление и распространение ракетно-ядерного оружия. Немаловажное значение Галлуа придавал усилению роли средств массовой информации и телекоммуникации, а также освоению космического пространства.

К началу 80-х гг. геополитика как самостоятельная научная и образовательная дисциплина институционализировалась, что, в частности, нашло отражение в изменении названия вышеназванного журнала, основанного И. Лакостом, а также в основании Международного института геополитики в Париже и Вашингтоне в 1982 г.

¹ См.: *Geopolitiques des regions fransaises*. Sous la direction de Yves Lacoste. T. 1. P., 1986. P. 19.

² *Lacoste Y. Geographicite et geopolitique: Elisee Reclus // Herodote*. 1981. № 22. P. 14—55.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы основные факторы формирования традиционной геополитики?
2. Назовите авторов, внесших наибольший вклад в разработку важнейших геополитических идей.
3. В чем главные достоинства и недостатки традиционной геополитики?
4. Назовите преимущества и недостатки каждой из рассмотренных национальных геополитических школ.
5. В каком направлении трансформировались геополитические разработки после Второй мировой войны?
6. Как вы оцениваете в этом плане вклад французской школы?
7. Когда именно и в силу каких причин произошла полная реабилитация геополитики?

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В РОССИИ

Представители российской общественно-политической мысли внесли немаловажный вклад в разработку геополитических идей. Их формирование в России с самого начала стимулировалось поисками магистральных направлений развития страны, попытками определить ее идентичность и судьбу, содержание и сущность «русской идеи», место, роль и статус российского государства в мировой истории и мировом сообществе. В центре споров и дискуссий неизменно стоял вопрос об отношениях России с Западом и Востоком, Европой и Азией. Эта многоплановая и сложная проблема, отнюдь не сводящаяся к геополитике, довольно подробно освещена в отечественной литературе. Здесь рассматриваются лишь некоторые наиболее важные ее аспекты, дающие возможность кратко осветить характерные особенности развития и эволюции российской геополитической мысли.

2.1. Первые попытки геополитического осмысления места и роли России в мире

Первые попытки систематического изложения собственно геополитических идей можно обнаружить в позициях славянофилов второй половины XIX в., которые разделяли мир на «Святую Русь» и «гниющую Европу» по принципу противопоставления России и Европы. В контексте этих споров и дискуссий внимание концентрировалось на проблеме культурно-цивилизационной самобытности России и необходимости защиты и сохранения этой самобытности как важнейшего условия жизнеспособности и исторических перспектив самой российской государственности.

Хотя славянофилы и не переставали говорить о своей любви к «великой старой Европе», они подвергали ее бес-

пощадной критике за якобы поразивший ее духовный кризис. Всячески превознося Святую Русь, они сформулировали и последовательно защищали тезис о ее *особом* пути развития и высокой миссии.

С данной точки зрения одним из первых геополитиков можно считать Н. Я. Данилевского, которому принадлежит заслуга в разработке теории *культурно-исторических типов*. Данилевский изображал дело таким образом, будто «больная» и «гниющая» Европа стала чуть ли не средоточием мирового зла, и видел спасение современного ему мира в панславизме. По его мысли, славянство — это особый культурно-исторический тип, который не развернул еще своих творческих потенций, но которому принадлежит великое будущее. «С общей культурно-исторической точки зрения, — писал Данилевский, — Россия не может считаться составной частью Европы ни по происхождению, ни по усыновлению... Ей предстоят только две возможности: или вместе с прочими славянами образовать самостоятельную культурную единицу, или лишиться всякого культурно-исторического значения — быть ничем»¹. При этом всячески обыгрывая так называемый восточный вопрос, Данилевский усматривал главную цель русской государственной политики в разрушении могущества Османской империи. «Всеславянская федерация, — утверждал он, — вот единственно разумное, а потому и единственно возможное решение восточного вопроса»².

Значительно дальше Данилевского в этом направлении шел К. Н. Леонтьев, считавший панславизм слишком либеральным и опасным для жизнеспособности и дальнейшего развития российской государственности. По его мнению, чисто славянское содержание русской идеи слишком бедно для всемирного духа России. «Всегдашняя опасность для России, — утверждал он, — на Западе — не естественно ли ей искать и готовить себе союзника на Востоке? Если этим союзником захочет быть и мусульманство — тем лучше»³.

Обосновывая установки на имперскую экспансию, особенно настойчиво Леонтьев отстаивал идею слияния России с Тураном, при этом полагая, что самобытную цивилизацию составляет не славянский мир, а Россия со всеми азиатскими

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 397.

² Там же. С. 364.

³ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Leon/index.php.

владениями. Как считал Леонтьев, Западу будет противостоять не славянская федерация, а Восток греческим и азиатским элементом «под эгидой русского самодержавия».

Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев и другие авторы попытались выявить и обозначить те аспекты социально-политической и духовной истории России, которые определяли ее исторический и национально-государственный облик и, соответственно, характер ее взаимоотношений с окружающим миром. Не без оснований постулируя мысль о самобытности, самоценности и особой миссии России, они вместе с тем, по сути дела, противопоставляли Россию остальному миру, во всяком случае европейскому человечеству. В этом вопросе ближе к истине были, пожалуй, Ф. М. Достоевский и Вл. Соловьев, которые придерживались тезиса о всечеловечности и универсальности русской культуры.

2.2. Вклад евразийства в разработку геополитических идей

Геополитические идеи в советский период были подхвачены представителями идейно-политического течения, ставшего известным под названием *евразийства*. Их мысли и установки довольно подробно изучены в отечественной науке. Здесь отметим лишь некоторые из них, которые с теми или иными оговорками можно характеризовать как геополитические.

Сформировалось это течение в 20-х гг. минувшего века в кругах русского зарубежья по инициативе молодых российских эмигрантов (П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. Д. Флоровского и Н. С. Трубецкого).

Идеи евразийцев нашли свое наиболее законченное выражение в книгах «Исход к Востоку», «На путях. Утверждение евразийцев», «Евразийский временник» (три ежегодника), «Евразийская хроника» (12 выпусков), опубликованных в 20–30-х гг. Эти работы обратили на себя внимание нетрадиционным анализом традиционных для России проблем. В отличие от славянофилов, Данилевского, Леонтьева и других, возлагавших свои надежды на самодержавное государство, евразийцы исходили из признания того факта, что старая Россия потерпела крах и стала достоянием истории.

По их мнению, Первая мировая война и русская революция открыли качественно новую эпоху в истории страны, характеризующуюся не только крушением России, но и всеобъемлющим кризисом полностью исчерпавшего свои потенции Запада, который стал началом его разложения. Нет ни прошлого (в лице России), ни настоящего (в лице Запада), и задача России — вести человечество к сияющим вершинам светлого будущего.

Своим эсхатологическим подходом евразийство в методологическом плане мало чем отличалось от ведущих идейно-политических течений того времени — фашизма и большевизма. Не случайно воззрения евразийцев в ряде аспектов были близки позициям получившего в тот период определенную популярность национал-большевизма, синтезировавшего в себе некоторые важнейшие постулаты как фашизма, так и большевизма. Не случайно и то, что большинство евразийцев позитивно приняли действия большевиков по сохранению и укреплению территориального единства России. По их твердому убеждению, русская революция — символ не только конца старой, но и рождения новой России.

Так, Н. С. Трубецкой в 1922 г. допускал, что советскому правительству и Коммунистическому интернационалу удастся развернуть европейскую революцию, которая будет лишь вариантом российской экспансии, и видел неизбежным следствием такой экспансии возвращение и поддержку «благополучия образцовых» коммунистических государств Европы «потом и кровью русского рабочего и крестьянина».

Более того, успех советского руководства в этом направлении большинство сторонников данного течения оценивали как победу евразийской идеи, полагая, что коммунисты последовательно реализуют вековые имперские устремления России. Один из лидеров евразийцев Л. П. Карсавин настойчиво подчеркивал, что коммунисты являются чуть ли не бессознательными орудиями и активными носителями хитрого Духа Истории¹.

Евразийцы отводили особое место именно духовным, в первую очередь религиозным, аспектам. В их построениях отчетливо прослеживается стремление увязать русский национализм с пространством. Поэтому неудивительно, что

¹ См.: *Карсавин Л. П. Уроки отреченной веры* // Евразийский временник. 1925. Кн. 4; *Его же. Основы политики* // Там же. 1927. Кн. 5; *Его же. Ответ на статью Н. А. Бердяева о евразийцах* // Путь. 1926. № 2.

у них само понятие «Евразия» было призвано обозначать не просто континент или часть его в сугубо географическом понимании, а некую цивилизационно-культурную целостность, построенную на основе синтеза пространственного и социокультурного начал. Суть евразийской идеи сводилась к тому, что Россия, занимающая срединное пространство Азии и Европы, лежащая на стыке двух миров — восточного и западного, представляет особый социокультурный мир, объединяющий оба начала.

Обосновывая свою «срединную» позицию, евразийцы полагали, что «культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других... Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную евразийскую культуру»¹. «Поэтому, — утверждал Савицкий, — Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться “Срединным государством”»². Это, по его мнению, самостоятельная, самодостаточная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, которой принадлежит своя самобытная культура, «равно отличная от европейских и азиатских».

В отличие от тех славянофилов, которые утверждали идеи и ценности панславизма, евразийцы вслед за Леонтьевым делали упор на азиатскую, особенно на туранскую, составляющую мира, считая Россию преемницей империи Чингисхана. Так, Трубецкой считал, что «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом»³.

Еще четче эту позицию сформулировал Савицкий, по мнению которого субстрат евразийской культурно-цивилизационной целостности составляют арийско-славянская культура, тюркское кочевничество, православная традиция: именно благодаря татаро-монгольскому игу «Россия обрела свою геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-

¹ Евразийство: опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 32.

² Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Континент Евразия. М., 1997. С. 295.

³ Трубецкой Н. С. Общевеэвразийский национализм // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 24.

германского мира». Более того, «без татарщины не было бы России», как утверждал он в статье «Степь и оседлость»¹. А один из более поздних евразийцев Л. Гумилев, которого В. Ступишин не без оснований назвал «блестящим путаником от науки», отождествлял Древнюю Русь с Золотой Ордой, а советскую государственность — с придуманным им самим славяно-тюркским суперэтнотомом.

Не отбрасывая ряд интересных наблюдений, высказанных евразийцами, нельзя не отметить, что их проекты содержали множество ошибочных положений, которые в современных условиях выглядят анахронизмами. Представляя Россию — Евразию как возглавляемый Россией особый культурный мир, авторы-евразийцы подчеркивали в манифесте, что она, т.е. Россия — Евразия, «притязает еще и на то и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих культур»². Такая вера, как говорилось далее, может быть обоснована только религиозно, т.е. на фундаменте православия — исключительность русской культуры, ее особая миссия выводятся из православия.

Причем утверждалось, что православие — это «высшее единственное по своей полноте и непорочности исповедание христианства. Вне его все — или язычество, или ересь, или раскол»³. Хотя ценность других христианских вероисповеданий полностью и не отрицалась, выдвигалось условие, что, «существуя пока как русско-греческое и преимущественно греческое, Православие хочет, чтобы весь мир сам из себя стал православным»⁴. В противном случае приверженцам других вероисповеданий предрекались разложение и гибель.

Очевидно, что подобные крайности в трактовке перспектив мирового развития не соответствовали реальностям первой половины XX в. Поэтому не случайным представляется тот факт, что в большинстве своем русская эмигрантская интеллигенция приняла евразийские идеи довольно прохладно, если не сказать отрицательно. Среди особенно активных критиков евразийства были Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, П. Н. Миллюков, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов. Более того, к началу 30-х гг. от евразийства отошли самые

¹ Савицкий П. Н. Степь и оседлость // Указ. соч. С. 332.

² Евразийство: опыт систематического изложения. С. 32.

³ Там же.

⁴ Там же.

решительные его сторонники и даже основоположники — Н. Трубецкой, Г. Флоровский, Г. Бицилли и др.

Показательна в этом плане позиция Флоровского, который в статье с характерным названием «Евразийский соблазн» с горечью констатировал, что «судьба евразийства — история духовной неудачи»¹. По его словам, на поставленные жизнью вопросы евразийцы «ответили прозрачным кружевом соблазнительных грез. Грезы всегда соблазнительны и опасны, когда их выдают и принимают за явь. В евразийских грезах малая правда сочетается с великим самообманом... Евразийство не удалось. Вместо пути проложен тупик. Он никуда не ведет»². Ирония истории состоит в том, что заигрывание с большевиками отнюдь не избавило евразийцев от преследований со стороны советских властей. Так, Карсавин, Савицкий и др. были после войны осуждены и долгие годы провели в ГУЛАГе.

2.3. Развитие геополитических идей в новой России

В советский период само понятие «геополитика» использовалось для негативной оценки внешнеполитической стратегии ведущих стран Запада и большинства теорий международных отношений, выдвигаемых исследователями немарксистского толка. Однако в период перестройки геополитика как самостоятельная сфера внешнеполитических исследований постепенно стала отвоевывать свои позиции.

Определенное влияние на развитие геополитических подходов в трактовке международной политики оказали так называемое *новое политическое мышление* М. Горбачева и основанный на нем внешнеполитический курс СССР. Следует отметить, что новое политическое мышление было построено на некоторых заимствованных на Западе либеральных, социал-демократических и глобалистских теориях. Они включали в себя не только военно-политическое, но и экономическое, экологическое и демографическое измерения.

В поле зрения исследователей все более растущее место стали занимать проблемы национальных интересов и национальной безопасности, понимаемые с учетом новых мировых реальностей. Получают популярность западные теории

¹ Флоровский Г. Евразийский соблазн // Русская идея: в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 305—306.

² Там же.

международных отношений. При изучении международной политики стали все чаще использовать системный, структурно-функциональный, междисциплинарные методы исследования. Особую популярность получает разоруженческая тематика, которая развивается как самостоятельное направление научных исследований.

Постепенно формировалось осознание необходимости освоения многомерного подхода к трактовке международной политики. В лексикон международно-политических исследований вошли такие понятия, как *общепланетарное сознание, общечеловеческие ценности, цивилизационный подход* и т.д.¹

С распадом СССР геополитика была окончательно реабилитирована и заняла соответствующее место в сфере международно-политических исследований. Более того, можно говорить даже о ее настоящем ренессансе, или буме интереса к геополитической проблематике.

На формирование, содержание и характер геополитических идей в новой России определяющее влияние оказал тот факт, что распад СССР и образование новых постсоветских государств, в том числе и Российской Федерации, совпали с переломным моментом перестройки современного мироустройства. Сам факт разрушения, казалось бы, созданного на века громадного централизованного государства воочию продемонстрировал несостоятельность идеала государственности, в основе которого лежала идеология марксизма-ленинизма.

Россия оказалась перед совершенно новым для нее комплексом проблем, требовавших настоящего решения: незащищенность новых границ, незаконная миграция, терроризм, наркоторговля, контрабанда, религиозный, национальный и политический экстремизм, сепаратизм и т.д. Изменилось соотношение между военными и невоенными аспектами национальной и международной безопасности. На передний план выдвинулись внутренние угрозы национальной безопасности и государственной целостности. При таком положении вещей российская политическая, и в первую очередь внешнеполитическая, мысль оказалась в очень трудном положении.

¹ См.: Горбачев М. С. Перестройка для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат, 1987; Громыко А. А., Ломейко В. Б. Новое мышление в ядерный век. М., 1984; Социально-философские аспекты современных международных отношений / под ред. В. В. Мшвениерадзе. М., 1987; и др.

Единая территория многовековой империи оказалась как бы разорванной на множество фрагментов, причем не только по линиям государственных границ, но и на этнонациональные, региональные, конфессиональные и иные составляющие. Более того, в условиях, когда вслед за распадом СССР сама Россия также столкнулась с реальной угрозой balkанизации, сохранение территориальной целостности превратилось в одну из ключевых проблем.

Поэтому неудивительно, что возрождавшаяся геополитика с самого начала стала объектом довольно острых идейно-политических дискуссий, споров и столкновений в российском обществе. Эти споры и дискуссии концентрируются вокруг таких проблем, как расстановка сил на глобальном уровне, место, роль и статус России в современном мире, сверхдержавность, великодержавность, однополярный, биполярный или полицентрический миропорядок и т.п.

В условиях двухполюсного миропорядка советская система обеспечивала как территориальное, так и экономическое, социокультурное и политическое единство необозримых пространств, различных регионов, народов и конфессий. Теперь же на фоне происшедших в стране знаковых сдвигов у мыслящей части общества, да и простых граждан, не могло не возникнуть ощущения фрагментарности и разорванности исторической территории государства. Многие стали воспринимать эти изменения в трагическом, чуть ли не апокалиптическом свете.

Этим объясняется преимущественный интерес российских авторов в конце перестройки и первый пореформенный период к воззрениям и установкам старой геополитики, представители которой, как уже указывалось, делали акцент на географическом детерминизме и территориально-пространственном факторе. Наиболее притягательным предметом обсуждения среди авторов, интересующихся геополитическими перспективами, стало положение России в сердце Евразийского континента.

Однако необходимо отметить, что среди самих авторов, уделяющих преимущественное внимание фактору месторасположения государства, отнюдь не наблюдается единства. Часть из них пытается строить геополитический анализ положения России в современном мире на путях органического сочетания территориально-географического аспекта с культурно-историческими, этнонациональными, конфессиональными и иными факторами. В этом направлении осо-

бенно интересными представляются изыскания Б. С. Ерасова, А. С. Панарина, Э. А. Позднякова, для которых характерна ориентация на дальнейшее развитие отдельных идей, выдвинутых в свое время Н. Я. Данилевским и евразийцами, разумеется, с учетом современных реальностей.

Охотно и не особенно разборчиво идеи традиционной геополитики применительно к статусу и роли России в современном мире используются представителями так называемого патриотического, или националистического направления. Из их рассуждений можно сделать вывод, что сам факт обладания огромными территориями будто бы дает право тому или иному государству доминировать над соседними регионами и странами.

На основе своеобразного симбиоза территориально-географических построений традиционных геополитиков с не всегда адекватно понятыми воззрениями российских евразийцев предпринимаются попытки выдвижения разного рода псевдогеополитических построений. При этом склонность к сакрализации географии и территориальному мистицизму зачастую идет рука об руку с разного рода сверхполитизированными и идеологизированными выкладками великодержавного, конспирологического или иного характера. В сущности, предлагается неоимперская перспектива России, основанная на идеях некоего реванша, т.е. восстановления либо СССР, либо границ Российской империи до 1917 г.

Вслед за славянофилами и евразийцами эта группа авторов (которых условно можно назвать *неоевразийцами*) явно преувеличивает фактор самобытности и особого пути развития России, которая рассматривается как специфическая цивилизация, противопоставляемая прежде всего Западу, но редко когда сколько-нибудь внятно расшифровывается, что именно под этой цивилизацией понимается. Однако многие идеи, заимствованные у славянофилов и евразийцев, уже в период своего появления оказались эрзац-идеями, во многом изношенными.

Очевиден факт сокращения российского пространства. Но тем не менее Россия остается огромным геополитическим образованием, включенным в тесные связи со многими народами и культурами Евразии. Разумеется, с распадом СССР и появлением на политической карте России в качестве самостоятельного государства перед ней встали совершенно новые задачи. Речь идет прежде всего о необ-

ходимости существенной переоценки внешнеполитических приоритетов и политической стратегии в отношении остального мира как в западном, так и восточном, как в южном, так и северном направлениях.

Но это отнюдь не предполагает какого бы то ни было жесткого выбора одного из этих направлений. Внешнеполитическая стратегия государства может быть эффективной лишь в том случае, если она носит многовекторный характер и осуществляется по всем азимутам.

Разумеется, в этом контексте ущербными представляются и позиции тех крайних западников, которые считают однозначной идентификацию России с Западом и обосновывают необходимость геополитической интеграции с Европой и США. По их мнению, европейский опыт построения демократии и создания эффективной экономики является наиболее подходящим для России. Они полагают, что основные угрозы национальной безопасности России лежат не на Западе, а на Юге и на Востоке, где находятся нестабильные или агрессивные режимы, формирующие по периметру Российской Федерации «дугу нестабильности».

Однако, как свидетельствует развитие событий в последние годы, Запад отнюдь не настроен принять Россию в «клуб избранных», полагая, что Москве еще далеко до принятых в развитом мире социально-экономических и демократических стандартов. Более того, воспользовавшись ослаблением России, западные страны подчас не считались с Россией при решении важнейших вопросов международной безопасности (например, в югославском кризисе, на Ближнем и Среднем Востоке). Игнорируя собственные обязательства, данные в период распада СССР, и вопреки воле и интересам России было принято решение о расширении НАТО на Восток.

2.4. Необходимость разработки новой геополитики

Мы сознаем, что происходят глубокие трансформации, но в должной мере не знаем, какова их истинная природа, к каким именно последствиям в конечном счете они приведут. Мы можем лишь оценить современную ситуацию в свете исторических тенденций развития прошлого, но не более того.

Для обоснования необходимости новых подходов в изучении этого нового положения вещей, предвосхищая многие результаты данного исследования, представляется целесообразным в самой краткой форме рассмотреть новейшие процессы и тенденции трансформации мирового сообщества, которые ставят перед нами множество вопросов относительно будущей глобальной политики, таких как:

- Какими будут сущностные характеристики будущей международной политической системы?
- Какими будут главные проблемы и источники противоречий, международной напряженности и конфликтов?
- Становится ли анахронизмом понятие национального самоопределения и национально-государственного суверенитета в мире разнообразных и взаимно переплетающихся субъектов мировой политики и центров власти?
- Становится ли анахронизмом само понятие национального государства?
- Каковы главные действующие лица на мировой арене?
- Каковы основные параметры формирующейся полицентрической международно-политической системы?
- Какое содержание вкладывается в понятия «права человека», «права и свободы гражданина»?
- Как должна регулироваться деятельность организаций и ассоциаций, пересекающих национальные границы?

Очевидно, что все эти вопросы и возможные ответы на них теснейшим образом связаны и оказывают непосредственное влияние друг на друга. Поэтому естественно, что происходящие в мире трансформационные процессы требуют комплексного исследования всего многообразия глобальных проблем. Это вполне объяснимо, если учесть, что эти процессы затрагивают фундаментальные аспекты бытия стран, народов, союзов, человечества в целом.

В ситуации все более усиливающейся динамики мировых процессов, неопределенности, непредсказуемости, неустойчивости, фрагментации мирового сообщества, сжатия пространства и беспрецедентного ускорения времени аналитики различных направлений пытаются сформулировать новые подходы к этим процессам. Появились новые, теснейшим образом связанные между собой научно-аналитические направления, получившие названия мироведение (World Studies) и глобалистика (Global Studies).

Наряду с ними в сфере изучения характера и основных сфер и направлений взаимоотношений между государствами, народами, регионами все более растущее распространение получает понятие «геополитика». Остро ощутима потребность в восполнении недостатка геополитических знаний, столь необходимых для понимания реальностей современного мира. Уместно напомнить, что основные принципы и предмет старой геополитики были сформулированы в рамках популярного в конце XIX в. географического детерминизма. Там префикс *geo-* в самом понятии означал именно изучение географического, пространственно-территориального фактора в международной политике и детерминации поведения государств на международной арене.

Наблюдающийся ныне всплеск интереса к адептам старой геополитики — это во многом плод недоразумения, поскольку большинство выдвигавшихся ими идей устарели или не соответствовали мировым реальностям уже в момент их появления. Многие из выдвигавшихся в тот период идей не блещут особой оригинальностью и, в сущности, вкладываются в рамки схемы, сформулированной основателем географического детерминизма германским географом Ф. Ратцелем.

Важно учесть и то, что старая геополитика была разработана в период господства евроцентристского мира и в его интересах. Еще одна ее особенность состоит в том, что она базировалась на инфраструктуре Вестфальской системы международных отношений, которая, впрочем, тоже сформировалась и действовала в рамках евроцентристского мира. В настоящее время мировые реальности изменились настолько кардинально, что их просто невозможно анализировать методами, разработанными в реальностях другой эпохи.

Следует признать, что геополитика как дисциплина, в центре внимания которой находятся основополагающие проблемы современного мирового сообщества, не может абстрагироваться от проблем территории, месторасположения и географии конкретной страны или народа. Но этот аспект необходимо анализировать в контексте происшедших на мировой арене качественных трансформаций, которые требуют смены как приоритетов, так и методов, средств, понятий и категорий исследования мировых реальностей и обуславливают необходимость переосмысления и нового анализа закономерностей развития мирового сообщества

в условиях «закрытия» ойкумены и развертывания информационной или телекоммуникационной революции.

В целом, проблемы мирового сообщества и международных отношений составляют предмет исследования нескольких социальных и гуманитарных дисциплин, таких как политическая история, история дипломатии, социология, философия. Начиная с Платона и Аристотеля, представители различных философских и научных школ и направлений предпринимали попытки разработать систему понятий, категорий, принципов и норм, призванных обобщить, систематизировать и проанализировать огромный эмпирический материал, относящийся к данной сфере.

Например, значительный вклад в изучение системы международных отношений вносит историческая наука. Объектами ее исследований являются история внешней политики национальных государств, история дипломатии (с древнейших времен до наших дней), история международных отношений как единой системы и т.д. Вклад социологии в данном аспекте выразился в формировании самостоятельной области исследований, получившей название социологии международных отношений. Большое внимание данной проблеме уделяет правоведение. Оно включает в себя самостоятельный раздел «Международное право», занимающийся изучением правовых норм и принципов, регулирующих деятельность государств в системе международных отношений.

Геополитика занимает положение как бы в точке пересечения этих дисциплин. Ее можно рассматривать как самостоятельный раздел политической науки или как особую поддисциплину, занимающуюся изучением теоретических и практических проблем современного мира, разработкой основных категорий и понятий, закономерностей и тенденций развития мировой политики. В этом плане геополитика имеет свой предмет изучения, собственные методологические принципы, методы и приемы исследования.

2.5. Геополитика в реальностях глобализирующегося мира

Здесь главная проблема состоит в том, чтобы решительно отмежеваться от традиционного понимания геополити-

ки как дисциплины, призванной изучать исключительно или преимущественно пространственный аспект международных отношений. Необходимо отказаться от лежащего в основе этого подхода географического детерминизма, а также от трактовки данной науки как внешнеполитической стратегии, направленной преимущественно на экспансию и достижение гегемонии с помощью военно-силовой политики.

Естественно, география и месторасположение имеют немаловажное значение для исторических судеб и перспектив любого государства. Они создают определенные параметры при решении им не только многочисленных экономических и внутривнутриполитических, но также основополагающих внешнеполитических задач. Однако научно-технический прогресс второй половины XX в. привнес качественную модификацию самих географических факторов функционирования и развития обществ. При этом не совсем корректным представляется то, что нередко понятия «пространство» и «территория» используются как синонимы.

Дело в том, что в современном мире реальное значение приобретают различные *формы* пространства. Наряду с *территориальным, акваторией и воздушным* пространствами, обладающими четко осязаемыми физико-географическими характеристиками, можно говорить о пространствах *экономическом, культурно-цивилизационном, информационном, экологическом* и т.д. Они оказывают влияние как на характер и направленность мировых процессов, так и на политическую стратегию каждого отдельно взятого государства и мирового сообщества.

Глобальные средства массовой информации, особенно Интернет, существенно сокращают значение традиционных промежуточных институтов и субъектов во всех важнейших сферах жизни людей. В этой связи интерес представляет тот факт, что имеют место процессы глобализации не только по горизонтали, но и по вертикали: интеграции и конвергенции. По горизонтали имеет место интеграция на основе каких-либо общих оснований, например, рыночной экономики, свободной конкуренции, новейших информационных, телекоммуникационных и иных технологий и т.д.

Конвергенция по вертикали предполагает единение на основе синтеза важнейших социокультурных, этнонациональных, духовных и иных составляющих различных стран, народов, регионов. Здесь имеется в виду конверген-

ция экономики с политикой, политики с экономикой, а их, в свою очередь, с социальной и культурной сферами. Происходит политизация экономики, экономизация политики, социализация политики и экономики, причем все данные дисциплины во все более растущей степени пронизываются экологическим началом.

Культура становится инструментом дальнейшего распространения и утверждения во всех уголках земного шара политических институтов, ценностей, установок. Для культуры, в свою очередь, политика играет аналогичную роль. Демографические и миграционные процессы способствуют изменению этнонациональной картины мира. В этом смысле комплекс происходящих в мировом масштабе процессов и явлений, как будет показано в соответствующих главах, можно рассматривать как двуединый процесс частичной вестернизации Востока в экономической и технологической сферах и ориентализации Запада в социокультурной, конфессиональной, демографической и иных сферах.

Важно учесть и то, что в определении реального статуса того или иного государства увеличивается значение полицентричности миропорядка, многофакторности и динамичности происходящих в нем процессов. Как будет показано ниже, в силу беспрецедентного ускорения времени и сжатия пространства темпы происходящих изменений настолько высоки, что сама реальность становится эфемерной. Она все время как бы уходит, ускользает от нас, выходит за пределы возможностей исследователя «поймать», ощутить, сколь-нибудь объективно проанализировать, изучить ее, без чего просто невозможно принимать решения, соответствующие этим изменениям.

В результате сегодня многие традиционные методы анализа и теоретические подходы к мировым реальностям в значительной степени потеряли свои познавательные потенции. «Из-за быстроты, с которой грядущий век обрушился на нас, — не без оснований писал Э. Ласло, — наше поколение просто не успело выработать адекватную логику, ценности и практические навыки. В основном мы пытаемся приспособиться к условиям наступающего XXI в., обладая мышлением и навыками индустриальной системы XX в.»¹.

Назрела императивная необходимость поиска новых ответов на новые вопросы, выдвигаемые на первый план со-

¹ Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/laslo1.htm>.

временными реальностями. Это предполагает радикальный пересмотр фундаментальных методологических принципов изучения мира. Теряет смысл анализировать современные явления методологией и инструментарием отдельно взятой научной дисциплины. Более того, недостаточен также традиционный междисциплинарный подход, который строится на заимствовании, например, историками отдельных методов и приемов исследования других социальных и гуманитарных дисциплин, например, социологии, политологии, социальной психологии и т.д.

Современные реальности можно адекватно анализировать и изучать лишь в рамках подхода, который можно назвать *трансдисциплинарным*. Этот подход предполагает, выйдя за пределы конкретной научной дисциплины, как бы стать над постигаемой реальностью для ее изучения во всей совокупности, с охватом всех важнейших ее составляющих, которые невозможно объективно анализировать по отдельности, в отрыве друг от друга.

Здесь в первую очередь предлагается по-новому интерпретировать префикс *geo-* в понятии «геополитика». Необходимо рассматривать его как показатель не картографического измерения международно-политических реальностей, а понимания мирового сообщества в виде единой «завершенной» системы в масштабах всей планеты. Или, иначе говоря, данный префикс означает не просто географический или пространственно-территориальный аспект в политике того или иного государства или группы государств, а масштабы, параметры и измерения, правила и нормы поведения как мирового сообщества в целом, так и отдельных государств, союзов, блоков в общемировом контексте.

Понимаемая так геополитика призвана исследовать процессы и принципы развития государств, регионов и мира в целом, изучить, как, с помощью каких механизмов и на основе каких принципов они живут и функционируют. Ее можно рассматривать как дисциплину, изучающую основополагающие структуры и субъекты, глобальные или стратегические направления, важнейшие закономерности и принципы жизнедеятельности, функционирования и эволюции современного мирового сообщества.

Перед ней стоит весьма актуальная задача разработки новых парадигм, форм и методов исследования тех широко-масштабных изменений, которые за последние два-три десятилетия в буквальном смысле слова преобразили облик

мирового сообщества. Геополитика охватывает его проблемы в тех аспектах, которые касаются разработки, принятия и реализации политической стратегии основными действующими лицами, так называемыми *акторами* международной системы на глобальном, региональном и локальном уровнях.

Международные отношения представляют собой сферу общения и взаимодействия народов и стран на межгосударственном уровне. Среди важнейших вопросов, составляющих основное содержание международных отношений, можно назвать следующие:

- социально-экономические, национально-исторические, культурные факторы и закономерности, определяющие характер и формы международной жизни;
- место и роль национально-государственных интересов в формировании мировой политики;
- проблемы государственного суверенитета и национальной безопасности;
- источники и формы международных конфликтов и войн, пути их разрешения и предотвращения и т.д.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что международные отношения в их традиционном понимании в настоящих условиях не всегда и не в должной мере способны обеспечить приемлемое осознание современных геополитических реальностей. Здесь проблему не решает и введение якобы «новых» понятий (например, мировая политика), если кардинально не изменится сам подход к изучению мировых реальностей.

По-видимому, в настоящее время международные отношения составляют хотя и самостоятельный, но все же прикладной раздел геополитики. Их можно рассматривать как часть, хотя и важную, общего предмета исследования более широкой научной дисциплины в лице геополитики. Дело в том, что геополитика призвана изучать не просто международные отношения, традиционно понимаемые как отношения прежде всего между суверенными государствами — предполагается охват всего комплекса отношений между народами, регионами, культурами, историко-культурными кругами, конфессиями, национальными экономиками и т.д.

Причем такой охват включает не только территориально-географическое и государственно-центристское, но также экономическое, экологическое, демографическое, информа-

ционно-телекоммуникационное, социокультурное, профессиональное и иные измерения.

Все это свидетельствует о необходимости развития геополитики как одной из важнейших научных дисциплин, без которой невозможно понимание реальностей современного мира. Она необходима также в качестве теоретического источника практических геополитических знаний, требующихся представителям различных профессиональных и общественных кругов. Очевидно, что эти знания нужны прежде всего политикам, дипломатам, правоведам (как ученым и специалистам, так и представителям государственно-политических и деловых кругов) и, конечно, социологам, историкам, исследователям культуры. Но они во все большей мере требуются и всем остальным участникам политического процесса, т.е. каждому члену демократического гражданского общества и правового государства.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Когда в России начали формироваться геополитические идеи?
2. В чем сходство и различие в позициях между славянофилами и западниками?
3. Каковы важнейшие установки евразийцев?
4. В чем состоят сильные и слабые стороны их концепций?
5. В чем они усматривали историческую миссию России?
6. Дайте характеристику основных идей неоевразийцев и западников.
7. Чем определяется необходимость разработки новой геополитики?
8. Назовите ее основополагающие установки.

Глава 3. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ ТРАКТОВКИ

В истории человечества XX в. представляет собой одно из самых насыщенных широкомасштабными сдвигами, войнами, революциями, разного рода судьбоносными событиями и процессами столетие. Многие страны и народы, в начале века жившие в условиях аграрного или аграрно-промышленного строя, пройдя этап индустриализации, к концу века перешагнули в постиндустриальное и информационное общество и неузнаваемо изменились. На протяжении всего века завершался грандиозный процесс «закрытия» ойкумены на основе объединения ее в одно целое.

3.1. Важнейшие составляющие прогресса в XX веке

XX столетие, прошедшее под девизом идеи прогресса, стало временем стремительного взлета человеческого разума, выразившегося в таких величайших открытиях и технологических прорывах, как теория относительности, расщепление атома, освоение космоса, беспрецедентный прогресс в области сельскохозяйственного производства и т.д. Если начало века ознаменовалось завершением в ведущих странах развитого мира промышленной революции, то на его середину пришлось научно-техническая, а на последнюю четверть — информационно-телекоммуникационная революция.

В XX столетии шел неуклонный процесс дальнейшего распространения на новые страны и регионы рыночной экономики и либеральной демократии, признания все более растущим числом стран и народов принципов защиты прав человека и прав народов на самоопределение. Необходимо отметить также то, что в XX в. было сделано больше, чем за все другие эпохи для утверждения прав и свобод человека и гражданина. В то же время он явил наиболее чудовищные массовые их нарушения в реальной жизни.

Этот век стал свидетелем невиданного ранее роста благосостояния людей, но вместе с тем и невиданных ранее различий между нищетой и богатством. По имеющимся данным, за 1900—2000 гг. мировой совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) в постоянных ценах вырос в 19 раз. За тот же период численность населения земного шара увеличилась почти в четыре раза: с 1,6 млрд чел. в начале века до более 6,3 млрд чел. при его завершении.

Можно сказать, что, если оценить XX в. по шкале смены разных эпох истории человечества, то по богатству происшедших за это столетие событий и процессов, по широте и глубине трансформаций в нем поместилось бы несколько эпох человеческой истории.

XX столетие стало также временем торжества идеологии и национализма, под лозунгами которого распались сначала многонациональные, а затем и великие колониальные империи, а на их развалинах образовалось множество новых независимых государств. Оно вошло в историю как век двух самых опустошительных в истории человечества войн, унесших жизни многих десятков миллионов людей. Именно XX в. дал миру самые жестокие тиранические режимы — фашистский, нацистский и большевистский — с их Бухенвальдом, Освенцимом и ГУЛАГом и т.д. Беспрецедентные успехи научно-технического прогресса XX в. сделали возможным создание ядерного оружия и средств его доставки, ставшее угрозой существованию самого человечества.

Особенно разительные перемены произошли в последние два-три десятилетия, когда мы оказались свидетелями уникального стечения и переплетения гигантских по масштабам явлений и процессов. Каждое из них в отдельности можно было бы назвать эпохальным событием с точки зрения его последствий для всего мирового сообщества.

Но взятые в совокупности, они создали гигантское поле такого прямо-таки вселенского напряжения, что переживаемое нами время с полным основанием можно назвать *осевым* временем. Оно стало временем смены самих основ жизнеустройства народов, периодом перехода от привычного миропорядка к качественно новой инфраструктуре мироустройства.

Во-первых, в результате информационно-телекоммуникационной революции в промышленно развитой зоне мира *постиндустриальное* общество постепенно трансформируется в *информационное*.

Во-вторых, происходит совпавшая с этой революцией и стимулированная ею *смена социально-политической парадигмы*.

В-третьих, вместо евроцентристского мира, в котором доминирующие позиции занимали основополагающие параметры западной рационалистической цивилизации, возникает новая, *всепланетарная* цивилизация на началах органического сочетания единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, диверсификации и плюрализма центров, народов, культур, религий и т.д. — с другой.

В-четвертых, с распадом СССР и социалистического содружества закончилась эра двухполюсного миропорядка, основанного на инфраструктуре холодной войны. Распад СССР и вызванное этим падение Берлинской стены положили конец жесткому разделению мира на два противоположных лагеря. По времени эти события совпали с началом широкомасштабных качественных изменений не только в геостратегической структуре, сложившейся в послевоенные десятилетия, но и в самом евроцентристском (или, точнее, евроамериканоцентристском) миропорядке Нового и Новейшего времени.

Это сложная и особая проблема, требующая самостоятельного рассмотрения. Здесь отметим лишь то, что мы являемся свидетелями окончания, с одной стороны, евроцентристского миропорядка и, с другой стороны, двухполюсной конфигурации геополитических сил, построенной на инфраструктуре холодной войны. Можно сказать, что распад СССР стал одновременно и последним мощным стимулом, и следствием процессов и явлений, приведших к таким изменениям.

3.2. Основные трактовки глобализации

Наиболее зримым проявлением и показателем названных процессов и феноменов является *глобализация*. Основные тенденции последних двух-трех десятилетий убедительно свидетельствуют о том, что глобализация стала неопровержимой реальностью современного мира.

Естественно, там, где в качестве субъектов мировой политики выступают множество государств и негосударственных акторов, не может быть единого подхода в оценке общественно-политических феноменов и процессов, в том

числе глобализации. Поэтому естественно, что в трактовке данного понятия в научном сообществе нет единства. Одни рассматривают глобализацию как прогрессивное движение человечества к универсальному единению, другие же видят в ней целенаправленную политику насаждения во всем мире западно-центристских ценностей, установок и образа жизни, попытки проталкивания нового империализма и неокOLONиализма под гегемонией США. Более того, мы являемся свидетелями появления на авансцене мировой политики движения так называемого антиглобализма, приверженцы которого рассматривают глобализацию как результат чуть ли не заговора ряда наиболее индустриально развитых стран, стремящихся к мировому господству.

О разногласии по данному вопросу, в частности, свидетельствуют развернувшиеся почти во всех ведущих странах споры и дискуссии о хронологических рамках и сущностных характеристиках этого феномена. Так, одни авторы относят ее начало к 1800-м и даже 1500-м гг. Другие склонны связывать или даже отождествлять глобализацию с модернизацией. Так, например, М. Уотерс считает, что глобализация «совпадает с модернизацией по времени и, следовательно, длится с XVI в.»¹. Есть и такие авторы, которые идут настолько далеко, что утверждают, что «за четыре века до рождения Христа империя Александра уже представляла собой форму глобализации»².

Более соответствующей реальному положению вещей представляется точка зрения тех аналитиков, которые ведут начало этого процесса с конца 60-х гг. XX в. Показательно, что сам термин «глобализация» начал внедряться в политический и научный лексикон именно в это время. По мнению же Р. Робертсона, считающегося одним из инициаторов разработки теории глобализации, объектом научных исследований этот феномен стал лишь в середине 1980-х гг.

Большую роль в разработке теории глобализации сыграли Э. Гидденс, М. Уотерс, Р. Робертсон, Х. Хондкер и др. Определенный вклад в формирование концепций глобализации внес *миросистемный подход* И. Валлерстайна, для которого главным объектом анализа стал мир как единое

¹ Waters M. Globalization. London — New York, 1996. P. 4.

² Valaskakis K. Mondialization et gouvernance // Futuribles. 1998. № 230. P. 7.

целое, что предполагает выход за пределы странового и регионального подходов.

Обращает на себя внимание неоднозначная трактовка самого этого понятия. Нередко сами разработчики проблем и теории глобализма довольно смутно представляют себе, что именно под этим понятием подразумевается. Зачастую глобализацию трактуют в чисто экономическом смысле, понимая под ней формирование единой мировой экономики, не признающей национально-государственных границ. Некоторые авторы рассматривают ее как новую форму экономического и культурного империализма и нового колониализма, другие — как вестернизацию или американизацию.

По мнению Р. Робертсона, глобализация связана «с сжатием мира и интенсификацией мирового сознания как единого целого»¹. У. Андерсон определяет ее как «поток конвергирующих сил, которые создают подлинно единый мир»². Как считают некоторые авторы, глобализация предполагает детерриториализацию (*de-territorialization*) социальных и в особенности политических реальностей, что проявляется в размытии национальных границ и увеличении значения наднациональных начал³.

Подобных определений можно привести множество. Но все же давайте выясним, что именно понимается под глобализацией, но сначала попытаемся ответить на вопрос о хронологических рубежах глобализации.

3.3. Формирование и утверждение гегемонии евроцентристского мира

Как представляется, глобализация является феноменом последних четырех-пяти десятилетий, вызванным теми трансформациями, которые более подробно будут проанализированы в соответствующих разделах данной книги. Но отметим здесь тот очевидный факт, что она была бы невозможна без тех эпохальных событий и процессов, которые имели место на просторах всей планеты со времен Великих географических открытий и привели в конечном

¹ *Robertson R. Globalization. L., 1992. P. 8.*

² *Anderson W. All Connected Now. Life in the First Global Civilization. Westview Press, 2001. P. 1, 122–123.*

³ См.: *Waters M. Op. cit.*

счете к восхождению и утверждению евроцентристской цивилизации, или евроцентристского мира.

С точки зрения геополитического развития современного мира без преувеличения можно утверждать, что история Нового времени (особенно XIX в.) — это история распространения влияния и утверждения господства в пределах всей планеты Рах Еуроэана, или евроцентристского мира. Остальные народы, регионы и страны брались в расчет постольку, поскольку они были связаны с историей Запада.

Основные вехи и факторы формирования и утверждения господствующего положения евроцентристского мира, начавшегося в Новое время, подробно изучены в мировой политологической и геополитической литературе. Здесь представляется целесообразным в самой тезисной форме затронуть лишь те аспекты данной темы, которые так или иначе проливают свет на особенности и основные характеристики геополитического развития современного мира.

Новое время ознаменовалось уходом в прошлое европейской средневековой цивилизации и восхождением современной западной рационалистической цивилизации. Это период окончательного упадка и фактического исчезновения с политической карты Восточной Римской империи на Балканах и в Передней Азии, а также империи татаро-монголов на обширных просторах Евразии.

Эти события совпали с выдвижением на международно-политическую авансцену новых, динамично развивающихся акторов мировой политики в лице все более императивно заявлявших о себе национальных государств Запада. Речь идет о грандиозных социальных, национально-государственных, политических, парадигмальных и иных сдвигах и изменениях, в корне преобразивших бытийные основы существования западного человечества, которые привели к возникновению и утверждению новой системы миропонимания, перевернувшей все представления о человеке, обществе, государстве, их сущности и взаимоотношениях.

Любая цивилизация или мировая держава, продемонстрировавшая свою причастность к истории, самодостаточность и эффективность, неизменно обнаруживала тенденцию к пространственной экспансии. Пожалуй, этот принцип наиболее емко и лаконично сформулировал известный идеолог и практик Британской империи XIX в. С. Родс, который утверждал: «Расширение — это все». Этот тезис, как

считал О. Шпенглер, воплощает «подлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации»¹.

Цивилизация, ставшая мировой, или мировая держава первоначально возникала в определенном центре, для которого вся остальная ойкумена, населенная варварами в самом широком понимании этого слова, служила в качестве объекта экспансии и арены расширения жизненного пространства. Чтобы убедиться в обоснованности этого тезиса, достаточно обратиться к опыту древних греков и римлян, арабов, монголо-татар, оттоманцев, создавших великие империи путем территориальной экспансии.

Более того, такая пространственная экспансия, особенно в условиях экстенсивного роста экономики, представляла одну из главных форм самовоспроизводства, продления существования любой цивилизации, или мировой державы, доказательства ее причастности к истории. Поэтому естественно, что она неизбежно приобретала имперский характер. Можно с значительной долей уверенности утверждать, что империализм никогда не был монополией Европы или западного мира в целом, история империй так же стара, как и история человеческих цивилизаций.

Тем не менее в последние пять столетий инициатива в создании и экспансии наиболее эффективной и динамичной мировой цивилизации, отождествляемой с капитализмом, принадлежала европейцам, а затем Западу в целом. Обладая беспрецедентной динамичностью и экспансионизмом, он заложил основы объединения ойкумены в единое целое и нынешней глобализации всех сфер жизни современного мира.

Капитализм с самого начала представлял собой феномен интернациональный, поскольку капитал никогда не признавал и не признает национальных границ. Поэтому появление и развитие капитализма привели к фундаментальным изменениям в мировом развитии. Впервые в истории человечества он сделал возможным установление действительно глобальных взаимоотношений между различными государствами, регионами, народами. Капитализм проник в самые отдаленные уголки земного шара и привнес далеко идущие изменения в динамику и характер мировой экономики, образа жизни и миропонимания народов, научно-технологического прорыва и систем политического правления.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Петербург, 1923. Т. 1. С. 171.

В ходе эпохальных географических открытий европейские мореплаватели, неизмеримо расширив географические горизонты,несли свои ценности, традиции, обычаи, инструменты и орудия в Африку, Азию, Америку. По образному выражению Гегеля, мир для европейцев стал круглым¹. Тем самым был положен конец изолированности цивилизаций и культур и инициировано начало длительного периода европейского проникновения в неевропейский мир, начало евроцентристского мира — мира, управляемого Европой (а затем и Северной Америкой).

Казалось бы, после открытий Колумба и Васко да Гама Запад должен был бы представляться как один из регионов обширной ойкумены, но победу в силу известного комплекса факторов одержала евроцентристская точка отсчета истории и перспектив человечества. Именно эта точка отсчета лежала в основе рассуждений Гегеля, когда он говорил о завершении историей полного цикла на европейской авансцене. Как утверждал Гегель, всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа «есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало»².

Первоначально именно Европа, а затем Запад разрабатывали, осуществляли и диктовали магистральные направления, пути и средства мирового развития, постепенно вовлекая в свою орбиту все новые регионы, страны и народы. Европа дала современному миру передовую научную мысль и идеи гуманизма, великие географические открытия, положившие начало объединению всей ойкумены в единое целое, рыночную экономику, институты представительной демократии, традиции права, светское государство, основанное на принципах отделения церкви от государства, и т.д.

Англичане, французы, испанцы, голландцы, заселив гигантские просторы так называемых «свободных» земель Северной и Южной Америки, Австралии и Южной Африки, положили начало формированию новых наций и национальных государств европейского замеса. В итоге, в течение четырех столетий, следовавших за открытиями Х. Колумба и Васко да Гама, почти вся Азия и Африка были покорены западными странами. Путем завоевания огромных территорий двух континентов, их стран и народов были созданы великие многонациональные колониаль-

¹ См.: Гегель. Философия истории. М., 1990. С. 98.

² Там же.

ные империи, самой крупной из которых стала Британская, раскинувшаяся на громадных пространствах (от Гонконга на востоке до Канады на западе). Эти империи как бы узаконили господство Запада над всей ойкуменой. В итоге, на планете не осталось «ничейных», неосвоенных территорий. С этого времени началась борьба великих держав за передел уже поделенного мира.

С точки зрения объединения всей ойкумены в единое целое огромное значение имели открытие в 1869 г. Суэцкого канала, строительство гигантской по своей протяженности железной дороги от Берлина через Балканы, Босфор и дальше через всю Малую Азию, Мосул и Багдад до Персидского залива, завершение в 1914 г. строительства Панамского канала между Атлантическим и Тихим океанами и т.д.

Одним из результатов всех этих процессов стало формирование в XIX в. идеи превосходства Европы над другими регионами и европейскими народами над другими народами. Постепенно вырабатывались критерии передовой европейской цивилизации, противопоставляемой отсталым (якобы варварским) незападным обществам. Прогресс стал, в сущности, синонимом Европы. Не вызвала никаких сомнений сама мысль о том, что Европа должна вести весь остальной мир к благам цивилизации. Именно это имел в виду Р. Киплинг, когда провозгласил ставший знаменитым лозунг о бремене белого человека.

Можно сказать, что великие географические открытия и колониальные завоевания вызвали полную трансформацию самого ойкуменического облика (весь земной шар впервые за всю историю человечества стал единой ойкуменой) и геополитической карты планеты. Из сказанного вытекает вывод, что последние десятилетия XIX в. и первое десятилетие XX в. — это период, когда евроцентристский мир достиг своего апогея.

Постепенно частью мира, созданного европейцами, становились те регионы и территории, которые были заселены и освоены европейцами, вытеснившими либо физически уничтожившими местное население. Здесь имеются в виду прежде всего Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия, а также Южная Америка, где сформировались либо своеобразные дочерние, либо гибридные культуры и общества.

Первая мировая война показала, что эра господства Европы (*европейский век*) уступает место новому *атлантическому* веку — веку совместного господства Европы

и Северной Америки. Этому в определенной степени способствовало то, что стремительное развитие военных технологий, в частности появление авиации, постепенно уменьшало действенность фактора географической удаленности США от ведущих центров мировой политики.

Из Второй мировой войны США вышли могущественной экономической и военно-политической сверхдержавой, что уже само по себе сделало традиционную политику изоляционизма достоянием истории. Окончательно отказавшись от такой политики, Америка перешла к активному участию в мировых делах на глобальном уровне. Более того, она стала одним из полюсов образовавшегося сразу после Второй мировой войны глобального двухполюсного миропорядка.

В социально-экономическом плане главным содержанием рассматриваемого периода стало распространение капиталистических отношений и рыночной экономики из Европы и Северной Америки на все новые страны и регионы. Мировая капиталистическая система начала складываться как бы своеобразными волнами, что позволило исследователям выделить некие «эшелоны» в ее развитии. В политическую и научную лексику вошли понятия *центр* и *периферия*, которые были призваны обозначить различия между экономически развитыми и отсталыми в своем развитии странами и регионами.

Центр составляло небольшое число стран-лидеров: Великобритания, США, Франция, Германия, Скандинавские страны. Их переход на капиталистические рельсы начался раньше, чем в других странах. В ходе промышленной революции за сравнительно короткий по историческим меркам период они добились впечатляющих результатов. Периферией считались все остальные страны, которые встали на путь капитализма сравнительно поздно. Для них стал характерен так называемый *догоняющий* тип развития.

Круг этих стран, которые в той или иной форме и с теми или иными модификациями повторял и путь, пройденный странами центра, на протяжении XIX–XX вв. неизменно расширялся. Размежевание на центр и периферию в более или менее очерченной форме проявлялось в начальный период развертывания и осуществления промышленной революции.

Однако начиная с рубежа XIX и XX столетий такое жесткое разделение постепенно стало размываться. Хорошо

известны, например, случаи, когда периферийные страны, поздно вступившие на путь капиталистического развития, довольно быстро входили в число стран-лидеров, тем самым неизменно расширяя центр. К ним относятся прежде всего Швеция и Япония, которые уже в первой половине XX в. вошли в число стран-лидеров капиталистического мира.

Надо отметить, что данный период ознаменовался бурным развитием производительных сил, множеством научно-технических открытий и изобретений, сыгравших решающую роль в развитии как гражданских, так и военных отраслей экономики. Более того, эти открытия в буквальном смысле произвели переворот в военном деле. С ликвидацией остатков феодализма во все более растущем числе стран довольно быстрыми темпами утверждались капиталистические отношения. Определяющее значение с этой точки зрения имели формирование и утверждение рыночной экономики и принципов свободной торговли, гражданского общества и правового государства.

Значительно позже на путь капиталистической модернизации перешли государства Восточной и Южной Европы, которые в силу национально-культурных и исторических традиций медленно изживали феодальные, патриархальные, клиентелистские и иные элементы политической культуры, существенно тормозившие развитие экономики и политической системы. Вплоть до 70—80-х гг. минувшего века в этих странах капитализм оказался не способен установить свою культурную и идейную гегемонию.

Поэтому неудивительно, что некоторые из этих стран, получившие более или менее мощный импульс для экономического развития только после Второй мировой войны (например, Италия), а в отдельных случаях даже в 70-х гг. (например, Испания), вошли в число стран-лидеров лишь в последние полтора-два десятилетия.

3.4. Превращение Востока в активный субъект мирового сообщества

Если раньше неевропейские народы осваивали европейские научно-технические, экономические, интеллектуальные и другие достижения пассивно, то в конце XIX — начале XX вв. начался новый этап их активного освоения.

Приоритет несомненно принадлежит Японии, которая в результате реставрации Мейдзи в 1868 г. встала на путь капиталистического развития, систематического насаждения у себя капиталистических институтов. Хотя эта страна вступила на путь капиталистического развития сравнительно позже, чем ведущие западные страны, она добилась быстрых успехов на поприще промышленного роста и военного строительства.

Это дало ей возможность перейти на путь внешней экспансии, захватив Корею и часть Китая. К концу XIX — началу XX вв. Япония стала одним из участников «концерта держав», конкурирующих на мировой арене за передел уже поделенного мира. Победа Японии в Русско-японской войне 1904—1905 гг. показала, что на Дальнем Востоке на мировую авансцену вышла новая военно-политическая держава, способная выступать в качестве реального субъекта международных отношений и на равных соперничать с традиционными военно-политическими державами. Атака 7 декабря 1941 г. на Перл-Харборе, невзирая на ее последствия для Японии, воочию продемонстрировала реальное начало конца евроцентристского мира и возникновение новой эпохи в мировой истории.

В конце XIX — первой половине XX вв. капиталистические отношения из метрополий постепенно начали распространяться на колониальные и зависимые страны. Уже в первые десятилетия XX в. возростала роль колоний и зависимых стран в качестве источников дешевого сырья и рынков сбыта промышленных товаров метрополий, а также поставщиков дешевой рабочей силы. Компании метрополий захватывали источники сырья: нефть, уголь, металлосодержащие руды, редкие металлы, фосфаты и другие богатства Азии и Африки постепенно переходили в их руки.

Следует отметить, что европейское, а затем и американское проникновение в Азию и Африку имело не только сугубо негативное значение. Несомненно, западные капиталовложения в экономику колониальных и зависимых стран преследовали главным образом цель их подчинения метрополиям и получение прибылей и сверхприбылей. В то же время одним из немаловажных результатов такой их деятельности стало стимулирование капиталистического развития колоний, появление здесь отдельных современных промышленных предприятий, создание многоукладной экономики и т.д.

Важным результатом вывоза западного капитала стало строительство железных дорог, портов, мостов, каналов, телеграфных и телефонных линий. С одной стороны, они приближали основные сельскохозяйственные и сырьевые регионы к промышленным центрам Запада, с другой стороны, облегчали проникновение западных промышленных товаров в глубинные районы Азии и Африки.

В то же время при всех возможных здесь оговорках они стимулировали, хотя и одностороннее, экономическое развитие целого ряда стран и регионов, способствовали их приобщению к научно-техническому прогрессу, приближению к мировым промышленным, научным и культурным центрам. Эти тенденции, в свою очередь, заложили основу тех процессов, которые в совокупности получили название «пробуждение Азии».

Особенность колониальной системы первой половины XX в. состояла в том, что она, по сути дела, охватила весь земной шар и стала главным структурным элементом мирового капиталистического хозяйства. Вся Азия (за исключением Японии) и другие колониальные и зависимые страны в течение первой половины XX в. оставались объектами господства в основном западных стран. Процесс их вхождения в мировое сообщество в качестве реальных субъектов общественно-исторического развития и международных отношений принял массовый, всепланетарный характер после Второй мировой войны и распада колониальных империй.

Усилился процесс размывания пространственно-географических границ между развитым центром и отсталой периферией. Более того, на протяжении послевоенного периода некоторым странам удалось преодолеть экономическую отсталость, а в 70—90-е гг., продемонстрировав чудеса экономического прорыва, осуществить стремительный рывок из аграрно-индустриальных обществ в постиндустриальное и информационное общество. Речь идет о так называемых новых индустриальных странах (НИС) Восточной и Южной Азии, таких как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия и др.

Таким образом, можно говорить, что действительный конец евроцентристского мира и утверждение единого мирового сообщества во всепланетарном масштабе произошли лишь после Второй мировой войны. С распадом колониальных империй на мировую авансцену в качестве равноправных активных акторов международных отношений вступили

ли новые страны и регионы, многие из которых в настоящее время обладают существенным весом и влиянием.

Надо отметить, что в течение всего послевоенного периода в мире происходил двуединый процесс, состоящий из двух мощных, но противоположных тенденций: центро-стремительных — или интеграционных — с одной стороны, и центробежных — дезинтеграционных или децентрали-стских — с другой. Его можно сравнить с двусторонним движением: в одном направлении идет процесс интернационализации и глобализации, а в другом — процесс децентрализации и автономизации.

С этой точки зрения вторую половину XX в. можно разделить на два крупных периода. Первый период охватывает примерно три десятилетия — со второй половины 40-х по середину 70-х гг. Для него характерно преобладание *центробежных* тенденций: распад колониальных империй и образование множества новых независимых государств. Превращение новых независимых государств в реальные субъекты мировых процессов закладывало основу для утверждения Востока в качестве равновеликой Западу несущей опоры мирового сообщества и тем самым создавало предпосылки для дальнейшей интенсификации интеграционных процессов.

В течение же второго периода, начавшегося примерно с конца 60-х — первой половины 70-х гг., наблюдается уже преобладание *центростремительных* тенденций. В результате экономического взлета так называемых новых индустриальных стран в Восточной и Юго-Восточной Азии экономическое и политическое развитие современного мира постепенно перестало быть асимметричным, однобоко евроцентристским. Приняв эстафету от Запада, Восток сам превратился в мощный генератор витальной энергии, способный активно влиять на положение дел и направления развития в западном мире.

Говоря о преобладании в этот период центростремительных тенденций, нельзя считать, что при этом полностью отсутствовали центробежные. Доказательством этому являются хотя бы события конца 80-х — начала 90-х гг., приведшие к распаду СССР, Восточного блока и Югославии и образованию множества новых независимых государств. Однако эти события и процессы, по сути дела, являющиеся во многом продолжением национально-освободительной борьбы в специфических формах в основном в пределах

социалистического содружества, не внесли каких-либо серьезных коррективов в дальнейшее единение и «заккрытие» мирового сообщества. Экономическая, технологическая, информационная глобализация, интернационализация и универсализация продолжали набирать темп.

Для интенсификации второй тенденции определяющее значение имели распад колониальных империй и образование множества новых независимых государств, что привело к радикальному изменению политической карты Азии и Африки. Многие из тех государств, которые раньше являлись лишь объектами политики великих держав, постепенно стали выступать в роли равноправных и активных субъектов мировой политики. Значительно увеличилось число независимых государств, признанных полноправными членами международного сообщества. Так, если Декларацию об образовании Организации Объединенных Наций в 1945 г. подписало всего лишь 51 государство, то ныне ее членами являются уже более 200 государств.

В результате мир перестает быть преимущественно еврозападоцентристским. К концу столетия в условиях развертывания информационной и телекоммуникационной революции этот процесс беспрецедентно ускорился. Восток и Запад стали равновеликими несущими конструкциями единого мирового сообщества. С этого момента мы вправе говорить о глобализации в собственном понимании этого слова. Завершился переход от европейской истории или, точнее говоря, от истории Запада (евросевероамериканского мира) к единой всемирной истории.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите основные достижения человечества в XX в.
2. Можно ли назвать переживаемый нами период «осевым временем», если да, то почему?
3. Какие вы можете назвать трактовки глобализации?
4. Назовите основные вехи и факторы утверждения гегемонии евроцентристского мира.
5. Почему в западной общественно-политической мысли взяла верх евроцентристская точка отсчета?
6. Каковы особенности превращения Востока в активный субъект мирового сообщества?
7. Когда именно произошел действительный конец евроцентристского мира?
8. Что имеется в виду, когда мы говорим о переходе от европейской к единой всемирной истории?

Глава 4. СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В предыдущей главе были обозначены общие тенденции, в совокупности составившие основы глобализации современного мира. Но возникает вопрос, что именно понимается под глобализацией? Глобализация и усиление взаимозависимости национальных экономик неодинаково сказываются на отдельных государствах и народах, обладающих разными экономическими потенциалами. В значительно большей степени от нее выигрывают развитые страны, перед которыми открываются более широкие возможности для расширения масштабов и границ своей экономической деятельности. Некоторые наиболее развитые государства прилагают усилия к тому, чтобы направить основные векторы процессов глобализации в свою пользу. В то же время для менее развитых стран она наряду с новыми возможностями порождает новые трудноразрешимые проблемы, создающие преграды для проталкивания своих товаров на мировые рынки.

Поэтому говорят о некоей «неолиберальной», «американской», «европейской» или иной глобализации.

4.1. Что понимается под глобализацией?

При всем том глобализация — это объективный процесс, такой же, как процесс становления феодализма, капитализма и иных общественно-исторических феноменов. Это результат глубинных сдвигов в самой инфраструктуре основных направлений и тенденций социально-экономического, информационно-телекоммуникационного, экологического, демографического, социокультурного, политического, мировоззренческого и др. развития современного мира.

Ее суть и неизбежность в конечном счете не зависят от воли, интересов, симпатий или антипатий носителей

тех или иных идеологических, идейно-политических, мировоззренческих и иных ценностей, принципов, установок, от воли, целей и интересов тех или иных социально-политических сил, группировок, государств и т.д. Они могут лишь тормозить, ускорять, в той или иной степени изменять какие-нибудь ее аспекты и векторы развития, преследовать цель поставить ее на службу своих интересов и т.д. Но они не способны отменить реальность этого феномена, составляющую основополагающую доминанту развития современного мира.

Глобализация и связанные с ней феномены и процессы ведут к глубинной трансформации самих бытийных основ жизни, мировидения, парадигмально-мировоззренческих составляющих современного мира. В этом смысле ее главное предназначение состоит в формировании инфраструктуры нового полицентрического мироустройства. Поэтому нет и не может быть какой бы то ни было «неолиберальной» или же «неоконсервативной», «марксистской», «американской», «европейской» или какой-либо иной глобализации. Можно говорить лишь о соответствующих этим понятиям трактовках глобализации.

В создании этой инфраструктуры, что бы ни говорили о некоем однополярном, биполярном или триполярном и т.д. миропорядках, участвуют все главные акторы мировой политики. В силу этого главным вектором глобализации в конечном счете станет некая медианная линия, образующаяся в результате взаимодействия, взаимного столкновения интересов пяти-семи главных центров.

Глобальными следует считать, прежде всего, те проблемы, которые затрагивают не какого-то конкретного человека, не какую-то группу людей, даже отдельно взятую страну или группу стран, а те, которые затрагивают жизненные интересы большинства, если не всего человечества. Глобализацию можно характеризовать как:

- всеобщность таких универсальных процессов, как технологическая трансформация;
- все более возрастающую взаимозависимость, вызванную средствами массовой коммуникации, торговлей и потоками капиталов;
- гомогенизацию и стандартизацию производства и потребления;
- расширение и углубление взаимосвязей различных национальных институтов, культур, стилей жизни и т.д.

Иначе говоря, те или иные феномены и процессы, возникающие в какой-либо части современного мира, рано или поздно приобретают глобальный, общечеловеческий смысл. Речь идет, например, о СПИДе, курином гриппе, наркобизнесе, терроризме и т.д. Таким образом, любое локальное событие может так или иначе приобрести мировую значимость и, наоборот, любое мировое событие способно радикально изменить положение вещей в отдельно взятых регионах, странах, общинах и т.д.

Другими словами, глобализация предполагает, что множество социальных, экономических, культурных, политических и иных отношений и связей приобретают всемирный характер. В то же время она подразумевает возрастание уровня взаимодействия как в пределах отдельных государств, так и между государствами. Новым для современных процессов глобализации является распространение социальных связей на такие сферы деятельности, как технологическая, информационно-телекоммуникационная, организационная, административная, правовая и др.

Причем если раньше развитие взаимосвязей между народами и странами протекало в форме экспансии Европы, а затем Запада в целом, то ныне эти процессы в той или иной степени охватили весь земной шар. Вся ойкумена превратилась как бы в закрытую, завершенную и взаимосвязанную целостность, в единое силовое поле, отдельные части которого могут быть поняты лишь в их связи друг с другом.

Проследивая эти тенденции, еще в самом начале XX в. известный в тот период геополитик Г. Дж. Маккиндер полагал, что начиная с сегодняшнего дня и впредь «в постколумбову эпоху нам придется иметь дело с замкнутой политической системой... Всякий взрыв общественных сил вместо того, чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, отзовется громким эхом на противоположной стороне земного шара, так что в итоге разрушению подвергнутся любые слабые элементы в политическом и экономическом организме Земли»¹. По-видимому, формулируя этот тезис, Маккиндер в полной мере не подозревал, насколько широкомасштабный и интенсивный характер приобретут подмеченные им тенден-

¹ Маккиндер Г. Географическая ось истории // Классика геополитики. XX век. М., 2003. С. 10.

ции, которые на протяжении всего XX в. по экспоненте набирали обороты.

Особенность современного этапа мирового развития состоит в том, что процесс изменений и сдвигов наряду со сферой экономики глубоко затронул политическую, социокультурную и духовную сферы, сферы экологии, эпидемиологии и т.д. Весь мир в целом и отдельные регионы в частности стали в беспрецедентной степени изменчивыми и динамичными. Соответственно, на международной арене народы и государства сталкивались с более неустойчивыми, неопределенными и непредсказуемыми проблемами, чем в любой из прежних исторических периодов. Создалось новое положение, характеризующееся несоответствием традиционных идейно-политических установок и ориентаций реальным проблемам современности.

Происходящие глубокие изменения в геополитических структурах мирового сообщества и трансформации социально-политических систем дают основание говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу развития. По-видимому, сейчас начинается этап формирования некоего нового типа мирового сообщества *всепланетарного* масштаба. Оно будет отличаться от общества, в котором наше поколение родилось и выросло в такой же (а может быть, еще в большей) степени, в какой оно отличалось от того, которое существовало с периода возникновения капитализма вплоть до середины минувшего века.

Интенсификация этих процессов способствовала расширению функций и сфер ответственности национального государства, с одной стороны, и эрозии его возможностей эффективно справляться с предъявляемыми к нему требованиями, с другой стороны. Товары, капиталы, люди, знания, культура, так же как и преступность, наркотики, оружие и т.д., стали легко пересекать государственно-территориальные границы. Таким образом, наблюдается все более четко проявляющаяся тенденция к возрастанию трансграничных экономических, политических, социальных и культурных связей.

Благодаря этому государственно-территориальные границы становятся все более прозрачными или, как говорят, транспарентными. Во многих областях границы между международной и внутривострановой сферами подвергаются всевозрастающей эрозии. В некоторых сферах, таких как

международный капитал, потоки информации, государства либо вообще теряют контроль, либо вынуждены расходовать огромные ресурсы для его сохранения.

При таком положении вещей орудиями прогресса могут стать не только войны и конфликты в традиционном понимании, но и противоречия и конкурентная борьба на стези научно-технологического прогресса, который одних может сделать хозяевами жизни, а других — вытолкнуть на ее обочину. Возможно, прав З. Бауман, который считает, что «глобализация приводит к перераспределению привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости. Для одних она предоставляет свободу выбора, а для других выглядит неизбежным ударом судьбы»¹.

Для правильного понимания рассматриваемой проблематики нельзя не затронуть следующий весьма важный вопрос. Сейчас много говорят о так называемой «макдональдизации», или гомогенизации культур, которая происходит под флагом модернизации, вестернизации, европеизации, американизации и т.д. В действительности же ни о какой гомогенизации, единении культур не может быть и речи. Дело в том, что информационные технологии способствуют, с одной стороны, интенсификации межкультурных взаимодействий, с другой стороны, дальнейшей диверсификации культур, что противоречит доводам относительно поглощения разнообразных культур некоей универсальной «глобальной культурой». Не случайно ныне много говорят о «возврате в Азию» Японии, «реиндуизации» Индии, «реисламизации» Ближнего Востока и т.д. и даже о «девестернизации» всего Востока, понимаемого в самом широком смысле слова.

В этом плане можно согласиться с упомянутым выше З. Бауманом, по мнению которого интеграция и фрагментация, глобализация и «территоризация» мира взаимосвязаны и являются разными сторонами единого процесса. Поэтому он считает уместным применение термина «глокализация», под которым понимается процесс, объединяющий воедино тенденции глобализации и локализации².

При всей верности такой постановки вопроса нельзя не признать того очевидного факта, что размываются так

¹ *Bauman Z. Glokalizacja, czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja // Studia socjol. 1997. № 3. P. 62.*

² См.: *Ibid.*

называемые разломы цивилизаций, цивилизации переходят друг в друга, что на Западе становится много Востока, а на Востоке — много Запада.

Элементы общемирового масштаба сосуществуют с такими фрагментированными элементами, как этнонациональные общности и культуры, кланы, корпорации, классы и т.д. Новые элементы глобального масштаба не заменяют, а дополняют вторые. Глобализация не ведет к полному разрушению традиционных составляющих современного мира, не элиминирует связи между ними и новыми структурами, а модифицирует и в какой-то степени скрепляет ранее разъединенные элементы единого и взаимосвязанного мира.

Можно сказать, что мы переживаем неопределенный период между старой и новой системами, в течение которого факторы каждой из этих систем взаимно проникают и конкурируют друг с другом, в итоге приводя к изменениям в глобальном порядке. Здесь мы сталкиваемся с взаимодействием широкого круга факторов: геостратегических, демографических, политических, экономических, социальных, технологических, организационных и др.

4.2. Регионализация как важнейшая составляющая глобализации

Можно сказать, что процессы глобализации происходят на фоне *регионализации* — появления новых и укрепления уже существующих региональных объединений. Прослеживается все более четко выраженная динамика к превращению регионализма в общемировую тенденцию, в контексте которой регионы начинают играть все более растущую роль в жизни различных стран и народов, а также в общемировых процессах в целом.

После Второй мировой войны по всему земному шару была создана широкая сеть региональных организаций, нацеленных прежде всего на экономическую и в меньшей мере на политическую интеграцию. В их числе можно назвать Европейское экономическое сообщество и около 30 других интеграционных групп и зон свободной торговли, региональных банков и т.д., а также преимущественно политические группировки, такие как Организация американских государств (ОАГ), Организация африканского единства

(ОАЕ). Из них самой успешной организацией стало Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), преобразовавшееся в конечном счете в Европейский союз.

Особо выделяются попытки создания региональных объединений в развивающемся мире. Особенность таких объединений, возникших в 50–70-х гг., состояла в том, что они носили протекционистскую направленность и предусматривали создание обособленных от внешнего воздействия обширных экономических пространств. Естественно, они существенно отличались от западноевропейской модели региональной интеграции, практиковавшейся в развитом мире.

Так, западноевропейская модель базировалась на высоко развитых производительных силах, росте хозяйственной взаимозависимости стран региона и углублении международного разделения труда. Ее суть состояла в либерализации экономических отношений и торговли. Расширение и углубление конкуренции на внутреннем рынке региона становились дальнейшим стимулом для разработки и внедрения новых технологий, повышения эффективности производства и ускорения экономического роста всех стран-участниц.

Что касается интеграционных моделей развивающихся стран, то здесь отсутствовал такой основополагающий фактор, как взаимозависимость и взаимодополняемость национальных экономик. Главная их цель состояла в преодолении низкого уровня развития производительных сил и противостоянии проникновению иностранных товаров. Здесь интеграция являлась не итогом интернационализации, а средством ее стимулирования. Эти принципы, по сути дела, вели к отчуждению стран третьего мира от процесса экономического развития на путях интернационализации и глобализации.

Начиная с 80-х гг. регионализм вступил в иную стадию своего развития, получив название *нового* регионализма. Постепенно, особенно в 90-х гг., возникло множество региональных ассоциаций, таких как Ассоциация наций Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (1992), Объединенный рынок стран Южного конуса (МЕРКОСУР) (1992), Европейский союз (1993), Североамериканская ассоциация свободной торговли (НАФТА) (1994), Содружество независимых государств (СНГ) (1991). Принципы формирования этих организаций или ассоциаций существенно отличались

от принципов формирования тех, которые были созданы и функционировали в первые послевоенные десятилетия. Здесь определяющую роль сыграли прежде всего сугубо экономические факторы, а принимаемые политические решения стали производными от экономических проблем. Их главная цель, в отличие от большинства прежних объединений, ориентированных на установление протекционистских барьеров на пути наводнения национальных и региональных рынков зарубежными товарами и услугами, состояла в создании своего рода зон свободной торговли или либеральных внешнеторговых режимов.

Что же представляет собой феномен регионализма, или регионализации в контексте глобализации? С точки зрения проблемы глобализации феномен регионализации нельзя оценивать однозначно. Верно, что традиционно региональные режимы и организации зачастую играли позитивную роль в деле расширения сотрудничества между различными народами, культурами, государствами. Однако начиная с 80-х гг. усиление тенденций к регионализации вызвало у многих исследователей и аналитиков озабоченность относительно возможности ее отрицательных последствий для сотрудничества на всемирном уровне.

Действительно, существует реальная возможность того, что региональные блоки могут превратиться в своего рода крепости, защищенные таможенными, протекционистскими барьерами. Их функционирование в рамках глобальной системы может стимулировать и так очевидные процессы фрагментации формирующегося нового миропорядка. Существует, например, потенциальная возможность дезинтеграции глобальной торговой системы в торговые блоки, превращения региональных интеграционных групп или особых зон сотрудничества в новые формы соперничества и конфликтов. Усилия региональных организаций, направленные на разрешение конфликтов, чаще терпят неудачу хотя бы потому, что члены этих организаций связаны двусторонними отношениями с противоборствующими сторонами или же они располагают ограниченными ресурсами для вмешательства в сколько-нибудь широкомасштабные конфликты.

С исчезновением биполярности те или иные региональные державы могут усилить свои международные позиции, создавая региональные структуры, в рамках которых они будут пользоваться большим влиянием и станут способны

подчинить малые страны данного региона. Но в то же время регионализм может предоставить малым и слабым государствам шанс улучшить свои позиции в торге на глобальной политической арене.

Возможно и иное предназначение региональных образований, поскольку регионализация не всегда и не обязательно равнозначна какому-то дроблению и фрагментации. Напротив, как писал журнал «Орбис», концепция глобализации означает такой новый мировой порядок, который базируется не на государствах, а на регионах¹. Региональное сотрудничество может дополнить глобальное сотрудничество и стимулировать его.

В этом плане регионализм мог бы служить в качестве своеобразного моста между различными странами и глобальными процессами, облегчая дальнейшую интернационализацию и большую либерализацию в рамках региональных структур. По сравнению с глобальным уровнем региональные структуры более транспарентны и более знакомы с соседними с ними странами, народами и культурами. Более того, региональные структуры могут стимулировать различные формы сотрудничества между странами в разных регионах в таких областях, как борьба с бедностью, контроль над процессами миграции, развитие экономической и телекоммуникационной инфраструктур, защита окружающей среды, демилитаризация и т.д.

Потоки капиталов и технологическое сотрудничество более быстрыми темпами растут в рамках отдельных регионов, например, в Европе и Восточной Азии, нежели между разными регионами. В дополнение к этому некоторые денежные системы играют более важную роль в рамках конкретных регионов. Если в Европе это евро, то на Дальнем Востоке действует валютный блок, основанный на японской иене.

Одной из особенностей происходящих в мире трансформационных процессов является возникновение, с одной стороны, *макрорегионов*, таких как Европейский Союз, НАФТА, АСЕАН, СНГ с центром в лице Российской Федерации, МЕРКОСУР и др. С другой стороны, имеет место появление субнациональных регионов, или *микрорегионов*, пересекающих национальные границы.

¹ Orbis. Summer 1999. P. 455.

Микрорегионы — это, как правило, богатые регионы тех или иных стран, которые не желают быть дотационными регионами для отсталых регионов своих же стран. В Италии, например, это Ломбардия, в Испании — Каталония, в Германии — Баден-Вюртемберг, в Канаде — Онтарио. Показательно, что канадский Квебек является самым решительным сторонником свободной торговли в Северной Америке.

Прогресс в регионализации и глобализации, а также фрагментации существующих структур тесно связан со специфическими политическими и экономическими интересами стран и могущественных групп, таких как транснациональные корпорации. В этом отношении такие регионы, как Европейский Союз, играют демонстративную и самовоспроизводящую роль, всячески стимулируя интеграцию как часть своего институционального утверждения.

Жизнеспособность Европейского Союза обеспечивается во многом благодаря сохранению определенного баланса между коллективными и национальными интересами. Расширение Союза, увеличение числа его членов или мощи при определенных условиях может нарушить такой баланс, создавая угрозу интересам тех или иных стран-членов и развивая внутривнутриполитическую оппозицию в наднациональной политике.

Еще более туманны перспективы других организаций, таких, например, как ОАЕ и ОАГ. Им, по сути дела, до сих пор не удалось создать какие бы то ни было структуры безопасности. Во многих субрегионах развивающегося мира дело интеграционных группировок не продвинулось дальше ни к чему не обязывающих деклараций. При оценке этих реальностей следует учесть, что, когда число членов той или иной организации растет, другие члены этой организации зачастую начинают чувствовать себя не совсем комфортно в результате возросшего разброса идеологических и культурных интересов.

В целом, с определенными оговорками, можно сказать, что в глобальной системе изменения приобретают многие формы: регулярные и нерегулярные, определенные и неопределенные, предсказуемые и непредсказуемые, эволюционные и неравномерные, линейные и нелинейные, циклические и нециклические. Это вполне объяснимо, если учесть, что переход от одного мирового порядка к другому никогда не бывает гладким, однолинейным. Глобальная си-

стема включает процессы как прогресса, движения вперед, так и регресса, неопределенности и неустойчивости, оказывающие влияние почти на все стороны общественной жизни, на государства, группы государств, объединения, союзы, корпорации, международные организации и т.д.

4.3. Основные характеристики, принципы и установки антиглобалистского движения

Анализ процессов глобализации был бы неполным без самого краткого рассмотрения феномена *антиглобализма*. Эта тема вдоль и поперек освещена в отечественной научной и особенно публицистической литературе. Здесь представляется целесообразным в тезисной форме затронуть лишь некоторые идеи антиглобалистов, проливающие свет на природу самого феномена глобализации. К примеру, на состоявшемся в 2001 г. в бразильском городе Порту-Алегри Всемирном социальном форуме (ВСФ) они объявили своей целью борьбу против соглашений о свободной торговле, растущей свободы движения капитала в ущерб социальным и экологическим правам человека. По мнению участников форума, ВСФ должен стать своеобразным идейным антиподом Всемирного экономического форума, «обращенным к человеку, а не к капиталу», и «превратиться в место встречи мирового масштаба для неправительственных, общественных организаций, выражающих массовый социальный протест» под лозунгом «Другой мир возможен», в структуру, выступающую от имени «мирового гражданского общества»¹.

Среди антиглобалистов популярны лозунги борьбы против грабительской, по их мнению, политики транснациональных корпораций, вмешивающихся во внутренние дела государств. Для них характерно недовольство несправедливостью перераспределения доходов в мире по вине, как они считают, таких международных организаций, как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирная торговая организация (ВТО). Они выступают за ликвидацию всех долгов развивающихся стран, за обложение крупных финансистов такими налогами, которые позволили бы обе-

¹ World Social Forum charter of principals URL: www.forumsocialmundial.org.br//eng/2 cartas.asp.

спечить одинаковый уровень жизни во всех частях земного шара. Некоторые группировки выступают за так называемую мировую антирыночную революцию, призванную свергнуть мировую корпоративную власть и обеспечить равенство стандартов труда и оплаты для всех стран.

Как представляется, помимо всего прочего, действия антиглобалистов, во всяком случае части их, направлены на защиту своей национальной и культурной идентичности, неприкосновенности национального суверенитета. Чем дальше, тем ощутимее становится вакуум ответственности и ответственной власти, который в большей мере заметен не столько на национальном, сколько на глобальном уровне.

Мы сознаем, что происходят глубокие трансформации, но в должной мере не знаем, какова их истинная природа, к каким именно последствиям в конечном счете они приведут. Мы можем лишь оценить современную ситуацию в свете исторических тенденций, но не более того, что отнюдь не помогает поиску основных векторов мирового и национального развития. Новейшие процессы и тенденции трансформации мирового сообщества ставят перед нами множество вопросов относительно будущего мировой политики.

4.4. Глобализация как сложный и многоплановый феномен

Все изложенное свидетельствует о том, что глобализация представляет собой весьма сложный феномен, включающий в себя как общее, так и различия, как универсализм, так и партикуляризм, как единение всего мира, так и его фрагментацию. Поэтому представляется не случайным тот факт, что существенный вклад в формирование концепций глобализма внесли новые отрасли науки, особенно синергетика и диатропика, а также новейшие научные достижения в области информационно-телекоммуникационных технологий. Если синергетика обосновывает идею самоорганизующегося мира, то диатропика обосновывает разнообразие этого мира.

Глобальные средства массовой информации, особенно Интернет, существенно сокращают значение традиционных промежуточных институтов и субъектов во всех важнейших сферах жизни людей. Культура становится инструментом

дальнейшего распространения и утверждения во всех уголках земного шара политических институтов, ценностей, установок. Для культуры, в свою очередь, политика играет аналогичную роль. Демографические и миграционные процессы способствуют изменению этнонациональной картины мира. В этом смысле комплекс происходящих в мировом масштабе процессов и явлений, как будет показано в соответствующих главах, можно рассматривать как двуединый процесс частичной вестернизации Востока в экономической и технологической сферах и частичной ориентализации самого Запада в социокультурной, конфессиональной, демографической и иных сферах.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Почему мы вправе говорить, что глобализация представляет собой объективный процесс, не зависящий от воли и интересов тех или иных субъектов мировой политики?
2. Каковы сущностные характеристики глобализации?
3. Какие вы можете назвать важнейшие составляющие глобализации?
4. Какие именно сферы общественной жизни охватывают процессы глобализации?
5. Что вы понимаете под макдональдизацией культуры?
6. Как соотносятся между собой процессы глобализации, фрагментации и локализации?
7. Что вы понимаете под регионализацией?
8. Назовите основные причины антиглобалистского движения, его основные принципы и установки.

Глава 5. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Среди новейших факторов, оказывающих влияние на конфигурацию и характер международной политической системы, все более растущее значение приобретают развитие и внедрение во все сферы общественной жизни информационно-телекоммуникационных технологий. Эти факторы способствуют стремительному расширению и качественному изменению транснациональных связей, формированию новых форм поведения людей и коллективного принятия решений. Под их воздействием происходит сужение мирового пространства и беспрецедентное ускорение времени. Особо важное значение приобретает образование единого мирового информационно-телекоммуникационного пространства.

5.1. Формирование единого мирового пространства

Как правило, эпохи восхождения великих империй и политических объединений ассоциировались с крупными сокращениями транспортных издержек. Зависимость масштабов политической организации от транспорта отчасти объясняет, почему империи, крупные государства, цивилизации в древности возникали главным образом в бассейнах рек и по морским побережьям (Месопотамия и Древний Египет, Индия и Китай, Карфаген, Римская и Византийская империи).

Великие географические открытия имели беспрецедентные социально-экономические, политические, геополитические, психологические и иные последствия. В результате открытия и освоения новых торговых путей, новых стран и народов торговля приобрела мировой характер. Более того, Великие географические открытия стали прелюдией к проникновению в западный мир и его завоеванию за-

падным миром, переселению народов, формированию новых наций и государств, созданию европейских колониальных империй.

Существенные коррективы в этом направлении были внесены начавшейся промышленной революцией и развитием сухопутных коммуникаций, особенно железнодорожного транспорта в XIX в. Это дало возможность освоить огромные, зачастую ранее недоступные континентальные пространства. Именно железнодорожный транспорт в значительной степени способствовал возникновению таких сухопутных империй, как Германия, США, Россия.

Особо важное значение с точки зрения «закрытия» земного пространства имело строительство сначала Суэцкого, а несколько позже Панамского каналов. Если первый напрямую соединил Средиземное море с Тихим океаном, то второй многократно сократил путь из Атлантического океана в Тихий.

Покорив земные пространства и покрыв планету морскими, железными и автомобильными дорогами, люди устремились ввысь — покорять воздушное, а затем и космическое пространства. Появление авиации внесло существенные коррективы в геополитическую структуру мирового сообщества. Став эффективным средством преодоления физических препятствий в виде горных массивов, морей, океанов, рек и громадных пространств, авиация с военно-политической точки зрения во многом «размягчила», если не стерла, линию разграничения между морскими и сухопутными державами.

Появление наступательных ядерных вооружений и средств доставки в любую точку земного шара, по сути дела, элиминировало фактор неуязвимости той или иной страны в силу ее географической удаленности или изолированности акваторией океанов либо иной физической преградой. Атлантический и Тихий океаны перестали играть роль своеобразных гигантских естественных рвов, ограждающих США и все западное полушарие от опасностей военного вторжения со стороны стран Старого света.

Кардинально изменились соотношения между центром и периферией, хартлендом и римлендом, морскими и континентальными странами. Иначе говоря, сила проникновения современных технологий такова, что они делают несостоятельными почти любые барьеры, заграждения, стены, занавесы, границы.

Для последних двух-трех десятилетий характерны процессы дальнейшего стремительного развития коммуникационных артерий, вплоть до создания единой евразийской транспортной системы, призванной все теснее объединить Юг и Север, Восток и Запад континента. Ратификация Россией (вслед за Ираном и Индией) в марте 2002 г. подписанного в 2000 г. договора о создании международного транспортного коридора «Север—Юг» (далее — МТК «Север—Юг») положила начало формированию евроазиатского маршрута, проходящего в меридиональном направлении с Севера на Юг и обратно.

Предполагается создание транспортного коридора от Санкт-Петербурга до Астрахани, затем до иранских портов на Каспии, оттуда до портов Персидского залива и до индийских портов. Он призван связать в единую транспортную систему огромные пространства и ряд крупных регионов: Южную Азию, Средний Восток и Балтику. Таким образом создается возможность направить часть грузопотоков из Евросоюза в Южную Азию через территорию евразийских государств. На севере коридор может быть поддержан системой паромных маршрутов на Таллинн, Ригу, Калининград, Гамбург, Копенгаген, Стокгольм, Хельсинки. Так возникает единая паромная инфраструктура Балтийского моря.

В Казани МТК «Север—Юг» будет пересекаться с Транссибирской магистралью, что даст возможность стягивать грузы от промышленных центров Урала. Данный проект в случае его реализации может ускорить и расширить вовлеченность России и других постсоветских стран в систему мировой торговли, способствовать их интеграции в экономическое пространство южноазиатских рынков.

Разработан и осуществляется проект развития азиатской наземной транспортной инфраструктуры, который предусматривает строительство сети автодорог: Азиатской автомагистрали (Asian Highway) и трансазиатской железной дороги (Trans-Asian Railway). В одном из проектов по созданию так называемого Северного коридора авто- и железных дорог (от Корейского полуострова через Китай, Монголию, Казахстан и Белоруссию в Европу) принимает участие и Россия¹. Частью проекта, начатого в 1992 г. Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Ти-

¹ URL: <http://www.newmarkets.ru>.

хого океана, являются Каракорумское шоссе и автодороги Средней Азии.

31 сентября 2000 г. был введен в эксплуатацию туннель через перевалы Камчик и Резак, что дало возможность начать функционирование крупнейшей в Азии стратегической международной автомобильной магистрали Ташкент — Ош (Киргизия) — Кашгар (Китай) — Пекин — восточное побережье КНР. В октябре 2000 г. в Китае завершились работы по строительству железнодорожной линии Корла — Аксуу — Артуш — Кашгар, которую предполагается соединить со среднеазиатской магистралью через намеченную к строительству ветку Андижан — Балыкчи — Кара-Кече — Джалал-Абад — перевал Торугарт.

Иран планирует строительство судоходного канала Каспий — Персидский залив по трассе, которая пройдет по руслу реки Кызылузен на северо-западе страны до озера Урмия и далее до реки Шатт-эль-Араб в низовьях Тигра и Евфрата, где недалеко от места их впадения в Персидский залив расположены крупнейшие иранские порты Хорремшехр и Абадан. Реализация этого проекта призвана обеспечить кратчайший путь из бассейна Каспия в бассейн Индийского океана, минуя Босфор и Дарданеллы, тем самым гарантируя бесперебойное и экономичное поступление каспийской нефти в стремительно развивающиеся страны Восточной Азии.

В России предполагается использовать маршруты TRACECA и МТК «Север—Юг» с подключением Волго-Донского и Волго-Балтийского каналов для выхода судов смешанного плавания класса «река—море» из Каспийского в бассейны Черного, Средиземного и Балтийского морей. Это даст возможность в определенной степени «открыть» Каспийское море Мировому океану.

Таким образом, ныне все более сгущающиеся и удлиняющиеся сети железных, автомобильных дорог и водных путей, а также воздушные трассы, опоясавшие весь земной шар, все увеличивающиеся, беспрецедентные скорости которых не знают пределов, способствуют невиданному сокращению расстояний, ведущему в буквальном смысле слова к преодолению пространства. Все это дает основание говорить о формировании единой пространственной инфраструктуры мирового сообщества.

5.2. Формирование единого информационно-телекоммуникационного пространства

Вторая половина XX столетия характеризовалась дальнейшим ускорением и углублением научно-технического прогресса, его проникновением в новые сферы производства, превращением науки в непосредственную производительную силу. Революция в микроэлектронике, внедрение информационной и телекоммуникационной технологий, массовая компьютеризация способствовали созданию разветвленных электронных сетей связи во всемирном масштабе.

В комплексе с телевизионными, кабельными, спутниковыми средствами связи они привели к впечатляющим изменениям самого характера коммуникаций. Результатом их появления стали дальнейшее сжатие, уплотнение пространства, покорение пространства и времени, невиданное взаимное физическое сближение самых отдаленных народов, стран и культур. Причем новые глобальные системы коммуникации в значительной степени функционируют независимо от государственного контроля и в полной мере не поддаются политическому контролю. Охватывая социальную, политическую, экономическую, культурную и иные сферы деятельности по всему земному шару, они в буквальном смысле способствуют расширению горизонтов самых отсталых общин, коллективов, народов во всех уголках планеты. Они позволяют отдельно взятому человеку в самых отдаленных уголках земного шара как бы «преодолеть» географические барьеры, получить доступ к социальному или иному опыту других народов, который был для него в недавнем прошлом просто недостижим.

Тем самым новые системы коммуникации открывают людям иные формы видения мира, другие стили жизни, стереотипы поведения и т.д. Миллионы людей во всех уголках мира, сидя у телеэкранов, воочию могут увидеть происходящее за тысячи километров от своего села, города. Проникая в самые сокровенные области жизни каждого человека, они способны аннигилировать расстояния, территориальные границы и физические преграды для осуществления экономической, культурной, экологической, политической или иной деятельности.

Несомненно, это затрагивает местные, национальные и региональные обычаи, углубляет эрозию национальной

идентичности и приверженности местным, страновым, этническим, национальным началам. Все подобные процессы и феномены воспитывают у людей чувство принадлежности к глобальному сообществу.

Результатом этих трансформаций является культурная и информационная глобализация, которая способствует тому, что французский социолог С. Московичи назвал «глобализацией масс». «Разрыв социальных связей, быстрота передачи информации, непрерывная миграция населения, ускоренный и раздражающий ритм городской жизни, — писал Московичи, — создают и разрушают человеческие сообщества. Будучи разрозненными, они воссоздаются в форме непостоянных и разрастающихся толп». Связывая людей в громадные наднациональные сообщества с «гигантскими ядрами городов и рынками в миллионы человек, которых побуждают жить и потреблять однотипным образом»¹, глобализация в то же время проникает в самые сокровенные области частной жизни каждого.

Новейшие информационные и телекоммуникационные технологии представляют собой одно из главных средств трансформации юридически-правовых, организационных, экономических, политических структур, что в конечном счете ведет к изменению политических и государственных систем современности.

Данные технологии в буквальном смысле слова перевернули экономические, геоэкономические, военно-промышленные, политические и геополитические векторы и параметры развития современного мира. Именно развертывание информационно-телекоммуникационной революции привело к существенному ускорению процесса формирования глобального сообщества.

Одним из важнейших факторов, постепенно изменяющих облик современного мира, стало бурное развитие Интернета. Он дает возможность абонентам независимых компьютерных сетей легко связаться друг с другом, обмениваться необходимой информацией в любое время и в любом месте.

Именно эта способность и делает Интернет столь могущественным средством. Он стал незаменимым инструментом реализации многочисленных финансовых операций, ведения торговли разнообразными товарами, обмена научно-техническими достижениями и т.д.

¹ *Московичи С.* Век толп. М., 1996. С. 21.

Очевидно, что новейшие тенденции в социально-экономическом, технологическом и политическом развитии оказывают все более возрастающее влияние как на перспективы развития человечества в целом, так и на судьбу отдельно взятого человека, его место и роль в общественно-исторических процессах. Беспрецедентными темпами растет взаимозависимость людей, народов, стран, регионов, которая способствует завершению, или «закрытию» мира не только в территориально-пространственном, но и в других основополагающих аспектах. Таким образом, новейшие технологии вовлекают в свои сети все новые сферы и регионы, способствуют формированию инфраструктуры единого информационного пространства, способного объединить разноликий мир в одно целое. Это нечто вроде нового глобального, всепланетарного пространства—времени, в котором благодаря возможностям моментальной передачи информации на любые расстояния локальное становится всемирным, а всемирное локальным.

5.3. Проблема ускорения времени

Отвечая на вопрос, почему мир не был сотворен раньше, св. Августин утверждал, что никакого «раньше» вообще не могло быть, поскольку время было создано вместе с миром. К Богу, существующему вне времени, неприемлемы понятия «раньше» и «позже». Для него верно лишь вечное настоящее, в нем наличествует одновременно и прошлое, и настоящее, и будущее.

Все же мы знаем, что человек и его деяния, общество существуют во времени. Общественно-исторические феномены и процессы отмечены становлением, развитием и убыванием. Как сказано в Екклесиасте, «всему свое время, и время всякой вещи под небом»¹. Общественно-исторические феномены и процессы имеют не только пространственное, но и временное измерение. Существуют две ипостаси времени: циклическое время как последовательность повторяющихся событий (жизненных кругов), и линейное (историческое) время как однонаправленное поступательное необратимое движение. Линейно протекающая расчлененная длительность составляет неотъемлемое свойство жизни.

¹ Екклесиаст, 3.1.

Время — преходящее и вместе с тем вечное явление, оно выражает конечность и вечность одновременно. В этом смысле прав был Платон, который в «Тимее» утверждал, что время — это движущийся образ вечности¹. Чтобы совладать с безмерностью космического времени и быстротечностью людской жизни, человечество создало соответствующие символические структуры.

В отличие от космического, человеческое время связано с осознанием прошлого, настоящего и будущего. В этом смысле оно постигается как движение от прошлого к будущему через настоящее. Поэтому категория «пространство—время» в равной мере относится как к природному, так и к социально-историческому миру. При анализе общественных и политических феноменов уместны не только вопросы «что», «где», «как», но и не менее основополагающие вопросы «когда» и «насколько долго».

Первые попытки измерения времени путем его деления на определенные отрезки (единицы) восходят к древнейшему периоду истории человечества. Деление времени на часы, призванные фиксировать длительность, последовательность, темп, периодичность, было впервые введено древними египтянами, а затем и остальными древними цивилизациями. Каждая из них создавала собственное летосчисление или же заимствовала его у других. Например, как сообщает отец истории Геродот, греки заимствовали так называемый лунно-солнечный календарь у вавилонян. Этот же календарь был принят ассирийцами, а затем — персами и иудеями.

При всех последующих изменениях в календарях (как западных, так и восточных) вплоть до конца Средних веков в Европе и, по сути дела, до XX столетия в остальной части земного шара социальное и историческое время как бы пребывало в некоем застывшем, летаргическом состоянии. Казалось, что оно совпадает с геологическим временем и ничто не способно помешать его размеренному, неспешному ходу (разумеется, такая оценка корректна лишь как метафора).

В этом контексте идеалом служил так называемый «золотой век», который Овидий характеризовал как период, когда отсутствовали власть, письменные законы, суды, войны, общение с иноземцами, как состояние, которое не меняется, а пребывает в неподвижной вечности. Сенека полагал, что люди «золотого века», лежащего вне исторического

¹ См.: Платон. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 439—440.

времени, жили в блаженной неподвижности и, «еще не зная испорченности, следовали природе».

Постепенно римский *annus reperiens*, т.е. неиссякающий, вечно длящийся год, был оттеснен концепцией динамического поступательного времени и развития. Уже в образе двуликого Януса, обращенного лицами в прошлое и будущее, нераздельно слиты в единое целое само время и деятельное, миро-созидающее движение.

Разрешение загадки времени было сопряжено с раскрытием рокового значения слов «прошедшее», «настоящее» и «будущее» с их неумолимой необратимостью. Развитие представлений людей о времени, особенно в Новое и Новейшее время, привело в конечном счете к осознанию факта его необратимости.

В XIX в. сформировалась идея так называемой «стрелы времени», заключавшей в себе признание динамичности, необратимой направленности, неповторимости и энтропийности общественно-исторических феноменов и процессов. Время движется (если возможно так говорить) только в одну сторону — вперед, оно необратимо, ему нет пути назад. Это безусловный и сакраментальный закон жизни вообще и человеческого существования в частности.

И действительно, никаких круговоротов, никаких циклов, понимаемых как некий возврат к первоначальному состоянию, в мировой истории не было и не могло быть. История человечества движется в направлении стрелы времени, необратимо: то, что было один раз, больше никогда, во всяком случае в точности, не повторится. Ни человек, ни Бог не в состоянии отменить формулу «дважды четыре», или «перпендикуляр, опущенный с вершины прямоугольного треугольника, делит треугольник на две равные части».

Такое понимание времени в силу множества факторов стало более характерно для Запада, чем для Востока, так как на Западе развернулись и постоянно наращивали темпы динамические процессы формирования капитализма и определяющих его сущность индустриализации, урбанизации, ускорения научно-технического прогресса, утверждения научно-рационалистического миропонимания и т.д. Можно сказать, что сущностной характеристикой необратимого, направленного времени является движение, динамика.

Как показывает исторический опыт, каждая цивилизация (каждый культурный круг) имели собственные понимание и измерение времени. В наши дни сближение

и взаимопроникновение Запада и Востока, Севера и Юга, формирование единого мирового экономического, информационного, технологического, экологического, культурного и иных форм пространства постепенно отодвигают на задний план различные национальные или цивилизационные летоисчисления. Повсеместно принимается на вооружение, если не официально, то де-факто, григорианский календарь, который постепенно приобрел общемировой статус.

Хотя вследствие вращения Земли время суток в различных частях нашей планеты различно, для многих целей оказалось необходимо наличие единого, всепланетарного времени. Им стало время нулевого меридиана, проходящего через Гринвич в Англии, — Гринвичское всемирное (меридианное) время. В 1885 г. была введена и постепенно принята всеми странами система временных поясов.

Синхронизация минут и секунд обеспечивалась сначала посредством телеграфа, а в наше время — с помощью спутниковой связи. В развитии мировых процессов во все более растущей степени утверждается механизм синхронности. Электронные средства массовой информации, спутниковая связь, передовая телематика, обеспечивая практически мгновенную передачу информации во все уголки земного шара, создают ощущение одновременности и вездесущности.

С развертыванием технологической и промышленной революций, индустриализации и урбанизации, а затем научно-технической революции второй половины XX в. началось и интенсифицировалось беспрецедентное убыстрение исторического и социального времени. Перемены настолько грандиозны и стремительны, что прошлое и будущее как бы растворяются в настоящем. Настоящее быстро устаревает, время как бы теряет непрерывность, становится хаотическим чередованием не связанных между собой отрезков.

Вместе с учащением пульса планеты ускоряются темпы перемен во всех сферах жизни. Спутники, волоконно-оптические кабели, компьютеры и факсы способствуют экспоненциальному убыстрению и уплотнению потоков информации. Телекоммуникационные сети, соединившие между собой самые отдаленные точки земного шара, обеспечивая моментальную связь между ними, создали возможность преодоления времени.

В результате человек с помощью электронных средств массовой информации приобрел способность как бы пре-

бывать одновременно в разных местах и быть участником событий, происходящих далеко за пределами своего фактического физического присутствия. Произошло своеобразное выравнивание времени в различных точках планеты, в результате чего мы имеем пространственно-временное единство всего земного шара.

Революционные изменения происходят и в сфере языкового общения. В качестве средств мирового общения все большую значимость приобретают несколько ведущих языков, а английский язык в некоторых сферах (например, авиации) получает статус мирового языка.

Компьютерный язык, основанный на английском, становится средством универсального межнационального общения, особенно в деловом мире. Огромное значение имеют разработка и внедрение новейших средств машинного перевода, которые позволяют преодолеть языковые барьеры между представителями разных стран и народов.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что комплекс названных и связанных с ними других процессов и тенденций мирового развития способствовал формированию единого всемирного времени, характеризующегося беспрецедентной динамичностью, ускорением и сокращением. Вместе с теми процессами и тенденциями, которые были рассмотрены в первом разделе данной главы, сложилась пространственно-временная инфраструктура современного мира и нового миропорядка.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите узловые моменты и события на пути «закрытия» и сжатия мирового пространства.
2. Каковы основные направления и особенности территориально-пространственного единения мира?
3. Какие вы можете назвать реализованные и находящиеся на стадии реализации проекты строительства транспортных магистралей мирового и регионального масштаба?
4. Какое влияние они оказывают на различные сферы общественной жизни?
5. Что понимается под единым информационно-телекоммуникационным пространством?
6. Какое содержание вкладывается в понятие «глобализация масс»?
7. Чем отличается необратимое время от циклического времени?
8. Что такое «стрела времени»?
9. В чем состоит суть феномена ускорения времени?

Глава 6. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Существенную роль в определении облика и перспектив развития современного мира играют этнонациональный, конфессиональный, социокультурный, экологический и связанные с ними факторы. Их значимость в современных условиях определяется тем, что именно эти сферы плохо поддаются социальному и политическому управлению, при этом оказывая все более растущее влияние на всю общественную жизнь. Именно от состояния окружающей среды и демографического баланса как на национальном, так и на международном уровнях в значительной степени зависит характер взаимоотношений субъектов мирового сообщества.

6.1. Темпы роста численности населения земного шара в историческом разрезе

Английский священник Т. Мальтус, живший в XVIII в. и опубликовавший знаменитый труд «Опыт народонаселения», был убежден в том, что все тектонические сдвиги мировой истории объясняются изменениями в численности населения. Хотя целый ряд прогнозов, которых Мальтус обозначил в этом труде, не оправдались, тем не менее мы можем говорить о демографическом императиве применительно к судьбам человечества и миропорядка.

Раньше периоды роста и сокращения населения с почти предсказуемой точностью сменяли друг друга. Как бы ни менялась численность тех или иных народов и этносов во времени и пространстве, численность населения земного шара в целом увеличивалась очень медленно. Причем этот рост в течение длительных исторических периодов существенным

образом не отражался на демографической ситуации. Факторов же, регулирующих такое равновесие, было предостаточно: неурожай, голод, войны, многочисленные эпидемии и т.д. И лишь в XVIII в. были «взорваны границы невозможного» и «преодолен до той поры недоступный предел»¹.

С момента рождения Иисуса Христа понадобились 17 столетий для того, чтобы численность населения Земли удвоилась. Согласно имеющимся данным, население Западной Европы возросло с 14, 7 млн чел. в 600 г. до 22,6 млн чел. в 950 г. и достигло 54,4 млн чел. перед «черной смертью» 1348 г. По другим данным, рост численности населения всей Европы составил с 27 млн чел. в 700 г. до 42 млн в 1000 г. и до 73 млн в 1300 г. В период с VI по XIX вв. население этого континента ни разу не превышало 180 млн чел. За период с 1800 по 1914 гг., т.е. за столетие с небольшим, его численность достигла 460 млн.

Одновременно наблюдалась все более заметная тенденция ускорения темпов роста численности населения всего земного шара. В 1825 г. население планеты достигло 1 млрд чел. — для этого понадобилось несколько тысячелетий. К тому времени индустриализация и совершенствование медицины создали условия для роста населения значительно более быстрыми темпами. В результате за последующее столетие численность населения увеличилась в 2 раза, т.е. стала равной 2 млрд. Эта цифра, в свою очередь, удвоилась в последующие полвека (с 1925 по 1976 гг.), достигнув 4 млрд чел.² К 1990 г. население планеты составляло уже 5,3 млрд чел., увеличившись только за 15 лет на 1,5 млрд. К концу XX в. оно уже перевалило за 6 млрд чел.

Постоянно росла средняя продолжительность жизни людей, достигнув в самых развитых странах 75 лет, в то время как столетием раньше она не превышала 30—35 лет. Сегодня население Земли каждые 4—5 дней увеличивается на 1 млн чел. или, иначе говоря, ежедневный чистый прирост населения, определяемый как разница между числом родившихся и умерших, составляет 200—250 тыс. чел.

Эти факты свидетельствуют о том, что в ближайшей и особенно в дальней перспективе демографические сдвиги и возрастающая миграция станут важнейшими факторами, существенно влияющими на тенденции и направления развития мирового сообщества.

¹ Бродель Ф. Динамика капитализма. М., 1992. С. 15—16.

² См.: Sadik N. The State of the World Population. N. Y., 1990. P. 23.

6.2. Роль миграций в изменении демографического облика современного мира

Как об уже состоявшейся «перегрузке» отдельных стран и регионов свидетельствует возрастающая миграция значительных масс людей, которая становится одним из фундаментальных факторов всемирно-исторического значения.

Всю историю человечества сопровождали разбойные набеги, завоевательные походы, изгнания, высылки, депортации, взятие в плен, работорговля, колонизация. На тех или иных ее этапах в силу специфического стечения множества обстоятельств и факторов на первое место среди названных явлений выходила миграция людей с насиженных мест на новые, зачастую весьма отдаленные, территории или в другие регионы. Уже в древности и период Средневековья многие азиатские народы, снявшись с насиженных мест, преодолев огромные расстояния, мигрировали на Запад и ассимилировались с европейскими и ближневосточными народами. В некоторых случаях они составили основу некоторых государств, например Венгрии и Турции.

Особенно сильный толчок крупным миграциям народов дали Великие географические открытия XV—XVII вв., которые положили начало широкомасштабной европейской эмиграции Нового времени. Немаловажное значение имело то, что она развертывалась и набирала темп в контексте наметившегося, условно говоря, «закрытия» европейского пространства с точки зрения фактического исчерпания пределов и возможностей экстенсивного развития. Восхождение в XV—XVI вв. Российской и Османской империй постепенно закрыло для Европы путь экспансии на восток и юг. В западном же направлении она упиралась в бескрайние просторы Атлантического океана.

Все более остро ощущавшаяся нехватка обрабатываемых земель при ускорившихся темпах роста численности населения поставила перед ведущими европейскими странами вопрос о необходимости поиска новых путей самосохранения и дальнейшего развития. Одним из важнейших средств разрешения данной проблемы в силу комплекса причин являлось переселение огромных масс избыточного населения на новые земли, ассоциировавшиеся с другими континентами.

Помимо Северной Америки, излишнее население Европы устремлялось в Австралию, Новую Зеландию, Южную

Африку, чтобы заселить плодородные и богатые ресурсами земли. В результате завоевания, заселения и освоения в течение нескольких поколений европейцами этих земель были основаны новые нации и государства иммигрантов.

Особенность нынешних миграционных процессов состоит в том, что они вызваны перемещением капиталов, охватом рыночной экономикой все новых стран, народов и регионов, изменениями в средствах транспорта и коммуникаций и т.д. Но определяющее значение имеют характерные для современного мира тенденции к неуклонному росту численности населения в одной части земного шара и ее снижению в другой его части. По имеющимся данным, в период до 2025 г. на отстающие в экономическом и технологическом отношении страны придется 95 % общего роста численности населения планеты.

В рассматриваемом контексте немаловажный интерес представляют следующие цифры. На середину 1992 г. численность населения индустриально развитых стран составляла 1 млрд 224 млн чел. К 2010 г. она, по прогнозам, достигнет 1 млрд 333 млн чел., а к 2025 г. — 1 млрд 392 млн чел. При этом общая численность населения развивающихся стран, включая Китай, в середине 1992 г. составляла 4 млрд 196 млн чел. В 2010 г., как ожидается, она достигнет 5 млрд 781 млн чел., а в 2025 г. — 7 млрд 153 млн чел.

Согласно имеющимся данным, в 70-х гг. показатель суммарной фертильности (число детей на одну женщину фертильного возраста) для ФРГ составлял 1,35; Дании — 1,42; Нидерландов — 1,49; Швейцарии — 1,53; Австрии — 1,69; Норвегии — 1,71; Канады — 1,76; Великобритании — 1,82; США — 1,87; Франции — 1,94; Испании — 1,99. Очевидно, что во всех этих странах рождаемость находилась ниже уровня простого воспроизводства, который равен 2,1. Среди стран Европейского союза только Ирландия имела более высокий показатель. Эта ситуация не изменилась и в 80–90-е гг.

Одним словом, почти во всех странах Западной Европы, а также в США и Японии, коэффициенты фертильности опустились намного ниже уровня воспроизводства. По данным, которые приводятся в «Мировом экономическом обзоре», в настоящее время коэффициент фертильности превышает уровень воспроизводства только в трех из 23 богатейших стран мира. Если 50 лет назад население Европы составляло 22 % от общей численности населения,

то сегодня этот показатель сократился до 12 % (общая численность жителей европейских стран на начало 2003 г. составляла 814 млн чел.). В ближайшие 50 лет он может снизиться до 6,5 %.

Не менее важна проблема сокращения темпов роста средней продолжительности и старения населения индустриально развитых стран. Так, продолжительность жизни в развитом мире возросла с 70 лет в 1960 г. до 77 на сегодня и, по прогнозам, в 2025 г. достигнет 80 лет¹.

Согласно некоторым прогнозам, доля лиц старше 65 лет в общей численности населения развитых стран возрастет до 15,3 % к 2010 г. и до 22 % к 2040 г. По имеющимся данным, в 1925 г. средняя продолжительность жизни в Японии составляла 45 лет. На каждую женщину детородного возраста приходилось в среднем 5,1 детей. В настоящее время средняя продолжительность жизни японцев составляет 76 лет, а японок — 82 года. При этом средний уровень фертильности упал до 2,1.

Тенденция к росту среднего возраста жизни людей наблюдается также в развивающихся странах. Так, в результате сокращения рождаемости Мексика старится в пять раз быстрее, чем США. К 2030 г. в Иране будет больше стариков, чем детей. Утверждается, что к концу нынешнего столетия население большинства стран Африки возможно будет в среднем старше, чем сегодняшние европейцы².

Возвращаясь к проблеме миграций, важно учесть, что в прежние времена основные их потоки осуществлялись в еще открытом земном пространстве. Раньше основные потоки миграций шли в направлении из развитого мира в свободные, неосвоенные, малоосвоенные, слаборазвитые регионы земного шара. Теперь же эти потоки идут в обратном направлении (из менее развитых в более развитые регионы): из всех азиатских и африканских стран в Европу и Северную Америку, из Латинской Америки — в США, из стран СНГ — в Россию, из Китая — в индустриально развитые страны, Россию и страны Юго-Восточной Азии и т.д.

Иначе говоря, Европа из поставщика иммигрантов за океан превратилась в их потребителя. По имеющимся данным, в настоящее время один из каждых пяти француз-

¹ См.: Скидельский Р. Умирание Европы // Ведомости. 2004. 5 февр.

² См.: Лонгман Ф. Большой мир. Перспективы // Большой бизнес. 2004. Август.

ских граждан в той или иной мере имеет иностранное происхождение. В результате получается, что примерно 10 млн нынешних французов являются детьми или внуками иммигрантов. К ним нужно добавить еще 4 млн проживающих во Франции иностранцев.

Результатом этих процессов стало то, что в настоящее время в Лондоне проживают представители ста африканских и азиатских народов. Сходная ситуация характерна для Парижа, Варшавы, Мадрида, Стокгольма, Москвы, Санкт-Петербурга и т.д., куда устремляются все более увеличивающиеся потоки легальных и нелегальных иммигрантов со всей Азии и Африканского континента. В целом в настоящее время в Западной Европе живут более 20 млн легальных иммигрантов из других регионов.

Возникают также новые центры притяжения иммигрантов. Начиная с 90-х гг. в Японию приезжает ежегодно до 400 тыс. иностранных рабочих. В Латинской Америке это Аргентина, Венесуэла, Бразилия. Даже Мексика и Тунис столкнулись с наплывом иностранных работников, которые видят там больше перспектив, чем в своих родных странах. В странах Ближнего Востока и, прежде всего, Персидского залива сложилась уникальная демографическая ситуация, в которой в целом ряде стран иммигранты составляют большую часть рабочей силы: в Катаре они составляют 92 %, в Объединенных Арабских Эмиратах — 90 %, в Кувейте — 85 %, в Саудовской Аравии и Бахрейне — 40 %, в Омане — 34 %.

С конца 1980-х гг., особенно после распада советского блока, в водоворот международной миграции населения включились страны Восточной Европы и СНГ, в том числе Российская Федерация. Наметился противоположный поток миграции, протекающий с Запада на Восток: в Польшу, Чехию, Венгрию, которые вместе с Болгарией, Россией, Беларусью, Украиной становятся перекрестком транзитных путей мигрантов из Африки, Азии и Ближне-Среднего Востока.

В современном мире использование иностранной рабочей силы стало неременным условием нормального функционирования экономики. Показательно, что в середине 90-х гг. минувшего века доля иностранцев в общей численности жителей отдельных государств составляла: в Швейцарии — 18,9 %, в Бельгии — 9 %, в Германии — 8,8 %, в Нидерландах — 5 %.

Нельзя не отметить также вызванные научно-технической революцией (НТР) качественные изменения, которые в последние два десятилетия произошли в потоках миграции рабочей силы. Их суть заключается в значительном увеличении среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. Речь идет о так называемой «утечке мозгов». Показательно, что из десяти человек, получающих в Америке докторскую степень по естественным и инженерным наукам, как минимум один — выходец одной из трех стран Восточной Азии: КНР, Тайваня или Южной Кореи. Эта цифра значительно выше для представителей стран Восточной и Южной Европы, а также бывшего Советского Союза и России.

Таким образом, можно утверждать, что миграционные процессы охватили все континенты, весь мир и обрели поистине глобальный характер. Если учесть темпы роста населения, то нынешние масштабы миграции нельзя считать значительными. Можно сказать, что лишь малая часть потенциальных мигрантов покинула свои места и новое великое переселение народов еще впереди. Непрерывающиеся гражданские войны и разного рода конфликты территориального, этническо-трайбалистского, конфессионального характера, рост массовой безработицы и социального недовольства могут привести к многократному увеличению числа желающих покинуть родные места и ринуться туда, где их ждет мир и материальное благополучие.

6.3. Социальные, экономические и политические последствия изменения демографических реальностей в мире

Эти тенденции и процессы способны внести существенные коррективы в демографические, социальные, экономические и политические реалии индустриально развитого мира. Речь может идти прежде всего о постепенном изменении этнонационального, расового и конфессионального ландшафтов западного мира. За последние десятилетия, особенно в 90-е гг. минувшего и начале нынешнего столетия, такая тенденция особенно отчетливо обнаруживается в США, где с расширением иммиграции из азиатских, африканских и латиноамериканских стран беспрецедент-

но изменяется национальный состав населения. В итоге, если в 1950 г. «белое» ядро американской нации составляло около 90 % населения, то в середине 90-х гг. — 75 %, а по прогнозам на середину XXI в. его доля уменьшится до менее 50 %. Оценивая эти процессы, американская исследовательница Л. Миллер констатировала: «На исходе столетия Америка стала менее западной, менее белой и менее англосаксонской»¹.

В данной связи уместно привести отрывок из поэмы А. Блока «Скифы»:

*Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы!
С раскосыми и жадными очами!*

Можно ожидать, что, обзревая материальное благосостояние процветающих стран по телевидению, множество людей из «нас тьмы, и тьмы, и тьмы» в развивающихся странах, разочаровавшись в возможности улучшить свое положение, либо устремятся в поисках лучшей доли в дальние страны, либо предадутся фундаментализму, радикализму или иным формам политического и религиозного экстремизма.

При таком положении вещей перед белой частью человечества, которая господствовала над миром в течение примерно трехсот лет, встанет масса трудноразрешимых, если не неразрешимых проблем. Фактом является то, что в развитых странах миграции, независимо от вызвавших их причин, уже сейчас порождают разного рода социальные, культурные, языковые, этнические, конфессиональные и иные конфликты.

Растут опасения, что именно рост нелегальной иммиграции вызвал распространение таких старых и новых болезней, как холера, корь, СПИД, которые создают дополнительную нагрузку системе здравоохранения. Большие массы миграции способны вызвать, с одной стороны, так называемую демографическую агрессию, а с другой стороны, то, что Кинг и Шнейдер назвали «оборонительным расизмом». Именно названными тенденциями во многом объясняются успехи праворадикальных сил, выступающих под националистическими и расистскими лозунгами на выборах в отдельных странах Западной Европы.

¹ Miller L. The Clinton years: Reinventing US foreign policy? // International affairs. 1994. Vol. 70. № 4. P. 623.

Комментируя эти тенденции, многие исследователи говорят о деградации Запада, демографической mine замедленного действия, которая может иметь непредсказуемые негативные последствия для Запада.

По мнению, например, профессора Уорвикского университета Р. Скидельского, настоящая мина состоит в том, что «белые» — это очень небольшая и постоянно уменьшающаяся часть населения планеты. Если все пойдет, как сейчас, — и «белых», и их цивилизацию ждет вымирание¹.

Как отмечал еще в 1988 г. французский исследователь Ж. Эллюль, через 20 лет Запад окажется в таком же положении в мировом масштабе, как сегодня белое меньшинство в ЮАР перед лицом черного большинства².

Однако при всей серьезности и в каких-то аспектах оправданности подобных суждений нельзя впадать в демографический алармизм. Если рассмотреть данный вопрос во всемирном масштабе, наблюдается тенденция к определенному сокращению темпов роста численности населения, в том числе и в странах развивающегося мира. Так, согласно некоторым прогнозам, в том числе ООН, население планеты, составляющее в настоящее время 6,5 млрд чел., вряд ли когда-либо удвоится. Как считают специалисты Международного института прикладного системного анализа (Лаксенбург, Австрия), еще при жизни нынешнего поколения население Земли может достигнуть 9 млрд чел., а потом начнет снижаться.

Имеющиеся данные действительно свидетельствуют о постепенном снижении общего уровня фертильности по всему земному шару. В этом отношении наблюдается тенденция к размыванию или стиранию различий между развитым и развивающимся миром. Согласно данным о рождаемости в 1981—2001 гг., в группе наиболее населенных стран мира индексы фертильности колеблются от 2 до 3 детей на одну женщину. В некоторых странах, ранее квалифицировавшихся как слаборазвитые и лишь недавно вошедших в число новых индустриальных (например, Китай, Таиланд и др.), уровень фертильности сравнялся с западными странами.

Этому в значительной степени способствовало повышение уровня грамотности населения, урбанизация, утверждение новых стандартов жизни, социокультурных ценностей и установок, контроль над рождаемостью и т.д. Немало-

¹ См.: Скидельский Р. Указ. соч.

² См.: Ellul J. Le bluff technologique. P., 1988. P. 281.

важную роль в данном отношении играют феминизм, гомосексуализм, лесбиянство, получающие все более растущее распространение бой- и герлфрендизмы и другие характерологические составляющие современного образа жизни, которые не могут не отразиться негативно на рождаемости. Сокращению темпов рождаемости в определенной степени может способствовать распространение разного рода неизлечимых или трудноизлечимых болезней, таких как СПИД.

Но фактом остается то, что некогда рассматриваемый как торжество разума и ответственности негативный рост населения в наши дни для индустриально развитого мира оборачивается проблемой, чреватой далеко идущими последствиями для большинства развитых стран. Действительно, уровень фертильности, который не обеспечивает воспроизводство, ведет к тому, что каждый новый трудоспособный гражданин должен вносить все больший вклад в обеспечение благосостояния и процветания всего общества. Чем меньше таких граждан, тем больше это негативно сказывается на энергии, новаторстве и динамизме, которые так необходимы обществу для выживания.

Это не может не влиять на эффективность системы социальных гарантий, пенсионного обеспечения и других благ для все более растущей когорты людей нетрудоспособного возраста. Уже сейчас активно обсуждается, например, вопрос о том, что будет, когда одному работающему европейцу придется содержать двух пенсионеров.

Несмотря на попытки развитых стран отказаться от крупномасштабного импорта рабочей силы путем принятия антииммиграционных законов, численность мигрантов отнюдь не сокращается, а продолжает расти. Необходимость в иммиграции может возрасти по мере сокращения числа европейцев трудоспособного возраста, что неизбежно приведет к дальнейшему изменению демографической ситуации в регионе.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что процессы глобализации порождают серьезнейшие проблемы, среди которых не последнее место занимает неуклонное возрастание демографического давления. В этом плане возникает множество вопросов. Среди них наиболее важным для развитых центров является вопрос о том, смогут ли они отгородиться от неурядиц, происходящих в остальном мире? Анализ реального положения показывает, что это практически невозможно.

6.4. Глобализация экологических проблем

Демографический императив теснейшим образом связан с экологическими проблемами. Перенаселенность превратилась в один из основных факторов ключевой для современного мира проблемы охраны окружающей среды. Этот аспект приобретает особую значимость, если учесть, что при неуклонно возрастающей численности населения планеты последствия человеческой деятельности для окружающей среды растут в таком исключительно быстром темпе, что становится все труднее их контролировать и принимать соответствующие меры.

Как показывает опыт человечества, одним из важных факторов, усиливающих процессы дальнейшего загрязнения экосистемы, являются рост народонаселения и ускорение процесса индустриализации в развивающемся мире. Жизнь людей, состояние экономики зависят от чистоты воздуха, масштабов водных, пищевых и энергоресурсов, сырья и ископаемого топлива, даваемых природной средой. Они в значительной степени определяют пределы человеческих возможностей, пределы перегрузки экосистемы, пределы выживаемости самого человечества.

Несмотря на все достижения научно-технического прогресса, человек находится в зависимости от возобновляемых природных ресурсов и прежде всего от фотосинтеза, что делает его неотъемлемым элементом всего живого мира. Но фактом является то, что всю историю человечества можно рассматривать как борьбу человека за освобождение от зависимости от окружающего мира и покорение природной среды. Так, достигнув определенной свободы от природы в процессе освоения и преобразования естественной среды, человек возомнил себя ее безраздельным господином.

Результатом этого явились те последствия планетарного масштаба, которые получили название разрушения окружающей среды. Суть этого феномена состоит в том, что влияние человеческой деятельности на окружающую среду носит настолько разрушительный и необратимый характер, что его последствия представляют собой всевозрастающую угрозу самому существованию человечества как социобиологического вида.

Одной из кардинальных проблем современного мира стало загрязнение атмосферы. Результаты экологических исследований как в России, так и за рубежом однозначно

свидетельствуют о том, что загрязнение приземной атмосферы — самый мощный, постоянно действующий фактор воздействия на человека, пищевую цепь и окружающую среду. Атмосфера оказывает мощное влияние не только на человека и биоту, но и на гидросферу, почвенно-растительный покров, геологическую среду.

Источниками загрязнения атмосферы являются промышленное производство, выбрасывающее в воздух оксиды азота, сероводород, хлор, фтор, аммиак, соединения фосфора и т.д.; теплоэлектростанции, которые вместе с дымом выделяют сернистый и углекислый газ; сжигание и переработка бытовых и промышленных отходов. Урон экосистеме возрастал с начала промышленной революции и шел вверх по экспоненте по мере ускорения темпов экономического роста.

Сначала во многих регионах, где в качестве основного источника энергии использовался уголь, загрязнение окружающей среды в результате выброса в атмосферу огромного количества дыма, сажи и копоти приобрело все более растущие масштабы. К середине XX в., когда промышленное производство выросло почти в три раза и вместе с возросшим использованием угля резко увеличилось значение нефти в качестве энергоносителя, загрязнение окружающей среды стало фактором ее постепенного разрушения.

Все более растущую значимость приобретают такие проблемы, как накопление мусора и его уничтожение, захоронение отработанных радиоактивных продуктов и т.п. Дополнительную лепту в этот процесс внесли стремительное развитие средств железнодорожного, автомобильного, воздушного и морского транспорта, строительство дорог, вырубка лесов для хозяйственных нужд и т.д.

Мировой океан является огромной кладовой практически неисчерпаемых минеральных, энергетических, растительных и животных богатств. Он способен решить ключевые задачи, стоящие перед человечеством: обеспечение стремительно растущего населения продуктами питания и сырьем для промышленности. По имеющимся данным, морская вода содержит десятки химических элементов и металлов, среди которых такие, как уран, дейтерий, калий, бром, магний, медь, серебро, железомарганцевые конкреции и т.д.

Однако идет постоянное загрязнение Мирового океана, в чем все возрастающую роль играет расширение добычи

нефти на морских промыслах. Немаловажную лепту в это дело вносят страны, которые производят морское захоронение различных материалов и веществ. В океан сбрасываются миллионы тонн фосфора, свинца, радиоактивных отходов. На каждый кубический километр океанской воды сейчас приходится 17 тонн различных отходов. Естественно, это не может не иметь непредсказуемые широкомасштабные негативные последствия как для самого Мирового океана, так и для всей экосистемы.

Итогом нарушения теплового баланса и прозрачности атмосферы может стать возникновение так называемого парникового эффекта, который, по мнению некоторых специалистов, способен вызвать таяние ледников полярных областей, повышение уровня Мирового океана, глобальные нарушения климата, затопление прибрежных низменностей и ряд других негативных последствий. Справедливости ради следует отметить, что масштабность таких изменений многими исследователями оспаривается.

6.5. Негативные последствия загрязнения окружающей среды для перспектив человечества

Деятельность все более возрастающей гигантской массы людей самым непосредственным образом сказывается на глобальных потребностях в пищевых продуктах и энергоресурсах. Результатом этих тенденций, в частности, является стремительный рост потребности в возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсах. Речь идет прежде всего об энергоносителях, земельных площадях, пригодных к сельскохозяйственному производству, естественных пастбищах, пресной воде, жизненном пространстве в целом и т.д.

Экологическим бедствием стало уничтожение лесов. Использование леса для топлива и сейчас занимает важное место, поскольку значительная часть человечества готовит пищу, обогревает жилища с помощью древесного топлива. Все более возрастает потребность в лесоматериалах в бумажной промышленности. Безостановочный рост численности населения обуславливает необходимость замены истощившихся сельскохозяйственных земель, что приводит к окультуриванию все новых и новых территорий, ранее

покрытых лесом. Нельзя не отметить также последствия пожаров в деле сокращения лесных покровов. В силу этих и других причин эта проблема приняла катастрофические размеры. По имеющимся данным, в тропической зоне Латинской Америки ежегодно уничтожается приблизительно 11,4 млн гектаров лесов.

Все это лишает реки, в том числе их верховья, защитного покрова, что ведет к ускоренной эрозии почв и глубоким изменениям в водном режиме. Леса, как известно, содержат самые крупные в мире запасы видов растений и животных. Уничтожение этого богатейшего разнообразия биологических видов наносит невосполнимый урон фауне и флоре, делу улучшения традиционных и создания новых видов сельскохозяйственных культур, обладающих большей сопротивляемостью различным болезням и заражению насекомыми.

Неуклонное сокращение площадей сельскохозяйственных земель приобретает широкомасштабный характер во многих регионах развивающегося мира. Непродуманное преобразование биотопов, уменьшение лесных покровов и нерациональные методы обработки земли вызывают ускоренную эрозию почв, которая приняла катастрофические масштабы. По имеющимся данным, ежегодно теряется около 24 млрд тонн верхнего слоя земли, что для многих регионов и стран оборачивается сущим бедствием, истинной трагедией.

При всей значимости пестицидов, в особенности инсектицидов, в борьбе с вредителями сельскохозяйственных растений их бездумное и чрезмерное использование наносит непоправимый ущерб флоре и фауне, приводит к отравлению биоценозов, тем самым вызывая серьезные нарушения равновесия в природе.

Пресная вода становится все более ценным мировым ресурсом в условиях растущего народонаселения, увеличивающегося антропогенного воздействия на природу. В глобальном масштабе водных ресурсов вполне достаточно для удовлетворения всех потребностей человечества. В абсолютных величинах они практически неисчерпаемы. В среднем в мире промышленность потребляет примерно 20 %, а на сельское хозяйство уходит 70—80 % всей потребляемой пресной воды. Значение пресной воды для сельского хозяйства станет очевидно, если учесть, что орошаемое земледелие, занимая лишь 15—17 % площади сельскохозяйственных угодий, дает половину всей продукции.

Но во многих регионах объемы пресной воды зависят от упорядоченности ее круговорота в природе. В любом районе мира водные ресурсы могут истощиться из-за нерационального водопользования или загрязнения. По имеющимся данным, в настоящее время потребность в пресной воде не удовлетворяется у 20 % городского и 75 % сельского населения мира. Огромный вред ей наносится тем, что в озера и реки в огромных количествах попадают сточные воды, пестициды, пищевые и промышленные отходы, мышьяк, свинец и многие другие продукты человеческой деятельности. По заключению специалистов, в некоторых районах земли 80 % всех болезней вызваны недоброкачественной водой.

Уже сейчас в отдельных регионах дефицит пресной воды ощущается очень остро. Так, в Центральной Азии вода, ее распределение и использование уже в течение многих лет являются объектом споров и конфликтов между заинтересованными сторонами. Довольно острые противоречия в этой сфере существуют между Узбекистаном и Туркменистаном. Последний обвиняет Узбекистан в чрезмерном использовании вод реки Амударьи, что наносит большой ущерб системе водопользования в Туркменистане. Для решения проблемы нехватки пресной воды Узбекистан и Казахстан выступают за возобновление проектов по переброске воды западносибирских рек (Тобол, Ишима, Иртыш, Обь) в Приаралье и другие регионы Центральной Азии.

Россия также не застрахована от проблем нехватки ресурсов пресной воды. Наглядное представление об этом можно получить на примере водного кризиса в Приморском крае Российской Федерации, разразившегося в 2003 г.

Значительное увеличение объемов воды, изымаемой для целей ирригации, а также для промышленных и хозяйственных нужд, неизбежно приведет к дальнейшей ее нехватке, что может стать фактором, стимулирующим международную нестабильность на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Центральной и Южной Азии.

6.6. О пределах роста

В создавшихся условиях многие стали сознавать, что лозунг сторонников пределов роста («Не слепое противодействие прогрессу, а противодействие слепому прогрессу»)

отнодью не лишен реальных оснований. При таком положении вещей люди с сарказмом стали говорить не о прогрессе цивилизации, а о прогрессе варварства. Эти проблемы приобретали растущую значимость в связи с дальнейшим усугублением демографического взрыва, нехваткой продовольствия, прогрессирующим загрязнением окружающей среды, усилением противоречий между Севером и Югом и т.д.

Прежние теории международных отношений не придавали должного значения тому факту, что экосистема составляет интегральную часть глобальной экономической и международно-политической системы. Естественная среда ошибочно рассматривалась как неисчерпаемый источник природных ресурсов. Однако в наши дни глобальный экологический кризис (как и существующие, и потенциальные международные споры вокруг экологических проблем) изменил позиции по этому вопросу многих ученых, аналитиков и наблюдателей.

Проблема защиты окружающей среды неумолимо становится неотъемлемой частью экономической политики государств. Превращаясь в глобальную, она все явственнее пересекает национальные границы. Формируется взгляд на экосистему как на интегральную часть глобальной системы, как на подсистему со своими особыми характеристиками и принципами. Угроза ухудшения экологической ситуации в стране и истощения ее природных ресурсов находится в прямой зависимости от состояния экономики и готовности общества осознать глобальность и важность этих проблем.

Для России эта угроза особенно велика из-за преимущественного развития топливно-энергетических отраслей промышленности, неразвитости законодательной основы природоохранной деятельности, отсутствия или ограниченного использования природосберегающих технологий и т.д.

Об осознании большинством людей планеты важности рассматриваемой проблемы свидетельствуют проведение специальных конференций ООН по проблемам охраны окружающей среды, а также создание во многих индустриально развитых странах постов министров по охране природы и природопользованию. На международно-политическую арену вышли транснациональные массовые движения и организации, такие, например, как движение зеленых, которые поставили своей целью защиту окружающей среды.

Всемирный экологический форум в Рио-де-Жанейро в 1992 г. одобрил концепцию устойчивого развития. Лейт-

мотивом выступлений на форуме была мысль о необходимости охраны окружающей среды, сокращения разрыва в уровнях жизни народов и искоренения нищеты. Но для поднятия уровня жизни 80% населения земного шара до западных стандартов потребуется в 20 раз увеличить добычу природных ресурсов. На форуме отчетливо высказывалась мысль о неосуществимости и гибельности такого пути. Поэтому все надежды возлагались на разработку новой философии развития, призванной противопоставить безудержному агрессивному потребительству умеренность, воздержание, гармоническое развитие личности и коллектива, природы и общества. При всей актуальности и значимости постановки этой проблемы сохраняется без должного ответа вопрос о том, как добиться этих целей.

Заметный вклад в разработку данной проблемы внес Римский клуб. Д. Медоуз и ее коллеги по поручению Римского клуба в 1972 г. подготовили и опубликовали книгу «Пределы роста». В ней был обоснован тезис, согласно которому в результате роста численности населения и загрязнения окружающей среды пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет. Чтобы предотвратить подобный оборот событий, необходимо изменить эти тенденции и создать условия для обеспечения экологической и экономической стабильности.

Намереваясь переиздать эту книгу по случаю 20-летия со дня ее выхода, авторы сочли целесообразным дополнить ее новыми материалами, подтверждающими выводы 1972 г. Однако в процессе сбора данных, многократных компьютерных расчетов и анализа изменений, происшедших за 20 лет, они пришли к выводу, что время и развитие тенденций роста поставили человечество «в новое положение по отношению к его пределам»¹. По их мнению, «несмотря на совершенствование технологий, расширение знаний и более строгую природоохранительную политику, многие потоки ресурсов и загрязнений уже вышли за пределы устойчивости»².

Поэтому вполне понятно, почему авторы, по сути, написав новую книгу, дали ей название «За пределами роста». Главный лейтмотив книги — это призыв: «Чтобы будущее вообще состоялось, необходимы отступление, замедление темпов роста, исцеление. Обнищание нельзя остановить

¹ *Dennis L. Beyond The Limits to Growth // Dennis L., Donella H. Meadows, Jorgen Randers. N.Y., 2004. P. 4.*

² *Ibid.*

непрерывным ростом материального производства, оно неизбежно будет распространяться и при сокращении роста мировой экономики»¹.

По мнению авторов, чтобы предотвратить неконтролируемое сокращение в ближайшие десятилетия душевых показателей производства продуктов питания, потребления энергии и промышленного производства, необходимы:

- существенное уменьшение потоков материальных и энергетических ресурсов;
- всесторонний пересмотр политики и практики, ведущих к росту численности населения и уровня материального потребления;
- быстрое, резкое повышение эффективности использования материальных и энергетических ресурсов.

Очевидно, что существуют некие пределы экспансии, которые человек не в состоянии превзойти. Однако, достигнув беспрецедентного уровня материального благосостояния и расширив возможности оказывать воздействие на условия своего обитания, человечество в то же время в должной мере не сознает эту реальность.

Но тем не менее оно предпринимает усилия для решения данной проблемы. Об этом свидетельствует принятие в 1997 г. в дополнение к рамочной конвенции ООН по борьбе с изменениями климата на экологической конференции в японском городе Киото протокола, названного важнейшим экологическим документом современности. Киотский протокол предусматривает количественные ограничения на выброс парниковых газов в атмосферу с тем, чтобы за 2008—2012 гг. снизить эмиссию парниковых газов в мире минимум на 5% от уровня 1990 г. В итоге к 2012 г. концентрацию вредных примесей в воздухе предполагается значительно сократить по сравнению с 1990 г.

Однако на пути введения протокола в силу встретились существенные трудности. Дело в том, что для этого требовалась его ратификация государствами, на которые в совокупности приходится не менее 55% мировых выбросов. Свои подписи под протоколом поставили 121 государство. Ратифицировали его более 100 стран, на долю которых приходится лишь 32% мировой эмиссии парниковых газов. Показательно, что США, являющиеся главным загрязнителем (35%) мирового воздушного океана, отказались подписать

¹ Dennis L. Op. cit. P. 7.

Киотский протокол. За это Америку не без оснований обвиняют в технологической экспансии и нежелании внести свой вклад в решение проблем глобальной экологии.

Таким образом, можно сказать, что мировая общественность постепенно пришла к осознанию того факта, что при достижении определенного уровня материального благосостояния дальнейший рост потребления сам по себе не дает человеку ожидаемого удовлетворения. Стало очевидно, что максима «изобилие — лучшее лекарство от социальных болезней» не всегда срабатывает. Обнаружилось, что пределы воздействия человека на среду обитания не безграничны, что через какой-то промежуток времени последствия этого воздействия в той или иной форме бумерангом скажутся на самом человеке.

В то же время при оценке всего изложенного последствия научно-технического прогресса нельзя оценивать однозначно, в сугубо алармистском духе. Очевидно, что научно-технический прогресс создает разного рода перегрузки для экосистемы. Но одновременно он предоставляет средства, позволяющие уменьшить, нейтрализовать, преодолеть и предотвратить негативные последствия социального, демографического, экономического развития современного мира.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каков исторический вектор роста численности населения земного шара?
2. Что понимается под великим переселением народов?
3. Каковы особенности миграционных потоков в современном мире по сравнению с положением вещей в прошлом?
4. Каковы основные причины роста миграционных потоков?
5. Как изменяется демографический облик современного мира в результате роста миграций?
6. Каковы социальные и политические последствия демографических изменений в мире?
7. Какое влияние они оказывают на геополитическую ситуацию в мире?
8. Перечислите основные направления глобализации экологических проблем.
9. Каковы негативные последствия загрязнения окружающей среды для перспектив человечества?
10. Какое содержание вкладывается в понятие «пределы роста»?

Глава 7. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Одним из ключевых результатов рассмотренных в предыдущих главах тенденций и процессов развития современного человечества стала глобализация экономики. В результате каждая отдельно взятая национальная экономика стала неотъемлемой частью единой мировой экономической системы. На протяжении последних двух-трех десятилетий на рельсы стремительного экономического развития встали многие страны развивающегося мира, которые начали интегрироваться в мировую экономику. Можно сказать, что результатом этих процессов стало формирование единого геоэкономического пространства, в той или иной форме охватывающего (или, во всяком случае, затрагивающего) практически все страны, народы и регионы земного шара.

7.1. Технологический и экономический прорыв развитого мира

Сразу по окончании Второй мировой войны перед индустриально развитыми странами встала проблема восстановления разрушенной в ходе войны экономики. Развернувшаяся в 50-х гг. научно-техническая революция, наряду с комплексом других факторов, обеспечила возможности для модернизации промышленности и сельского хозяйства, ускорения темпов экономического развития. Для 50—60-х гг. привычными стали такие понятия, как «германское чудо», «итальянское чудо», «японское чудо» и т.д., под которыми подразумевалось быстрое экономическое развитие соответствующих стран.

Во второй половине 70-х гг. с началом следующей волны научно-технического прогресса, получившей название информационно-телекоммуникационной революции, современный капитализм вступил в новый этап своего раз-

вития. В последние годы разворачивается так называемая четвертая информационная революция, которая характеризуется максимальным внедрением мультимедийных технологий, появлением новых корпораций (мультимедийных гигантов) и специализирующихся на электронной торговле фирм. Огромное значение с экономической точки зрения приобретают разработка и размещение глобальных технологических систем (погодных, коммуникационных, навигационных и т.д.), характерных для космической эры.

В целом развитие новейших информационных и телекоммуникационных технологий внесло судьбоносные изменения в мировую экономику. Если первоначально эти технологии рассматривались как элементы необходимой инфраструктуры, то теперь они стали универсальным средством экономического, культурного и политического развития. Все более возрастает их роль в направлении качественного изменения международных экономических связей.

Эволюция экономики в направлении информационных, энергосберегающих и наукоемких отраслей в определенной степени снижает ее зависимость от природных ресурсов. Полупроводниковые чипы, пластмассы, используемые в автомобилестроении, кабель из волоконного стекла и т.д. требуют значительно меньше сырья. В будущем эта тенденция усилится, что приведет к дальнейшему изменению роли отдельных видов природных ресурсов в качестве фактора геополитики и геоэкономики.

Глобализация и информатизация самым тесным образом связаны с формированием так называемой новой экономики и наноэкономики. Все более зримо заявляющие о себе новые экономико-технологические уклады приобретают отчетливый информационно-телекоммуникационный облик.

Ключевыми направлениями развития новой экономики становятся биотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, ядерная энергетика и т.д. Новейшие технологии обеспечили условия для стремительного развития военно-промышленного комплекса. На базе научно-технических достижений стало возможным создание принципиально новых типов вооружения и средств их доставки, способных в кратчайшие сроки поражать самые удаленные и укрепленные цели.

Все более возрастающее значение для национальных экономик приобретает не факт создания того или иного товара, а степень их участия в успешно действующих глобальных сетевых структурах на основе широкого распространения информационных технологий, интегрируемых Интернетом. Экономический горизонт раздвигается новой сервисной экономикой высокопрофессиональных услуг, цифровой экономикой и экономикой знаний. В этом плане немаловажное значение имеет миниатюризация промышленных механизмов.

Происходит интеллектуализация основных факторов производства. Основополагающим фактором жизнеспособности, эффективности и конкурентоспособности экономики становится интеллектуальный капитал. От новейших наукоемких и энергосберегающих отраслей зависит решение таких жизненно важных вопросов, как экономический рост, занятость, повышение жизненного уровня и т.д. Они превращаются в определяющую составляющую инфраструктуры безопасности и геополитического статуса страны или народа в рамках мирового сообщества. Знаменитый лозунг Ф. Бэкона «знание — сила» превратился в максимум «знание — власть».

Наиболее отчетливо эти тенденции наблюдаются в индустриально развитых странах — США, странах Европейского Союза, Японии, Канаде. В их число вошли (или находятся в процессе вхождения) все более растущее число новых бурно развивающихся стран, таких, например, как Китай, Индия, Бразилия.

Итогом этих и связанных с ними явлений, тенденций и процессов стало то, что современная мировая экономика представляет собой весьма сложный, многоплановый комплекс институтов, отношений, капиталов, рабочей силы, процессов и т.д. Это арена взаимодействия, столкновения и конкурентной борьбы множества самых разнообразных интересов и устремлений. Она включает финансовую, торговую, технологическую и иные подсистемы, действующие на глобальном, национальном и субнациональном уровнях. Здесь рядом сосуществуют экономические, технологические, финансовые гиганты в лице транснациональных корпораций и влачащие жалкое существование индивидуальные, малые и средние предприятия в неформальных секторах развивающихся стран.

Размываются границы между глобальной и национальной экономикой, экономическое пространство и рынок во все более растущей степени не совпадают с территорией какого-либо конкретного национального государства. Мировые экономические центры, пересекая границы традиционных индустриально развитых стран, теряют прежние жесткие территориально-государственные очертания. Это особенно отчетливо проявляется в расширении и усилении интеграционных процессов в мировой экономике. В настоящее время в мире насчитывается 15 интеграционных объединений, хотя многие из них пока что представляют собой довольно аморфные образования. Но некоторые из них достигли значительных успехов и составляют реальную экономическую и в определенной степени политическую силу.

Речь идет прежде всего о Европейском союзе и НАФТА. Функционируют Всемирный банк, МВФ и другие финансовые организации и институты. Из небольшого объединения 35 стран, бывших его учредителями, МВФ превратился в организацию, охватывающую практически всю мировую экономику.

Одним из важнейших проявлений транснационализации и глобализации экономики является формирование и неуклонное увеличение веса и значимости глобальных хозяйственных комплексов, не признающих национальные границы (многопрофильных транснациональных корпораций (ТНК), банков (ТНБ) и т.п.). Формируются союзы и объединения крупнейших ТНК и ТНБ в компьютерной и авиакосмической промышленности, самолето- и автомобилестроении и т.д. Одновременно они заключают так называемые стратегические альянсы с множеством государств по вопросам, связанным с разделом глобальных рынков и правилами игры на этих рынках.

Складывается и неуклонно расширяется система разнообразных связей между этими организациями и отдельными государствами. Эти трансформации и процессы создают инфраструктуру, обеспечивающую интеграцию национальных экономик в мировую экономическую систему. Вся планета как бы превратилась (или, во всяком случае, превращается) если не в единую фабрику, то в единую глобальную экономическую систему, которую отнюдь нельзя представлять в качестве некоего заповедника стихийных рыночных

отношений между государствами в классическом смысле этого слова.

Особо важное значение имеет то, что эти процессы во все более растущей степени затрагивают сферу прерогатив национальных государств. Глобальная экономика, по сути дела, навязывает собственные правила игры национальным экономикам. Эти процессы сопровождаются неуклонным увеличением инвестиций индустриальных стран в экономики друг друга.

Расширение и убыстрение глобальных потоков капиталов ведет к формированию гигантских интегрированных сетей производства и распространения товаров и услуг. Этому в немалой степени способствует то, что широкомасштабное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий дает в руки транснациональных корпораций средства обеспечения централизации управления, контроля и принятия решений в масштабах всего земного шара. Это ведет к тому, что крупные городские центры мирового значения становятся пультами управления мировой экономики.

Глобальные сети производства и распространения дают корпорациям возможность перевести те или иные узлы и циклы производственного процесса в различные точки по всему миру (в зависимости от возможностей сокращения издержек и максимального увеличения прибыли, близости сырьевых ресурсов и потенциальных рынков, дешевизны рабочей силы, налоговых послаблений и т.д.). Благодаря деятельности транснациональных корпораций, рынки рабочей силы индустриально развитых стран во все более растущей степени смыкаются с рынками рабочей силы развивающихся стран, создавая предпосылки для формирования единого мирового рынка рабочей силы.

Дополнительные сложности вносит тот факт, что современная экономика знаний во все более растущей степени связана с символами. В условиях информатизации и порожденной ею интернетизации XX столетие создало первые предпосылки развития виртуального мира, а XXI столетие во все более растущей степени сползает в век виртуального мира, где придуманные, искусственно создаваемые конструкции приобретают всевозрастающие вес и значимость по сравнению с реальной действительностью.

Этот феномен в своеобразных формах и проявлениях проник и в сферу экономики. Здесь речь идет не о так называемых виртуальных корпорациях или торговле через

Интернет, которые все же имеют связь с реальными материями. В течение нескольких десятилетий сформировалась во многом самостоятельная мировая финансовая власть, способная в какой-то мере управлять мировой экономикой с помощью финансовых механизмов, рычагов и стимулов. Обнаружилось, что создавать или зарабатывать деньги можно, не только производя необходимые для людей товары и услуги, но также на финансовых рынках, на операциях купли/продажи активов (акций, валют и т.д.).

Одним из важных результатов внедрения новейших высоких технологий стала замена потоков крупных сумм наличных денег электронными сделками, осуществляемыми круглосуточно на основе безналичных расчетов на всем мировом экономическом пространстве, создавая тем самым единый всемирный рынок виртуальных денег. На финансовом рынке эти технологии позволяют извлекать прибыль фактически из виртуального пространства, просто оперируя цифрами, бегущими на экране монитора.

В результате оборот мирового финансового рынка многократно превышает создаваемый мировой экономикой продукт. Фактически мировой финансовый рынок перестал быть только вспомогательной надстройкой над экономическим базисом и превратился в самостоятельную мощную систему. Речь идет об особом виде ценных бумаг — так называемых деривативах, которые, являясь виртуальными деньгами, превратились в один из мощнейших факторов системного риска всех мировых финансов, поскольку трансформировали валютный рынок в своего рода гигантский тотализатор. Сегодня их выпущено столько, что никто в мире не может точно подсчитать, сколько таких суррогатов бродит по виртуальной планете. Эксперты оценивают мировой рынок деривативов приблизительно в 600 трлн долл. И это при том, что в 2007 г. весь мировой валовой внутренний продукт равнялся 58—59 трлн долл.

Финансовый капитал, который является тенью реального капитала, в условиях гигантски усилившихся спекуляций превращается в фикцию и приводит к образованию ничем не обеспеченного «макропузыря». К 2007 г. этот фиктивный капитал гигантски возрос — сформировалась иллюзия стоимости, оторванной от реальной экономики. В результате, как отмечал А. Кобяков, экономика обрела совершенно ненормальные пропорции «перевернутой пирамиды», когда

ее надстроечная, обслуживающая, виртуальная часть довлеет над базовой, производственной, реальной¹.

Эти, в сущности, суррогатные деньги стали спусковым крючком мирового кризиса 2008—2009 гг. Не случайно известный удачливый инвестор У. Баффет еще в 2003 г. говорил, что деривативы — «это бомбы с часовым механизмом и для компаний, их выпускающих, и для всей экономической системы», они являются «финансовым оружием массового поражения, представляющим пока скрытую, но потенциально смертельную опасность»².

Разумеется, глобализация наряду с новыми возможностями влечет за собой новые риски и угрозы, такие как нестабильность, неопределенность, неуправляемость. При таком положении дел любые сколько-нибудь значимые негативные передвижки в более или менее крупной национальной экономике способны вызвать эффект домино в международном масштабе. Например, до недавнего времени говорили: когда американская экономика «чихает», экономика остального мира «схватывает пневмонию». Теперь эта формула переносится на Китай. Впрочем, как показали перипетии экономического кризиса 2008—2009 гг., достаточно одного «чихания» какого-нибудь Дубая или Греции, чтобы у всего остального мира «появилась простуда».

Спад экономики, кризис, безработица, инфляция в одной стране часто «экспортируются» в другие страны. Инфляция в одной стране часто способствует инфляции в других странах. Повышение цен на нефть странами-экспортерами неизбежно сказывается на уровне цен других товаров на мировых рынках, а рост цен на промышленные товары в индустриально развитых странах отрицательно сказывается на уровне цен в развивающихся странах и т.д. Подобно нелегальной иммиграции и глобальному потеплению, интернационализация промышленного производства и финансов подрывает способность людей контролировать собственную судьбу.

Глобализация имеет своим результатом глобализацию кризисов. Бесконтрольная глобализация ведет к потере контроля над кризисами. Как верно подметил французский политолог и идеолог новых правых А. де Бенуа, глобализация создала положение, при котором крупные кризисы рас-

¹ URL: http://www.arteksgroup.com/Article_about_crisis3.html.

² Buffett W. Avoiding a 'Mega-Catastrophe': Letter to Berkshire Hathaway shareholders. URL: <http://www.fortune.com>. March 3, 2003.

пространяются в планетарном масштабе, не встречая сопротивления «вирусным путем». Вот почему кризис, который начался как ипотечный кризис в США, быстро затронул европейские рынки, начиная с рынка кредита, подведя и американскую, и европейскую экономики к порогу рецессии, если не депрессии¹.

7.2. Интеграция экономики развивающихся стран в мировую экономику

Постепенно составной частью всемирной экономической системы становилась экономика развивающегося мира. На тенденции и направления социального и экономического развития многих стран после приобретения ими политической независимости огромное негативное влияние оказывало колониальное наследие. Монокультурность, отсталость, однобокие экономические связи с бывшими метрополиями, по сути, служили (а во многих странах продолжают и сейчас служить) факторами, воспроизводящими их зависимое положение по отношению к промышленно развитым странам.

Существенными факторами в этом отношении явились характерные для этих стран незавершенность процессов социальной дифференциации, живучесть традиционных докапиталистических и патриархальных отношений и связей. Для достижения целей экономического развития многие развивающиеся страны осуществили комплекс преобразований, среди которых важное значение имели национализация иностранных предприятий, создание и развитие государственного сектора экономики, аграрная реформа, создание кооперативов и др.

Национализировалась прежде всего собственность крупных иностранных компаний, в том числе компании Суэцкого канала в Египте, «Ирак петролеум», международного нефтяного консорциума, контролирующего иранскую нефть, и др. В ряде стран частичной национализации подверглась собственность местной буржуазии. Государственная собственность росла также за счет строительства новых предприятий, особенно в отраслях тяжелой промышленности.

¹ См.: *Бенуа А. де*. Трудности только начинаются. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action>.

После освобождения от колониального ига развивающиеся страны предпринимали усилия по преодолению своей экономической и финансовой зависимости от Запада. Они развернули борьбу за изменение характера экономических связей с развитыми странами. В результате последние вынуждены были идти на обновление своих взаимоотношений с афро-азиатским миром, стараясь привязать его к себе не силовыми методами военного и внеэкономического принуждения, а путем более искусных политических и дипломатических маневров, более завуалированной культурной и пропагандистской экспансии. Главное место отводилось экономическим методам подчинения развивающихся стран.

В середине 70-х гг. страны третьего мира добились принятия Генеральной Ассамблеей ООН Декларации об установлении нового международного порядка и Хартии экономических прав и обязанностей государств, предусматривающей ликвидацию неравноправия в торговле, перестройку валютной системы, изменение принципов предоставления экономической помощи. В 60—70-е гг. страны, которые экспортировали нефть, совместными усилиями сумели добиться существенного повышения цен на нефть, продаваемую в промышленно развитые страны.

В масштабах всего третьего мира определенные успехи были достигнуты в сфере промышленного производства. В среднем на 25—30 % увеличилось производство стали, автомобилей, тракторов, турбин, электроэнергии. Были построены сотни и тысячи новых крупных предприятий. Немалые успехи были и в плане удовлетворения насущных потребностей населения. Ряд стран Восточной и Юго-Восточной Азии, такие как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины, за сравнительно короткий по историческим меркам период добились впечатляющих экономических успехов. Они приняли и довольно эффективно использовали западные экономические, производственные, технологические и организационные методы и структуры.

О тенденциях развития экономики этих стран лучше всего свидетельствует, например, следующий факт: в 60-х гг. национальный доход на душу населения в Южной Корее держался на одном уровне с Ганой (примерно 230 долл.), но в настоящее время он уже почти в 12 раз выше, чем в Гане. По уровню экономического развития упомянутые

выше страны, по сути, вышли из разряда развивающихся и по многим параметрам приблизились к развитому миру. Определенных успехов с точки зрения повышения жизненного уровня своих народов добились некоторые нефтедобывающие страны Ближнего Востока.

Эти процессы и тенденции приобрели настолько широкомасштабный и необратимый характер, что многие специалисты прогнозируют формирование некоего однородного глобального рыночного пространства, основанного на либерализации международных экономических отношений, подчиняющегося единым законам, с единым платежным средством и т.д. Все это в совокупности способствует сокращению различий между странами в рамках отдельных регионов по уровню организации и эффективности производства.

7.3. Изменение векторов глобализации экономики

Одним из результатов только что рассмотренных тенденций стало ускорение процесса перераспределения мирового валового продукта и диффузии экономической мощи и богатства. В результате незападные народы превратились в новых активных субъектов мировой экономики и политики. При таком положении вещей процессы глобализации, начавшейся как западный проект, как вестернизация остального мира, постепенно изменяют свой вектор.

Вряд ли будет преувеличением утверждение, что под сомнение ставится сам западный проект глобализации, имеет место тенденция к росту в мире если не антизападничества, то заметного разочарования в западной модели жизнеустройства, в том числе западной, прежде всего англосаксонской, модели рыночной экономики. В качестве альтернативы ей выдвигаются японская модель, китайская модель, модель новых индустриальных стран и др. Впрочем, в условиях неуклонного усложнения мировой экономики как единой системы все труднее становится определить, какие из этих моделей в должной мере соответствуют социокультурной и политико-культурной матрице каждого отдельно взятого народа.

Другими словами, глобализация постепенно начала претерпевать своего рода инверсию, поскольку во всевозрастающей степени стала отвечать интересам бурно подни-

мающегося Востока, понимаемого в самом широком смысле слова. Если раньше Запад только наступал, то в нынешних условиях он постепенно вынужден занимать оборонительные позиции. Например, многие страны региона не знают, как бороться с всевозрастающим потоком китайских дешевых товаров. Здесь, как говорится, бунт остального человечества против Запада принимает форму противодействия соседу, который ведет себя не так, как хотелось бы остальным жителям глобальной деревни.

Одним из существенных результатов названных тенденций является заметное изменение в оценках роли рынка. Существует нечто вроде притчи, будто когда-то то ли Мао Цзэдуна, то ли Чжоу Энлая спросили об исторической роли Великой французской революции 1789 г., ответ был такой: «Пока что слишком рано судить». Может быть сейчас, особенно с учетом опыта мирового экономического кризиса 2008—2009 гг., наступил момент, когда можно дать правильный, соответствующий нынешним реалиям ответ на вопрос о роли и перспективах рынка в современном мире.

Рынок является историческим феноменом, возникшим на определенном этапе развития западного человечества. Как и всякий общественный институт, он имеет пределы своего восхождения и применимости, скоростей и степеней развития. Зародившаяся в XVIII в. вера в свободный рынок и в капитализм была хороша при казалось бы неограниченных ресурсах и возможностях экспансии Запада на новые территории и регионы. «Невидимая рука» А. Смита, саморегуляция рынка, свободная конкуренция, самоорганизация экономической системы и др. эффективно действуют в пределах отдельно взятой страны, отдельного региона, еще не в полной мере интегрированных в мировую экономику, или же применительно к отдельной группе товаров.

В наши дни сложилась совершенно иная ситуация. В современной экономике функции принятия основных решений, определяющих поведение рынка, перешли в ведение организаций, т.е. разного рода коллективов, институтов, объединений, которые могут преследовать совсем иные цели, нежели традиционный капиталист или вообще живой человек. При огромном росте численности населения, сопровождающемся неуклонным сокращением невозобновляемых ресурсов, беспрецедентном увеличении численности участников современной глобальной экономики и т.д.,

кардинально изменяются базовые правила игры субъектов экономической деятельности, участников мирового рынка. Суть этих изменений состоит в кризисе так называемого Вашингтонского консенсуса, который основывался на идеях окончательной победы свободного рынка в мировом масштабе, свободной, ничем не ограниченной торговли и движения капитала, демонтажа всех форм государственного регулирования экономики и т.д. Он стал символом и платформой глобализации, а возможно, и англо-саксонской модели рыночной экономики.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. стал той точкой, на которой обнаружилось, что оба этих феномена достигли того предела, когда подвергаются существенной трансформации сама парадигма, инфраструктурные составляющие, суть системы. Кризис, в условиях которого гигантские, казалось бы непотопляемые, корпорации, оказавшись на грани банкротства, обратились к властям с просьбами рекапитализации, обернувшейся фактической национализацией, воочию показал несостоятельность мифов о «невидимой руке» и саморегулирующемся рынке, исповедуемых приверженцами Вашингтонского консенсуса.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствует тот факт, что кризис фактически снимает пелену тайны, необъяснимости, парадоксальности с удивительного феномена китайского экономического чуда. В то время, когда в период глубоких пертурбаций те национальные экономики, которые исповедуют мифологию «невидимой руки» и Вашингтонского консенсуса, переживали серьезные катаклизмы, перечеркивающие многие традиционные теории функционирования рыночной экономики, китайская экономика, действующая на принципах регулирования рыночных правил игры государством, продолжала путь неуклонного роста.

Более того, все увеличивающуюся популярность получает так называемый Пекинский консенсус, выдвинутый в 2005 г. бывшим редактором журнала «Тайм» Дж. Рамо в противоположность Вашингтонскому консенсусу. Этот новый термин был призван обозначить китайскую модель модернизации, предполагающей ведущую роль государства в экономике, приоритет национального суверенитета перед принципами Вашингтонского консенсуса.

В рассматриваемом контексте нельзя не упомянуть тот факт, что восхождение большинства, если не всех новых

индустриальных стран, было достигнуто при авторитарных режимах, которые активно поддерживали национальную экономику. В Китае процесс трансформации возглавляет государственный, а не частный сектор. Львиную долю китайской банковской системы составляют государственные банки, и капитал в китайской экономике движется не столько слепой «рукой свободного рынка», сколько распоряжениями Коммунистической партии Китая (КПК).

Представляет интерес признание руководителями ряда ведущих держав на саммитах G20 факта провала Вашингтонского консенсуса и основанной на его принципах финансовой системы. 2 апреля 2009 г. на закрытии саммита руководителей 20 крупнейших экономик мира в Лондоне премьер-министр Великобритании Г. Браун заявил на итоговой пресс-конференции: «Вашингтонский консенсус исчерпал себя!» Такое заявление многого стоит, поскольку идет от решительного сторонника рыночных реформ на основе Вашингтонского консенсуса.

Не случайно президент Франции Н. Саркози на встрече стран G20 в Берлине в феврале 2009 г. говорил о необходимости «создавать капитализм с основ», в том числе и его моральную составляющую. Одно из возможных направлений достижения этой цели он видел в пересмотре действующей модели экономической системы и постепенном переходе к регулируемому капитализму. Эту мысль Саркози предельно ясно выразил в своем выступлении на Давосском форуме 27 января 2010 г. «Без вмешательства государства все бы просто рухнуло», — заявил он.

На основе изложенного можно сделать вывод, согласно которому суть инверсии вектора глобализации состоит в том, что, во-первых, мировая экономика окончательно превратилась в полицентрическую систему, поскольку, наряду с евро-атлантической составляющей в качестве равноправных ее несущих конструкций, заявили о себе новые центры экономической мощи в лице Китая, Индии, новых индустриальных стран, России. Во-вторых, можно говорить о легитимации полицентрической финансовой системы, в которой, наряду с традиционными финансовыми центрами (Нью-Йорк, Лондон, Париж, Токио), возникли новые финансовые центры (Гонконг, Шанхай, Сингапур, Мумбай, а в перспективе, возможно, Москва). В-третьих, прослеживается начало постепенной утраты долларом гегемонии в мировой валютной системе, на смену которой должна

прийти новая, в которой доллару будет отведено свое место в ряду других национальных и региональных валют, которые во взаимном сотрудничестве и конкуренции будут обеспечивать функционирование мировой экономики.

При этом представляются не совсем корректными и лишними оснований всякого рода рассуждения о грядущей смене американского века китайским или каким-либо иным национальным веком, рынка какой-либо совершенно иной экономической системой, Вашингтонского консенсуса Пекинским консенсусом и иные журналистские клише, которые не могут считаться научно выверенными прогнозами.

Ситуацию нельзя представлять как перемещение всемирного центра концентрации капитала из одной географической точки в другую, т.е. возможной утраты Западом в целом и США в частности статуса средоточия экономической и военно-политической мощи и, соответственно, появления вместо них какого-то другого региона или государства. Этот вопрос будет более подробно рассмотрен в одной из следующих глав. Здесь отмечу лишь то, что признанием реальности полицентрического мира и роста экономической мощи новых глобальных игроков и региональных интеграционных группировок как новых несущих конструкций миропорядка стало расширение «большой восьмерки» до формата «большой двадцатки» на саммитах в Вашингтоне и Лондоне для совместного преодоления глобального экономического кризиса.

Рынок также не обречен на исчезновение. Он доказал свою состоятельность и эффективность по сравнению с другими системами экономической самоорганизации народов. В то же время мировой экономический кризис 2008–2009 гг. показал ограниченность в современных условиях возможностей саморегулирующегося рынка, прежде всего — его англосаксонской модели и идеологии Вашингтонского консенсуса. Как показывает вся история возникновения и развития рынка, для него существуют определенные пределы, ограниченные политическими, социокультурными, политико-культурными, морально-этическими и иными началами.

Если первоначально реализация принципов либерализма создала условия для свободы экономического выбора, то на протяжении всего XX столетия неуклонно возрастала роль государства в обеспечении гарантий экономической свободы и защите конкурентной среды. Рынок и государ-

ство как два основополагающих конкурирующих (и в то же время теснейшим образом взаимосвязанных) института современных человеческих сообществ не исключают, а дополняют друг друга.

В этой связи необходимо отметить, что кейнсианская модель капитализма представляла собой естественное развитие классического либерального капитализма в соответствии с уроками, преподанными Великой депрессией 30-х гг. минувшего века. Не случайно известный американский историк и политолог А. М. Шлезингер-мл. видел за слугу Ф. Д. Рузвельта в том, что он спас капитализм от капиталистов (тех капиталистов, которые выступали против реформирования капитализма).

Кризис 1974—1975 гг. показал необходимость демонтажа некоторых исчерпавших себя принципов и узлов кейнсианства, но не отказа от него в целом, что также диктовалось изменившимися условиями. В обоих случаях реформы были необходимы и явились ответом на вызовы новых реальностей.

Кризис 2008—2009 гг. поставил перед народами проблему создания новой разновидности рыночной экономики не путем отказа от рыночных ценностей и принципов, а путем существенной их переоценки и трансформации. Ведь есть определенная доля истины в том, что на Лондонском саммите «большой двадцатки» министр иностранных дел Великобритании Д. Милибэнд не то в шутку, не то всерьез заявил: «В 1989 году капитализм спас Китай, а в 2009 году Китай спас капитализм»¹.

Даже если гипотетически допустить преобладание Пекинского консенсуса, никуда не уйти от того очевидного факта, что он отнюдь не отменяет рынок. В качестве интегральных составляющих он включает в себя те или иные элементы Вашингтонского консенсуса, т.е. ряд основополагающих ценностей, идей, правил игры рыночной экономики. Пекинский консенсус или какой-либо иной его аналог служит констатацией факта наступления своего рода осевого времени для трансформации мировой экономической системы на новых принципах взаимодействия государства и рынка.

Впрочем, всякого рода консенсусы консенсусами, но рычаги принятия ключевых решений, касающихся каждой

¹ Orient Express // The Times. 2010. January 12.

из системообразующих национальных экономик, любое самодостаточное государство, тем более любая великая держава, не обнаруживает склонность в обозримой перспективе передавать какому-либо внешнему наднациональному институту. Даже при согласии с теми или иными положениями какого-нибудь нового издания Вашингтонского или предполагаемого Пекинского консенсуса прерогативы принять окончательные решения по жизненно важным вопросам экономического характера, разработки и реализации основополагающих правил игры в сфере национальной экономики, как представляется, в конечном счете останутся в столицах соответствующих государств, а не в Вашингтоне или Пекине.

Таким образом, речь идет о необходимости поисков новой философии, новой методологии реформирования мировой экономики с учетом тех глубочайших трансформаций, которые произошли в системообразующих структурах современного мира. В условиях полицентрического миропорядка представляются утопическими всякие попытки разработать некую единую, одинаково пригодную для всех без исключения стран и народов модель выхода из кризиса и перестройки национальной экономики.

Поэтому новый мировой экономический порядок никак нельзя свести к какой-либо одной модели, навязанной мировому сообществу какой-либо одной, пусть даже самой могущественной, державой или группой сильнейших в военно-политическом и экономическом отношении держав. Все сказанное ставит множество вопросов относительно контуров, конфигурации, характера и сущности нового миропорядка и новой мировой экономической системы, вопросов, на которые на сей момент невозможно дать какие бы то ни было однозначные ответы.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что понимается под технологическим прорывом развитого мира?
2. Каковы последствия технологического прогресса для мировой экономики?
3. Дайте характеристику новейшим направлениям и сферам экономики.
4. Каковы место и роль Интернета в становлении и развитии новейших сфер экономики?
5. Что понимается под интеллектуализацией основных факторов производства?

6. Каковы особенности и основные итоги интеграции экономики развивающихся стран в мировую экономику?
7. Как вы охарактеризуете инверсию вектора глобализации?
8. Как глобализация отразилась на правилах игры рыночной экономики?
9. Дайте характеристику виртуального пространства в сфере экономики.
10. Что такое суррогатные деньги, или деривативы?
11. Каковы различия между Вашингтонским консенсусом и Пекинским консенсусом?

Глава 8. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА И РОЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Одной из определяющих тенденций развития современного мира является политическая глобализация, сопровождающаяся беспрецедентными темпами интеграции, транснационализации и универсализации политической сферы. Важнейшими проявлениями и результатами политической глобализации являются расширение и интенсификация взаимодействия между государствами, народами и регионами, увеличение прозрачности национально-государственных границ. Ключевое значение имеет трансформация статуса и роли национального государства как главного субъекта международных отношений.

8.1. Появление на международно-политической авансцене национального государства

Как известно, национальное государство в современном его понимании выдвинулось на политическую авансцену первоначально в Западной Европе в Новое время и тесно связано с формированием идей национального суверенитета. Отличие национального государства от всех предыдущих форм политической самоорганизации человеческих сообществ состоит в том, что в системе международных отношений оно руководствуется прежде всего национальными, а не какими-либо иными, например династическими, интересами того или иного правящего дома. Постепенно сформировалась международная система, в которой главными действующими субъектами стали суверенные национальные государства. Эта система получила название Вестфальской системы, поскольку первые камни в ее фундамент были заложены Вестфальским миром 1648 г.

Суть национального государства состоит в том, что оно самостоятельно определяет форму государственного устройства, основанную на принципах национального суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела каких бы то ни было внешних сил. По мере формирования крупных национальных государств за счет поглощения ими множества мелких политических образований и четкой фиксации государственных границ политическая карта Европы постепенно приобретала совершенно иной вид.

При этом следует отметить, что национальное государство лишь около 200 лет выполняет роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических, в том числе международных, отношений. К примеру, Германия и Италия, какими мы их знаем в современном виде, вышли на общественно-политическую авансцену лишь во второй половине XIX в. В итоге постоянных трансформаций к 1900 г. число государств, которое в 1500 г. составляло 500, сократилось до примерно 25. Еще более заметные изменения в конфигурации политической карты Европы произошли в XX в. в результате распада многонациональных империй.

Характер и форма устройства современных государств определились на пересечении национальной и международной сфер. Именно на этом пересечении действовали те факторы, которые определили размеры государств, их внешнюю конфигурацию, организационные структуры, этнический состав, материальную инфраструктуру и т.д.

Ключевое значение с данной точки зрения приобрела способность государств накапливать, совершенствовать и соответствующим образом мобилизовывать и организовывать средства принуждения в лице армии и других атрибутов военной мощи. В случае необходимости суверенное государство вправе использовать их, чтобы контролировать положение дел как внутри страны, так и в отношениях с внешним миром.

В этом смысле суверенитет означает, что на подконтрольной данному государству территории нет и не может быть иной власти, кроме власти единого суверена. Этот принцип, в частности, выражается в монополии государства на легитимное насилие. Эти принципы действовали и с теми или иными коррективами продолжают действовать и в наши дни.

8.2. Трансформация места и роли национального государства

Центростремительные тенденции и процессы интеграции, транснационализации и глобализации оказывают все более растущее влияние на роль и функции как отдельно взятых национальных государств, так и международной политической системы в целом. На международной арене наряду с суверенными государствами все более возрастающие вес и влияние приобретают негосударственные акторы.

В различных центрах и точках пересечения государственных и негосударственных акторов возникает множество проблем, требующих решения как отдельно взятыми государствами, так и на надгосударственном уровне. Все более возрастающую роль приобретают действия и решения, принимаемые далеко за пределами национально-государственных границ другими правительствами или разного рода международными организациями. Так, на эффективность реализации государством своих прерогатив и полномочий сильное влияние оказывает все расширяющаяся сфера деятельности транснациональных корпораций и других транснациональных акторов в лице региональных и всемирных межправительственных и неправительственных организаций и институтов.

Такие вопросы, как снижение или повышение цен на нефть и газ, кофе и молоко и т.д., решаются не правительством какой-либо отдельно взятой страны, а на уровне ОЭСР, ОПЕК, ЕС и других международных организаций. Трудности, с которыми сталкивается каждое отдельно взятое государство, еще более усугубляются с выдвижением на первый план целого комплекса глобальных проблем, таких как охрана среды обитания человека, истощение невозобновляемых ресурсов, угроза термоядерной катастрофы и т.д.

Как уже указывалось, современные информационные и телекоммуникационные технологии, особенно Интернет, делают транснациональные связи более размытыми и менее структурированными. В итоге во многих регионах мира государственные границы перестают служить барьерами и, все в большей степени становясь транспарентными, способствуют трансграничному взаимодействию, сотрудничеству и интеграции, делают все более актуальной проблему свободного потока информации, идей, ценностей и т.д.

Реальностью стал тот факт, что самостоятельно начинают действовать межстрановые регионы, которые играют все более растущую роль в сфере международных отношений. Они стали немаловажным фактором формирования единой Европы, что дало некоторым исследователям говорить о «Европе регионов».

Процессы интернационализации и взаимозависимости сопровождаются одновременной фрагментацией на субнациональные единицы внутри отдельно взятых стран. Происходит далеко идущая трансформация отношений между государством и гражданским обществом. Растущие вес и влияние приобретают неправительственные структуры.

Суверенитет государств ослабляется в результате не только расширения прерогатив наднациональных, надгосударственных акторов, но и усиления регионов. Все меньше остается сфер, где правительство могло бы принять чисто внутристрановые решения, не оказав то или иное влияние на политику других акторов политических отношений.

Итогом этих и многих связанных с ними процессов и тенденций является то, что в современном мировом обществе выделяются как минимум три комплекса отношений: государств с государствами, государств с корпорациями и международными организациями, а также корпораций с корпорациями. Можно сказать, что международная система, в которой в качестве основной единицы действия выступало суверенное национальное государство, претерпевает существенные изменения.

Имеет место беспрецедентное взаимопроникновение внутренней и внешней политики. Причем такое взаимопроникновение наблюдается во всех важнейших сферах жизни общества. Политические, да и не только политические, отношения, пересекающие государственные границы, приобрели и продолжают приобретать все более растущее значение. Идея об исключительной юрисдикции того или иного государства над определенной территорией де-факто оказывается все менее соответствующей реальности. С одной стороны, становится все труднее утверждать, что именно является сферой компетенции внутренней, а что — внешней политики. С другой стороны, растет значимость внутриполитических последствий внешней политики и внешнеполитических последствий внутренней политики.

8.3. Проблема выживаемости национального государства

Существенным фактором, влияющим на тенденции трансформации суверенитета национальных государств, стало выдвижение на передний план международной политики проблемы защиты прав человека. Разумеется, сама концепция защиты прав человека отнюдь не нова, в той или иной форме реализации ее положений добивались многие социальные и политические движения и организации на протяжении всего XX столетия как на Западе, так и на Востоке. Эта борьба нашла свое логическое воплощение во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г.

Как известно, вслед за этой декларацией был принят ряд основополагающих международных актов, которые стали составной частью международного права. Примером таких актов служит Европейская конвенция по правам человека от 04.11.1950. Эти акты призваны обеспечить международно-правовую базу для гарантии прав и свобод личности (независимо от национальности, социального происхождения, религиозной веры и т.д.). В силу комплекса причин проблема прав человека стала эпицентром политической борьбы в последние четыре-пять десятилетий.

Следует признать, что в данном вопросе мировое сообщество добилось беспрецедентных успехов. Тем не менее многие страны все еще далеки от того, чтобы признать права и свободы общечеловеческими ценностями. Показательно, что на Конференции по правам человека, состоявшейся в 1993 г. в Вене, лишь несколько азиатских стран, в том числе Япония и Республика Корея, поддержали резолюцию, призывающую рассматривать права человека в качестве универсальных ценностей.

Концепция прав человека и разработанные и принятые на ее основе международные правовые нормы представляют собой обоюдоострое оружие. Дело в том, что, с одной стороны, они направлены на сдерживание потенциальных и реальных устремлений властей того или иного национального государства нарушить права своих граждан. С другой стороны, придание приоритета гуманитарному праву и основанному на его принципах гуманитарному интервенционизму над традиционным международным правом способствует

размыванию принципа национального суверенитета. В результате такие до сих пор, казалось, почти бесспорные категории, как неприкосновенность государственных границ, невмешательство во внутренние дела, характер и степень политической независимости, меняются и могут подлежать переоценке.

Таким образом, проблема состоит в том, что при определенных условиях реализация данного принципа способна стимулировать деятельность разного рода радикальных религиозных и этнических меньшинств и группировок. Этим во многом объясняются характерные для современного мира тенденции к децентрализации, автономизации, федерализации, независимости, сепаратизму и т.д. Речь идет, например, об активизации деятельности сепаратистов ЭТА (баск. *ETA, Euskadi Ta Askatasuna* — страна басков и свобода) в Испании, франкоязычного населения Квебека в Канаде, о распаде СССР и Югославии, движении тибетцев в Китае, непрекращающейся напряженности между Индией и Пакистаном и т.д. Длительная борьба фламандцев за автономию в конечном счете привела к трансформации ранее унитарной Бельгии в федерацию. В этой связи нельзя не упомянуть тот факт, что сепаратизм стал одной из самых серьезных проблем в большинстве регионов мира.

Констатируя эти реалии, некоторые авторы пришли к выводу, что государство потеряло статус главного и даже единственного субъекта политики в сфере международных отношений. Утверждается, что в наши дни оно уже не представляет собой самодостаточное политическое или экономическое образование, а служит лишь фрагментом, частью более широких образований: всемирной политической системы, мировой экономики, мирового сообщества.

Более того, предпринимаются попытки обосновать тезис о неминуемом отмирании национальных государств и исчезновении государственных границ. Так, еще в 1980 г. известный американский политолог Дж. Розенау допускал возможность «трансформации и даже краха системы государств-наций в том виде, в котором она существовала в течение последних четырех столетий»¹.

Несколько позже Розенау пришел к выводу, что выделились «два мира мировой политики»: один, состоящий из суверенных национальных государств, и другой — из негосу-

¹ *Rosenau J. The Study of global interdependence. N. Y., 1980. P. 2.*

дарственных организаций, объединений, корпораций и т.д. Он предлагал заменить эти понятия другим, призванным адекватно отразить новые структуры и процессы. Наиболее приемлемым, по его мнению, является понятие «постмеждународная» политика, по аналогии с такими понятиями, как «постиндустриальное», «постсоциалистическое», «постидеологическое» общество или «постмарксизм», «постмодернизм» и т.д.¹

Очевидно, что при таком положении вещей возникают проблемы выживаемости национально-государственного суверенитета, соотношения национального самосознания и интернационализма, глобализма и локализма и т.д. Не случайно в наши дни традиционные инструменты социального контроля стремительно теряют способность эффективно бороться против преступности, наркомании, наркобизнеса и многих других социальных недугов.

Подвергаются эрозии нормы, обеспечивающие единство общества и государства, ставится под сомнение роль самого суверенного национального государства как центрального субъекта международных отношений. Приобрела популярность идея о том, что так называемая «державная» концепция международных отношений безнадежно устарела, что национальное государство превращается в пережиток прошлого. Некоторые авторы идут настолько далеко, что считают возможным отказаться от принципа национального суверенитета.

Создается впечатление, что переживает кризис не та или другая форма государства, а сам феномен государства как такового. При таком положении вещей возникает вопрос: не стало ли суверенное национальное государство в качестве главного актора международной политики достоянием истории? На этот вопрос можно ответить так: весь опыт истории человечества показывает, что государства, будучи незаменимыми формами политической организации народов, при всех процессах глобализации (во всяком случае, в обозримой перспективе) не могут быть списаны в архив истории.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Когда возникла международная система в современной интерпретации данного понятия?

¹ Rosenau J. Turbulence in world politics. London, 1990, P. 136.

2. Каковы сущностные характеристики национального государства?

3. Каковы роль и предназначение государства в системе международных отношений?

4. В чем состоит суть трансформации места и роли национального государства как субъекта мирового сообщества?

5. Что понимается под взаимопроникновением внутренней и внешней политики государства?

6. Дайте характеристику новым негосударственным акторам мировой политики.

7. Теряет ли государство свой суверенитет и статус главного субъекта мировой политики?

Глава 9. ДВУЕДИННЫЙ ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОЛИФЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВ

Одним из важнейших тенденций трансформации современного мира является политическая глобализация, проявляющаяся, в частности, в расширении диапазона деятельности существующих и формировании новых международных организаций регионального и мирового уровней. Вместе с тем, на контуры формирующегося нового миропорядка существенное влияние оказывает встречная тенденция к фрагментации и пролиферации в важнейших сферах общественной жизни, проявляющаяся в возрождении этнизма, национализма, приверженности малой родине, религиозного фундаментализма и т.д. Частью этой тенденции являются политическая децентрализация и появление на геополитической арене множества новых государств.

9.1. Место и роль международных организаций как инструмента политической глобализации

В течение нескольких лет после окончания Второй мировой войны были созданы ООН, НАТО, ГАТТ (Генеральное соглашение о тарифах и торговле), МВФ, Мировой банк, прекратившие свое существование с распадом двухполюсного миропорядка СЭВ и Варшавский пакт, а также были заложены основы ОЭСР. В 1957 г. создание Европейского экономического сообщества положило начало основанию Европейского союза.

Определенную роль в современном мире играют Организация американских государств (ОАГ), Организация африканского единства (ОАЕ), Организация «Исламская конференция» (ОИК) и др. Следует отметить, что число таких организаций постоянно растет или же расширяются

функции уже существующих. Так, еще в 1948 г. при ООН была создана Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). В 1972 г. была образована еще одна специальная организация при ООН — ЮНЕП, в задачи которой входят разработка и осуществление мер по сохранению среды обитания.

Все более заметное значение приобретают международные организации в решении проблем сырья и энергетики. Среди них особое место занимают Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК), Международное агентство ООН по атомной энергии (МАГАТЭ), призванное предотвратить распространение ядерного оружия и сохранить развитие атомной энергии в мирных целях. Начался процесс формирования североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА), включающей США, Канаду, Мексику. В 1989 г. организован Азиатско-Тихоокеанский экономический совет (АПЕК). В Азии успешно действуют Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатский банк развития (АзБР) и другие союзы и объединения.

Немаловажным фактором мировой политики стали ежегодные совещания так называемой «большой семерки» — семи наиболее индустриально развитых стран (США, Германии, Франции, Великобритании, Японии, Италии и Канады) по важнейшим экономическим и внешнеполитическим вопросам. В 1997 г. членом этой организации стала Российская Федерация, в результате чего «семерка» превратилась в «восьмерку». Главное внимание на ее совещаниях, как правило, отводится решению таких вопросов, как обеспечение экономического роста, сглаживание несбалансированности внешнеэкономических связей, инфляция, безработица и т.д. Вместе с тем все большее внимание уделяется военно-стратегическим и внешнеполитическим вопросам. В условиях мирового экономического кризиса 2008—2009 гг. «восьмерка» дополнилась «группой 20», включающей государства с наиболее мощными национальными экономиками.

Как уже указывалось в предыдущих главах, наряду с суверенными национальными государствами активными субъектами международных отношений стали так называемые транснациональные акторы в лице различных организаций, объединений, институтов, оказывающих более или менее заметное влияние на характер и тенденции развития международных отношений. Значительную роль приобре-

тают транснациональные корпорации, существенно влияющие на характер функционирования и тенденции развития мирового сообщества.

Международные организации и институты действуют на всемирном, региональном и субрегиональном уровнях. Например, если Европейский союз включает государства, расположенные компактно на Европейском континенте, а НАФТА — три страны Северной Америки, то в ОПЕК входят государства Европы, Азии и Латинской Америки, а в «восьмерку» — государства Европы, Азии и Северной Америки. «Двадцатку» же составляют государства со всех континентов. Наряду с такой универсальной всемирной организацией, как ООН, функционирует множество региональных и созданных по функциональному признаку организаций.

Обе системы международных организаций имеют общих членов. Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация (ВТО) формально входят в систему ООН и открыты для всех стран. Однако фактически контроль за их деятельностью находится в руках индустриально развитых стран. Особую роль с этой точки зрения играет «восьмерка», в которую практически закрыт доступ слабо- и среднеразвитым, а также малым странам.

Международные организации, объединения и институты играют существенную роль в решении множества проблем, встающих как перед мировым сообществом в целом, так и перед отдельно взятыми государствами и регионами. В их задачу входят разработка и утверждение комплекса правил поведения в рамках мирового сообщества, принципов и рамок для сотрудничества и разрешения разного рода конфликтов.

9.2. Организация Объединенных Наций: состояние и перспективы

Разумеется, ключевая роль в решении международных проблем была отведена ООН. Однако сразу же после окончания Второй мировой войны обнаружилось, что послевоенные реальности радикально отличались от тех, в которых была создана ООН и принят ее Устав. Это прежде всего раскол между союзниками по антигитлеровской коалиции,

развертывание холодной войны и распад колониальных империй, в результате которых на мировую авансцену вышло множество новых независимых государств.

Более того, Германия и Япония, упомянутые в Уставе ООН как бывшие противники, постепенно превратились в сильные экономические державы и после принятия их в члены ООН стали играть в ней значительную роль. Основатели ООН не предусмотрели также возникновение в Азии и Африке мощных движений за самоопределение, результатом которых стали распад колониальных империй и образование множества новых государств.

Как правило, сколько-нибудь жизнеспособные и эффективные международные организации такого масштаба, как ООН, создаются великими державами и служат инструментом обеспечения их интересов. За исключением Совета Безопасности, где пять постоянных членов обладают правом вето, все выборные органы ООН действуют, руководствуясь принципом «одно государство — один голос». Согласно параграфу 1 ст. 2 Устава ООН, «Организация основана на принципе суверенного равенства ее членов»¹.

Этот принцип предусматривает равные права и обязанности всех государств-членов в международно-правовом отношении. Он получил наиболее полное и законченное выражение в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе СБСЕ в 1975 г.

Но в целом ООН и другим международным организациям не удалось преодолеть фактическое неравенство государств. При всех декларациях о «суверенном равенстве» было очевидно существование в ООН «равных» и «более равных». Например, каждый из пяти постоянных членов Совета Безопасности вправе наложить вето на любое его решение и тем самым единолично блокировать реализацию воли большинства членов международного сообщества.

Тем не менее следует признать, что ООН ускорила вступление новых независимых государств в мировое сообщество, дала им возможность освоить правила международной жизни, опыт дипломатии и ведения переговоров. Принцип «одно государство — один голос» дает им численный перевес — преимущество, особенно важное при голосовании по резолюциям в Генеральной Ассамблее. Именно здесь

¹ Действующее международное право. М., 1996. Т. 1. С. 7–33.

они могут создавать широкие коалиции и, опираясь на них, в той или иной степени добиваться своих целей.

Наиболее очевидным примером успеха тактики африканских стран, большинство из которых относится к числу малых, является осуществленный ими через ООН нажим на индустриально развитые страны для введения жестких санкций против режима апартеида в Южно-Африканской Республике. Хотя резолюции и решения Генеральной Ассамблеи и имеют рекомендательный характер, само их принятие, в котором участвуют все государства — члены ООН, может свидетельствовать о том, что затрагиваемые в них проблемы пользуются широкой поддержкой у международной общечественности.

В преамбуле Устава сказано, что ООН выступает от имени народов, но нельзя забывать, что она была создана в качестве государство-центристской организации и по своей сути остается таковой. В нее входят не нации, народы, этносы, а государства, которые и в наши дни продолжают играть решающую роль. Она действовала и продолжает действовать как межгосударственная организация. И это неудивительно, если учесть, что в современном мире все люди находятся под юрисдикцией того или иного государства. Почти все мы, во всяком случае, подавляющее большинство, являемся гражданами или подданными одного из существующих государств.

Хотя идет процесс постепенной эрозии национально-государственных границ, главенствующую роль как в ООН, так и в других международных организациях продолжают играть национальные государства. Членами всех организаций, входящих в ООН, являются государства. Только Международная Организация Труда (МОТ) помимо государств допускает в качестве полноправных участников процесса выработки своих решений представителей других субъектов мировой политики.

Совет Безопасности ООН наделен полномочиями принимать коллективные решения и даже заставлять исполнять их всеми мирными и немирными средствами. В частности, в гл. VII Устава ООН предусматривается, что для выполнения этих функций в распоряжение Совета Безопасности государствами-членами должны быть предоставлены вооруженные силы. Но сама ООН не располагает собственными вооруженными силами и военной инфраструктурой.

Следовательно, эффективность реализации принятых ею решений зависит от готовности конкретных государств-членов предоставить в распоряжение ООН свои воинские контингенты. Но необходимым условием реализации предлагаемых решений является их принятие при единогласной поддержке всеми пятью постоянными членами Совета Безопасности. Что касается Генеральной Ассамблеи, то она вправе двумя третями голосов принимать по любому вопросу не обязательные для выполнения рекомендации.

Согласно ст. 2 и 7 Устава, ООН не вправе вмешиваться в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства. В данном контексте интерес представляет тот факт, что ни одно государство, какую бы политику в отношении своего народа оно ни проводило, не было исключено из состава ее членов. Поэтому ООН была вынуждена постоянно балансировать между целями защиты интересов государств и целями защиты прав человека и народов.

Многие конфликты в современном мире носят иной, чем это определено в Хартии ООН, характер. Прежде всего ее авторы имели в виду проблему международных войн и конфликтов, осуществляемых государствами. Внутригосударственные конфликты фактически не были предусмотрены в ней. Иными словами, их разрешение оставалось исключительной прерогативой правительства соответствующего государства. Имелось в виду, что ООН не вправе вмешиваться во внутренние дела суверенных государств.

Но в послевоенном мире значительная часть войн были гражданскими. Причем во многих случаях имело место широкомасштабное вмешательство во внутригосударственные войны извне, как это было, например, во Вьетнаме и Афганистане, Ливане и Анголе и т.д. Тем не менее формально они оставались гражданскими войнами и тем самым теоретически оказывались вне компетенции ООН. Так, ряд самых острых и дорогостоящих конфликтов периода холодной войны (во Вьетнаме, Нигерии, Камбодже, Сальвадоре, Анголе, Мозамбике и Эфиопии) практически не обсуждались ею. Эта тенденция, как будет показано ниже, еще более усилилась в период после окончания холодной войны.

При всем том на протяжении всего послевоенного периода ООН играла и продолжает играть важную роль при решении тех или иных конфликтов, возникающих в различных регионах земного шара. Другое дело, какими были

последствия таких решений. Следует учесть, что ООН являлась детищем своего времени и была вынуждена действовать в тисках двухполюсного миропорядка, в условиях, когда те или иные жизненно важные для мирового сообщества вопросы большей частью решались в соответствии с волей Вашингтона и Москвы.

Санкционировав применение многонациональных сил против Багдада в начале 90-х гг. минувшего века, Совет Безопасности продемонстрировал волю в наказании агрессора. Операция ООН в Намибии послужила свидетельством того, что при определенных условиях эта организация способна разрешить не только межгосударственные, но и некоторые внутригосударственные конфликты. Намибийский конфликт был разрешен с минимальными осложнениями путем привлечения в процесс переговоров всех конфликтующих сторон. Но в Либерии, Сомали, Руанде и других конфликтных зонах ООН продемонстрировала свое бессилие. Особенно наглядно это проявилось в том факте, что мировое сообщество в течение нескольких лет, по сути дела, безучастно смотрело на кровавые события в бывшей Югославии.

Одной из главных причин, ограничивающих масштабы деятельности ООН, является то, что она испытывает все более растущие финансовые трудности. Показательно, что расходы на проведение операций по поддержанию мира и оказание гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях составляют всего около 4,1 млрд долл., т.е. равны сумме, которая в бюджете города Нью-Йорк выделяется на содержание департаментов полиции и пожарной охраны. Поэтому вполне естественно, что в последние годы ООН встречается со все более растущими трудностями при оказании гуманитарной помощи населению слаборазвитых стран, оказавшемуся порой в катастрофическом положении.

Все сказанное свидетельствует о том, что ООН превратилась в весьма противоречивую организацию, одни положения ее Устава практически перечеркивают другие, особенно на уровне их трактовки. Противоречия, присущие как нынешним действиям ООН, так и ее перспективам, отражают давление центристских и центробежных сил в интегрирующейся мировой системе. Все это свидетельствует о том, что эта организация нуждается в кардинальной реформе с учетом реальностей формирующейся

новой глобальной системы и нового мирового порядка, приходящего на смену исторически сложившейся межгосударственной системе. Речь идет прежде всего о реформе Совета Безопасности путем включения в число постоянных членов ряда государств, приобретших существенную экономическую и военно-политическую мощь, таких, например, как Индия, Япония, Германия, Бразилия.

9.3. Сохранение за государством статуса главного актора мировой политики

Противоречие между возрастающей экономической, экологической, культурной, политической и иными формами взаимозависимости стран и народов, с одной стороны, и сохранением за национальным государством суверенитета и, соответственно, роли активного субъекта международных отношений, с другой, приобретает все более острый и сложный характер.

Но при оценке этих двуетидных тенденций может показаться парадоксальным утверждение о том, что роль государства с соответствующими модификациями в обозримой перспективе может не только не ослабнуть, но в некоторых аспектах даже усилиться.

В современном глобализирующемся мире государство сохраняет и сохранит в ближайшем будущем статус главного и единственного носителя суверенитета, высшей власти на подвластной ему территории и над населением, проживающим на этой территории. Альтернатива суверенному государству — мир, в котором, кроме самого государства, нет конечной, высшей власти в пределах находящейся под его юрисдикцией территории. Это мир, в котором отсутствуют сколько-нибудь четко очерченные границы юрисдикции власти, права, закона, социумов, культур и т.д.

Очевидно, что отдельно взятые государства в совокупности составляют мировое сообщество, но каждое из них имеет лишь ограниченное влияние на его действия и должно, исходя из собственных возможностей, приспособляться к логике конкурентной борьбы на международной арене. Обратной стороной возрастания интернационализации и взаимозависимости стран и народов является усиление конкуренции и трений между ними в экономической

и иных сферах. На этой почве возникают проблемы, которые рыночные механизмы сами по себе не могут решить без вмешательства государств. Для их решения государства пытаются найти приемлемый баланс между растущей экономической взаимозависимостью и достижением национальных целей в международной экономике.

Большинство индустриально развитых стран сохраняет значительную самостоятельность в вопросах регулирования своих экономик, определения социальной политики, сохранения институтов, которые отличают их друг от друга. Более того, решения, принимаемые на наднациональном уровне, могут проводиться в жизнь прежде всего через национально-государственные структуры. Иными словами, процессы интеграции и глобализации не перечеркивают роль государства, а лишь адаптируют его к новым вызовам.

Большинство транснациональных акторов, не обладающих суверенитетом, за исключением военных блоков, не располагают официально признанными легитимными инструментами насилия. У них нет территории, нуждающейся в защите, поскольку границы, отделяющие их от окружающей среды, носят абстрактный характер и зависят от экономической деятельности и социальных связей. Тем не менее их нельзя недооценивать. Верно, что они ослабляют власть государства и поэтому, как считают многие авторы, наносят еще один удар силовой политике.

В равной степени верно и то, что, избегая контроля со стороны государства, эти не избранные народом, анонимные и зачастую наднациональные или вненациональные акторы не несут ответственности за свои действия перед обществом и простыми гражданами. При определенных условиях они способны выйти из-под контроля, проигнорировать правила подотчетности и законности и тем самым превратиться в мощную анонимную власть, подчинившую себе общество и рядовых граждан. При таком положении вещей может создаться ситуация, при которой чуть ли не единственной инстанцией, к которой за защитой может обратиться гражданин, останется национальное государство.

Одними из самых трудноразрешимых в международной политике являются вопросы о законности и правомерности использования силы для разрешения конфликтов, в том числе и вооруженных, в отдельных странах и регионах. Наблюдается все более четко проявляющаяся тенденция

к определенному пересмотру положения ст. 2 (7) Устава ООН, не допускающей вмешательства во внутренние дела государств. Путем расширения толкования угроз международному миру и безопасности вместо вестфальского принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств постепенно утверждается так называемое право на вмешательство, согласно которому то или иное государство (или группа государств) может вмешиваться во внутренние дела другого государства на том основании, что оно представляет угрозу международной или национальной безопасности или же нарушает права и свободы собственных граждан, демонстрирует бессилие предотвратить или остановить гражданскую войну, терроризм и т.д.

Этот принцип содержался в доктрине Рейгана, которая исходила из постулата, согласно которому военное вмешательство во внутренние дела другого государства оправдано, если это необходимо для противодействия расширению влияния СССР и коммунистических сил в целом, а также для содействия распространению демократии. Он лежал также в основе доктрины Брежнева, которая, по сути дела, исходила из фактического признания за советским руководством права вмешиваться во внутренние дела любого социалистического государства, если те или иные его действия рассматривались как противоречащие интересам социалистического содружества, а точнее — Советского Союза.

Постепенно этот принцип начал получать идеолого-политическое обоснование и легитимироваться на официальном уровне. Подспудно сформировался подход, предусматривающий принуждение к миру и предполагающий использование различных форм принудительных мер в целях поддержания мира, в том числе и путем использования вооруженных сил. В этой связи интерес представляет то, что Совет Европы, созданный в 1949 г., руководствуется принципом, согласно которому защита прав человека является делом всего мирового сообщества. Так, Декларация стран — членов СБСЕ/ОБСЕ, принятая 10.07.1992 на встрече глав государств и правительств в Хельсинки, провозгласила, что выполнение обязательств по гуманитарным вопросам «не является исключительно внутренним делом государств»¹.

¹ Дипломатический вестник. 1992. № 15—16. С. 19—24.

За последнее время право на вмешательство не раз, с одобрения международного сообщества, использовалось великими державами в различных регионах земного шара. Война в Персидском заливе, распад Советского Союза и Югославии, так называемые «гуманитарные интервенции» в Косово, Югославии, Боснии и Герцеговине и т.д. оказали огромное влияние на дискуссии по данному вопросу во всем мире.

Значительную актуальность эта проблема приобретает в свете все более обостряющейся проблемы оказания гуманитарной помощи, а также вооруженного вмешательства в некоторые регионы Азии и Африки, охваченные голодом и непрекращающимися гражданскими войнами. Учитывая эту реальность, Б. Бутрос Гали, будучи Генеральным секретарем ООН, утверждал, что «время абсолютного и исключительного суверенитета... прошло». Поэтому необходимо найти «баланс между потребностями доброго международного правления и требованиями все более взаимозависимого мира»¹.

Однако все это не может служить основанием для характерной многим исследователям и наблюдателям склонности к упрощенному и одностороннему толкованию процессов транснационализации, глобализации и усиления взаимозависимости стран и народов. Эти реальности нельзя оценивать как показатель готовности людей отказаться от своих национальных идентичностей в пользу приверженности наднациональным или интернациональным организациям, как показатель движения в направлении абсолютного политического интернационализма и универсализма.

Верно, что на протяжении всей второй половины XX в. международная политическая система подвергалась существенной трансформации. Масштабы и формы конфликтов между странами и народами, споры и проблемы, которые структурируют отношения между государствами, преследуемые ими цели, изменились или находятся в процессе трансформации. Эти изменения способствуют серьезной модификации параметров национального суверенитета, распределения мощи между государствами, форм экономического, политического, культурного и иных форм взаимодействия между государствами и народами.

¹ Beyond Westfalia? National sovereignty and international intervention. Berkeley, 1993. P. 2.

Все же, как уже указывалось, базовая власть, в том числе и монополия на легитимное насилие, остается в руках государства. При всей возрастающей значимости негосударственных акторов мировой политики ее главными действующими субъектами остаются государства, каждое из которых ревниво защищает свою независимость, стремится сохранить свободу действия в конкурентной борьбе с другими государствами и привержено максимизации национального благосостояния и влияния.

За редкими исключениями, международные организации не обладают собственными источниками финансирования, не обладают собственной единой валютой, лишены территориальной основы и поэтому не в состоянии осуществлять самостоятельный контроль над природными ресурсами планеты. Они не имеют единого гражданства.

Что особенно важно, международные организации не вправе создавать и содержать собственные вооруженные силы. Монополия на легитимное насилие, как отмечалось выше, сохраняется за государствами, за исключением тех случаев, когда по взаимному согласию они делегируют такую власть для выполнения специальных, строго оговоренных операций той или иной международной организации, например ООН. Важно отметить, что размыwanie государственной монополии на насилие повышает опасность конфликтов и даже войн внутри национальных государств, что, в свою очередь, не может не отразиться негативно на международной безопасности.

Очевидно, что роль, которую международные организации играют в современном мире, производна от роли входящих в них государств и других субъектов. Они создаются и существуют по воле государств и способны более или менее эффективно функционировать постольку, поскольку этого хотят сами создавшие их государства. Как правило, в подавляющем большинстве случаев решения этих организаций принимаются на основе принципов суверенного равенства и принципа единогласия.

При всех процессах глобализации люди не перестают идентифицировать себя с определенной нацией, сознавать свою принадлежность к той или иной национально-государственной общности. В современном мире все люди находятся под юрисдикцией того или иного государства. Почти все мы, во всяком случае подавляющее большинство, являемся гражданами или подданными одного из суще-

ствующих государств. Люди менее мобильны, чем деньги, товары и идеи, и в известном смысле слова остаются «более национальными», поскольку нуждаются в паспортах, визах, месте жительства и профессиональной аккредитации. Только национальное государство вправе выступать от имени населения, проживающего на его территории.

Нет никаких серьезных оснований утверждать, что народы и государства уступят свою независимость и право самим решать свои проблемы какой-либо абстрактной наднациональной, надгосударственной бюрократии. Как представляется, формирующийся новый мир будет не неким единым универсальным конгломератом, а сообществом множества в чем-то конфликтующих между собой, а в чем-то взаимозависимых друг от друга стран, народов, культур, конфессий и т.д.

9.4. Феномен фрагментации и пролиферации государств

Очевидно, что, хотя сама концепция суверенитета подвергается заметной трансформации, одним из парадоксов все более стремительно глобализирующегося мира является появление на политической карте все новых государств там, где их никогда не было раньше. Это вполне объяснимо, если учесть, что любая универсализация или, как ее нынче называют, глобализация рано или поздно, но неизбежно ведет к фрагментации, децентрализации, сецессии и другим подобным им феноменам. Об этом свидетельствует опыт почти всех мировых цивилизаций и мировых империй.

В данной связи некоторые авторы даже заговорили о начавшейся «фрагментации» или «балканизации мира»¹. Действительно, оборотными сторонами глобализации, интернационализации и интеграции являются обострение этнических, религиозных, культурных проблем, все большее звучание приобретают такие понятия, как «родной очаг», «родина», «нация» и т.д. Не случайно в современном мире национализм продолжает служить в качестве одного из могущественных факторов, определяющих характер и векторы политического и геополитического развития.

¹ *Boniface P.* The Proliferation of States // *The Washington quarterly*. Spring 1998. Vol. 2. № 3. P. 110.

О серьезности этого фактора свидетельствуют мирный раздел Чехословакии на два самостоятельных государства и братоубийственная кровавая трагедия, результатом которой стал распад Югославии. Событиями всемирно-исторического значения и масштаба, приведшим и к переустройству самого мирового порядка, стали распад Советского Союза и образование на его обломках полутора десятков новых государств. Сочетание этих противоречивых тенденций сопряжено со сложностями, связанными с необходимостью их совмещения в рамках существующих политических систем, привязанных к модели национального государства, что создает благоприятную почву для появления новых и обострения старых конфликтов.

В то время как приверженность государств международному сообществу растет, одновременно наблюдается тенденция к усилению сопротивления транснациональным процессам. Можно утверждать, что концепции о закате национального государства и пришествии транснационального мирового сообщества в разных его трактовках не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики.

Как правило, в качестве своего рода образца для дрейфа в направлении единения и унификации современного мира приводят пример европейской интеграции. Однако, как показали события и перипетии мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., время и история еще не вынесли свой вердикт относительно судеб и перспектив этого объединения. К тому же, как отмечалось в монографии «Европа: вчера, сегодня, завтра», национальный суверенитет для подавляющего большинства европейцев был и остается единственным источником легитимности любой публичной власти независимо от ее формы и природы¹.

Поэтому, как представляется, в обозримой перспективе государства сохраняют за собой статус главных акторов мировой политики, а различия национально-государственных интересов, дополняемые этническими, конфессиональными, культурными и иными различиями, останутся главными источниками конфликтов между ними. И это естественно, поскольку именно благодаря государству многие народы стали субъектами истории, именно благодаря государству они обеспечили себе более или менее длительное существо-

¹ См.: Европа: вчера, сегодня, завтра. М., 2002. С. 64.

вание. Те народы, которым не удалось создать свое государство, навечно исчезли в густом тумане истории.

Государство было, есть и останется наиболее жизнеспособной и эффективной формой самоорганизации каждого конкретного народа с единой историей, культурой, традициями, мифами, с характерологическими стереотипами и т.д. Не может быть какого бы то ни было однородного, лишенного национально-государственных несущих конструкций мирового сообщества или однополярного в каких бы то ни было формах миропорядка.

Если теоретически представить себе единую и однородную общечеловеческую культуру, то она может стать лишь воплощением общих социальных, духовных, психологических и иных признаков и элементов, характерных для всех людей. В таком случае речь может идти об общечеловеческих интересах, общечеловеческих ценностях, культуре, миропонимании, вероисповедании и т.д. и т.п. Нельзя сказать, что эти последние вообще не существуют и не могут существовать в будущем, но, к несчастью, а может быть, к великому счастью, дух народов, дух конкретно взятого человека не сводится к ним. Он представляет собой несравненно более сложный, многогранный, противоречивый феномен, который никак невозможно втиснуть в прокрустово ложе каких бы то ни было самых совершенных теорий, формул, моделей.

При всем том, происходящие в мире процессы действительно требуют осознания сущностного единства человечества. Но это сущностное единство отнюдь не исключает, а предполагает разнообразие культур, наций, народов, традиций, политических систем и т.д., питая тенденцию к многовариантности общественного развития, обогащая содержание цивилизованного прогресса человечества. Упрощение, единообразие ведут к регрессу и умиранию человеческих сообществ, а многообразие — залог их прогресса и процветания, гарантия их жизненности.

Любой цивилизации присущи не только конфликты интересов, но и конфликты основополагающих ценностей. В современных реалиях речь идет о политическом, социокультурном, этнонациональном, конфессиональном, ценностном и иных формах плюрализма. Не может быть единого мира с единой верой, единой системой мирозерцания и миропонимания, едиными нормами, ценностями, жизненными установками и т.д. Единый мировой порядок

возможен только как открытое, динамическое пространство для свободного сосуществования, свободного самовоспроизводства разнообразных народов, культур, религий, форм миропонимания, ценностно-нормативных систем и т.д. Ж.-Ж. Руссо говорил: «Я такой, как все. Я не похож ни на кого». Без сомнения, французский мыслитель был прав, поскольку мы все одинаковы по заложенным в нас человеческим первоначалам и в то же время мы разные по формам и путям реализации данных первоначал.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие вы можете назвать важнейшие международные организации?
2. Какова их роль в разрешении противоречий и конфликтов на международной арене?
3. Каковы место и роль Организации Объединенных Наций в системе международных отношений?
4. Назовите основные принципы и направления деятельности ООН?
5. Каков позитивный вклад ООН в решение международных проблем?
6. Какие трудности переживает эта всемирная организация?
7. Сохраняет ли национальное государство статус главного актора миропорядка? Если да, то в силу каких причин?
8. Каковы, по-вашему мнению, перспективы политической интеграции всемирного масштаба?
9. В чем причины и суть фрагментации и пролиферации государств?

Глава 10. КРИЗИС ЕВРОЦЕНТРИСТСКОГО МИРА

К началу XX в. завершился начавшийся еще в эпоху Великих географических открытий процесс объединения и освоения мирового пространства, заселенного человеком, т.е. ойкумены. В результате евроцентристский мир, достигнув в начале века своего апогея, к исходу века пришел к естественному завершению. Вся ойкумена превратилась как бы в закрытую, завершенную и взаимосвязанную целостность, или единую систему, отдельные составляющие которой могут быть поняты лишь в их теснейшей взаимосвязи друг с другом. Можно говорить о конце евроцентристского мира, кризисе западной рационалистической цивилизации. Эти трансформации дают основание говорить о смене эпох, завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития. Соответственно, подвергается коренному переосмыслению и переоценке господствующая общественно-политическая парадигма.

10.1. Понятие парадигмы

Любое человеческое сообщество, любая цивилизация или крупная держава, показавшая свою пригодность к истории, основывается на особом, присущем только ей идеале или центральной, осевой идее. Любые идеи, будь то истинные или ложные, овладевают массами в соответствующей, благоприятствующей им историко-культурной, социальной и духовно-нравственной сфере. Когда идеал или идея подвергаются эрозии или подрываются, сообщество, цивилизация, держава обречены на исчезновение либо радикальную трансформацию. Опыт истории свидетельствует, что, как только начинают подтачиваться духовный и культурный

стержни — основополагающие скрепы цивилизации, можно говорить о начале ее заката.

Социальные рамки любого сообщества людей, будь то национальное государство, религиозная деноминация, профсоюз, университет или что-либо другое, подпадающее под данную категорию, обеспечивают нас средствами для удовлетворения материальных потребностей и гарантируют личную безопасность и т.д. В то же время они определяют конкретный образ жизни, устанавливают морально-этические нормы, обычаи, формы и стереотипы поведения и т.д. При всей множественности последних люди, живущие в едином социокультурном и политико-культурном пространстве, нуждаются в некоем комплексе общих для всех ценностей, норм, установок и т.д., которые в совокупности обеспечивают *modus vivendi* всех членов общества.

Этот комплекс, определяющий содержание и направленность общественного сознания и общественно-политической мысли, называют *парадигмой*. Под парадигмой понимается не та или иная социально-философская или иная теория или течение мысли. Это фундаментальная картина социального универсума, включающая комплекс основополагающих представлений об обществе и индивиде, гражданском обществе и государстве, сакральном и мирском и т.д. Данный комплекс составляет как бы субстрат важнейших концепций, теорий, течений данного исторического периода.

Формируясь и существуя в системе реальных общественных отношений, парадигма приобретает в определенной степени функции своего рода регулятора и координатора деятельности людей. Именно через нее человек оценивает свое место в мире и обществе. Как показывает исторический опыт, эпоха, когда та или иная парадигма со своими социально-философскими и идейно-политическими конструкциями занимала господствующие позиции, рано или поздно приходила к концу, открывая путь новой парадигме.

Причем процесс формирования и эволюции парадигмы характеризуется смещением и параллельным существованием ценностей, идеалов, норм противоборствующих и конфликтующих мировоззренческих и идеологических течений. Особенно наглядно это проявляется в переходные периоды. С одной стороны, происходят фундаментальные изменения в трактовке человеком окружающей природной и социальной действительности, своего места в мире и обществе. С другой стороны, традиционные, некогда обще-

принятые ценности и идеалы еще не сдали своих позиций, не потеряли привлекательности в глазах многих людей.

Но как бы то ни было, смена парадигм имеет в своем основании пересмотр всех ценностей, норм и установок, всей *системы миропонимания* (Weltanschauung) людей. Иначе говоря, суть появления, трансформации и исчезновения человеческих сообществ или цивилизаций выражается в ницшеанской формуле, звучащей как «переоценка всех ценностей».

Великая трансформация, приведшая к формированию капиталистической системы и ее приходу на смену феодализму, имела своим следствием возникновение и утверждение новой системы миропонимания, которая перевернула все представления о человеке, обществе, государстве, об их сущности и взаимоотношениях. Как представляется, в наши дни современный мир также переживает аналогичный период смены парадигмы или «переоценки всех ценностей».

С данной точки зрения интерес представляет анализ тех факторов и принципов, которые лежат в основе подобных трансформаций.

10.2. Проблема энтропийности цивилизации

Считается, что в эволюции мироздания имел место один особый случай разрыва симметрии, а именно разрушение временной симметрии в момент возникновения Вселенной. Время приобрело направление и стало необратимым. Как уже указывалось, разрешение загадки времени было сопряжено с раскрытием рокового значения слов «прошедшее», «настоящее» и «будущее» с их строго односторонней направленностью и неумолимой необратимостью.

С появлением знаменитого второго закона термодинамики в физике впервые утвердилось понятие «стрела времени», означающее эту необратимость. Термодинамика основана на различении между обратимыми процессами, зависящими от направления времени, и необратимыми процессами, которые от него не зависят. С ними связано и понятие энтропии, которое, как подчеркивали И. Пригожин и И. Стенгерс, для того и было введено, чтобы отличать обратимые процессы от необратимых: энтропия возрастает только в результате необратимых процессов¹.

¹ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1988. С. 53.

Суть идеи применительно к социально-историческому миру состоит в том, что все происходящее в нем совершается один-единственный раз и никогда больше не повторяется. Это открытие позволило по-новому подойти к проблеме детерминированности и случайности естественных и социальных процессов. Было установлено, что фундаментальные естественные и общественно-исторические явления помимо детерминированных процессов содержат значительный вероятностный элемент. Обратимость и жесткий детерминизм в окружающем нас мире характерны только для простых предельных случаев.

Что касается человеческих сообществ, то они представляют собой сложные, открытые и нелинейные системы, способные к самоорганизации. Как известно, нелинейные уравнения в математике могут иметь несколько качественно различных решений. Подобным же образом нелинейность в социальном мире дает не один предопределенный, а несколько альтернативных путей развития. Здесь необратимость и случайность являются не исключением, а общим правилом.

В данном контексте интерес представляет следующая аналогия И. Пригожина и И. Стенгерса. «Для классической механики, — писали они, — символом природы были часы, для индустриального века таким символом стал резервуар энергии, запас которой всегда грозил иссякнуть. Мир горит как огромная печь; энергия, хотя она и сохраняется, непрерывно рассеивается»¹. Это в меньшей степени верно и по отношению к социальному миру.

Однако возникают вопросы: что такое энергия для социального мира? Что понимается под социальной энтропией? Каковы ее источники и причины? Ответить на эти вопросы трудно, а может, и невозможно, точно так же, как на вопрос о таинстве и первоосновах жизни. Но тем не менее, как бы выводя за скобки сложные философские аспекты этой проблемы, отметим, что энергия применительно к социальному миру существует как своего рода витальная сила. Она служит в качестве базовой инфраструктуры принципа самоорганизации и самосохранения общества. В процессе исторической жизнедеятельности определенная ее часть постоянно утрачивается, увеличивая удельный вес непредвиденных и непредсказуемых последствий.

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 163.

Выше уже говорилось, что каждая цивилизация основывается на определенном осевом идеале (идее), который в свою очередь включает некий комплекс системообразующих ценностей и норм, составляющих парадигму этой цивилизации. Доминирующие в данной цивилизации образ жизни, формы менталитета, культуры, социальной, экономической и политической организации, философии и религии и т.д. определяются этими ценностями и нормами. Постепенно накапливается внутренняя несостоятельность, свидетельствующая об эрозии осевого идеала и исчерпанности той витальной силы (или энергии), которая давала динамику цивилизации. В результате рано или поздно трансформируется и сама цивилизация.

Используя аналогию О. Шпенглера, можно сказать, что процесс постоянной реализации идеала такой же, как становление жизни, а результат этого процесса неумолимо связан со смертью, таит в себе смерть. Как отмечал О. Шпенглер, все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы и культуры, но также целые цивилизации¹. Процесс всякого развития необходимо рассматривать и оценивать с учетом его естественных возможностей и пределов.

Постоянное неумолимое восхождение возможно лишь при наличии неограниченных духовных и материальных ресурсов. Поскольку ни одна цивилизация не может обладать беспредельной созидательной энергией, то ее возможности в конце концов исчерпываются и она либо умирает, либо трансформируется, открывая в себе новые творческие силы и возможности.

При этом кризис цивилизации может оказаться болезнью роста или перевоплощения, родовыми муками, чреватými высвобождением новых творческих сил. В противном случае общество исчерпает все доступные ему запасы энергии, прежде чем научится потреблять новые формы и источники энергии.

10.3. Особенности кризиса евроцентристского мира

Как и любая другая мировая цивилизация, евроцентристский мир имеет свое рождение, восхождение, зрелость

¹ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1924. С. 170.

и постепенный спуск по наклонной, ведущей в конечном счете к исчезновению. Касаясь данного вопроса, хочу подчеркнуть ту мысль, что евроцентристский мир также не является исключением из этого всеобщего закона. Однако, как будет показано ниже, конец евроцентристского мира имел множество особенностей, что существенно отличает его от упадка и конца всех предыдущих цивилизаций или миров.

Уже со времен Гегеля для европейской мысли стало характерным все более растущее осознание надвигающегося кризиса западного мира. Это осознание первоначально нашло таких наиболее ярких глашатаев, как С. Кьеркегор и Ф. Ницше. В конце XIX — начале XX вв. многие выдающиеся умы поставили недвусмысленный диагноз прогрессирующей болезни западной рационалистической цивилизации. Чтобы убедиться в широте и популярности подобных умонастроений, достаточно познакомиться с работами О. Шпенглера, К. Ясперса, П. Тиллиха, П. Сорокина и многих других мыслителей XX в.

Дух всех этих работ наиболее лаконично и емко выражен в названии известной книги О. Шпенглера «Закат Европы» или же в высказанном П. Сорокиным мнении о том, что «творческие силы западной культуры увядают» и «солнце западной культуры закатилось»¹.

Эту же мысль сформулировал К. Ясперс в несколько иной форме: после Первой мировой войны «появилось ощущение конца человеческого существования вообще, преобразования, охватывающего все народы и всех людей без исключения, которое ведет то ли к уничтожению, то ли к рождению нового. Это еще не было самым концом, но знание о том, что конец возможен, стало всеобщим»².

Действительно, вторая половина XIX — начало XX вв. ознаменовались кардинальными сдвигами в общественном сознании и общественно-политической мысли. Они позволяют говорить о переменах эпохального масштаба, поставивших на повестку дня переоценку всех ценностей, о которой так настойчиво предупреждал Ф. Ницше. Анализ реальных процессов и явлений, определяющих облик рассматриваемого периода, убедительно показывает, что речь идет не просто об экономических и политических катаклизмах. Имели место более глубокие изменения, затронувшие

¹ Сорокин П. Человек, цивилизация, история. М., 1992. С. 227—228.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 241.

цивилизационные основы жизни, ценностную систему, мораль, культуру, науку, философию и религию.

Как правило, именно переоценка всех ценностей лежит у истоков нового мировоззрения или новой парадигмы. Применительно к рассматриваемому периоду это наиболее ярко проявилось в важнейших областях научного знания, где были сделаны качественно новые открытия, которые буквально перевернули господствовавшие представления о материи, пространстве, времени. Они в конечном итоге оказались своеобразными проявлениями сущностной трансформации метафизических и онтологических основ самой человеческой жизни.

Симптомами этой трансформации стали своеобразное расщепление (подобно расщеплению атома), расчленение целостного сознания, возникновение и распространение различных, порой самых причудливых идей, течений, школ в культуре, искусстве, литературе, ставших известными под собирательным названием *дегуманизация искусства*. Обнаружились тенденции к изменению привычных форм жизни, потере устойчивости, роста неуверенности и т.д., оказавшиеся и причиной, и следствием великих мировых катаклизмов XX в.

В сфере сознания предвестниками и свидетелями этих катаклизмов стали «сумерки богов», происшедшая множество раз и во множестве форм «смерть бога» и разбожествование мира. По справедливому замечанию А. Камю, вопреки мнению его христианских критиков, Ницше не вынашивал планов убийства бога. Он нашел его мертвым в душе своей эпохи¹.

Возможно, банально звучит утверждение, что идеи и люди, их воплощающие, руководят миром. Причем зачастую не имеет значения, истинны они или ложны. Мобилизующие мифы, символы, иллюзии составляли один из могущественных факторов истории. Именно им во многом обязаны своим появлением колоссальные пирамиды и сфинксы в Древнем Египте и гигантские христианские соборы в Европе. Их именем и под их сенью создавались и уничтожались громадные и могущественные империи.

Разумеется, это сложный вопрос, требующий самостоятельного рассмотрения. Здесь отметим лишь то, что в целом XX столетие, во всяком случае, первую его половину

¹ См.: Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 170.

можно назвать с точки зрения судеб многих стран и народов периодом затянувшегося, перманентного смутного времени, затронувшего все стороны и аспекты человеческого бытия.

В такие времена нередко духовные начала жизни людей и целых человеческих обществ возносятся на новые высоты, но столь же нередко духовные ценности отступают на задний план. Их творцы сносятся с пьедесталов, нарушаются привычные иерархии их приоритетов. Поистине, страх перед крушением привычного образа жизни и неопределенным будущим может и окрылять, и парализовать волю и сознание людей.

Поэтому неудивительно, что XX в. так богат проектами, идеями, учениями, предлагавшимися в качестве руководства к поиску путей, по которым Запад может и должен идти. Обнаружилось, что капитализм с его идеями гуманизма, прав человека и гражданина, демократии, подчинения власти праву и т.д. может породить подлинно тиранические формы правления. Не секрет, что при нацистском режиме в Германии, фашистском в Италии, франкистском в Испании, большевистском в России и т.д. диктаторские политические машины были созданы в своей основе на капиталистической инфраструктуре.

Вместе с тем сначала поражение фашистских режимов во Второй мировой войне, а затем крах коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР в конце века продемонстрировали, что обе разновидности тоталитаризма оказались тупиковыми ветвями развития современного человечества. Однако этот факт сам по себе еще не может служить доказательством совершенства западной системы и западного образа жизни.

Когда говорится о кризисе западного сознания, имеется в виду не в последнюю очередь кризис рационалистического сознания. При этом дело нельзя представлять таким образом, что рационализм и рациональное начало исчерпали себя и теперь им место в антикварных лавках истории. Рационалистическая наука не раз еще удивит мир и потрясет его все новыми и новыми открытиями. Более того, рационалистическая наука, расширяя наши знания о мире и о нас самих, в определенном смысле может помочь нам приподнять завесу над предвечными основаниями мироздания и жизни.

Все же рационализм, рациональное начало — необходимое, но недостаточное условие для полноценного человеческого существования. Как отмечал еще бл. Августин, человеку не подобает полагаться на разум, откуда он не просвещен особым божественным откровением.

Действительно, обнаружилось, что вера в прогресс и вытекающий из него социально-исторический оптимизм стали причиной гигантских катастроф и трагедий XX в. Две мировые войны окончательно разрушили иллюзию прогресса как движения вперед и вверх, от плохого к лучшему, от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному.

При всем внешнем благополучии положения Запада по важнейшим параметрам материального уровня жизни приходится констатировать, что проблема кризиса рационалистического сознания и самого образа жизни в последние десятилетия заявила о себе с всевозрастающей очевидностью. Особенно отчетливо эта проблема просматривается в области общественной мысли. На фоне грандиозной информационно-технологической революции, в буквальном смысле перевернувшей сами основы бытования народов, поражает скудость плодов в области общественной мысли.

Однако при оценке этих реальностей нельзя забывать о том, что для общественно-исторического развития, особенно на переходных его этапах, характерно усложнение общественной жизни, размножение ее форм, обогащение структур и сетей человеческих отношений. В условиях многомерной эволюции каждый уровень имеет свой принцип организации. Это вносит существенные коррективы и в феномен энтропии. Человек и общество, сознательно вторгаясь в ход вещей, способны не только блокировать ее, но и пробуждать, и даже создавать новые источники энергии, новые пути и способы самовоспроизводства и жизнеутверждения.

Западный мир настойчиво ищет гарантии своей жизнеспособности и прогресса на путях глобализации. Более того, можно сказать, что для евроцентристского мира конец обернулся не уходом с международно-политической сцены, не исчезновением в густом тумане истории, а началом новой грандиозной главы жизни и творений совместно с другими народами планеты.

И сейчас конец евроцентристского мира отнюдь не означает смерти или исчезновения с исторической арены за-

падной рационалистической цивилизации, ее превращения в факт истории. Выше уже говорилось о том, что мировой экономический кризис 2008—2009 гг. при всех его негативных последствиях отнюдь не означает несостоятельность и крах рыночных принципов. Как отмечал германский теолог профессор К. Ранер, невозможно сколько-нибудь точно предвидеть, предсказать перспективы и судьбы европейской культуры, но «эта неизвестность еще не дает права на отречение и покорность», права на смирение перед «неизбежностью»¹.

Оптимизм в этом аспекте внушает хотя бы тот факт, что если в прежние эпохи упадку цивилизаций сопутствовали стагнация и упадок техники и производства материальных благ, то совершенно иная ситуация наблюдается в наше время, когда конец евроцентристского мира и формирование новой, всепланетарной цивилизации сопровождаются беспрецедентным скачком научно-технического прогресса. Речь идет, во-первых, о трансформации рационалистической цивилизации, во-вторых, о формировании единого мирового сообщества, интегрально включающего в себя важнейшие базовые компоненты евроатлантического мира.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что понимается под парадигмой?
2. Какие именно факторы определяют смену парадигм?
3. Как вы понимаете феномен энтропии?
4. Что понимается под энергией или витальной силой?
5. Каковы особенности энтропии в общественно-историческом измерении?
6. Назовите основные составляющие кризиса евроцентристского мира.
7. В чем состоят отличия современного кризиса от кризиса прежних цивилизаций?
8. Означает ли кризис уход евроцентристского мира с геополитической авансцены?

---

¹ Europa-Horizonte der Hoffnung. Graz etc., 1983. S. 20.

Глава 11. ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ОСОБЫЙ ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

В предыдущих разделах уже затрагивался вопрос интеграции экономики стран Востока в мировую экономику. Более сложна и противоречива проблема перехода от диктаторских, авторитарных форм правления на рельсы демократизации. В этом плане во всем мире, в том числе и на Востоке, уже достигнуты значительные успехи.

Применительно к Востоку, да и ко всему незападному миру, речь идет о том, сводятся ли эти процессы к вестернизации или механическому перенесению сюда западных институтов, ценностей и идеалов? Являются ли они показателем полной и окончательной победы Запада и западной цивилизации над остальной ойкуменой? Или же мы имеем дело с более глубинными и сложными вещами, а не просто с победой одного «изма» над другими?

11.1. Проблема восточной модели демократии

Для правильного понимания этой сложной проблемы рассмотрим сначала вопрос о пригодности демократии для восточных народов. Как известно, термин *демократия* в дословном переводе с древнегреческого языка означает «народовластие» или «власть народа». В этом смысле важнейшим признаком демократии является признание народа каждой конкретной страны носителем верховной власти. Причем разные народы могут по-разному трактовать содержание и формы народовластия.

Имеются существенные разночтения в понимании демократии в античном мире и на современном Западе. В таком случае, почему мы должны исключить разное ее понимание в разных культурах и у разных народов в наши дни? Чтобы положительно ответить на этот вопрос, достаточно взглянуть на политическую карту Западной Европы и Северной

Америки, где базовые демократические ценности и принципы получили практическое воплощение в разнообразных политических режимах, соответствующих национально-культурным, историческим и иным традициям стран и народов региона. Таким образом, почему нельзя допустить, что народовластие у народов и стран других регионов, в том числе и России, может иметь иное содержание, иные параметры и конфигурацию, нежели, скажем, у американцев, французов, англичан и др.?

Демократия продемонстрировала способность приспосабливаться к самым различным национально-культурным условиям. Но формирование и институционализация демократических форм государственного устройства на той или иной национальной почве отнюдь не может сводиться к механической трансплантации готовых форм, принципов и институтов западной демократии.

В массиве национального сознания каждого народа имеются базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух, менталитет, характер данного народа, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему. Скажем, можно перевезти и установить Статую Свободы на площади Тяньаньмень в Пекине, но вряд ли можно насильственно навязать определенным образом понимаемую свободу всему китайскому народу.

Иначе говоря, необходимо, чтобы каждый народ созрел для соответствующих форм и механизмов политической самоорганизации. А это вещи, достигаемые в результате длительного исторического опыта. В данной связи уместно напомнить, что формирование и институционализация рыночной экономики (и особенно политической демократии) на самом Западе заняли несколько веков.

Считается, что на Западе более актуален вопрос об индивидуальных правах и свободах, а в большинстве восточных стран приоритет отдается групповым правам и интересам. Но правомерно ли на этом основании утверждать, что демократический путь развития противопоказан этим странам? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо определить, что мы конкретно понимаем под демократией и совместима ли она с коллективистским, солидаристским, групповым и иным началами, ассоциируемыми с Востоком.

В принципе является недоразумением рассматривать восточные культуры как исключительно коллективистские, а западные — как исключительно индивидуалисти-

ческие, при этом ассоциируя первое начало исключительно с пассивностью и застоём, а второе преимущественно со способностью к развитию. Однако, как представляется, коллективистское и индивидуалистическое начала, взятые сами по себе, присутствуют во всех культурах, как в восточных, так и западных, но выражаются и проявляются с разной интенсивностью. В этом смысле можно говорить лишь о преобладании (а не о полной монополии или полном отсутствии) в том или ином регионе или стране того или иного начала.

Но дело не только и не столько в этом. Если вникнуть в сущность ценностей, норм и установок демократии, то обнаружится, что в них в принципе отсутствует какое бы то ни было противопоставление коллективизма индивидуализму, солидаризма эгоизму, государственного вмешательства рыночному началу. В этом контексте немаловажный интерес для нас представляет опыт Японии и некоторых других стран Восточной Азии.

По сей день не затихают дискуссии относительно того, насколько укоренилась демократия в Японии и можно ли назвать институционализировавшуюся там политическую систему демократией в общепринятом смысле данного слова. Это во многом объясняется характерным для японской демократии национальным колоритом, который действительно отличает ее от западных моделей демократии. Более того, констатируя ее историческое своеобразие, специалисты говорят о существовании демократии японского типа, характеризуя ее как некий гибрид, возможно превосходящий оригинал, т.е. западную модель, по своей жизнестойкости и продуктивности.

11.2. Сущностные характеристики социокультурной системы Востока

Во всех восточных религиях можно встретить доводы в пользу таких добродетелей, как трудолюбие, бережливость, прилежание, умеренность, преданность и т.п. Х. Накамура даже нашел соответствие западным, особенно протестантским, идеям индустриализма, модернизма, трудовой этики, призвания и т.д. в учении дзэнского монаха С. Судзуки, который, в частности, считал, что всякое дело

является испытанием веры и все профессии — проявление Божественного Абсолюта. По его мнению, наилучший путь буддийской религиозной практики — это преданность земным делам человека, его трудовому призванию¹ (совсем как у М. Лютера. — *Примеч. авт.*).

Но было бы явным упрощением свести акты модернизации Японии, Китая, равно как и других стран Восточной и Южной Азии, к тем элементам их социокультурной матрицы, которые имеют свои аналоги в культуре и менталитете Запада. Как известно, иудео-христианская и исламская традиции основываются на вере в единого трансцендентного Бога. Ценностные системы в японской и китайской традициях характеризуются преимущественной ориентацией на посюсторонние проблемы. К тому же как конфуцианству, так и буддизму чужд монотеизм, что делало их, в сущности, открытыми вероисповедными системами, хотя буддизму не чужда вера в трансцендентную божественность.

В культурной матрице многих восточных народов присутствуют несколько начал, вступающих в диалог друг с другом. Характерно, что, например, в Китае один из минских императоров издал специальный эдикт, согласно которому Конфуций, Лао-цзы и Будда объявлялись покровителями Поднебесной. Основу китайской традиции составляет не только конфуцианство, но также легизм, даосизм, буддизм. Это стало фактором, способствовавшим утверждению в Китае терпимости к инаковерию. Примечательно также то, что в Индии и Китае не было религиозных войн, подобных тем, которые время от времени возникали в Европе. Поэтому невозможно себе представить китайский, индийский или японский аналоги инквизиции.

Что касается Японии, то для нее характерна особая форма культурного плюрализма, отличная от западных форм. Как писал профессор Осацкого университета Я. Масакадзу, западный плюрализм с его полной интеграцией различных влившихся в него элементов можно сравнивать с легированием металлов или с химическим соединением. В отличие от этого, в Японии элементы хотя и вступали в тесную связь друг с другом, но сохраняли все же свою самобытность, как это имеет место в ткани из смешанной пряжи².

¹ См.: *Nakamura H. Suzuki Shosan, 1579—1655, and the Spirit in Japanese Buddhism* // *Monumenta Nipponica*. 1967. № 1. P. 7—2.

² См.: *Masakazu Y. Pluralism in der Kultur* // *Japan und der Westen*. Fr.-a.-M., 1986. S. 38—46.

В западном культурном плюрализме *гомогенные* единицы или группы базируются на одном основании, например на христианстве (хотя в нем и выделяются различные направления). В Японии же, напротив, обнаруживается плюрализм *гетерогенных* единиц или групп, воззрения которых базируются на различных основаниях.

Показательно, что многие японцы справляют обряды, связанные с рождением ребенка или бракосочетанием, по синтоистскому ритуалу, хоронят покойников согласно буддийским обрядам, а в их повседневной жизни преобладает конфуцианская мораль. Имеет место приверженность одних и тех же лиц двум или более религиозным верованиям. Здесь нередки семьи, в которых есть одновременно синтоистский, буддийский и даосский алтари.

Хрестоматийной истиной стало признание большинством специалистов в качестве важной особенности японской политической культуры приверженность японцев групповым, коллективистским и иерархическим нормам и ценностям. В отличие от западной модели демократии с ее ударением на защите индивидуума от давления общества и государства, японская модель делает акцент на самоограничении личности, стремясь встраивать ее порывы в систему общественных и государственных интересов.

В Японии синкретическое соединение морально-этического учения Конфуция и важнейших элементов синтоизма и буддизма составляет основу того феномена, который принято называть японским духом. По мнению некоторых исследователей, приверженность этим принципам позволила превратить каждого японского работника в «самурая XX в.», действующего точно и энергично в соответствии с поставленной целью. Именно этот принцип стал одним из факторов экономического взлета Японии. Синтез японского духа с западным техническим гением по формуле «японский дух + западная техника» вылился в «японское чудо», выдвинувшее Страну восходящего солнца на первые роли в мировой экономике.

Как показывают многочисленные исследования, подобного рода национально-культурные особенности, послужившие в качестве несущих опор модернизации, характерны и для других стран и народов Восточной Азии. Модернизация, таким образом, осуществляется при сохранении важнейших традиционных начал в социокультурной и политико-культурной сфере.

Имеют значение такие ценности, как иерархия, долг, обязанность, консенсус, подчинение интересов личности интересам группы, приверженность принципам корпоративизма, коммунитаризма в отношениях между людьми в важнейших сферах общественной жизни.

При решении конфликтов часто используются неформальные механизмы принятия решений в духе патернализма, сохраняются половозрастная дифференциация и неравенство в социальной и профессиональной иерархии. Подобных особенностей можно привести еще множество. Все они имеют мало общего с индивидуалистическими ценностями, установками и ориентациями, которые, как правило, ассоциируются с западной демократией.

Поэтому можно говорить о неправомерности отождествления демократии преимущественно (или даже исключительно) с индивидуальной свободой. Тем более не правомерны построенные на этом постулате позиции тех авторов, которые говорят о вестернизации восточных обществ путем механической трансплантации сюда западных ценностей, норм, установок (прежде всего индивидуализма, рационализма и свободной конкуренции).

Верно говорят, что признание факта появления человека в Африке не делает всех людей африканцами, а все человечество африканским. Точно так же приоритет евроцентристской цивилизации в деле создания важнейших атрибутов современности не делает последнюю исключительно европейской или западной. Вспомним в данной связи, что сам феномен цивилизации возник первоначально в Азии, но это не дает нам права говорить, что любая цивилизация — азиатская по сути.

Все сказанное свидетельствует о том, что для правильного понимания сущности демократии необходимо отказаться от характерного для нашей публицистики, да и определенной части исследователей отождествления демократии с либерализмом вообще и экономическим либерализмом в частности. Верно, что демократия невозможна без либерализма. Тем не менее либерализм — необходимое, но недостаточное условие для утверждения демократии.

Нельзя забывать, что демократия не сводится исключительно к либерализму. Она не есть результат реализации принципов, установок, ценностей какого-либо одного «изма», в том числе и либерализма, как бы важен этот «изм» ни был. Важный собственный вклад в формирование теории и поли-

тической системы демократии внесли и другие «измы»: консерватизм, социал-демократизм, марксизм и т.д. В противном случае это было бы не демократией, т.е. не властью народа (или, во всяком случае, не большинства народа, а лишь его части, придерживающейся либеральных принципов).

Что касается демократии на Востоке, то здесь ее ценности и институты могут укорениться, только пройдя через конкретные национально-культурные реальности. Группа, коллектив, этнос, государство могут играть и играют незаменимую роль при создании условий для реализации прав и свобод отдельного человека. Более того, некоторые другие организационные формы социальной и экономической власти могут оказаться в значительно большей степени губительны для свободы личности, нежели группа, коллектив, государство. Что касается нерегулируемых социальных отношений, то они могут обернуться для свободы большей катастрофой, чем даже самая тираническая власть.

На микроуровне в общинных, коммунитарных, традиционалистских структурах, по сути дела, действует внутренняя демократия: в них существуют довольно эффективные коллективистские формы и методы принятия решений. К тому же склонность подчинять личные интересы интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушности граждан.

При таком понимании гетерогенность общества, выражающаяся в существовании множества этнических, конфессиональных, родовых, клиентелистских и иных группировок, общностей и связей, не обязательно может стать фактором, препятствующим принятию и утверждению демократических принципов. Их особенности вполне могут быть интегрированы в систему политических ценностей, ориентаций и норм, единую модель политической культуры, имеющей, естественно, свои особые субкультуры. В этой связи интересной представляется позиция тех авторов, по мнению которых «Япония — это открытое общество весьма закрытых групп»¹.

Иначе говоря, политическая макроструктура в виде парламентской демократии, конституционализма, правового государства, многопартийности и других атрибутов классической демократии создана при сохранении групповых, коллективистских, солидаристских начал.

¹ Демократия в Японии: опыт и уроки. М., 1991. С. 22.

Западные образцы государственности по-настоящему, так сказать, в первозданном евроцентристском варианте не могут институционализироваться в странах, где господствуют так называемые органические социокультурные, политико-культурные, религиозные и т.д. традиции и формы ментальности. В то же время последние не могут служить непреодолимым препятствием на пути экономической и политической модернизации Востока, утверждения здесь институтов, ценностей и норм рынка и политической демократии.

Все это свидетельствует, во-первых, о том, что для большинства развитых стран и стран, обладающих потенциальными возможностями для вхождения в их число, рыночная экономика и политическая демократия являются или становятся главной формой самоорганизации общества. Но это отнюдь не есть признак какой-то унификации или упрощения жизнеустройства в масштабах континентов, регионов или всего земного шара. Дело в том, что каждая страна, каждый народ выбирает и реализует собственный национальный тип демократии, учитывающий собственные национально-исторические традиции, обычаи, политико-культурные корни и т.д.

Поэтому можно утверждать, что Восток не просто пассивный объект вестернизации/модернизации, а активный субъект экономических, социокультурных и политических процессов всемирного масштаба. И было бы явным упрощением и преувеличением говорить о замене характерологических установок японской или южнокорейской социокультурной общности характерологическими установками евроцентристской техногенной цивилизации.

Именно сохранение (в той или иной модифицированной форме) традиционных ценностей и ориентаций позволило Японии, Южной Корее и другим странам Восточной Азии освоить достижения техногенной цивилизации, модернизироваться экономически, сохранив многие черты своей традиционной культуры, идти не просто по пути вестернизации, а модернизироваться, оставляя свою идентичность.

11.3. Соотношение активного и пассивного начал в социокультурной системе Востока

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что мы, по-видимому, переживаем начальный этап формирования

некоего нового типа мирового сообщества всепланетарного масштаба. Оно будет отличаться от общества, в котором наше поколение родилось и выросло, в такой же (а может быть, еще большей) степени, как наше общество отличалось от того, которое было до серии промышленных, социальных и политических революций Нового времени почти на всем пространстве ойкумены.

По-видимому, ни одна прежняя цивилизация не знала такого единообразия ключевых институциональных форм организации различных сфер жизни, как современная, еще формирующаяся *всепланетарная* цивилизация. При этом обращает на себя внимание набирающая силу и обороты динамичность этого процесса.

Следует напомнить, что вплоть до конца 70-х — начала 80-х гг. на основе базовых капиталистических институтов действовали в основном страны первого, т.е. индустриального, мира. Это примерно четвертая часть современного мира. Социалистический лагерь в 1986 г. включал страны с общей численностью населения около 1,7 млрд жителей (37% населения всего земного шара). Несколько десятков стран третьего мира пытались осуществить индустриализацию с помощью государства, в руках которого и сосредоточились основные бастионы экономики. Лишь несколько стран Восточной Азии приняли институты политической демократии и рыночной экономики.

Иное положение сейчас. Структурообразующими силами большей части современного мирового сообщества являются рыночная экономика и в меньшей степени политические институты, ориентированные на демократию. Распространение рыночной экономики сопровождается повсеместным распространением универсальных норм и правил игры в политической сфере.

Перспективы расширения и углубления этих тенденций подтверждаются тем фактом, что за последние годы страны с общей численностью населения приблизительно в 3,5 млрд чел. перешли на путь радикальных реформ, призванных перевести экономику на рельсы капиталистического развития. Хотя специфические национальные формы развитого капитализма в США, Европе и Восточной Азии различны, все они основаны на этих и подобных им началах.

С учетом национальных особенностей, о которых будет сказано ниже, растет число стран, принимающих те или иные формы парламентаризма и демократии. В масшта-

бах всей планеты утвердилась единая пространственно-временная парадигма. Всюду так или иначе приживаются внешние атрибуты евроцентристской цивилизации: стиль одежды, автомобиль, кинематограф, поп-музыка, единый научный и компьютерный языки и т.д.

Естественно, при анализе этой весьма сложной проблемы возникают вопросы:

- На каких именно основаниях происходит формирование всепланетарной цивилизации?
- Имеем ли мы просто процесс пространственного расширения западной рационалистически-техногенной цивилизации на новые регионы и страны земного шара или происходит некий синтез Европы и Америки с другими регионами, проще говоря, синтез Запада и Востока?
- Идет ли речь просто о вестернизации Востока или же Восток модернизируется на свой лад, заимствуя и используя научно-технические достижения Запада?
- Являются ли эти процессы показателем полной и окончательной победы Запада и западной цивилизации над остальной ойкуменой и признаком «конца истории» или же мы имеем дело с более глубинными и сложными вещами, а не просто с победой одного «изма» над другими?

Зачастую на эти и подобные им вопросы западный человек склонен давать однозначные ответы, полагая, что речь в данном случае идет о вестернизации Востока и его вхождении в западную рационалистическую цивилизацию. Как утверждал, например, К. Ясперс, в отличие от всех прежних эпох смены цивилизаций, на нынешнем этапе все человечество должно войти в цивилизацию, созданную Западом¹.

Оценивая эту проблему применительно к исламским народам, американский исследователь Д. Пайпс писал: «Чтобы избежать аномии, у мусульман есть только один выход, потому что модернизация требует вестернизации... Ислам не предлагает альтернативного пути модернизации... Поскольку содержание следует имитировать не в меньшей степени, чем форму, превосходство западной цивилизации должно быть признано настолько, чтобы можно было учиться у нее»².

¹ См.: Ясперс К. Указ. соч.

² Pipes D. In the Path of God: Islam and Political Power. N.Y., 1983. P. 349.

Очевидно, что этот подход, довольно распространенный в России и на Западе, при всех оговорках, по сути дела, предполагает простое перенесение важнейших атрибутов западной цивилизации на остальные регионы мира, их перелицовку по образу и подобию Запада на началах рационализма.

Несмотря на ставшую в наши дни очевидную несостоятельность и даже абсурдность многих отрицательных оценок Азии, нельзя сказать, что на Западе, да и у нас в России, они в полной мере изжиты и сегодня. Во всяком случае, Восток зачастую продолжает восприниматься в киплинговском духе: Восток есть Восток. Запад есть Запад. Этим двум близнецам никогда не сойтись. В таком понимании Восток есть нечто абстрактное, монолитное, объединяющее всю небелую, а отчасти и белую ойкумену.

В действительности же Восток — это целый конгломерат социокультурных, национально-историко-культурных ареалов, таких как ближневосточный арабо- и тюрко-мусульманский, средневосточный иранско-тюрко-мусульманский, восточноазиатский буддийско-синтоистский, центральноазиатский тюрко-мусульманский, конфуцианский, индийский, индуистско-буддийско-мусульманский и т.д. Каждый из этих миров как по своим внутренним базовым характеристикам, так и по взаимоотношениям с Западом имеет свои особенности и требует соответствующего понимания.

При этом преобладающие на Западе подходы к Востоку определяются восходящими еще к Гегелю представлениями о пассивности, летаргичности и неспособности восточного менталитета к социальному, технологическому и иным формам прогресса. Например, М. Вебер характеризовал доминирующий в Китае тип взаимодействия со средой как приспособление, а в Европе — как овладение миром. Приспособление подразумевает преобладание в культурной матрице пассивного начала, а овладение миром — активного начала. Поэтому естественно, что Вебер объяснял отсталость Китая уникальной исторической непрерывностью и исключительно низкой внутренней способностью китайской цивилизации к трансформации.

Современные же авторы ищут факторы, способствующие модернизации ряда азиатских стран не в них самих, а во вне, акцентируя внимание исключительно на роли импульсов извне, феномене революции сверху, доминирующей роли надстроечных институтов и т.д. При этом некоторые

авторы видят некую дуальность в системе отношений Восток — Запад или Запад — Восток, подразумевая под «Западом» принцип личностный, а под «Востоком» — принцип коллективистский. Естественно, первый из этих принципов склонны оценивать позитивно, а второму давать негативную оценку.

В этом контексте важно осознать, что различия, специфичность, уникальность, особость не всегда и не обязательно означают отсталость от так называемых передовых культур и не обязательно стремиться к тому, чтобы догнать или перегнать их. Во всемирно-историческом плане не совсем корректно делить историю на хорошие и плохие, светлые и темные периоды, на низшие и высшие ступени с точки зрения морально-нравственного совершенства и несовершенства народов.

По-видимому, был прав Н. С. Трубецкой, который писал: «Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих — низшими — произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо»¹.

Возникнув, социальная система продолжает создавать условия для самосохранения и дальнейшей эволюции. Вместе с тем любая система, чтобы сохранять жизнеспособность и динамичность, должна быть открыта для воздействия извне. Отгораживаясь же от внешних воздействий и замыкаясь в самой себе, она обречена на бесплодие. Ее самосознание переходит в самолюбование, при поиске истины о себе и о мире она обращается к зеркалу, вместо того чтобы смотреть в окно. В этом смысле легенда о Нарциссе может быть применима в отношении целой цивилизации.

Достоинством и гарантией жизнеустойчивости евроцентристской цивилизации является то, что ей был чужд социально-исторический или культурный нарциссизм. На всех этапах своей истории она была открыта во всех направлениях, что служило важнейшим генератором витальной энергии.

В то же время важно учесть, что в истории каждого народа, каждой культуры или цивилизации существуют из-

¹ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 33.

менчивое и постоянное, временное и вневременное. Одно растет, достигает расцвета, стареет и умирает, а другое в той или иной трансформированной форме становится достоянием общечеловеческой культуры. М. Вебер изображал мировую историю как путь, который сатана вымостил уничтоженными ценностями. В парафразе эту мысль можно было бы изложить так: мировая история есть путь, который провидение вымостило исчезнувшими культурами, цивилизациями, народами, государствами.

Но здесь нельзя обойтись без одной существенной оговорки. Цивилизации и культуры, исторические для нынешнего Запада и Востока, не просто исчезли, а, уходя в историю, сохранились в инфраструктурах и онтологических основаниях нынешних живых культур и цивилизаций. Говоря словами А. Бергсона, «реальность является перед нами как вечное становление. Она создается и разрушается, но никогда не является чем-то законченным»¹.

Это особенно верно сейчас, когда совершается процесс великого перехода Запада в Восток и Востока в Запад, великого перехода, призванного впервые со времени появления *Homo sapiens* на земной поверхности соединить Восток и Запад в единое целое. Один английский журналист, который долгие годы работал в азиатских странах, как бы перефразируя Р. Киплинга, утверждал, что Запад и Восток никогда не говорят на одном и том же языке, даже когда этот язык английский. Однако все более ускоряющиеся процессы вестернизации Востока и ориентализации Запада во многом опровергают подобные суждения.

11.4. На путях синтеза двух начал

Азию, особенно Восточную Азию, где наиболее интенсивно идут процессы модернизации, отнюдь не следует считать образцовой ученицей, удачно и эффективно усваивающей достижения и стандарты западной цивилизации. Несомненно, она выработала некоторые базовые структуры и элементы, приобретшие универсальную значимость для всех без исключения стран современного мира.

Но нельзя не согласиться с французским исследователем и политиком Ж. Аттали, который писал: «Нам также следу-

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. С. 48.

ет открыто признать, что западной цивилизации есть чему учиться у других... Цивилизации, придерживающиеся других философских и этических убеждений, — будь то конфуцианство или буддизм, — кажется, добиваются успеха там, где мы терпим неудачу в своих усилиях сохранить человеческое достоинство, содействовать солидарности, придать долговременную значимость нашим решениям, способствуя видению, какого рода мир мы надеемся иметь в 21 веке»¹.

Здесь нелишне напомнить, что сама европейская цивилизация является неким сплавом, вобравшим в себя элементы различных цивилизаций и культур, таких как античная Греция и Рим, Древняя Персия и средневековый арабский Восток. Не секрет, что иудео-христианская традиция — это в значительной мере детище ближневосточных народов, перенесенных на европейскую почву.

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что глобализация современного мира происходит отнюдь не на пути вестернизации Востока или ориентализации Запада, а на основе синтеза западного и восточного начал. Пожалуй, наиболее типичным символом такого синтеза является Стамбул: одновременно многоликий, разнообразный и единый, вобравший в себя византийское и османское, азиатское и европейское наследия, современный и традиционный, местнический и космополитический, мусульманский и христианский, расположенный в Европе и Азии.

Блестящие купола византийских церквей, построенных во времена Восточной Римской империи между V и XV вв., сотни минаретов мечетей, построенных при султанах Османской империи, собор Святой Софии, замаскированный под мечеть, — все это символизирует синтез Азии и Европы. Присутствие греческого патриархата свидетельствует о терпимости, которая позволила султанам править многочисленными народами, религиями, сектами в огромной империи.

В связи с этим нельзя не согласиться с корреспондентом «Вашингтон пост», который, характеризуя ситуацию в Турции в конце 80-х гг., писал: «Имамы в минаретах обращают свой взор на Восток, к Мекке, в то время как бизнесмены в небоскребах смотрят на Запад, на Брюссель»².

¹ Attali J. The Crash of Western Civilization: The Limits of the Market and Democracy // Foreign policy. 1997. № 107. P. 62.

² Нэбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Метатенденции. 2000 год. М., 1992. С. 210.

С соответствующими поправками то же самое можно, по-видимому, сказать и о целом ряде процветающих центров новых индустриальных стран: Сингапуре, Гонконге, Куала-Лумпуре и т.д. Как писали, например, Дж. Нэбитт и П. Эбурдин, современный Гонконг искусно сочетает конфуцианство и свободу предпринимательства со всеми удобствами Манхэттена: торговый центр, состоящий из современных зданий, передовые финансовые и коммуникационные системы¹.

Как показывает исторический опыт, не может быть и речи о механическом заимствовании цивилизационных параметров одного типа, особенно перешагнувшего рубеж молодости, на другие типы, либо вновь возникающие, либо параллельно существующие. Но при этом необходимо подчеркнуть, что важнейшее условие жизнеспособности и расцвета любой цивилизации — это разнообразие составляющих ее этнонациональных, социокультурных, конфессиональных и иных элементов, объединенных в подобие сообщества государств, стран и народов.

Еще Гердер не без оснований считал всемирное гражданство нелепостью. Попытки достижения духовного, культурного, ценностного единства не могут не встретить самого решительного и непримиримого сопротивления народов. Отмечено, что социокультурное и духовное наследие плохо переносит трансплантацию. В этом аспекте невозможно создать некое единое человечество, основанное на уничтожении или нивелировке всех и вся под один ранжир.

Необходимо признать, что единообразный космополитический мир — место для жизни малопривлекательное. Это особенно верно применительно к современному миру, для которого характерен новый, неизмеримо более высокий уровень сложности и многообразия. К тому же особенность нынешнего этапа универсализации всепланетарного масштаба состоит в том, что для многих народов национальный суверенитет, требование национального самоопределения сохраняют позитивную значимость в качестве необходимого условия самовыражения, утверждения своей идентичности и важной интегрирующей силы.

Поэтому, обосновывая мысль о конце евроцентристского мира и идеи евроцентризма, дело нельзя представлять как восхождение востоко-центрического мира в смысле

¹ См.: *Нэбитт Дж., Эбурдин П.* Указ. соч.

ex Oriente lux («свет излучает с Востока»). Мир как бы замкнулся в пределах земного шара, но в то же время он не перестал быть, а, наоборот, в еще большей степени стал открытой бесконечностью, разнообразие и многовариантность которой невозможно уложить в прокрустово ложе какой бы то ни было рациональной схемы. Мир одновременно становится и более единообразным, и более многообразным, некоторые возможности растут, в то время как другие уменьшаются.

Универсализация экономических отношений, технологических и индустриально-производственных процессов сопровождается существенной дифференциацией на субрегиональном и субнациональном уровнях, на уровне жизненных корней. Здесь речь не может идти о замене одной цивилизации другой, мы говорим скорее о двух непрерывных и последовательных главах истории конвергенции евроцентристского и незападного миров.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Можно ли сводить трансформационные процессы, происходящие в незападном мире просто к вестернизации?
2. Можно ли утверждать, что демократический путь развития противопоказан странам Востока?
3. Возможна ли восточная модель демократии?
4. Каковы важнейшие составляющие социокультурной системы восточных народов?
5. Противоречат ли они принципам политической демократии?
6. В чем состоят различия культурной матрицы Запада и Востока?
7. Можно ли говорить о пассивности Востока в противоположность активности Запада?
8. Назовите основные структурообразующие элементы современного мирового сообщества.
9. Что позволило Японии, Китаю и другим восточным странам встать на острие прогресса?
10. Что понимается под синтезом двух начал в развитии современного мира?

Глава 12. СИСТЕМНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРОПОРЯДКА: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

По своим структурным, организационным и функциональным параметрам мировое сообщество можно представить как сложную многослойную сверхсистему или надсистему. Она состоит из множества взаимосвязанных, взаимозависимых, сотрудничающих и в то же время конфликтующих между собой подсистем в лице национальных государств, разного рода международных межгосударственных и негосударственных организаций, многонациональных корпораций и т.д. Различия между ними определяются историческими, национально-культурными традициями, социокультурными, политико-культурными, конфессиональными, геополитическими и иными характеристиками.

12.1. Соотношение принципов самоорганизации и организации международно-политических систем

Любая система является результатом взаимодействия и взаимопереплетения различных факторов, определяющих характер ее структурной самоорганизации и организации. В этом контексте применительно к формированию и функционированию миропорядка важное значение имеет выяснение различий между процессами организации и самоорганизации, самоуправления и управления как мирового сообщества в целом, так и конкретных его субъектов.

Под организацией понимается комплекс сознательных, целенаправленных действий людей или институтов (например, государства) по созданию, регулированию и управлению теми или иными феноменами, процессами, событиями для решения конкретных задач. Иначе говоря, организация

есть результат воздействия на процессы порядкообразования извне.

Самоорганизация же предполагает действия определенной группы субъектов, которые вступают во взаимодействие друг с другом, преследуя свои цели, без какого-либо принуждения извне, анархически, путем проб и ошибок. В этом случае процесс системообразования, структурирования, обеспечения порядка осуществляется главным образом изнутри, самостоятельно. Это происходит в силу встроенных в саму систему механизмов группирования и координации действий этих субъектов в процессе их взаимодействия, взаимного притяжения и интеграции.

Можно выделить три разных, но теснейшим образом взаимосвязанных и дополняющих друг друга уровней организации и самоорганизации мирового сообщества: глобальный, региональный и национальный. Говоря о первом уровне, имеем в виду формирование и функционирование самого мирового сообщества в его отношении с акторами регионального и национального уровней.

Второй уровень включает механизмы, процессы, особенности взаимодействия различных субъектов наднационального и субнационального характера.

На третьем уровне речь идет о природе взаимодействующих между собой субъектов мирового сообщества национального масштаба, т.е. национальных государств как главных составляющих мирового сообщества и субъектов международных отношений.

Одним из важнейших достижений системных и синергетических исследований стало признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик различных форм самоорганизации человеческих сообществ как на национально-государственном, так и на мировом уровнях. При этом сами понятия неустойчивости и неравновесности освобождаются от негативного оттенка, поскольку они такие же составляющие мира, как стабильность, устойчивость и равновесие.

Значимость такой постановки вопроса станет очевидной, если учесть, что миропорядок по своим основополагающим принципам формирования и функционирования представляет собой открытую, сложную, неравновесную систему. В силу этого она характеризуется высокой степенью динамичности, неустойчивости и неопределенности. Как любая такая система, миропорядок подчиняется зако-

нам *синергетики* — теории самоорганизации систем. Если использовать синергетическую терминологию, то формирование и постоянную трансформацию мирового порядка можно рассматривать как процесс возникновения порядка из анархии.

В естественных науках при синергетическом подходе используются понятия *хаос*, *порядок*, *порядок из хаоса* и др. В социальных и гуманитарных науках применительно к социальным системам (гражданскому обществу, государству, общественным и политическим организациям, мировому сообществу и т.д.) вместо этих понятий представляется более корректным использовать понятия *анархия*, *порядок*, *порядок из анархии* и др.

Верно, что ломка сложившихся в течение многих поколений, веков и даже тысячелетий социально-экономических, политических, духовных и иных структур подрывает сами основы существующей системы. Это приводит к широко-масштабным пертурбациям, революциям, кризисам. Их результатом может стать исчезновение с исторической арены соответствующей системы или сообщества. Или же, получая импульсы извне и мобилизуя внутренние ресурсы, они способны найти новые возможности для выбора оптимальных ответов на внешние вызовы и встать на путь самоорганизации на новых основаниях.

Все же хаос в социальных и социокультурных системах, особенно современных, в том смысле, в каком он понимается в естественных и точных науках, можно считать предельным случаем, который для целей исследования можно вывести за скобки. Нельзя сказать, что человечество при каждой из пертурбаций возвращалось к первобытному хаосу. Даже при полном распаде цивилизаций, мировых империй или держав продолжали действовать определенные морально-этические, традиционные, семейные, экономические и иные нормы, институты и т.д., в совокупности составляющие своего рода генетический код того или иного народа.

К примеру, западное человечество со времени своего возникновения до наших дней пережило множество разного рода трансформаций и революций. Они привели к радикальным сменам социальных, социокультурных систем, форм государственного устройства, политических режимов и т.д. Но фактом остается то, что и по сей день сохраняют значимость некоторые базовые ценности, принципы, правила, стереотипы взаимоотношений людей, сами

социальные параметры человеческого общежития и т.п., сформировавшиеся на протяжении многих веков и даже тысячелетий.

Поэтому к трансформациям такого рода применить формулу «от хаоса к порядку» представляется неправомерным. Речь должна идти, конечно, о преодолении анархии и установлении той или иной формы стабильного порядка.

Значимость разного рода пертурбаций, кризисов, революций состоит в том, что в процессе их преодоления неравновесными системами обеспечивается устранение устаревших, исчерпавших свой ресурс, показавших свою нежизнеспособность узлов, элементов и формирование новых элементов и структур, более соответствующих новым реальностям. Это, как сказал бы Й. Шумпетер, «созидательное разрушение»¹, под которым подразумевается избавление от старого для расчистки места для созидания нового.

Иначе говоря, неустойчивость, беспорядок, напряженность, кризис, анархию (хаос) нельзя рассматривать однозначно негативно. Всестороннее исследование этой проблемы, как представляется, может помочь правильно понять и осознать динамику неравновесных по своей природе общественно-исторических процессов, разработать формы, пути и средства разумного ответа на порождаемые ими вызовы.

Для международно-политической системы, как и большинства других открытых систем, характерно органическое сочетание таких дополняющих друг друга противоположностей, как:

- статика и динамика;
- устойчивость и неустойчивость;
- определенность и неопределенность;
- единообразие и разнообразие;
- симметрия и асимметрия;
- линейность и нелинейность;
- предсказуемость и непредсказуемость и т.д.

При таком понимании миропорядок нельзя рассматривать как раз и навсегда установившуюся, завершенную систему, так как в ней начало становления, динамика преобладает над началом ставшим, завершившимся. Здесь принципы самоорганизации и организации (понимаемой

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 124–129.

как целенаправленная деятельность по упорядочению, структурированию и управлению системами) сочетаются в органическом единстве.

В формировании, сохранении и в более или менее эффективном функционировании мирового сообщества в качестве инструмента или механизма самоорганизации главную роль играет феномен, который еще А. Смит назвал «невидимой рукой»¹. Разумеется, этот феномен нельзя трактовать буквалистски, как его понимал сам Смит применительно к современной ему экономической системе. В нашем случае в расчет нужно принимать более высокий и сложный системный уровень, более сложное и многообразное переплетение внешних и внутренних факторов, элементов, отношений, принципов и т.д.

12.2. Анархические основы миропорядка

Всякая система возникает и развивается путем проб и ошибок, конкуренции и экспериментов, в ходе которых разрабатываются нормы и правила игры различных субъектов международно-политической деятельности. Каждый из субъектов международно-политических отношений действует на свой страх и риск, в соответствии со своими реальными и потенциальными возможностями, целями и интересами. В результате имеет место безграничная неопределенность стечения безграничного множества волей, устремлений, принципов, правил, обстоятельств и т.д.

При таком понимании хаос, или анархию не всегда нужно представлять как зияющую бездну, как сугубо деструктивное начало. Здесь, не боясь повтора, уместно еще раз подчеркнуть, что применительно к социальным системам, в том числе и международно-политической системе, речь идет об анархии, а не о хаосе. Нередко то, что в тот или иной исторический период воспринимается как анархия, беспорядок, есть лишь проявления нарушений, эрозии привычных форм жизни, представлений, приоритетов, ценностей, форм и т.д. Анархия и беспорядок могут служить исходным рубежом для конструирования новых форм порядка и властеотношений. В такие периоды люди

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатств народов. М., 1962. С. 3—683.

обнаруживают способность подвергать сомнению основы собственного существования, самого мироздания, истинность господствующих богов, верований, систем миропонимания и т.д.

Любая система, как известно, создается для достижения определенной более или менее четко поставленной цели. Это верно и в отношении миропорядка, который каждый раз возникал на основе определенной платформы, в которой в той или иной форме формулировалась цель предполагаемого мероприятия. Но здесь приходится сделать ряд существенных оговорок. При создании своей целостной исторической картины К. Ясперс исходил «из уверенности, что человечество имеет единые истоки и общую цель»¹.

Однако история в чем-то представляет собой набор случайностей, которые человеческий ум мучительно пытается загнать в искусственно сконструированное им самим прокрустово ложе закономерности. Человечество не знало, не знает и не будет знать, откуда оно пришло, куда идет, какова его миссия и к чему в конечном счете оно придет.

Более того, человечество не имело и не могло иметь также какой бы то ни было единой для всех народов и стран истории, по крайней мере в периоды, предшествовавшие Новому времени, когда оно было разрознено на множество цивилизаций и народов, которые зачастую просто не ведали о существовании друг друга. Поэтому человечество как таковое не ставило и не могло ставить перед собой цель создания того миропорядка, к которому мы в настоящее время пришли. Но неизбежность именно этого результата определялась самим ходом развития истории.

Поэтому, если взять человечество как таковое, то у него не было, нет и не может быть какой бы то ни было единой для всех цели, сформулированной будь то одним человеком или государством, организацией, институтом, империей, «мировым полицейским», «мировым правительством» и т.д. Та или иная основополагающая цель, которая появляется в процессе становления конкретного миропорядка, каждым из его участников трактуется по-своему, что обуславливает противоречия и конфликты. Почти всегда (если не всегда), если такую единую для всех цель и удавалось достигнуть, она оказывалась весьма эфемерной.

¹ Ясперс К. Указ. соч. С. 30.

В рассматриваемом смысле можно говорить об анархической природе миропорядка, поскольку каждый его субъект, будь то национальное государство, региональное интеграционное объединение, транснациональная корпорация, террористическая организация и т.д., преследует свои индивидуальные цели и интересы самостоятельно.

Каждый из этих субъектов, как правило, мобилизует свои материальные, финансовые, интеллектуальные и иные ресурсы на свой страх и риск. Причем действия каждого из субъектов ограничивают или стимулируют возможности остальных воздействовать на общие условия функционирования мирового сообщества. Любое действие, направленное на ограничение возможностей других отстаивать свои законные интересы, вызывает противодействие. При равных шансах успеха достигает более умелый, предприимчивый, способный, обладающей волей в осуществлении поставленных целей и т.д.

С значительной долей уверенности можно утверждать, что международно-политическая система и, соответственно, миропорядок не есть результат всецело или преимущественно сознательных, планомерных действий какого-либо одного отдельно взятого государства или даже группы государств. Здесь нет и не может быть какого-либо органа или инстанции, которая вправе указать тому или иному субъекту, какие у него должны быть интересы, цели, направление деятельности, стратегия отношений с ближними и дальними соседями и т.д.

Невидимая рука формируется в неких условных узлах или на медианных пространствах пересечения, взаимной нейтрализации и сведения к некоему общему знаменателю действий, целей, интересов множества акторов. Любые попытки какого-либо агента навязать свою волю всей системе обречены на неудачу, если в должной мере не будут учтены закономерности и принципы ее самоорганизации, функционирования и эволюции.

Можно разработать определенные правила игры и даже механизмы и средства обеспечения условий для их реализации. Но они должны строиться только с учетом принципов и закономерностей самоорганизации, приспосабливаясь к динамике постоянно изменяющихся, неравновесных, плохо поддающихся прогнозу процессов самоорганизации.

12.3. Гегемония сильных над слабыми как принцип организации миропорядка

Всякие революционные пертурбации, вызывающие ломку сложившихся социально-экономических, социокультурных и государственно-политических структур, связаны с анархией, неопределенностью и неравновесностью. Это неизбежно выдвигает на передний план проблему их преодоления, восстановления или создания нового порядка, требующего тех или иных организационно-структурных новаций. Большинство водоразделов в истории эволюции международно-политических систем влекло за собой распад великих цивилизаций и империй, мировых держав и, соответственно, господствовавших в разные исторические периоды форм миропорядка и появление на их месте новых.

Так, утверждение Вестфальской системы ознаменовало конец Священной Римской империи, система баланса сил, основы которой были заложены Венским конгрессом 1815 года, образовалась на руинах наполеоновской империи. Версальско-вашингтонская система сделала то же самое с Австро-Венгерской и Оттоманской империями, при этом значительно урезав Российскую империю. Двухполюсный миропорядок образовался в результате разгрома Третьего рейха и Империи Восходящего Солнца во Второй мировой войне. Она же привела к распаду великих колониальных империй: Британской, Французской, Голландской, Португальской. Распад двухполюсного миропорядка сопровождался распадом многонациональной советской империи, составлявшей одну из двух его несущих конструкций.

Важно учесть, что отношения между государствами складываются на принципах взаимовыгодного сотрудничества и взаимозависимости, оборотной стороной которых являются противоречия и конфликты. Консенсус и конфликт составляют два противоположных и в то же время взаимосвязанных и взаимодополняющих элемента политической системы. Сменяя и пронизывая друг друга, они обеспечивают жизнеспособность и функционирование мирового сообщества. Интенсивность конфликтов и устойчивость согласия зависят от конкретной ситуации в мире, которая создает собственный расклад социальных и политических сил, экономических, военно-политических и иных факторов.

Принято считать, что в современном мире государства прибегают к войне как к средству обеспечения своих национальных интересов лишь в крайних ситуациях, когда все другие средства не дают желаемого результата. Действительно, в большинстве случаев государства предпочитают решать возникающие между ними споры и конфликты за столом переговоров, путем взаимного сотрудничества и согласия.

Международная система формируется с целью реализации определенного комплекса экономических, социальных, политических, геополитических и иных интересов, так или иначе затрагивающих всех субъектов этой системы. Независимо от того, о каких интересах идет речь (о безопасности, экономических выгодах, геополитико-стратегических целях и т.д.), достижение их государствами во многом зависит от характера международной системы, который определяется типом и мощностью господствующих в ней акторов: империями, национальными государствами, союзами, наднациональными и интернациональными организациями и т.д.

Р. Гилпин пытался обосновать тезис о том, что, хотя современное искусство управления государством и подверглось изменениям по сравнению с прежними эпохами, «фундаментальная природа международных отношений не изменилась на протяжении тысячелетий. Международные отношения продолжают оставаться постоянно воспроизводящейся борьбой за богатство и власть между независимыми акторами в состоянии анархии. Классическая “История” Фукидида является таким же значимым руководством к поведению государств сегодня, как и тогда, когда она была написана (в V в. до н.э.)»¹.

По-видимому, в данной позиции есть некоторое рациональное зерно, тем не менее автор, как представляется, в своих выводах слишком категоричен. Дело в том, что в каждый конкретный исторический период общественные и политические процессы, в том числе международно-политические, разворачиваются и реализуются в рамках особых мировоззренческих парадигм, придающих этим процессам определенную конфигурацию и направленность.

Крупные изменения вызываются широкомасштабными и глубокими сдвигами в важнейших сферах жизни людей

¹ *Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge, 1981. P. 9.*

на национальном, региональном и глобальном уровнях. В этом отношении особо важное значение имеют крупномасштабные войны, упадок господствующих и появление на международной арене новых держав-гегемонов, длительные социальные и экономические кризисы, революции и т.д.

Хотя формы и принципы взаимоотношений между государствами на протяжении всей истории подверглись существенным изменениям, принципы согласия и сотрудничества между народами, с одной стороны, соперничества и борьбы за власть и влияние, с другой, остались неизменными. Результаты соперничества и борьбы и жизнеспособность существующей международно-политической системы зависят от широкого и сложного комплекса факторов. Среди них решающее значение имеют характер экономического роста, научно-технологический прогресс и военно-технические нововведения, развитие транспорта и средств связи и т.д.

Организационные принципы этой системы, формы реализации национально-государственных интересов, как правило, отражают относительные вес и влияние различных акторов. В свою очередь, вес и влияние государств базируются на органическом сочетании военной, экономической, политической, культурной и идеологической мощи.

На протяжении всей истории более сильные государства, как правило, руководствовались стремлением добиться контроля над другими государствами, увеличить свой вес и влияние за счет других членов международного сообщества и занять как можно более высокие ступени в иерархии государств и народов. Естественно, относительные мощь и возможности государств, их вес и влияние, интересы, внешнеполитические симпатии и антипатии подвержены постоянным изменениям, соответственно, изменяется и соотношение или конфигурация геополитических сил.

Как правило, основные характеристики международной системы всегда так или иначе отражают усилия индивидуальных государств или групп государств, направленных на сохранение статус-кво либо на его трансформацию. С помощью угроз или действительного применения силы, формирования коалиций и завоевания зон влияния великие державы стремятся создать такую международную среду и такие правила международной политической игры,

которые позволяли бы им реализовать действительные или превратно понятые интересы и цели.

Этот тезис воочию подтверждается множеством фактов. Если обозреть панораму истории человечества, то можно найти мало государств, которые не руководствовались бы этим принципом. В этом смысле был прав Г. фон Трейчке, который писал: «В малом государстве бесспорно смехотворна не слабость, которая смешна сама по себе, а слабость, которая хочет казаться силой»¹.

Со времен Античности и до наших дней господствующее положение в международной системе и, соответственно, международной политике занимали великие военно-политические державы, несущие главную ответственность за поддержание мира и всеобщей безопасности. Они же контролировали или могли контролировать решение всех вопросов, касающихся распределения мировых ресурсов, особенно тех, которые рассматривались ими как приоритетные. Именно конфигурация распределения сил показывает, кто именно фактически правит международной системой и чьим интересам она более всего отвечает.

Так обстояло дело во всех цивилизациях прошлого, как Востока, так и Запада. Так было в период двухполюсного миропорядка, таким же остается положение вещей и в формирующемся новом мировом порядке. Наиболее сильные державы устанавливали правила международной политической игры, определяли характер самого политического дискурса, структуру международной системы, отвечающую прежде всего их собственным интересам. Это естественно, поскольку именно они располагают возможностями заставить более слабые страны приспособиться к этой структуре.

В этом плане вслед за американским исследователем К. Уолтцем можно привести аналогию с рынком в сфере экономики. Структура рынка определяется неким числом конкурирующих между собой фирм. Если в конкуренции участвуют множество примерно равных фирм, возможно, во всяком случае, теоретически, достижение ситуации совершенной конкуренции. Но если на рынке доминируют несколько крупных фирм, то конкуренция считается олигополистической, хотя там могут участвовать и множество других, более мелких фирм².

¹ Treitschke H. Von. Politik. Leipzig, 1897. S. 43.

² См.: Waltz K. Theory of world politics. Reading (Mass.), 1979. P. 94.

В руках доминирующих в международной иерархии держав сосредотачиваются организация и контроль над процессами взаимодействия между всеми участниками системы. Или, как отмечал Р. Арон, ни одна международная система никогда не была уравнительной и никогда не будет таковой. В отсутствие единственного авторитета для сохранения минимального порядка и предсказуемости необходимо сокращение числа основных участников. Иначе говоря, по его словам, «структура международных систем всегда носит олигополистический характер»¹. Как правило, каждый раз именно доминирующие акторы утверждали свои права на господствующее положение и навязывали нормы и правила игры более слабым членам этой системы.

12.4. Принципы смены международно-политических систем

Динамика международных отношений определяется тем, что по самой своей природе мощь государства представляет собой относительную величину: выигрыш одного государства если не всегда, то во всяком случае нередко оборачивается потерей для другого государства. Иначе говоря, действует принцип игры с нулевой суммой. Поэтому каждое государство, будучи озабочено возможностью нападения и установления господства со стороны другого государства, стремится усилить собственную безопасность путем наращивания своей мощи.

Государи всегда руководствовались древнеримским принципом *si vis pacem para bellum* — если хочешь мира, готовься к войне. А это, в свою очередь, служило угрозой безопасности других государств, которые реагировали соответствующим образом. Короче говоря, государства вооружались, создавали и содержали постоянные профессиональные армии для обеспечения собственной безопасности. Но тем самым они создавали угрозу безопасности других государств, которые, в свою очередь, тоже вооружались.

Очевидно, что никогда невозможно добиться полной безопасности в мире конкурирующих и соперничающих друг с другом государств. Стремление каждого из них укрепить свою мощь и безопасность ведет к уменьшению безо-

¹ Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000. С. 709.

пасности других и стимулирует соперничество за большую мощь и безопасность. И так до бесконечности. Тем самым создается некий замкнутый круг, в котором самовоспроизводится угроза безопасности каждого из государств — членов международного сообщества. Можно сказать, что борьба каждого отдельно взятого государства за выживание (принцип *raison d'état*) является врожденной особенностью международных отношений.

Некогда доминирующие государства постепенно теряют способность навязать свою волю другим и защищать свои интересы. Восходящие государства, в свою очередь, во всевозрастающей степени ставят вопрос об изменениях в системе, которые бы отразили их вес и интересы. И, наконец, если создается некая патовая или тупиковая ситуация, вопрос о том, кто именно займет руководящие позиции в новой системе, может решаться в ходе той или иной формы конфликта или войны.

В итоге цикл изменений завершается тем, что война и следующий за ней мир создают новые статус-кво и равновесие, отражающие новое распределение сил в системе. Как правило, в периоды стабильности и установившегося порядка международная система существует в состоянии некоего гомеостазиса или динамического равновесия, хотя на уровне межгосударственных отношений и происходят постоянные изменения тактики поведения.

Наступающие в результате разного рода серьезных конфликтов и войн нарушение равновесия и смена лидеров в международной иерархии приводят к экономическим, технологическим и политическим изменениям, которые в свою очередь ведут либо к значительному увеличению потенциальных выгод, либо к уменьшению потенциальных издержек одного или нескольких государств. Поиски путей решения этой проблемы в конечном счете создают условия для изменения существующего миропорядка.

Не вступая в дебри истории прежних эпох, здесь отметим, что начиная с Нового времени имели место смены международно-политических систем, известных под названиями «система баланса (или равновесия) сил», «двухполюсный миропорядок» и нынешний «полицентрический миропорядок».

Начало системе баланса сил было положено так называемой Вестфальской системой, которая со времени Вестфальского мира 1648 г. постоянно меняла свою конфигура-

цию, состав и ведущих акторов. Но суть ее оставалась почти неизменной: несколько наиболее влиятельных государств устанавливали своего рода кондоминиум, при этом контролируя действия друг друга с помощью дипломатических маневров, смены союзов и открытых конфликтов.

Качественное отличие Вестфальской системы от всех прежних систем состоит в том, что Вестфальский мир заложил основы формирования и институционализации национальных государств как главных субъектов международных отношений. В течение столетия, последовавшего за Вестфальским миром, доктрина высших интересов государства превратилась в ведущий принцип европейской дипломатии. Исчезновение старого мирового порядка привело к возникновению множества государств, преследующих скорее свои национальные или общегосударственные цели, нежели династические интересы того или иного правящего дома.

Утвердился принцип, согласно которому условием притязаний каждого отдельно взятого государства на верховную власть на своей территории являлось признание и за другими государствами равных прав на ведение дел по своему усмотрению в пределах своих границ. В результате формирование современных национальных государств стало частью процесса взаимного признания, в ходе которого они признавали друг за другом права юрисдикции в пределах соответствующих территорий. Тем самым каждое государство обязывалось не вмешиваться в юрисдикцию другого государства.

Согласно этому принципу, мировое сообщество состоит из суверенных государств, каждое из которых самостоятельно определяет свою собственную форму правления, часто силой оружия или с помощью угрозы применения силы, и не признает над собой какой-либо иной верховной власти.

Только государства имеют право формулировать и реализовывать международную политику. Все другие организации, группы или отдельно взятые лица таким правом не обладают. Как исключительный носитель национального суверенитета и обладатель монополии на легитимное насилие только государство вправе объявить войну и заключить мир с другими государствами как членами международного сообщества.

Данная концепция касается вопросов обеспечения безопасности и целостности государства перед лицом всех форм

внешних угроз. Этот принцип предполагает другой, не менее важный: принцип невмешательства одного государства, каким бы могущественным оно ни было, во внутренние дела другого государства. И это независимо от форм правления, их внутренней политики и т.д.

На принципах Вестфальской системы была построена система баланса сил (или так называемый *концерт держав*), сформированная в результате разгрома наполеоновской армии на Венском конгрессе 1815 г. Такая система была призвана обеспечить условия для противодействия политическими, дипломатическими, военно-силовыми средствами какому-либо одному европейскому государству или коалиции государств установить свое доминирующее положение на континенте. Однако нередко этот баланс представлял собой не столько реальное соотношение сил, сколько оправдание политики, проводимой несколькими наиболее мощными великими державами.

В рамках системы баланса сил каждое государство обеспечивало реализацию своих интересов, постоянно меняя союзников, при этом не нарушая общую структуру союзов и характер отношений между государствами. Поэтому неудивительно, что для политической арены Европы были характерны постоянные изменения баланса сил между различными государствами.

Классическим примером реализации принципов этой системы считается политика Великобритании, которая на протяжении всего XIX в. претендовала на роль своего рода арбитра в международных делах. Суть этой политики наиболее емко выразил лорд Пальмерстон в получившей широкую известность формуле: «У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные, вечные интересы, и мы им должны следовать». На практике этот принцип выражался в постоянной смене союзников и противников, друзей и врагов.

Эти принципы с теми или иными изменениями действовали вплоть до Первой мировой войны. Более того, на них (во всяком случае, в теории) основывалась Версальско-Вашингтонская международно-политическая система, хотя здесь возможны определенные оговорки. Они претерпели более или менее существенную модификацию после Второй мировой войны в условиях господства двухполюсного миропорядка.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем состоит сущность синергетического подхода применительно к миропорядку?
2. Каково соотношение принципов самоорганизации и организации международно-политических систем?
3. Назовите сущностные характеристики миропорядка с точки зрения синергетики?
4. На каком основании можно говорить об анархической сущности миропорядка?
5. Каковы закономерности смены международно-политических систем?
6. Дайте характеристику Вестфальской системы в целом и важнейших ее составляющих в частности.
7. Какая роль в ней отводилась национальному государству?
8. Каковы основные составляющие системы баланса сил?
9. Какое содержание вкладывается в выражение «У нас нет вечных союзников и вечных врагов. У нас есть постоянные вечные интересы»?

Глава 13. ДВУХПОЛЮСНЫЙ МИРОПОРЯДОК: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Одним из ключевых факторов, способствовавших переоценке и изменению вестфальских принципов, стало то, что примерно с испано-американской войны 1898 г. в число держав, оказывающих всевозрастающее влияние на положение дел в мире, вошли США, а за ними и Япония. В результате был подорван преимущественно или исключительно европейский характер системы баланса сил. Более того, постепенно отодвинув в сторону традиционных вершителей судеб Европы, а во многом и миропорядка в целом, Великобританию, Францию и Германию, в период после Второй мировой войны их место заняли США. Именно США стали одной из двух (наряду с СССР) несущих конструкций сложившегося в результате той войны двухполюсного миропорядка.

13.1. Контурсы двухполюсного миропорядка

В условиях двухполюсного миропорядка и холодной войны традиционные концепции баланса сил, которые обосновывали необходимость военно-политического равновесия, подверглись эрозии или вовсе стали достоянием истории. Главными движущими факторами поведения обеих сверхдержав были взаимный страх и озабоченность своей безопасностью. Соответственно в центре внимания и той и другой стороны стояло стремление к наращиванию военной мощи. В итоге сформировалась двухполюсная иерархическая структура мирового сообщества, в которой две супердержавы занимали вершину пирамиды, за ними шла группа великих держав, далее страны, менее значимые по весу и влиянию в решении мировых проблем.

Первоначально относительно послевоенного устройства международного порядка вынашивались весьма радужные надежды. Так, Атлантическая хартия, провозглашенная Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в августе 1941 г., содержала ряд «общих принципов», на которых эти два деятеля основывали «свои надежды на лучшее будущее для всего мира». Предусматривалось, что «после окончательного уничтожения нацистской тираннии» свободные нации откажутся от применения силы и введут перманентное разоружение агрессивных наций¹.

Причем «предусматривались две категории стран: “страны-агрессоры” (конкретно Германия, Япония и Италия), которые будут принудительно разоружены на бессрочной основе, и “миролюбивые страны”, которым будет позволено сохранить вооруженные силы, но, как надеялись, в “значительно сокращенном виде”. Принцип национального самоопределения должен был служить “краеугольным камнем нового мирового порядка”»².

При создании ООН все стороны также руководствовались благороднейшими устремлениями формирования справедливого миропорядка, основанного на принципе суверенного равенства всех государств-членов этой организации. Однако, как известно, все получилось с точностью до наоборот. В результате Второй мировой войны мир разделился на две противоборствующие общественно-политические системы — капитализм и социализм. Установилась двухполюсная структура международных отношений в виде противостояния двух военно-политических блоков: НАТО и Варшавского пакта во главе с США и СССР соответственно.

Европа и мир в целом оказались расколотыми на две противоборствующие общественно-политические системы, на два военно-политических блока, во главе с США и СССР. Развернувшаяся на этой основе холодная война между СССР и США, Востоком и Западом оказала глубокое воздействие на главные процессы, институты и межгосударственные отношения.

Мировая торговля и потоки капиталов, а также глобальные технологические рынки были подчинены соображени-

¹ См.: Англо-Американская Декларация (Атлантическая хартия) от 14.08.1941. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1167579>.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 351.

ям национальной безопасности, результатом чего явились жесткие ограничения торговли высокими технологиями между Западом и Востоком. Эти ограничения распространялись на сферы научного сотрудничества, отношения между развитыми и развивающимися странами и даже на движение технологий между самими западными странами. Экономические санкции, торговые ограничения, замораживание капиталов и другие политические меры часто использовались Западом против СССР и его союзников.

С геополитической точки зрения самым важным было то, что холодная война характеризовалась усилением недоверия между великими державами, форсированием гонки вооружений, созданием военных блоков, использованием силы или угрозы ее применения в международных отношениях и т.д. Конфронтационность в отношениях друг с другом обеспечивала как СССР, так и США основу глобальной внешнеполитической стратегии.

Такое положение держало в постоянном напряжении весь мир, который был разделен на сферы интересов двух сверхдержав. Развернулась широкомасштабная игра с нулевой суммой. В этой игре войны и конфликты в любом регионе земного шара рассматривались как составная часть глобальной борьбы двух сторон друг против друга. Каждая из таких войн (или конфликтов) в глазах руководителей великих держав приобретала значимость не только и не столько с точки зрения решения той или иной конкретной проблемы, сколько с точки зрения выигрыша или проигрыша одной из противоборствующих сторон. Любой выигрыш одной из сторон в каком-либо регионе планеты или отдельно взятой стране рассматривался как проигрыш другой стороны и наоборот.

Как это парадоксально ни звучит, Америка и СССР служили мощными факторами обеспечения относительной стабильности во всемирном масштабе (разумеется, с точки зрения недопущения большой или всемирной войны). Однако особенность двухполюсного миропорядка состояла в том, что стабильность преобладала в развитом мире, где воцарился относительный «холодный» мир. Что касается положения вещей в развивающемся мире, то там постоянно бушевали малые и средние гражданские и межгосударственные войны.

Сами великие державы, хотя и не воевали друг с другом, все же участвовали в кровопролитных войнах для отстаи-

вания своих интересов в различных частях земного шара: Франция воевала в Алжире и во Вьетнаме, потерпев в обоих случаях поражение; Соединенные Штаты — в Корее и во Вьетнаме; Россия — в Афганистане. Очагом жестоких войн стал Ближний Восток: Израиль вел бесконечные войны с арабами, а Ирак и Иран воевали друг с другом в течение целых семи лет. Короткую, но жестокую войну вели между собой Индия и Пакистан.

Здесь можно не упоминать многочисленные более мелкие войны. Все они выполняли в некотором роде роль предохранительного клапана для выхода пара антагонизма двух сверхдержав, стимулируемого их стремлением изменить статус-кво в свою пользу. Важно учесть и то, что десятилетия двухполюсного миропорядка стали самым длительным периодом за всю историю беспрецедентной широкомасштабной гонки вооружений. Если в ожесточенной гонке вооружений в течение двух десятилетий перед началом Первой мировой войны принимали участие, по сути дела, лишь четыре державы (Великобритания, Франция, Германия и Россия), то в период холодной войны она охватила почти весь мир.

Однако мировые реальности в целом не укладывались в прокрустово ложе двухполюсного миропорядка. Немаложное значение имели развернувшиеся после Второй мировой войны процессы распада колониальных империй и образование множества новых независимых государств, которые придерживались разных идеологических и политических ориентаций. Более того, мир оказался разделенным на три разных мира — капиталистический, социалистический и развивающийся, которые отличались друг от друга по степени экономического развития, образу жизни, мировоззрения и т.д.

С данной точки зрения большое значение имело вступление на арену мировой политики движения *неприсоединения*, внесшего существенный вклад в укрепление мира и добрососедских отношений между государствами. Важные поправки в двухполюсную схему были внесены постепенным превращением Японии и ФРГ в могущественные экономические державы, Китая в ядерную державу, а также восхождением ОПЕК — организации нефтедобывающих стран, которые поставили своей целью освободиться от экономического диктата индустриально развитых стран.

Двухполюсность подрывалась с возрождением национализма. В Европе президент Франции Ш. де Голль сумел значительно укрепить самостоятельность своей страны в рамках западного союза. В середине 60-х гг. Франция вышла из военной организации НАТО, а американские войска покинули ее территорию.

Немаловажное значение имело также образование ЕЭС, которое постепенно превращалось в самостоятельный центр принятия экономических и политических решений.

Заметные трещины в фундаменте двухполюсного миропорядка появились уже в конце 50-х гг. после ухудшения, а затем и разрыва советско-китайских отношений.

Брешь в идеологию двухполюсного миропорядка внесло осознание противостояния между Югом и Севером. Одновременно стала давать сбои мировая валютная система, что в конечном итоге привело к отмене Бреттон-Вудской системы, созданной в 1944 г. и привязавшей доллар к золоту (так называемый золотой стандарт).

В реальностях достигнутого к 70-м гг. ядерно-стратегического паритета две сверхдержавы вынуждены были отказаться от тотального противоборства и строить отношения, в которых элементы соперничества органически сочетались с элементами сотрудничества, особенно в сфере обеспечения военной безопасности. На внешнюю политику сверхдержав все более растущее влияние оказывали такие факторы, как постепенное приглушение биполярного конфликта, растущая гетерогенность мира, охваченного не поддающимися контролю конфликтами, приобретение как бы второго дыхания принципом национального суверенитета и другие процессы.

13.2. Конец двухполюсного миропорядка

В сущности, холодная война пришла к своему естественному концу в реальностях, которые сделали устаревшими основополагающие условия, ее породившие, когда изменилась геополитическая конфигурация сил, осознавших невозможность действовать по правилам и императивам холодной войны. Поэтому было бы не совсем корректно рассуждать о том, что СССР сдался на милость своего противника в результате его военного устрашения.

Как отмечал Р. Гартхоф, холодная война была выиграна не предпринятым Р. Рейганом наращиванием вооружений, не выдвинутой им доктрины, как полагали некоторые. Победа «пришла к Западу, когда новое поколение советских руководителей поняло, насколько плоха их внутренняя система и что их внешняя политика провалилась»¹.

Советский Союз, по сути дела, совершил самоубийство, вызванное внутренней несостоятельностью империи. По удачному выражению одного корреспондента газеты «Монд», падение Берлинской стены — это «заочная победа капитализма над коммунизмом»². Именно заочная, так как неизвестно, сколько еще потребовалось бы сил и ресурсов, если бы руководители самого Советского Союза, встав на путь реформирования, не подписали ей смертный приговор.

Все великие империи и державы распадались не только и не столько в силу давления извне, сколько в силу нарастания их внутренней несостоятельности. Здесь особо важное значение имеет то, что холодная война пришла к своему естественному концу в реальностях, которые сделали устаревшими основополагающие условия, ее породившие, когда изменилась геополитическая конфигурация сил, осознавших невозможность действовать по правилам и императивам холодной войны.

Симптоматично, что никто не предвидел такого оборота событий. По сути дела, можно сказать, что произошло саморазрушение исчерпавшей свои возможности системы, и здесь не надо искать козней будь то внешних или внутренних врагов. Хотя и те и другие и содействовали ее развалу, но не в них главная его причина.

Для многих аналитиков, считавшихся своего рода гуру по вопросам советской системы, распад СССР и, соответственно, окончание холодной войны оказались полной неожиданностью. Они исходили из убеждения, что СССР никогда не согласится с усилением влияния Запада в Восточной Европе и не допустит там неконтролируемые им изменения. «Если бы Москва поступила иначе, — писал профессор университета Джонса Гопкинса Дж. Лиска, — она допустила бы изменения мирового геополитического

¹ Цит. по: *Мунтян М.* Международные отношения в координатах общественного развития // *Обозреватель-Observer*, 1993. № 29. С. 105.

² URL: <http://libsib.ru/Literatura/Geopolitika/Geopolitika-v-sovremenno-mire/>.

баланса без единого выстрела, не получив взамен никакой компенсации»¹.

Не кто иной, как З. Бжезинский в 1986 г., т.е. в разгар перестройки, утверждал, что «американо-советский спор — это не просто временная аберрация, а историческое противоборство, которое продлится долго»². Но время и ход событий распорядились по-иному. Не всегда адекватно оценивались возможные направления развития событий и внутри самого Советского Союза.

Тоталитарная система, сконструированная большевистскими вождями, представляла собой по-своему весьма совершенную и четко оформленную конструкцию, где каждый кирпичик, каждый элемент были строго подогнаны друг к другу. Но совершенство это было во многом иллюзорным и эфемерным. Стоило вынуть из нее только один-единственный кирпичик, как она могла (что, собственно, и случилось) рухнуть в одночасье.

Образно говоря, она не терпела возмущений как изнутри, так и извне. Идеальным состоянием для ее нормальной жизнедеятельности и функционирования была изолированность от внешних влияний. Тоталитарная система может существовать только в условиях более или менее полной экономической, политической и идеологической автаркии, основанной на изоляции подавляющего большинства населения от процессов, разворачивающихся в остальном мире.

Начиная с 70-х гг. данный принцип как в СССР, так и во всем социалистическом лагере стал подвергаться эрозии. Этот процесс стал особенно интенсифицироваться с развертыванием нового этапа научно-технической революции, ее информационно-телекоммуникационной фазы, воочию продемонстрировавшей, что советская система стала анахронизмом.

Несомненно, что заслугу в развязывании холодной войны после Второй мировой (вопреки мнению тех, кто возлагает вину исключительно на ту или иную — в зависимости от позиций — сторону) разделяют как США, так и СССР. Очевидно и то, что обе стороны внесли свой вклад и в завершение холодной войны.

Окончание холодной войны стало в некотором роде кульминационным пунктом того комплекса сдвигов, ко-

¹ Liska G. From Containment to Concert // Foreign Policy. 1986. № 62.

² Brzezinski Z. Game Plan: How to Conduct the U.S. Soviet Contest. Boston; N. Y., 1986.

торые в мировом сообществе наметились уже в 60-х гг. минувшего века. К этому времени со всей очевидностью обнаружилось те сдвиги в расстановке сил и влияния государств на международной арене, которые неуклонно аккумуляровались в течение 70—80-х гг.

Экономические, политические, национальные или иные интересы всех без исключения классов и народов оказались сплетенными в единый узел с общечеловеческими интересами. Более того, эта взаимозависимость приобрела глобальный характер. Скажем, такие традиционные болезни, как холера, тиф и даже чума, при принятии соответствующих мер можно было локализовать национально-государственными границами, а чуму XX века — СПИД — нет. Радиация, убивающая безмолвно, также не знает национально-государственных границ или иных преград.

Эти и другие феномены настоятельно требуют осознания сущностного единства человечества. Стало очевидно, что в этих реальностях сосуществование государств, прежде всего сверхдержав, означает не некую передышку в их борьбе за гегемонию, а состояние их совместного сосуществования, при котором параллели во всевозрастающей степени пересекаются, создавая между ними все большую взаимозависимость.

Эти сдвиги подробно проанализированы как на Востоке, так и на Западе. Здесь особо отмечу лишь тот факт, что с рассматриваемой точки зрения немаловажное значение имели осознание и учет обеими противоборствующими сторонами реальностей ядерно-космического века. Со всей очевидностью ядерное оружие лишний раз свидетельствовало о недопустимости перенесения идеологического противоборства в сферу межгосударственных отношений.

Показательно, что периоды чрезмерной идеологизации или реидеологизации внешней политики, как правило, каждый раз сопровождались обострением отношений между США и СССР, Востоком и Западом. Так было в послевоенный период, в начале и в разгар холодной войны, так было в конце 70-х — первой половине 80-х гг. И наоборот, перевод на задний план идеологических соображений и межгосударственных отношений в чисто политическую и дипломатическую плоскость, определенная их деидеологизация неизменно сопровождалась улучшением международного климата, в том числе и советско-американских отношений.

В связи с этим нельзя не отметить, что определенную роль в подготовке идейно-политической почвы для разрядки в 70-х гг. сыграли концепции о «конце идеологии» и конвергенции между капитализмом и социализмом. Позитивное содержание этих концепций в их внешнеполитической части состояло в том, что они в определенной степени способствовали оценке Западом поведения Советского Союза прежде всего в геополитических категориях. СССР рассматривался как сверхдержава, за которой признавался статус законной и равноправной великой державы, способной отстаивать свои государственные интересы, соблюдая общепринятые правила в отношениях между государствами.

Опыт периода разрядки воочию продемонстрировал, что межгосударственные отношения, международная безопасность должны базироваться на экономических, политических, правовых, морально-этических и иных факторах и принципах. Поэтому важнейшим условием преодоления конфликтного состояния в мировом сообществе, военно-политического противоборства и гонки вооружений стали перевод отношений между государствами на рельсы конструктивного диалога и сотрудничества, культивирование взаимного доверия между Востоком и Западом.

С этой точки зрения немаловажное значение имели осознание и учет обеими противоборствующими сторонами реальностей ядерно-космического века. Стало очевидно, что в этих реальностях сосуществование государств, прежде всего сверхдержав, означает не некую передышку в их борьбе за гегемонию, а состояние их совместного сосуществования, при котором параллели во всевозрастающей степени пересекаются, создавая между ними все большую взаимозависимость.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие изменения претерпели принципы Вестфальской системы в XX в.?
2. Каковы причины утверждения двухполюсного миропорядка?
3. Какие вы можете назвать особенности и сущностные характеристики двухполюсного миропорядка?
4. Почему говорят, что холодная война носила системный характер?
5. В силу каких причин наступил конец двухполюсного миропорядка?
6. По-вашему, какая из сторон одержала победу, а какая потерпела поражение в холодной войне?

Глава 14. ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКИЙ МИРОПОРЯДОК

Как можно убедиться на основе проведенного в предыдущих главах исследования, на протяжении всего послевоенного периода тенденции и процессы мирового развития вносили существенные изменения в характер как самого международного сообщества, так и систему взаимоотношений между главными субъектами мировой политики. Эти изменения в совокупности заложили основу для формирования нового мирового порядка, который можно назвать *полицентрическим*.

14.1. Вероятность и случайность в эволюции миропорядка

Особенность любой более или менее жизнеспособной общественно-политической системы состоит в ее сущностном единстве. Она есть совокупность не только однопорядковых, сходных между собой элементов составляющих ее людей, социальных групп, отношений, установок, но также их различий, многообразия, плюрализма.

Каждая конкретная общественно-историческая данность имеет собственные социальные и политические реальности и свою систему детерминаций, приоритетов, предпочтений. Будучи переменными образованиями или величинами, они находятся в состоянии постоянного изменения и обновления. В реальном социальном бытии они взаимодействуют между собой в постоянных противоречиях и конфликтах и пронизывают друг друга. Тем самым делается немислимое изолированное друг от друга их существование.

В результате создается целый веер возможных направлений общественно-исторического развития. Их отнюдь нельзя представлять как самодовлеющие прямые линии, способные двигаться каждая самостоятельно и изолиро-

ванно по своему собственному пути. Здесь действует принцип своего рода дополнительности, согласно которому существуют разные линии и направления развития, которые как бы дополняют и стимулируют друг друга (например, по схеме: не будь идеализма, не было бы и материализма, и т.д.).

В этом смысле можно говорить о вероятностной стохастической сущности общественно-исторического процесса. Этот момент приобретает особую значимость в современную эпоху, когда многообразие возможностей, открываемых научно-техническим прогрессом, стирает четкую грань между реальным, вероятным и возможным. Возрастает роль вероятностных, событийных начал, динамизма и неустойчивости, необратимости и индетерминизма.

При такой постановке вопроса всю историю человечества можно было бы рассматривать как историю столкновений и выбора различных альтернатив. При таком понимании история представляет собой пространство, где складывается компромисс между насилием и жертвенностью, между организующими и дезорганизующими началами, между порядком и беспорядком.

В результате миропорядок всегда находится в некоем переходном состоянии. Это в полной мере относится к современному стремительно трансформирующемуся миру, приобретающему новые контуры управляемой анархии. Особый колорит и специфику этому процессу придают новейшие тенденции развития и трансформации современного мира. Это прежде всего глобализация, интернационализация важнейших сфер общественной жизни, беспрецедентное ускорение времени, сжатие и «заккрытие» ойкуменического пространства, существенное преобладание динамики над статикой и т.д.

При таком положении вещей разные составляющие существующего миропорядка по-разному реагируют на внешние вызовы, в результате чего процессы самоорганизации на разных участках или узлах протекают разными скоростями. Здесь возможны стремительные прорывы, мутации. К тому же, как известно, чем сложнее система, тем труднее прогнозировать возможные направления ее дальнейшего развития, тем выше непредсказуемость последствий решений, принимаемых как самой системой в целом, так и отдельными ее элементами.

Такую ситуацию Дж. Розенау назвал *турбуленцией*, или турбулентным состоянием, для которого характерны большая сложность, высокий динамизм, ускорение темпов изменений¹. Отражая происходящие в мире изменения, турбуленция и сама способствует изменениям. В результате она постоянно сама себя воспроизводит. Можно сказать, что турбуленция в мировой политике — это большая сложность и высокий динамизм.

Происходит размывание единой оси мирового сообщества, равновеликое значение для мировых процессов приобретают разные центры силы, в чем-то самостоятельные и взаимно соперничающие, а в чем-то и взаимозависимые. Появление наднациональных субъектов в лице влиятельных международных объединений и организаций, например транснациональных корпораций, как бы кладет конец разделению социальных, политических, экономических процессов по сугубо географическим или территориально-пространственным параметрам, переводя их в некое внешнегеографическое измерение.

Происходит как бы раздвоение мира, при котором мировая политика осуществляется на двух аренах. С одной стороны, мы имеем систему взаимоотношений государств, которая функционирует, соблюдая принципы межгосударственных отношений в соответствии с установками традиционной дипломатии и защиты национальных интересов. С другой стороны, речь идет о транснациональном глобальном мире, где национальные государства во все более растущей степени теряют свой вес и влияние, все возрастающее число их прерогатив и функций переходит к транснациональным и субнациональным акторам.

В наши дни многие из важнейших участников мирового сообщества — это негосударственные акторы: крупные экономические организации, транснациональные банки и промышленные корпорации, не признающие суверенитета, действующие одновременно во многих странах и приобретающие там огромную экономическую власть.

Широкомасштабные политические движения, такие как исламские фундаменталисты, террористические группы или сецессионистские движения внутри отдельных стран, становятся важными участниками мировой политики и иногда вовлекаются в крупные конфликты между госу-

¹ См.: *Rosenau J. Turbulence in world politics. L., 1990. P. 6.*

дарствами. Новым актором мировой политики становится так называемое антиглобалистское движение, число участников которого с каждым годом растет.

Разворачиваются также процессы раздвоения и гибридизации других сфер общественной жизни. С одной стороны, наблюдается тенденция к нивелировке этнонациональных, религиозных, культурных границ, с другой стороны, усиление требований национальных, религиозных, культурных и иных меньшинств о большей автономии. С одной стороны, сохраняются национальные культуры, которые, естественно, продолжают развиваться в соответствии с изменяющимися реальностями, с другой стороны, распространение западной, в значительной степени американизированной, поп-культуры постепенно приводит к утрате национальными культурами своей национально-этнической идентичности.

Сущностной характеристикой современного мирового сообщества является наложение друг на друга и взаимное пересечение международного, транснационального, регионального и глобального начал. Следует учесть также такие характерные для современного мира феномены, как многокультурность, полиэтничность, многосоставность обществ, стран, наций и т.д., ставшие определяющими факторами жизни многих стран и регионов. В результате сущностной характеристикой современного мирового сообщества является наложение друг на друга и взаимное пересечение международного, транснационального, регионального и глобального начал.

С синергетической точки зрения приобретает особую значимость тот факт, что в мировом сообществе разными его субъектами принимается бесчисленное множество решений, из которых каждое само по себе значимо, причем во многих случаях они радикально противоречат друг другу. В совокупности они могут привести и часто приводят к результатам, к которым никто сознательно не стремился и, соответственно, не предусмотрел.

Отсюда — неопределенность или непредсказуемость последствий решений, принимаемых руководством отдельно взятых субъектов международных отношений. К примеру, принимая решение об агрессии против Ирака весной 2003 г., американская администрация вряд ли предполагала, что оккупационные войска вызовут такую ненависть большинства иракского народа вкупе с беспрецедентным всплеском

антиамериканизма в мусульманском мире, да и не только. Война, объявленная как вынужденная и неизбежная акция в защиту национальных интересов США, в значительной степени поставила под вопрос эти интересы.

14.2. Системные параметры нового миропорядка

В свете всего сказанного были бы напрасными любые попытки разработать какую бы то ни было чистую модель международной политической системы, состоящую из определенного комплекса одинаковых для всех государств принципов, ценностей, установок, институтов и т.д. Организовать общество, общественно-политическую систему, тем более международно-политическую систему, по какой-либо единой, искусственно разработанной модели невозможно.

Разумеется, когда круг субъектов, принимающих те или иные жизненно важные для сообщества решения, сужается или сводится к двум-трем и даже к одному, то основные направления мирового развития в той или иной степени и форме могут подчиняться им. Но все же это явление временное и преходящее. Верность принципа «насильно мил не будешь» воочию подтвердилась на примере распада великих колониальных и многонациональных империй. Мы знаем, чем закончились, возможно, сами по себе прекрасные планы создания справедливого, бесклассового, светлого коммунистического общества или тысячелетнего нацистского рейха.

В новой международно-политической системе, с одной стороны, сохраняются традиционные и, с другой стороны, постоянно формируются и трансформируются все новые подсистемы. Поэтому для прогнозирования характера и конфигурации формирующегося нового мирового порядка нужно ли пользоваться опытом и уроками истории? И да, и нет.

Да, потому что не изменяется природа человека как главного субъекта политики, в том числе и внешней, медленно, с трудом и незначительно меняются характер и поведение государств в отношениях друг с другом и т.д. Нет, потому что радикально изменяются сами инфраструктуры и состав главных акторов международной политики и т.д.

Международная глобальная политическая система, будучи открытой, склонна ломать всякого рода прогнозы

и нарушать, казалось бы, доказавшие верность закономерности. Поэтому в своих попытках прогнозировать основные тенденции, векторы и закономерности будущего мы должны быть крайне осторожны. В этом вопросе можно согласиться с Г. Киссинджером, который считает, что «история не предлагает не только путеводителей, но даже более или менее удовлетворительных аналогий»¹.

Тем не менее, чтобы приблизиться к правильному пониманию этих тенденций, векторов и закономерностей, мы должны знать мотивы, причины нынешних столкновений между старыми силами и новыми реальностями. Ни одна новая историческая эпоха не приходит из неизвестности, ни одно общество не возникает на пустом месте. Новые общества одновременно сменяют и дополняют предшествующие, вырастают из них, трансформируя и видоизменяя их.

Поэтому ни одному народу не дано убежать от своей истории и существовать вне истории. Это верно также и применительно к международно-политической системе или миропорядку. Как известно, система международных отношений в современном ее понимании сложилась с возникновением государства с такими его атрибутами, как внутренний и внешний суверенитет, система государственного управления, регулярная армия, наличие четко очерченных и международно-признанных границ, централизованный контроль за территорией и т.д.

Причем целый ряд этих принципов с теми или иными модификациями продолжает действовать и в наши дни. Нельзя сказать, что миропорядок, просуществовавший в течение нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны, во всех его проявлениях и ипостасях канул в Лету. Так, некоторые важнейшие принципы Вестфальской системы продолжали действовать и в период двухполюсного миропорядка. Например, ООН была построена на государство-центристском принципе. Она была создана усилиями государств и в интересах государств.

Точно так же появление новых акторов в формирующемся новом мировом порядке отнюдь не привело к удалению с поля мировой политики прежних игроков, прежде всего национальных государств. Так, в теории никто еще не отменял, во всяком случае, де-юре, такие основополагающие принципы Вестфальской системы, как национальный

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. С. 737.

суверенитет, суверенное равенство всех государств — членов мирового сообщества друг перед другом и перед международным сообществом, территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела и т.д. Другое дело, что на практике эти принципы, скажем, не всегда в полной мере соблюдаются. Но так было по сути дела всегда.

Одновременно вступают в силу новые организационные принципы, правила игры, структуры, институты и т.д. Особенность современного миропорядка как анархической, открытой, неравновесной системы как раз состоит в том, что интернационализация, транснационализация, глобализация, увеличение темпов трансформации мировых процессов способствовали беспрецедентному ее усложнению.

Поэтому новый мировой порядок никак нельзя свести к какой-либо одной модели, навязанной мировому сообществу одной, даже самой могущественной державой или группой сильнейших в военно-политическом и экономическом отношении держав.

Все сказанное ставит множество вопросов относительно контуров, конфигурации, характера и сущности нового миропорядка, вопросов, на которые невозможно дать какие бы то ни было однозначные ответы. Но очевидно то, что на эти вопросы можно найти адекватные ответы, выведя за скобки всякого рода рассуждения о некоем однополярном миропорядке, на вершине которого якобы в гордом одиночестве восседает дядя Сэм или какой-либо иной идол в лице иной сверхдержавы.

Подобные аргументы, взятые из интеллектуального багажа прошлого, возможно, были бы приемлемы к реальностям минувшего века, но никак не к современной ситуации, которая не может не создать совершенно иные, нежели в прошлые эпохи, условия, векторы и параметры для формирования миропорядка, соответствующего геополитическим реальностям XXI в.

14.3. Изменение роли военно-политического и экономического факторов в мировой политике

После окончания холодной войны и распада двухполюсного миропорядка в большинстве стран современного мира развернулись широкомасштабные дискуссии и спо-

ры по вопросу о том, какой именно миропорядок придет на смену канувшему в Лету двухполюсному миропорядку. Концептуальная модель однополярного миропорядка, во-круг которой с распадом СССР и окончанием двухполюсного миропорядка развернулись острые дискуссии и споры, в свете события 11 сентября 2001 г., очевидного провала американо-британской агрессии против Ирака, беспрецедентного роста антиамериканизма во всем мире и т.д. стала достоянием истории. Пресловутой концепции о конце истории тоже пришел конец.

Но вопрос о контурах и параметрах нового миропорядка отнюдь не снят с повестки дня. Для получения более или менее приемлемого ответа на этот и связанные с ним другие вопросы целесообразно сначала попытаться осознать, что представляет собой феномен сверхдержавности в условиях глобализации.

Конец холодной войны и двухполюсного миропорядка, а также распад СССР и ряд других факторов в совокупности привели к заметному изменению места, роли и влияния как отдельных стран, так и целых регионов в глобальной системе международных отношений. Произошли кардинальные изменения в системе распределения и геополитического баланса сил, сложившейся в период холодной войны. Эти изменения требуют переосмысления традиционно понимаемых категорий баланса и равновесия сил, суверенного равенства, национального самоопределения, гегемонии, господства и подчинения, места и роли великих и малых стран в мировых делах и т.д.

Нет сомнений в том, что в современном мире статус, место и степень влияния каждого отдельно взятого государства, его военно-политическое могущество в значительной мере определяются масштабами экономической и военной мощи. С этой точки зрения США на протяжении первого десятилетия после распада СССР во многих отношениях действительно могли претендовать на статус единственной сверхдержавы, способной в той или иной форме вмешаться в события, происходящие в любом уголке земного шара.

Поэтому вполне объяснимо, что создалась ситуация, которую многие наблюдатели называют однополюсным миропорядком. Однако при оценке этой ситуации необходимо учесть те кардинальные изменения, которые произошли в мире сначала с появлением ядерного оружия, а затем с разрыванием процессов глобализации, информационно-

телекоммуникационной революции и распадом двухполюсного миропорядка. Парадокс состоит в том, что по всем важнейшим параметрам и характеристикам реальная сила государства с точки зрения завоевания искомого статуса в мировом сообществе не всегда поддается оценке и классификации традиционными критериями, понятиями и категориями.

Важно учесть, что сила, взятая сама по себе, — абстрактная величина, конкретные очертания и смысл ей могут дать лишь организационные, мобилизационные способности государства, его воля и устремленность к утверждению и защите своих интересов. Она не есть неизменный абсолют, а в значительной степени определяется характером взаимоотношений между народами, государствами, регионами, иными субъектами миропорядка, которые могут меняться в соответствии с мировыми реальностями.

Государство вправе защищать свои интересы и обеспечивать национальную безопасность, используя не только военные, но и экономические, человеческие, морально-психологические и иные ресурсы. Иначе говоря, совокупная сила государства складывается из множества составляющих, что дает ему возможность отстаивать свои жизненно важные интересы не только с помощью одной военной мощи. На первые роли выходят экономическая, научная, технологическая, информационная составляющие национальной мощи.

В современных реальностях наращивание до астрономического уровня военных расходов, как это делает Америка, становится слишком дорогим и непосильным удовольствием даже для такой могущественной страны, как США. В результате увеличения проницаемости национально-государственных границ происходит широкомасштабная диффузия и перераспределение знаний, науки, информации, технологий и, наконец, относительной и абсолютной экономической, геополитической и военной мощи между традиционными и новыми акторами мировой политики.

Применительно к военной мощи такая диффузия проявляется в том, что при всей важности и приоритетности мер по предотвращению распространения ядерного, химического и биологического оружия число их обладателей расширяется. Своего рода олигополия пяти ядерных держав, несмотря на все их усилия, к настоящему времени уже расшатана. Нельзя не признать, что Договор о нераспростра-

нении ядерного оружия представляет собой инструмент сохранения такой олигополии, по сути дела противоречащей принципу суверенного равенства всех государств — членов мирового сообщества.

Сами ядерные державы своими двойными стандартами в этом вопросе по сути дела способствуют постепенному размыванию своей же олигополии. В принципе, никакими доводами права, справедливости и равноправия невозможно объяснить, на каком основании, скажем, Израиль, Индия и Пакистан могут иметь ядерное оружие, а Северная Корея, Иран или какое-либо иное государство никак не могут.

К тому же в последние десятилетия все более возрастающую роль в деле обеспечения национально-государственных интересов играет так называемая «мягкая» сила, противопоставляемая «жесткой», т.е. военной, силе. Как показывает опыт последних десятилетий, особенно иракский казус, преобладающую экономическую и военную мощь не всегда и не обязательно можно конвертировать в политический контроль над тем или иным регионом или страной.

Под «мягкой» силой понимается широкий круг ресурсов, которые государство может использовать для достижения своих целей на международной арене, при этом не прибегая к вооруженной силе. В ее основе лежат культура и духовные ценности, информационные, идеологические, имиджевые и иные ресурсы, с помощью которых то или иное государство может обосновывать свою политику на международной арене.

Считается, что при асимметричных войнах победитель заранее известен или же, говоря по-другому, победа предпринята в пользу сильнейшего. В современных реалиях эта позиция, кажущаяся на первый взгляд само собой разумеющейся, не стыкуется с настоящим положением вещей. Ирак показал, что существуют серьезные объективные ограничители мощи США. Военная операция в предельно ослабленном долгим экономическим эмбарго государстве, по сути дела, продемонстрировала бессилие беспрецедентной мощи самой могущественной державы современного мира.

Терроризм, наркотрафик, транснациональная преступность — элементы «третьего уровня», которые весьма трудно (если не невозможно) устранить с помощью военной силы. Против них следует применять «мягкую» силу, действуя совместно с другими государствами.

В таком динамическом и неустойчивом мире весьма трудно строить сколько-нибудь адекватные прогнозы относительно того, какой именно вектор мирового развития окажется преобладающим. Результатом убыстрения времени, сжатия и «закрытия» пространства становится существенное укорочение поворотных периодов истории. Это, в свою очередь, сильно затрудняет определение начальной и конечной точек апогея величия империи или начала ее упадка.

14.4. О перспективах феномена сверхдержавности в современном мире

Здесь дилемма империи состоит в том, что она постоянно должна подтверждать свой статус и для этого искать все новые и новые формы, средства и пути демонстрации своей мощи и, что не менее важно, воли сохранить свое имперское предназначение. Можно метафорически утверждать, что она требует постоянного референдума среди как своих подданных, так и остального мира.

В этом контексте проблема Америки, как представляется, состоит в том, что она пытается провести этот условный референдум главным образом с помощью «жесткой» силы. Парадоксально, но беспрецедентная военная мощь, особенно новейшее высокоточное оружие, становится для США серьезным препятствием на пути поиска новых форм и средств ответить на новые вызовы.

Высокоточное оружие, возможно, более «гуманно» (если здесь приемлемо это выражение), но оно не может служить универсальным средством отражения вызовов новых реальностей. Претензии какой-либо державы на мировое лидерство нельзя считать особенно перспективными, если в остальном мире ее внешняя политика вызывает серьезное неприятие и непонимание, а то и ненависть.

Формирующаяся новая конфигурация геополитических сил свидетельствует о том, что Соединенные Штаты в действительности не в состоянии в одностороннем порядке навязать остальному миру параметры и принципы устройства миропорядка под свою диктовку и на своих условиях. Об этом свидетельствует опять же опыт англо-американской агрессии в Ираке. По сути дела, в молние-

носной войне одержав победу над иракской армией и свергнув одиозного диктатора С. Хусейна, они в стратегическом плане оказались весьма далеки от решения главных из поставленных ими целей.

Более того, как будет показано в соответствующих главах, агрессия вывела на поверхность тлеющие в течение десятилетий конфликты. Она породила множество новых трудноразрешимых проблем, в совокупности угрожающих целостности и даже существованию Ирака как единого государства и подрывающих стабильность во всем ближневосточном регионе.

Еще в начале 60-х гг. минувшего века Р. Арон писал, что «упразднение одного из гигантов скорее всего не сделало бы другого властителем мира даже на бумаге»¹. Однако ныне нам подсовывают состряпанный на идеологическую потребу миф о всемогуществе Америки как не подлежащую обсуждению истину в последней инстанции.

В современных условиях скорее всего реален вариант, при котором относительное ослабление позиций США и потеря Россией статуса сверхдержавы не обязательно приведут к появлению новых гегемонистских держав, будь то в политической или экономической сфере. Если логика восхождения одних и упадка других гегемонистских держав была верна в условиях государство-центристского мира, она может оказаться не совсем приемлемой к современному полицентрическому миру с разными типами акторов.

Уже в 70–80-х гг. стало обнаруживаться, что сами принципы державности и сверхдержавности с точки зрения реальных возможностей одних государств навязывать свою волю другим постепенно претерпевают существенные изменения. Говоря словами Дж. Розенау, становился очевидным тот факт, что сверхдержавы не столь сверхдержавны, а малые государства не столь малы и слабы, какими они некогда были². В тот период обладание энергоресурсами, степень их доступности и недоступности существенно изменили баланс между сильными и слабыми.

Способствующие этому тенденции мирового развития во все более растущей степени ограничивают возможности США, да и любой великой державы, претендующей на такой статус, стать единоличным и непререкаемым лидером современного мира. Факты свидетельствуют о том, что их

¹ Арон Р. Указ. соч. С. 779.

² См.: *Rosenau J. Turbulence in world politics. L., 1990. P. 7.*

могущество во все более растущей степени становится менее бесспорным. Неуклонно уменьшается не только относительная экономическая, но и военно-политическая мощь Соединенных Штатов.

Несмотря на колоссальные успехи за последние годы в социальной, экономической, технологической, военно-технической и иных сферах, силы и возможности Америки становятся все более рассредоточенными. Доллару в качестве мировой валюты во все более растущей степени бросает вызов евро, что в совокупности ведет к постепенному сокращению его влияния в мире. Не могут США выполнить функции мирового полицейского и в силу стремительно растущего антиамериканизма в мировом сообществе.

Нет надобности приводить множество других общеизвестных фактов, которые свидетельствуют о неуклонном сокращении удельного веса экономической мощи США при одновременном восхождении других экономических держав. Отметим лишь то, что это один из множества аспектов происходящих в мире сдвигов. В итоге ныне, как не без оснований заметил Г. Киссинджер, «бросать вызов Соединенным Штатам стало более безопасно»¹.

Здесь полезно вспомнить банальную истину о том, что любая империя, какой бы могущественной она ни была, рано или поздно теряет бывшие свои позиции. Парадоксально может звучать мысль о том, что именно с крушением главного врага в лице Советского Союза, который составлял смертельную угрозу самому ее существованию, Америка вступила в неопределенный и чреватый непредсказуемыми, следовательно наиболее опасными, последствиями период своей истории.

Постепенно обнаруживается, что геополитический триумф, достигнутый в непримиримой битве гигантов, постепенно теряет блеск и великолепие. Обращает на себя внимание, что бравада об однополярном миропорядке, на вершине которого якобы в гордом одиночестве восседает дядя Сэм, во все более растущей степени не стыкуется с реальностями формирующегося нового миропорядка.

В этом новом мировом порядке Америке более не суждено ни отгородиться от остального мира, как это было вплоть до начала XX в., ни господствовать в нем. Можно согласиться с П. Ф. Друкером, который писал: «Несомнен-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. С. 15.

но одно: Россия — как коммунистическая, так и посткоммунистическая — больше не будет “сверхдержавой”. Но то же самое произойдет и с Америкой. По существу, “сверхдержав” больше вообще не будет. И не будет больше никакого “центра” мировой политики»¹.

Качественное отличие нынешней ситуации состоит в том, что число ведущих акторов мировой политики дополнилось новыми государствами или акторами сопоставимого могущества, региональными группировками, международными организациями и новейшими образованиями в лице транснациональных корпораций, способных оказывать существенное влияние на мировые события.

В системе международных отношений действует так называемый *закон силы*. Согласно этому закону, по мере достижения государством экономической и военной мощи оно рано или поздно требует для себя соответствующего политического статуса в рамках существующего миропорядка или же его изменения. В этой связи важно учесть, что многие восходящие азиатские страны, насчитывающие от 60 до 80 млн чел., являются малыми или средними лишь по азиатским меркам. По европейским же меркам они такие же крупные державы, как Германия, Франция или Англия.

Если темпы роста экономики некоторых из них, вошедших или находящихся на пороге вхождения в ряды так называемых новых индустриальных стран, будут держаться на нынешнем уровне, то через полтора-два десятилетия они могут догнать развитые европейские великие державы по уровню экономического развития. Их влияние на мировую политику может значительно возрасти еще до того, как они по экономическому весу выравниваются с развитыми западными государствами. Здесь речь идет прежде всего о Китае (где существуют три провинции, каждая из которых превосходит по населению Германию), Индии, Индонезии, Бразилии. Возрастают значение и роль многих бурно развивающихся средних и малых стран, таких, например, как Республика Корея, Сингапур, Малайзия.

На смену характерной для биполярного мирового порядка преимущественно вертикальной взаимозависимости стран в рамках двух блоков постепенно приходят горизонтальная взаимозависимость стран, диверсификация их

¹ Друкер П. Ф. Новые реальности. М., 1994. С. 57.

политики и соответствующие ей открытость и гибкость. Во все более растущей степени размываются границы между угрозами национальной безопасности и международной безопасности.

Все это в конечном счете даже в рамках одного и того же союза создает условия, при которых исчезнет необходимость и неизбежность ориентации на один-единственный центр или на одно и то же государство. Прогресс в области военных технологий при определенном уровне экономического развития способствует размыванию прямой корреляции между уровнем экономического развития и возможностями государства противостоять внешним угрозам, соответствующим образом реагировать на них.

Американской идее сегодня бросают вызов переживающая второе рождение европейская идея, японская, китайская, индийская модели, модели новых индустриальных стран. Идет все расширяющаяся глобальная война идей, эталонов жизни, мировых доктрин, глобальная конкуренция имиджей и авторитетов за передел мировых рынков, за мировое лидерство. Хотя американская культура продолжает свою экспансию на всем пространстве ойкумены, США становится все труднее убедить остальные народы в превосходстве своих духовных и морально-этических ценностей и принципов.

В силу этих и ряда других причин Соединенные Штаты постепенно, но неуклонно теряют способность в одностороннем порядке диктовать основные векторы мирового развития, хотя трудно сказать, что они обладали такой возможностью в период двухполюсного миропорядка.

Актором сверхдержавного масштаба, способного диктовать свою волю всему мировому сообществу, нельзя считать и НАТО, поскольку при всем своем могуществе она бессильна перед множеством новых угроз миру и безопасности как самого Запада, так и остальных регионов. Речь идет, например, о таких нетрадиционных источниках опасности, как ползучий этнизм, национализм, сепаратизм, фундаментализм, наркобизнес, терроризм, организованная преступность и т.д.

Все это усиливает фактор неопределенности, неидентифицируемости конкретных источников угроз, которых можно было бы нейтрализовать, утихомирить или уничтожить путем какой-либо разовой военной кампании наподобие «Бури в пустыне», «Шока и трепета» и т.д.

Это касается всех без исключения стран: как США, откровенно претендующих на такую роль, так и новых входящих государств. В создавшихся ныне мировых реальностях всякие рассуждения об однополярном, новом биполярном, равно как и треугольном мировом порядке, опирающемся на три центра силы, являются в лучшем случае упрощением и лишены поддержки реальной действительности. Г. Коль, будучи еще канцлером ФРГ, как-то сказал: «Мы знаем, кто выиграет медали в экономической олимпиаде 2000 г., но мы не знаем, какие именно страны привезут домой золото, серебро и бронзу».

Но названное количество медалей отнюдь не означает, что некогда двухполюсный мир приобретает конфигурацию треугольника, образуемого тремя центрами экономической силы — США, Западной Европой и Японией. Экономические или другие противоречия и конфликты между этими центрами индустриального мира нельзя назвать новым явлением, но с окончанием холодной войны они приобретают иные измерение и качество.

Это обусловлено прежде всего формированием нового миропорядка на началах реального полицентризма, который качественно отличается от того «концерта держав», который был характерен для XIX — начала XX вв. Особенность, уникальность ситуации состоит в том, что по всем важнейшим параметрам и характеристикам она не поддается оценке и классификации традиционными критериями, понятиями и категориями.

По сути дела, уже к началу 80-х гг. на смену биполярной модели миропорядка пришла пятиугольная его модель, включавшая наряду с СССР и США также Европу, Японию и Китай. Эта тенденция нашла выражение, в частности, во всевозрастающих претензиях Японии и Германии стать постоянными членами Совета Безопасности, что призвано легитимизировать на официальном уровне их экономический и политический вес и влияние в мире.

Из всего изложенного выше можно сделать вывод о кардинальном изменении баланса сил, который сложился в период холодной войны, что, в свою очередь, предполагает коренную трансформацию всей геополитической структуры во всепланетарном масштабе. Поэтому естественно ожидать постепенного переосмысления традиционно понимаемых категорий гегемонии той или иной державы или групп стран. Гегемонизм во внешней политике в современных

условиях вступает в противоречие с основополагающими реальностями формирующегося полицентрического миропорядка.

Если его значение и сохранится, то он будет весьма изменчивым, не поддающимся сколько-нибудь предсказуемому, устойчивому прогнозу. Иначе говоря, конец глобального противостояния означает конец гегемонистско-глобалистской политики в ее традиционном понимании. Было бы сущей фантазией предполагать, что, скажем, Россия, Китай, Индия, Япония и другие страны просто откажутся от самоопределения и позволят кому бы то ни было решать за себя жизненно важные для себя вопросы.

Оборотной стороной гегемонии станет противодействие ей. Мы имеем дело фактически с исчезновением самого феномена сверхдержавности с мировой экономической и геополитической авансцены в традиционном его понимании. Этот тезис отнюдь не следует воспринимать как стремление приуменьшить действительные вес и влияние США в мировых делах в обозримой перспективе. От стратегии Вашингтона в значительной степени будут зависеть перспективы обеспечения мира и безопасности как на региональном, так и на глобальном уровне. Но все же США суждено стать не единственной, а одной из нескольких несущих опор или центров нового, как я его называю, полицентрического миропорядка.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы роль и значение вероятности и случайности в эволюции миропорядка?
2. Что понимается под турбуленцией?
3. Какие вы можете назвать системные характеристики нового миропорядка?
4. В силу каких причин новый мировой порядок нельзя свести к какой-либо одной модели?
5. Какие изменения претерпели военно-политический и экономический факторы в мировой политике?
6. Каковы различия между «жесткой» и «мягкой» силой?
7. Какие изменения в последние десятилетия произошли в статусе США как сверхдержавы?
8. Каковы, по вашему мнению, перспективы феномена сверхдержавности в новом миропорядке?

Глава 15. ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОГО МИРОПОРЯДКА

При двухполюсном миропорядке по аналогии с земным шаром были два полюса. В отношении земного шара мы говорим о двух полюсах — Северном и Южном. Есть Восток и Запад, Восточное и Западное полушария, но нет Восточного и Западного полюсов. Поэтому нельзя говорить о трех- или четырехполюсном земном шаре. В мировом сообществе отношения между государствами складываются по принципу, согласно которому действие рождает противодействие, сила — контрсилу и, соответственно, центр находится в качестве противовеса другому центру.

В течение всей истории этот принцип составляет один из стержневых принципов самоорганизации человеческих сообществ, в том числе и миропорядка. Два полюса в двухполюсном миропорядке и образовались именно в соответствии с этим принципом. Однако при создавшемся после распада двухполюсного миропорядка положении вещей на мировую авансцену, как уже отмечалось, вступили новые могущественные акторы в лице новых государств, регионов, народов, транснациональных корпораций. Среди них заметное место занимают также анонимные акторы, не признающие принципов международного права, общепринятых правил игры и т.д., с которыми вряд ли возможно договориться вступать в союзы, коалиции, системы баланса или равновесия и т.д. Поэтому корректнее говорить не о полюсах, а о множестве центров силы.

15.1. Почему центры, а не полюса силы?

Как уже отмечалось, с окончанием евроцентристского мира европейский и североамериканский экономико-политические центры отнюдь не канули в историю, не оттеснены в прошлое. Просто рядом с ними постепенно

появились и утверждаются новые центры, с которыми они призваны разделить власть и влияние, нести бремя совместного сосуществования со всеми вытекающими отсюда последствиями для всех членов мирового сообщества. В их числе, помимо Японии, следует выделить новые индустриальные страны.

Наиболее далеко идущие изменения в расклад геополитических сил вносит восхождение Китая и Индии, сохраняющих за собой статус демографических гигантов. Постепенно, но неотвратимо они превращаются в экономических и военно-политических тяжеловесов, обладающих ядерным оружием. Стремительными темпами приближается к ряду великих держав Бразилия. В области стратегических ресурсов сохраняет свои позиции Ближний Восток.

Одним из проявлений новых тенденций в мировой политике является возвращение России в большую мировую политику. Особо важное значение имеет тот факт, что у России пока что имеется достаточный потенциал для сохранения за собой статуса великой державы. Тем более в сфере ядерно-стратегических вооружений она располагает возможностями для сохранения паритета с США и даже со всем западным альянсом.

До тех пор, пока одна из сторон обладает способностью нанести удар возмездия после первого удара противника или же обладает видимостью такой способности, ее ядерные силы, во всяком случае в политическом плане, нельзя нивелировать. В этом смысле силы для второго удара могут и не быть слишком большими. Но они должны быть достаточными, чтобы после первого удара противника сохранить способность нанести удар возмездия хотя бы несколькими десятками боеголовок.

Дело в том, что государство, способное нанести второй ракетно-ядерный удар и причинить ущерб хотя бы одной великой державе, независимо от его географической удаленности, как бы обладает паритетом со всеми остальными ядерными государствами, вместе взятыми. В этом контексте уместно отметить, что в настоящее время в сфере сокращения вооружений пока что речь идет прежде всего именно о вооружениях США и России. Ни по количеству, ни по качеству они не сопоставимы с мощностью всех других стран, в том числе Великобритании, Франции и Китая.

При благоприятном стечении обстоятельств Россия совместно с СНГ со временем может составить самостоя-

тельный центр силы, способный на равных конкурировать и сотрудничать с остальными центрами. Наличие колоссальных запасов энергетических ресурсов и амбициозные планы их освоения создают предпосылки для превращения Центральной Азии и Прикаспия в важнейший с геополитической точки зрения регион.

15.2. Качественно новый уровень сложности отношений между ведущими акторами мировой политики

Ни одна из перечисленных выше составляющих мирового сообщества в одиночку не будет в состоянии контролировать формирующийся новый мировой порядок. Во всяком случае, некоторые из них каждое в отдельности либо совместно (комбинации могут варьироваться в зависимости от обстоятельств) в состоянии отвергать или блокировать диктат со стороны той или иной державы (будь то военной или экономической), претендующей на статус сверхдержавности.

Все большее число стран и регионов перестают быть простыми статистами в грандиозной геополитической игре традиционного «концерта» великих держав или служить пассивной ареной их соперничества за сферы влияния. Они способны самостоятельно маневрировать и проводить собственную политику, нередко противоречащую стратегии своих бывших патронов.

Теряет смысл ставшее привычным разделение мира на так называемые три мира, само понятие «третий мир». Что касается новых индустриальных стран, то ряды их с каждым годом растут, делая первых из них фактически членами клуба традиционных индустриальных стран. Наблюдается тенденция к неуклонному возрастанию веса и влияния малых стран, обладающих серьезным научно-техническим и финансовым потенциалом. Становятся все менее подвластными возможному диктату целый ряд государств Юга с воинственными руководителями, помогающими новейших систем оружия. Все более реальной выглядит перспектива получения целым рядом развивающихся стран оружия массового поражения.

При биполярном миропорядке границы между двумя блоками, или полюсами были четкими, жесткими, непрони-

цаемыми. Было ясно, кто враг и кто друг, где мы и где они. И вдруг, как бы в одночасье, все изменилось. Появилось множество вызовов и их источников. Весьма значимой проблемой становится невозможность определить конкретный и сколько-нибудь четко фиксированный и прогнозируемый источник внешней угрозы.

К тому же для новых потенциальных нарушителей дисциплины стало менее опасно и рискованно бросать вызов великим державам, да и всему развитому миру. Для обеспечения безопасности любой крупной державы приобретает актуальность способность отражать угрозы по многим направлениям или, как говорят, по всем азимутам.

В биполярном мире мощь одного блока оценивалась относительно мощи второго блока. В полицентрическом мире тому или иному государству (если абстрагироваться от сохранившегося блока НАТО) приходится сравнивать свою мощь с мощью не одной из двух противостоящих сторон, а нескольких или множества сторон. Поэтому аргументы о контроле над вооружениями и сокращении вооружений не могут ограничиваться отдельно взятыми союзами или государствами.

Например, Россия, идя на переговоры, должна будет брать в расчет объемы и мощь вооружения не только западных стран, но и Японии, Китая и других стран. Подобным же образом от Китая также нельзя ожидать согласия на сокращение его вооружения, если Индия и ряд соседних стран не пойдут на эквивалентные сокращения. Индия же в свою очередь потребует, чтобы на соответствующие сокращения пошел Пакистан и т.д. Другими словами, требуется баланс сил не просто между отдельно взятыми государствами, а баланс всемирного масштаба, где союзники и противники часто будут меняться местами.

Дополнительные сложности возникают в силу того, что ситуация в данной сфере будет подвержена постоянным изменениям. Это потребует от всех заинтересованных сторон постоянных корректировок своей позиции. Положение вещей еще более осложняется появлением растущего числа так называемых пороговых государств. Это делает все более непредсказуемыми и мрачными перспективы для сокращения и нераспространения ракетно-ядерного оружия.

Как представляется, возникающие на основе экономических приоритетов региональные объединения не будут некими замкнутыми блоками. Этому будут препятствовать

возрастание экономической взаимозависимости различных регионов, уровня производственной специализации, интересы обеспечения безопасности источников сырья, соображения привлечения иностранных капиталов и т.д. Иными словами, магистральный путь развития современного мира — это глобализация и интернационализация, составной частью которых являются открытый регионализм и всевозрастающая прозрачность государственных и национальных границ.

При таком положении вещей возникают новые неопределенности, в результате чего конкуренция между различными экономическими акторами приобретает более сложный, многоаспектный характер. Они взаимодействуют, сотрудничают и конфликтуют друг с другом, стремясь к реализации своих интересов. Каждый из них воспринимает угрозы национальной безопасности и миру в региональном и мировом масштабах не однозначно и не единообразно. Возрастает свобода действия если не всех, то большинства акторов, при этом делая их взаимосвязи и взаимодействия более неустойчивыми и менее стабильными.

Все это практически сводит к нулю способность какого-либо одного актора в отдельности контролировать происходящие в мире события. Японские фирмы могут главенствовать в электронных отраслях промышленности. Исламские фундаменталисты получают возможность контролировать политику тех или иных стран исламского мира и в той или иной форме влиять на политику неисламских государств путем угроз террористических актов или просто шантажа. Нью-Йорк, Лондон, Гонконг и т.д. сохраняют за собой средоточия финансовой системы, те или иные великие державы могут пользоваться непропорционально большим, чем другие страны, влиянием в силу обладания арсеналами ядерного оружия.

Иначе говоря, влияние каждого из них ограничено определенной сферой, и поэтому его невозможно конвертировать в гегемонию в мировом масштабе. К лучшему или худшему, но похоже, что гегемонистские державы и навязываемая ими стабильность становятся реликтами прошлого, артефактами истории международных отношений, которым пришел конец с началом глобальной неопределенности и неустойчивости на исходе XX в.

В полицентрическом миропорядке отношения между многочисленными акторами в большей степени, чем рань-

ше, устанавливаются по конкретным случаям и поэтому в большей мере подвержены изменениям. Они менее симметричны и слабее сдерживаются властными прерогативами, официальными инстанциями и институтами. Часть акторов при определенных условиях даже могут обойти требования национальных государств.

Полицентрический мир следует рассматривать не как некий замкнутый, раз и навсегда данный статический феномен. Это открытая по всем направлениям и для всех влияний, неопределенная, постоянно изменяющаяся структура. В этом отношении особенность ситуации состоит в том, что субъекты международных отношений (скажем, участники переговоров) должны играть одновременно в несколько игр, в которые вовлечены различные акторы.

Разумеется, сохраняются отдельные центры притяжения в лице, например, США, Японии, Китая, ЕС, России, но внутри самих центров нет сколько-нибудь четких разграничительных полос. Так, в Восточноазиатском регионе самостоятельное значение приобрели или приобретают парные связки великих держав: США — Япония, США — Китай, США — Россия, Япония — Китай, Япония — Россия, Россия — Китай и т.д. Здесь возможны союзы, построенные на конфигурации треугольников, четырехугольников и т.д., такие как, например, СССР — Китай — Индия, США — ЕС — Япония, НАФТА, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

В современных условиях можно говорить о так называемой модели *открытого регионализма*. Ее суть состоит в сочетании развития экономических и иных связей с несколькими региональными организациями или объединениями. Участники каждой из них не возлагают на себя каких-либо обязательных ограничений в своих внешнеэкономических связях с Европой, Ближним Востоком, Северной Америкой и другими регионами.

На основании изложенного можно сделать вывод, что восхождение полицентрического миропорядка с его государственными и негосударственными акторами значительно сузило, если не исключило, возможности сохранения или выдвижения какого-либо одного государства в качестве сверхдержавы, способной единолично контролировать положение дел в мире. Радикальное отличие нынешней ситуации состоит в том, что если раньше речь шла о балансе сил между несколькими великими державами, то ныне о нем можно говорить в глобальном, всемирном масштабе.

Новизна ситуации состоит также в том, что внешняя политика почти всех ведущих акторов приобретает многовекторную ориентацию во всепланетарном масштабе.

Возникнут новые группирования мощи и интересов. Изменения в отношениях между глобальными и региональными державами будут стимулировать формирование новых структур, которые могут как сотрудничать, так и конкурировать и конфликтовать друг с другом. Причем эти отношения конкуренции и сотрудничества приобретут многосторонний характер. Возможны и желательны так называемые перекрестные союзы, когда одно или несколько влиятельных государств будут входить в два или несколько союзов и тем самым выполнять роль связующих звеньев между ними.

Все это делает весьма трудным достижение необходимой дисциплины и упорядоченности, обеспечение сколько-нибудь стабильного распределения сил между взаимодействующими друг с другом странами, блоками стран, регионами. Поэтому весьма проблематично говорить о возможности сколько-нибудь долговременной конфигурации геополитических сил, которая бы подобно биполярной структуре определяла политическую ситуацию на международной арене.

Можно ожидать такое положение, при котором взаимоотношения между странами, регионами, политико-экономическими или иными блоками стран и т.д. (с знаками минус или плюс — соответственно, противоборства или сотрудничества, конфликта или консенсуса) будут подвержены постоянным изменениям.

Другими словами, если в биполярной международной системе блоки, объединения, группировки акторов были даны раз и навсегда, то в новой полицентрической конфигурации игры по их формированию будут продолжаться без конца. Границы, отделяющие блоки, союзы, регионы, стали более открытыми, гибкими и поэтому более проницаемыми. В первом случае существовал ясно очерченный стратегический императив, основанный на ядерно-стратегическом паритете сил и взаимном страхе. Во второй ситуации такой императив, во всяком случае в ясно сформулированной форме, отсутствует.

Имеет место переход от ситуации, оставляющей жесткий, недвусмысленный выбор одной из двух возможностей (по принципу «либо-либо»), к ситуации, дающей множе-

ство вариантов выбора, поскольку для большинства стран явно увеличился диапазон выбора. Каждая из них может принимать внешнеполитические решения, руководствуясь не соображениями своей принадлежности к тому или иному блоку, а исходя из своих реальных национально-государственных интересов и с учетом многовариантности выбора вектора внешнеполитического курса.

Однако в силу того, что жесткость международных структур послевоенных десятилетий сменилась подвижностью, определенность уступила место неопределенности, источники власти и влияния как бы размываются, становятся анонимными. В результате оказывается проблематичной четкая и недвусмысленная идентификация угрозы, ее ассоциация с конкретной страной или группой стран.

Результатом этого может стать трансформация прежнего двухполюсного сдерживания в неупорядоченное и не поддающееся контролю взаимное сдерживание, где угроза применения силы будет хроническим элементом в системе взаимных отношений стран и народов. Соответственно, возрастет значение анархического начала международно-политической системы, что, естественно, не исключает возможности и перспективы усиления организационных начал.

15.3. Соотношение стабильности и нестабильности в полицентрическом миропорядке

Исторический опыт свидетельствует, что переход от одного мирового порядка к другому никогда не был гладким. Переходный период, который, как правило, характеризуется неопределенностью, сочетает в себе элементы старой и возникающей новой систем, проникающих друг в друга и конкурирующих друг с другом.

Некоторые из этих отношений носят интегративный характер, а другие могут вести к дезинтеграции и фрагментации. В тех регионах мира, которые оказывались под особенно сильным влиянием изменений, возникали войны, и народы создавали новые стратегические союзы. Характер и тенденции изменений различались в зависимости от особенностей исторических акторов и сил.

Показательно, что смена эпох и миропорядков порождает новые надежды и проекты более совершенного и справедливого мироустройства. И в нашу эпоху, когда в результате жестокой и дорогостоящей холодной войны, когда, казалось, окончательно пали тирании и победу одержали принципы демократии, прав и свобод человека, возникли высокие надежды о наступлении новой эры мира и демократии. Эти надежды, в частности, питались тем, что результатом победы стало создание или воссоздание нескольких средних и малых государств, которые провозгласили свою приверженность свободе и демократии.

Однако, несмотря на первоначальные усилия, некоторые из этих государств показали свою неспособность установить и сохранить у себя демократию, некоторые из них выбрали различные типы авторитаризма, а международные миротворческие структуры оказались неэффективными. Для многих независимых государств характерны внутренние конфликты, другие вовлечены в конфликты между собой или же оказываются вовлеченными в конфликты между крупными государствами.

Другими словами, эти и множество других конфликтов говорят в пользу того, что формирующийся полицентрический миропорядок, по всей видимости, не будет отличаться особой устойчивостью и стабильностью. В условиях ускорения времени и сужения пространства международная арена не стала более уютным, чем раньше, местом.

Более того, в условиях, когда исчезла структура двух-полюсного миропорядка, опасности этнических, конфессиональных и территориальных конфликтов, гражданских и региональных войн, международной организованной преступности и терроризма и т.д. значительно возросли.

Кровавые межнациональные конфликты на южной периферии бывшего СССР, трагические последствия краха Югославии, война в Афганистане, американо-британская агрессия в Ираке, теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, 11 марта 2004 г., 1 сентября того же года в Беслане, вспышка терроризма в Ираке и т.д. показали, что сегодня потенциал нестабильности в мире гораздо выше, чем это было до начала иракской войны. Эти и множество других событий, за последние два десятилетия взбудоражившие мировое сообщество, свидетельствуют о том, что современный взаимозависимый, но противоречивый мир весьма далек от того, чтобы сделать своим основопола-

гающим нравственным императивом принципы «не убий», «возлюби ближнего своего» и т.д. Напомним в данной связи, что в настоящее время все военные расходы в мире в совокупности оцениваются примерно в 1 трлн американских долл. в постоянных ценах. Это в 4 раза превышает уровень расходов, достигнутый к концу Второй мировой войны, и в 25 раз — уровень начала XX в.

Раньше, помимо всего прочего, территория могла служить буфером, позволяющим защищать страну от внешних врагов. В настоящее время ситуация в этом плане в значительной степени изменилась (особенно на Западе). Ведущие западные страны имеют доступ к базовым ресурсам и рынкам друг друга без серьезных барьеров на национальных границах. Для них большую актуальность приобрели доступ и присутствие вместо захвата и господства.

В то же время восхождение современных типов вооружения и средств их доставки во многом обесценили фактор территориальной отдаленности и естественных преград с точки зрения защиты страны от внешней опасности. В условиях растущей волны национализма, совершенствования методов партизанской войны и усиления терроризма обеспечение контроля над завоеванными территориями стало весьма трудным делом.

Показательно, что в последнее время во многих случаях попытки захватить чужие территории с помощью военной силы потерпели неудачу: Аргентина безуспешно пыталась захватить Фолклендские острова, Ирак — Кувейт и территорию Ирана, Сомали — часть Эфиопии, Ливия — часть Чада и т.д. Тем не менее в развивающемся мире сохраняется актуальность территориального фактора, а в основе конфликтов и войн все еще лежат территориальные, этнические и религиозные факторы.

Изменения в глобальной экономической системе, как правило, происходят в иных временных циклах, чем изменения в международной политической системе, поскольку глобальные экономические и политические часы показывают разное время, между ними возникает существенное напряжение. Например, когда народы неожиданно получают политические права и свободы, изменяются и растут их экономические ожидания.

Однако в большинстве случаев политические и институциональные трансформации не могут обеспечить немедленных позитивных результатов. Феномен революции *расту-*

щих ожиданий, которая наблюдалась в постколониальных странах в 60–70-х гг., снова обнаружился как потенциально весьма опасная проблема в странах бывшего советского блока, где приобретение независимости и переход к иным формам государственного устройства не сопровождались повышением жизненного уровня населения.

Другая проблема, порожденная разными скоростями движения политических и экономических часов, носит более долговременный характер. Глобализация экономических отношений, финансов, капитала, науки, технологии, отношений собственности и предпринимательства и т.д. требует увеличения прозрачности государственных границ. Это, в свою очередь, затрудняет малым и средним, особенно новым, независимым государствам защиту своих национальных интересов.

15.4. Перспективы обеспечения мира и стабильности между народами

При всем том не хотелось бы согласиться с теми авторами, которые говорят, что современный мир — это мир хаоса, борьбы всех против всех. Но все же следует отметить, что в контексте всего вышеизложенного возникает множество сакраментальных вопросов:

- Способен ли наступающий новый миропорядок достичь названных выше целей?
- Будет ли он способен обеспечить материальное благополучие народов, устойчивое развитие как национальных экономик, так и мировой экономики в целом?
- Способен ли он ликвидировать бедность и нищету в обширных регионах земного шара?
- Будет ли он способен обеспечить мир и стабильность в международных отношениях, или же человечество ждет неконтролируемый кризис?
- Могут ли быть управляемы или нейтрализованы разнообразные кризисы с помощью ответственных превентивных действий, осуществляемых коллективно как государствами, так и негосударственными акторами?

Совместными усилиями государства способны противодействовать источникам нестабильности и разного рода угрозам безопасности национального, регионального и ми-

рового уровней, предотвратить и нейтрализовать возможные кризисы и конфликты.

Как показывает исторический опыт, международная стабильность наилучшим образом достигалась и обеспечивалась именно при преобладающей роли в мировых делах великих держав, обладающих соответствующими ресурсами, и при необходимости волей использовать эти ресурсы для достижения конкретной цели. Об этом свидетельствует опыт великих мировых империй, которые, подчинив своей власти огромные пространства, множество стран и народов, на тот или иной период времени в той или иной форме и степени обеспечивали относительные мир и стабильность. При этом сила всегда была критически важным фактором в установлении и поддержании нового мирового порядка. Эта максима в какой-то мере не потеряла свою актуальность и значимость и в наши дни.

Признание этой реальности предполагает необходимость формирования некоей системы наднациональных институтов коллективной многосторонней координации деятельности субъектов мировой политики. По идее, они должны быть наделены соответствующими полномочиями и ресурсами для предотвращения конфликтов и противодействия им, при необходимости использовать силу, включая вооруженную, для обеспечения мира и стабильности в мире.

В этом смысле, возможно, правы те авторы, по мнению которых, зачастую для восстановления порядка в мире понадобится принуждение того или иного возмутителя спокойствия к соблюдению общепринятых норм и правил (если требуется, с помощью применения или угрозы применения силы). Может быть, вмешательство западных стран в дела Югославии на более ранней стадии способствовало бы мирному разрешению конфликта и предотвратило бы огромную трагедию.

Конечно, здесь возникает вопрос о том, как, на каких принципах, из чего должны быть созданы такие институты, которые могли бы выполнять в некотором смысле функции позитивно трактуемого мирового полицейского.

Верно, что в настоящее время крупнейшие акторы, как старые, так и новые, взаимозависимы и имеют много общих интересов в плане обеспечения мира и стабильности в функционировании международной системы. Эта система (в лице прежде всего ООН) обладает эффективными институтами и рычагами для регулирования отношений

между государствами в большей степени, чем любая другая международная система в истории.

Однако любое благодушие, тем более чрезмерный оптимизм в этом вопросе для нас не может не быть непозволительной роскошью. Как отмечал Р. Дебре, оптимизм спровоцировал большое количество катастроф. Оптимизм не позволил предотвратить великое множество исторических трагедий и усыпил волю¹.

Но разве разные составляющие человечества во все времена не дрались друг с другом не на жизнь, а на смерть, порой устраивая пляски смерти и кровавые боины мирового масштаба? Где гарантия того, что природа человечества, его этос радикально изменится и оно приобретет способность достижения истинного единства и обеспечения мира и безопасности для всего мира? Иначе говоря, возникает множество вопросов, на которые мало кто может дать скольконибудь приемлемые ответы.

Дело в том, что, как правило, место и роль в мировом сообществе каждого из его членов определяет множество факторов. В силу этого все без исключения государства не могут воспринимать ту или иную конкретную угрозу миру в том или ином регионе одинаково и в одинаковой степени готовы идти на риск участвовать в ликвидации этой угрозы.

К тому же коллективная безопасность оказывается действенным средством лишь в том случае, если все народы или страны в равной степени заинтересованы в противодействии конкретному акту агрессии и готовы идти на равный риск противостояния. Такого совпадения, как показывает опыт истории, как правило, не бывает, поскольку каждое государство оценивает угрожающие ему опасности с точки зрения собственных национальных интересов. Этим, в частности, можно объяснить тот неопровержимый факт, что ни один акт агрессии, в который была бы вовлечена та или иная великая держава, не был отражен путем применения принципа коллективной безопасности.

Это относится и к деятельности ООН, решения которой в конечном счете оказывались неэффективными или невыполнимыми, если речь шла о действиях и поведении великой державы. Здесь примеров можно привести множество. Это агрессии США во Вьетнаме и СССР в Афганиста-

¹ См.: Независимая газета. 1995. 25 апр.

не, Берлинские кризисы, американо-британская агрессия в Ираке и др.

Такая постановка вопроса тем более корректна, если учесть, что единое человечество с общими интересами, целями, ценностями и т.д. можно себе представить, скажем, с высоты птичьего полета. Чем ниже мы спускаемся, тем явственнее прослеживается его фрагментарность, лоскутность, многоцветие, многообразие на фоне постоянных противоречий, вражды, конфликтов, противоборства, войн и т.д.

К тому же экспансия глобальной экономики и процессы интернационализации породили новый комплекс проблем и рисков всемирного масштаба, которые носят многомерный характер. Многие из них являются результатом непредсказуемых последствий технологического, экономического, социального развития и политики в этих сферах. Опасности, таящиеся в этих проблемах, способны привести к широкомасштабному глобальному кризису, если государства не готовы совместно справиться с ними.

Очевидно, что решение этих проблем требует многосторонних концентрированных усилий мирового сообщества. В этой связи нелишне напомнить, что даже когда существовало общее согласие относительно характера и значимости соответствующих проблем, было крайне трудно разработать и осуществить единую политику международного сообщества. Проблема состоит в том, как достичь некоего консенсуса хотя бы между главными членами мирового сообщества относительно путей и средств предотвращения угроз конфликтов и войн, обеспечения международной безопасности.

15.5. Кодекс и нормы поведения нового миропорядка

По-видимому, для полицентрического миропорядка будет характерен не какой-либо отдельно взятый принцип, например, принцип баланса сил, или коллективной безопасности, или сферы интересов, а в зависимости от конкретной ситуации та или иная форма их сочетания. «Ни одна международная система никогда не была уравнилительной и никогда не будет таковой», — не без оснований утверждал Р. Арон в начале 60-х гг. прошлого века¹. Действительно, система

¹ См.: Арон Р. Указ. соч. С. 709.

международных отношений всегда состояла из более равных в лице могущественных держав и менее равных в лице слабых, как правило, малых стран. Более того, малые страны нередко приносились в жертву, когда великие державы считали, что это служит их национальным интересам.

Новый полицентрический миропорядок, как и все предыдущие международные системы, по-видимому, также будет основываться на иерархическом принципе, руководствуясь критериями власти и мощи конкретных членов мирового сообщества. В этом плане значение имеет то, что новый миропорядок характеризуется не только полицентричностью, но и тем, что его облик определяется множеством факторов. В силу этого статус того или иного государства в иерархической структуре мирового сообщества определяется комплексом множества критериев. Среди них помимо экономической и военной мощи немаловажную роль играют политическая воля, профессионализм, компетентность, гибкость руководства и т.д.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что акторов, сил или «невидимых рук», детерминирующих мировые процессы, миропорядок и его подсистемы, множество. Это глобальные рынки; социальные, экономические и технологические факторы; постоянно изменяющиеся интересы традиционных и новых акторов мировой политики; международные силовые структуры, определяемые геоэкономическими и геополитическими интересами великих держав; характер и интенсивность международного сотрудничества и т.д.

Эти силы в совокупности обеспечивают комплекс правил, норм и кодексов, создающих основу для определенной формы децентрализованного регулирования отношений между различными акторами мировой политики и достижения порядка на международной арене. Нарушения этих норм, правил, кодексов могут иметь своим следствием санкции, осуществляемые легитимно установленными международными организациями или коалицией государств, использующих различные средства, включая насильственные.

Тем не менее порядок и хаос, анархия и управляемость, предсказуемые и непредсказуемые события, определенность и неопределенность, насилие, угроза применения силы, терроризм и международные санкции, противоречия, конфликты и сотрудничество, статика и динамика станут важнейшими составляющими нового полицентрического

миропорядка. Разным акторам представится бесчисленное множество возможностей реагировать — рационально или иррационально — на внутренние и международные проблемы в соответствии с их интеллектуальными возможностями, культурой, привычками, традициями, специфическими интересами.

Иначе говоря, новый полицентрический миропорядок сохранит анархический характер, поскольку в создавшихся условиях постоянной неопределенности, беспрецедентного динамизма, глубинных трансформаций самих бытийных основ существования государств и народов вряд ли возможно реализовать какие бы то ни было системы мировых полицейских или единую систему мирового управления, способную контролировать, регулировать и гармонизировать глобальные процессы.

Для такой системы нет и не предвидится какого бы то ни было единого для всех народов круга ценностей, общего менталитета, универсальной идеологии, которые были бы основаны на единых для всего мирового сообщества интересах. В то же время мир слишком сложен и многолик, слишком обширен и разнообразен, слишком быстро богатеет и становится грамотным и способным открывать и осваивать новые возможности, слишком динамичен и неопределен, чтобы им можно было управлять из какого-либо одного центра, чтобы оставлять какой бы то ни было инстанции шанс установить над ним свою гегемонию.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. По какому принципу формируются полюса или центры силы в системе международных отношений?
2. Почему, по вашему мнению, в данной работе вместо известного термина «полюс» предпочтение отдано термину «центр»?
3. Каковы перспективы формирования однополярного, двухполюсного и полицентрического миропорядка?
4. Какие центры силы будут определять конфигурацию формирующегося нового миропорядка?
5. Чем определяется качественно новый уровень сложности отношений между акторами мировой политики?
6. Назовите основные характеристики полицентрического миропорядка.
7. Как вам видится соотношение в нем стабильности и нестабильности?
8. Какими вам видятся сущностные характеристики нового миропорядка?

Глава 16. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Внешнеполитическая стратегия государств в различные эпохи в значительной степени определялась тем, что мы теперь называем *национальным интересом* и *национальной безопасностью*. Однако эти категории стали приобретать более или менее зримые очертания с возникновением Вестфальской системы и связаны с формированием идеи национального государства как главного носителя власти в отношениях с остальным миром.

16.1. Понятие «национальный интерес»

Понятие «национальный интерес» вошло в научный оборот сравнительно недавно. Лишь в 1935 г. оно было включено в Оксфордскую энциклопедию социальных наук и тем самым получило права гражданства. Приоритет в его разработке, как правило, признается за известным американским протестантским теологом Р. Нибуром и историком Ч. Бирдом. Одним из его родоначальников считается также английский историк Э.Х. Карр, опубликовавший в 1939 г. книгу «Двадцатилетний кризис, 1919—1939 гг.».

Особенно возросло внимание к проблематике национального интереса после Второй мировой войны с формированием школы *политического реализма*, о которой более подробно речь пойдет ниже. Весомый вклад в разработку концепции национального интереса внесли такие представители этого направления, как Р. Нибур, Дж. Кеннан, У. Липпман, Г. Моргентау, Дж. Розенау, К. Уолтц, Э. Фернисс и др. В Европе интерес к этой проблеме проявили такие исследователи, как Р. Арон, П. Ренувен, Ж.-Б. Дюрпель, Ф. Брайар, Р. Дебре и др.

Представители политического реализма рассматривают национальный интерес в качестве краеугольного кам-

ня внешней политики любого государства. По их мнению, главный пункт, помогающий отыскать верный путь в дебрях международной политики, — это концепция интереса, сформулированного в понятиях силы. По мнению реалистов, внешняя политика, основанная на национальном интересе, морально превосходит внешнюю политику, воодушевляемую некими универсальными моральными принципами.

Что же такое национальный интерес? Каковы его сущность и системообразующие параметры? Как он соотносится с понятием «государственный интерес»? Какова взаимосвязь национального интереса с национальной безопасностью? По этим и некоторым связанным с ними другим вопросам в последние годы развернулись довольно оживленные дискуссии.

Национальный интерес — категория абстрактная и субъективная, поскольку ее параметры определяются картиной мира и ценностной системой, господствующей в данном обществе и государстве. Поэтому весьма трудно дать сколь-нибудь точное его определение. Но фактом является то, что каждое государство пытается оправдать свою деятельность на международной арене, в том числе и войны, стремлением защищать свои национальные интересы. Национальный интерес — выражение и осознание потребностей государства, мотивация его существования и деятельности.

Реальность национального интереса выявляется в процессе и по мере его осуществления. А это, в свою очередь, предполагает наличие волевого и деятельностного начал, а также средств для реализации поставленных государством целей. С данной точки зрения внешнюю политику можно рассматривать как важнейшее средство осуществления национальных интересов.

Понятие «национальный интерес» в целом имеет смысл лишь в контексте взаимоотношений той или иной нации или государства с другими нациями и государствами. Ведь на международной арене нацию представляет государство. Поэтому в лексиконе международной политики, говоря о национальном интересе, как правило, имеют в виду государственный интерес и, наоборот, под государственным интересом подразумевают национальный интерес.

Следует отметить также то, что правовое государство — это форма политической самоорганизации гражданского общества на определенной, строго очерченной территории. В этом качестве всеобщий интерес самосохранения

и самовоспроизводства гражданского общества, экстраполированный на внешний мир, в основополагающих своих аспектах совпадает с правильно понятым национально-государственным интересом. Разумеется, здесь речь идет лишь о нормальной ситуации, когда государство выступает на международной арене в качестве действительного носителя и защитника национальных интересов.

Национальные интересы — альфа и омега внешнеполитической стратегии любого государства. Верно говорят, что государство не имеет друзей и врагов, оно имеет интересы, в соответствии с которыми и выбираются друзья и враги. Можно согласиться с представителями политического реализма, которые рассматривают национальный интерес в качестве краеугольного камня внешней политики любого государства. Действительно, главный пункт, позволяющий отыскать верный путь в дебрях международной политики, — это концепция национального интереса, сформулированного в понятиях силы.

На международной арене любое уважающее себя государство нередко отбрасывало в сторону идеологические, моральные или иные соображения, если они не соответствовали его национальным интересам. История предоставляет нам множество примеров, когда вчерашние заклятые политические противники становились близкими союзниками, а сегодняшние близкие союзники и друзья завтра оказывались во враждебных друг другу лагерях.

Например, в период Второй мировой войны СССР и США составляли костяк антигитлеровской коалиции, нанесяшей сокрушительное поражение общему врагу в лице гитлеровской Германии. Но с окончанием войны ситуация кардинальным образом изменилась, изменилось понимание каждой из сторон своих национальных интересов, условий и принципов их реализации. В результате вчерашние союзники стали непримиримыми врагами, каждый из которых занял места на противоположных сторонах военно-политических баррикад.

Но бывают и такие ситуации, когда две противостоящие друг другу державы, руководствуясь своими национальными интересами в духе реалполитики, могут занять по тому или иному международно-политическому вопросу почти одинаковую позицию. Так произошло, например, во время тройственной англо-франко-израильской агрессии против Египта в октябре 1956 г. Тогда США и СССР (хотя

и не в тандеме и по разным причинам) осудили агрессию и настояли на немедленном ее прекращении. В этом контексте можно трактовать политику США, которые в 70-х гг. активно использовали так называемую «китайскую карту» для оказания давления на Советский Союз. СССР, в свою очередь, использовал улучшение отношений с Западом, прежде всего с Вашингтоном, для уравнивания все более набравшего вес китайского фактора.

В этом смысле государство отличается от отдельно взятого индивида, для которого более подходит известное выражение «один старый друг лучше новых двух». Как показывает исторический опыт, для государства такой принцип абсолютно неприемлем. Отличается государство также от разного рода общественных организаций, политических партий, церкви, которые ради соблюдения общепринятых морально-этических норм и принципов могут жертвовать теми или иными своими интересами. Государству же это просто непозволительно.

16.2. Основные составляющие национального интереса

В основе национального интереса лежит императив самосохранения государства. Контуры национального интереса во многом определяются идеалами, отражающими ценности данного общества. Но сами эти идеалы немыслимы без основополагающей идеи самосохранения. Существует некий комплекс критических параметров, нарушение которых дает основание говорить о том, что государство не способно отстаивать свой суверенитет и самостоятельность.

При разработке концепции национального интереса каждое государство должно исходить из того очевидного факта, что другие государства также имеют свои законные интересы. Они вправе защищать эти интересы, используя все имеющиеся в их распоряжении ресурсы и средства (вплоть до применения или угрозы применения силы, или, иначе говоря, прибегая к войне как к последнему средству).

Здесь не всегда приемлем кантовский принцип, применимый к взаимоотношениям между отдельно взятыми гражданами правового государства. Суть этого принципа состоит в формуле: «Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека». В этом смысле не всегда однозначно можно сказать: «Национальный интерес того

или иного государства кончается там, где начинается интерес другого государства или других государств». Если бы даже это было так, то вряд ли можно было бы ожидать, что все государства всегда согласились бы с этим.

Иначе невозможно было бы объяснить множество межгосударственных войн, развязываемых и осуществляемых под лозунгом защиты национальных интересов. Такие войны и конфликты большей частью возникают как раз на стыках, где два или большее число государств претендуют на одни и те же объекты, будь то территории, природные ресурсы, водное или воздушное пространство и т.д.

Именно феноменом национальных интересов определяется факт преемственности внешнеполитического курса подавляющего большинства государств. Так, на протяжении последнего столетия Россия, хотя здесь сменились три режима (Российская империя, СССР и Российская Федерация), сохранила приверженность одним и тем же основополагающим национальным интересам.

В США совершенно обоснованно говорят о двухпартийной внешней политике, суть которой состоит в том, что независимо от того, какая партия — республиканская или демократическая — находится у власти, каждая из них защищает национальные интересы страны. Не случайно в государствах, где тем или иным путем происходят смены режимов, новые руководители, как правило, заявляют, что внешняя политика данного государства не претерпит изменений.

Две страны, даже будучи союзниками, редко имеют идентичные национальные интересы. В лучшем случае они могут дополнять друг друга. Например, после Первой мировой войны Франция на Версальской конференции прилагала неимоверные усилия для принятия союзниками таких решений, которые бы гарантировали невозможность возрождения Германии как великой экономической и военнополитической державы. Однако Великобритания считала страхи Франции слишком преувеличенными и не всегда поддерживала, как ей казалось, слишком радикальные требования, которые не соответствуют национальным интересам самой Великобритании.

Бывает и так, что вполне справедливые решения, принятые государством или группой союзных государств после победоносной войны, могут привести в конечном счете к прямо противоположным результатам. Именно в этом смысле следует трактовать решения Версальского мирно-

го договора и саму Версальскую систему, созданную на его основе. Речь идет о том, что побежденной Германии был навязан унижительный, по сути дела, карфагенский мир, что резко негативно отразилось на национальном сознании немецкого народа.

Поэтому неудивительно, что в Германии Версальский договор стал почвой для наращивания реваншистских настроений среди широких слоев населения. Немецкий народ не признал ни результатов самого Версальского договора, ни созданной в результате ликвидации кайзеровского рейха Веймарской республики. Ревизия Версальского договора стала главной политической целью правящих кругов этой страны в течение всего межвоенного периода.

В итоге обе стороны, как побежденные, так и победители, оказались проигравшими. Именно под лозунгом отмены Версальского договора А. Гитлеру и его клике удалось за сравнительно короткий срок создать вермахт — мощную современную армию для развязывания еще более широко-масштабной и кровавой Второй мировой войны.

Приверженность делу защиты реальных или превратно понятых национальных интересов нередко заставляла руководителей государств при выборе союзников игнорировать религиозные или идеологические приверженности. Чего стоит в этом отношении, например, печально известный пакт между нацистской Германией и большевистским Советским Союзом, заключенный в августе 1939 г. Гитлер и Сталин были заклятыми идеологическими противниками. Но ко времени подписания этого пакта национальные интересы двух тоталитарных государств по вопросу о разделе Польши на короткое время как бы совпали и оказались выше идеологических разногласий. Как только эта цель была достигнута, обе стороны вступили в смертельную схватку друг с другом.

Формирование национальных интересов представляет собой постепенный и длительный исторический процесс, осуществляющийся в сложном переплетении экономических, социальных, национально-психологических и иных факторов. В таком качестве национальные интересы являются общественно-историческим феноменом и не могут существовать независимо от сознания их носителей. Они имеют самую тесную взаимосвязь с идентичностью конкретной нации.

Разумеется, концепция национальных интересов немыслима без осознания реального места и роли государства

в мировом сообществе стран и народов. Учитываются геополитические параметры и ресурсные возможности государства в точках пересечения множества взаимосвязанных, взаимодополняющих, конфликтующих, разнонаправленных структур, интересов, предпочтений, симпатий, антипатий и т.д. Необходимо также более или менее четко определить источники и характер угроз безопасности государства. Нельзя игнорировать также возможные реакции на принимаемые государством внешнеполитические решения со стороны тех государств, которые они так или иначе затрагивают.

16.3. Формы национальных интересов и пути их реализации

Столкновение национальных интересов порождает реальные конфликты между субъектами международных отношений. Но такие конфликты могут возникать также на основе ложно понятых и превратно сформулированных национальных интересов. Превратно понятые национальные интересы, оправдывающие поведение государства на международной арене, не соответствующее общепринятым нормам, в конечном счете оказываются противоречащими реальным долгосрочным национальным интересам.

Наглядное представление об этом дает, например, тот факт, что, следуя ложно понятым национальным интересам, Соединенные Штаты развязали вьетнамскую войну, СССР — войну в Афганистане. Не случайно в 60-е гг. такие маститые представители реалистической школы, как Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Р. Нибур и У. Липпман, осудили вьетнамскую авантюру Вашингтона как не соответствующую национальным интересам Америки. Белый дом же, наоборот, оправдывал ее доводами о том, что противодействие проникновению коммунизма в любую точку земного шара отвечает жизненным интересам Соединенных Штатов.

Таким образом, главной детерминирующей силой внешнеполитической деятельности является национальный или государственный интерес. Но сама концепция национального интереса пронизана ценностными нормами и идеологическим содержанием. Это особенно верно в отношении ложно понятых и превратно сформулированных национальных интересов. В формулировании обеих категорий инте-

ресов и в формировании внешнеполитической стратегии немаловажное значение имеет система ценностных ориентаций, установок, принципов и убеждений государственных деятелей. Важно и то, как они воспринимают окружающий мир и как оценивают место своей страны в ряду остальных государств, составляющих мировое сообщество.

В условиях глобализации, «закрытия» мирового пространства, о которых говорилось выше, возникает множество вопросов, связанных с государственным суверенитетом:

- Сохраняет ли значимость национальный интерес на фоне набирающей обороты интернационализации и возрастания роли международных организаций?
- Что происходит с национальным интересом в контексте выдвижения на первый план региональных и групповых интересов?
- Каковы перспективы национального интереса при наличии тенденции к размыванию национально-государственного суверенитета?

Эти вопросы тем более обоснованны, если принять во внимание то, что ряд специалистов ставят под сомнение актуальность самой проблемы национального интереса в современном мире.

Естественно, национальные интересы различаются по своей значимости и влиянию на международной арене. По данному признаку они подразделяются на жизненно важные (или главные) и второстепенные, постоянные и переменные, долгосрочные и конъюнктурные. Под жизненно важными интересами следует понимать такие интересы, без обеспечения которых страна не сможет рассчитывать на долговременное восходящее развитие. Они определяются важнейшими геополитическими параметрами: местом и ролью данного государства в системе межгосударственных отношений, его престижем и относительной военной мощью, способностью отстаивать свой суверенитет и гарантировать свою безопасность.

Государство по-своему оценивает относительную важность каждой из преследуемых им целей. Способность государства реализовывать их зависит от многих факторов: его геополитического положения, истории, культуры, политической системы, руководства, характера взаимоотношений с другими государствами и т.д. Государство обеспечивает свои интересы всеми имеющимися в его распоряжении средствами: политическими, идеологическими, экономиче-

скими, дипломатическими, военными. Последним средством является угроза применения или реальное применение силы (вплоть до объявления войны).

Второстепенные и переменные интересы носят производный от первых характер и, будучи изменчивы под влиянием изменяющихся внешнеполитических факторов, могут служить предметом торга при реализации главных и постоянных интересов государства. Следует, однако, отметить, что государство не может обеспечить реализацию всех целей в полном объеме. В большинстве случаев это связано с трудными переговорами или торгами с другими государствами.

Зачастую основополагающие национальные интересы, связанные с безопасностью и самосохранением государства, невозможно реализовать в одиночку, без союзов и коалиций с другими государствами. Действительно, по видимому, ни России, ни Англии по отдельности не под силу было бы одержать победу над могущественной наполеоновской армией, установившей в начале XIX в. свою гегемонию в Европе. Невозможно было бы представить себе результаты битвы при Ватерлоо, где наполеоновская армия потерпела сокрушительное поражение, если бы Англия, Россия и Австро-Венгрия, презрев свои противоречия, не вступили в единый союз и тем самым не положили конец владычеству французского императора на Европейском континенте.

То же самое можно сказать и о судьбах гитлеровской Германии и милитаристской Японии, ликвидация которых стала возможной именно потому, что Советскому Союзу, США и Великобритании, несмотря на огромные идеологические различия, удалось создать антигитлеровскую коалицию для разгрома общего врага. Эту цель удалось достичь вследствие не только разработки дееспособной стратегии совместного ведения военных действий, но и создания мощной производственно-технической базы.

16.4. Понятие национальной безопасности и его составляющие

Успех внешней политики государства зависит не только от того, насколько четко и недвусмысленно сформулированы национальные интересы, но и от ясного понимания

путей и средств реализации этих интересов. Среди приоритетных целей государства на международной арене, как уже отмечалось, на первом месте стоит обеспечение безопасности страны (или национальной безопасности) во всех ее формах и проявлениях.

Проблема национальной безопасности в международно-политической литературе вызывает не меньше споров и дискуссий, чем вопросы, связанные с национальным интересом. В отечественной литературе, особенно публицистической, различают безопасность личности, общественную и государственную безопасность. В этих рамках различают также безопасность экономическую, социальную, политическую, экологическую, военную и т.д.

Отдельные элементы концепции национальной безопасности можно обнаружить у одного из отцов-основателей США Дж. Медисона. По-видимому, впервые сам термин «национальная безопасность» был введен президентом США Т. Рузвельтом в 1904 г. Но все же первым, кто более или менее четко сформулировал концепцию национальной безопасности, был У. Липпман. «Нация, — писал он, — находится в состоянии безопасности, когда ей не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда она в состоянии защитить при необходимости эти интересы путем войны»¹.

Концепция национальной безопасности (равно как внешнеполитические и геополитические концепции) представляет собой производную от концепции национальных интересов. В более широком смысле она является выражением общего видения граждан того или иного государства его места и роли в мировом сообществе. Перед ней ставится задача выявить и определить экономические, технологические, военные, людские, идеолого-информационные и иные ресурсы, которыми обладает данное государство.

Немаловажное значение имеет выявление места, статуса и роли государства в существующей системе международных отношений, ресурсов и средств, предназначенных обеспечить предупреждение и отражение внешних и внутренних угроз.

Основные параметры концепции национальной безопасности зависят от базовой установки внешнеполитической стратегии государства на конфронтацию или, наоборот,

¹ *Lippman W. US Foreign Policy. Boston, 1943. P. 5.*

на сотрудничество. Если мы говорим о необходимости защиты государства, то это значит, что существует потенциальная угроза его безопасности. Из этого следует, что понятие «национальная безопасность» тесно связано с понятием «угроза». Различаются угрозы потенциальные и реальные; глобальные, региональные, локальные.

В настоящее время существует много источников реальной угрозы практически всех государств: терроризм, распространение оружия массового уничтожения, межэтнические и межконфессиональные конфликты, изменения в экологической среде, различные эпидемии, торговля наркотиками и оружием. Поэтому национальная безопасность строится с учетом как внешних угроз государству, связанных с попытками внешних сил поработить или подчинить его, так и внутренних угроз, связанных с состоянием самого общества, угроз, коренящихся в самом обществе.

В традиционном понимании национальная безопасность — это защита от агрессии со стороны внешних врагов государства. Страх перед такими угрозами порождает готовность противостоять им любыми средствами, в том числе и военно-силовыми. На этом основывается понимание государственного суверенитета, отождествляемого с правом на неограниченное силовое действие во внутренних и внешних делах, если это касается вопросов обеспечения национальной безопасности. В этом контексте концепция национальной безопасности призвана обеспечить концентрацию политической воли государства для отстаивания своих жизненно важных интересов.

В широком смысле понятие безопасности включает обеспечение всем гражданам государства нормальных условий для самореализации, защиты их жизни, свободы и собственности от любых посягательств со стороны, будь то отдельно человека, организации или самого государства. В геополитическом измерении под безопасностью понимаются прежде всего физическое выживание данного государства, защита и сохранение его суверенитета и территориальной целостности, что предполагает способность государства адекватно реагировать на любые реальные и потенциальные внешние угрозы. Для этого оно должно располагать широким спектром мер, средств и путей, имеющих своей целью защиту жизненно важных интересов нации. При их определении необходим учет универсальных, общепризнанных во всем мире компонентов и стандартов национального интереса

и национальной безопасности. С данной точки зрения главными составляющими национальной безопасности являются способность обеспечения физического существования, территориальной неприкосновенности и целостности государства, сохранения его от внешних и внутренних угроз.

Эти составляющие, в свою очередь, предполагают:

- всемерное укрепление места и роли страны в современном мире;
- защиту национальных интересов, целей и приоритетов государства;
- сохранение и обеспечение экономического, политического и военно-политического суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ страны;
- защиту прав, свобод, достоинства и материального благополучия всех ее граждан;
- обозначение регионов и стран, на которые распространяются жизненно важные интересы страны;
- ликвидацию реальных и потенциальных угроз национальным интересам и национальной безопасности и т.д.

16.5. Важнейшие средства и направления обеспечения национальной безопасности

Как уже отмечалось, в крайнем своем выражении безопасность является синонимом обеспечения выживания государства. В контексте межгосударственных отношений выживание означает сохранение национального государства как носителя и реализатора общих ценностей, характеризующих образ жизни данного народа, саму общественно-политическую систему страны. Цель выживания невозможно осуществлять с помощью средств, которые жертвуют ценностями, придающими значимость самому *raison d'être* (смыслу существования) государства или *raison d'état* (смыслу государства).

В процессе реализации государством собственных целей оно имеет дело с другими государствами, которые могут либо способствовать, либо препятствовать их достижению. Поэтому естественно, что концепция национальной безопасности строится с учетом всех геополитических факторов, влияющих на пути, формы и средства реализации национальных целей.

Государство располагает разными средствами и путями реализации цели выживания. Один из самых очевидных путей — применение или угроза применения насилия. Важно учесть, что отношения между государствами характеризуются взаимной конкуренцией. В крайних своих проявлениях конкуренция может перерасти в войну между заинтересованными сторонами. Война и агрессия одного государства против другого являются средствами разрешения возникающих между ними конфликтов. С этой точки зрения в основе международной политики лежат способы разрешения конфликтов государственных интересов.

Традиционно национальная безопасность имела прежде всего внешнюю направленность: главными ее несущими конструкциями были внешнеполитическая стратегия, дипломатическая практика, военно-политическая платформа и ее военно-силовое обеспечение. Что касается внутриполитической ориентации национальной безопасности (борьбы с подрывными элементами, шпионажем и т.д.), то она занимала подчиненное к внешним задачам положение.

В современных условиях национальная безопасность в значительной степени стала производной от международной безопасности, безопасности всего мирового сообщества. Одна из главных целей мирового сообщества — создание условий, исключающих нарушение всеобщего мира или возникновение угрозы безопасности народов в какой бы то ни было форме. Основные принципы поддержания мира и международной безопасности сформулированы в Уставе и других документах ООН.

Эти принципы предусматривают, в частности, принятие коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру, подавление актов агрессии, неприменение насилия при разрешении международных споров и т.д. В соответствии с Уставом ООН главная ответственность за поддержание мира и международной безопасности возложена на Совет Безопасности ООН.

Впечатляющие достижения научно-технической революции, особенно создание и распространение ракетно-ядерного оружия массового уничтожения, заставили по-новому смотреть на коренные проблемы войны и мира, безопасности и международного сотрудничества. Разработка высокоточных средств слежения и контроля буквально революционизировала сбор разведывательной информации и верификацию международных соглашений. У государств

появились возможности вести наблюдения за уровнем вооружения противника, размещением его войск, их передвижениями, внутренними коммуникациями и т.д.

В период биполярного миропорядка безопасность отождествлялась с балансом сил между двумя противоборствующими блоками. Главная цель контроля над вооружениями при этом виделась в устранении асимметрии в военных потенциалах блоков путем переговоров и создания атмосферы взаимного доверия и предсказуемости. Такой подход лежал в основе соглашений по обузданию гонки вооружений, принятых между двумя сверхдержавами в 70-х гг. минувшего века.

В создавшихся после окончания биполярного миропорядка условиях пролиферации и обострения локальных и внутристрановых конфликтов проблемы контроля над вооружениями и политики безопасности в целом приобрели качественно новое измерение. Во все прошлые периоды военная сила выступала в качестве важнейшего атрибута власти и мощи государства, а также главного средства, с помощью которого государства реализовывали свои интересы. Военной силе всегда придавалось приоритетное значение: многие исследователи рассматривали другие параметры, такие как численность населения, политическая организация, географическое положение, наличие природных ресурсов, экономический потенциал и т.д., почти исключительно в военно-политических терминах.

Все более ускоряющаяся динамика мировых процессов, сокращение географических, социальных, экономических, политических, информационных и иных расстояний беспрецедентно размножили точки, в которых пересекаются потребности, интересы, идеи, продукты и организации разных государств. Чем больше общества, культуры, экономики и политики становятся взаимозависимыми, тем меньше остается конфликтов, поддающихся решению военными угрозами и акциями. Новейшие изменения указывают на то, что военные проблемы более нельзя рассматривать в отрыве от политических, экономических, информационных, экологических и т.п.

Национальную мощь отдельно взятого государства можно определить только в контексте его отношений с другими государствами. Национальная безопасность во все более растущей степени оказывается в зависимости от множества других, нежели военных, факторов. Речь идет об эконо-

мическом могуществе, конкурентоспособной экономике, качественной системе образования, состоянии здоровья общества, способности и воли государства бороться против сепаратизма, наркомафии, международной преступности, терроризма и т.д. В результате нередко создается такое положение, при котором не обязательно стремиться завоевать страну — ее можно запугать, морально подавить, ввести экономические санкции, блокады и т.д.

Три-четыре десятилетия назад разного рода эпидемии и контрабанду наркотиков (независимо от наносимого ими вреда) можно было рассматривать как неполитические факторы. В наши дни такие феномены, как СПИД, разные формы преступности, контрабанда, наркобизнес и т.д., приобрели политическое и геополитическое измерения. В настоящее время национальную мощь во всех ее аспектах необходимо реализовывать, принимая во внимание проблемы Мирового океана, загрязнения окружающей среды, сельскохозяйственного производства, численности населения, энергоресурсов и др.

На смену установке на завоевание новых территорий и расширение жизненного пространства в смысле территориальной экспансии пришла установка на интенсивный путь развития, повышение эффективности использования имеющихся природных и человеческих ресурсов. На смену территориальной гегемонии приходит культурная, идеологическая и информационная гегемония.

Соответственно, вместо господствовавшего в течение всего послевоенного периода узкого понимания национальной безопасности в сугубо военных терминах формируются новые подходы, которые способны охватить весь спектр опасностей, как новых, так и традиционных. В научный лексикон вошли такие понятия, как экономическая безопасность, информационная безопасность, экологическая безопасность, миграционная безопасность и т.д.

Поэтому не случайно, что во многих странах в компетенцию органов, занимающихся проблемами государственной безопасности, например Совета национальной безопасности США и Совета безопасности Российской Федерации, отнесены не только вопросы сугубо военной политики, разведки и т.п., но также вопросы, касающиеся экономики, экологии, технологии, информатики, здравоохранения, образования и т.п.

В современных реальностях с полным на то основанием можно утверждать, что государство способно отстаивать свои национальные интересы и обеспечивать свою национальную безопасность, только обладая эффективной и конкурентоспособной экономикой. Весьма серьезные вопросы для системы обеспечения национальной безопасности вызывает развитие информационно-телекоммуникационных технологий. Знания и их применение, как указывалось в одном из предыдущих разделов, стали ключом к политическому и экономическому могуществу.

Высокие технологии, способные завоевать контроль над материальными и человеческими ресурсами на глобальном уровне, стали определяющим компонентом инфраструктуры безопасности и геополитического статуса государства. Особенно большую роль эти технологии играют в создании и внедрении новейших систем высокоточного оружия, совершенствовании системы управления оружейными системами, компьютерном моделировании ядерных процессов и т.д.

В силу изложенных и множества связанных с ними факторов наблюдается тенденция к неуклонному возрастанию значимости той компоненты национальных интересов, которая совпадает со всеобщим интересом мирового сообщества. Все большее признание получает стратегия коллективной безопасности, где каждое государство согласно с тем, что безопасность одного из них является делом всех.

При всем том новые угрозы для международной безопасности (терроризм и т.д.) отнюдь не отменяют старые традиционные угрозы опасности. Они лишь дополняют эти последние, действуют вместе с ними. Необходимо отметить, что со снижением российско-американского ядерного противостояния угроза ядерной войны вовсе не исчезает. Ядерного оружия в мире у других стран остается достаточно. К тому же увеличивающийся технологический отрыв ряда ведущих держав и наращивание их возможностей по созданию вооружений и военной техники нового поколения создают предпосылки качественно нового этапа гонки вооружений, коренного изменения форм и способов ведения военных действий.

Как свидетельствуют последствия чернобыльской катастрофы, атомные, а теперь уже запланированные европейскими странами водородные электростанции сами по себе представляют определенную угрозу. Уже появились новые де-факто ядерные державы в лице, например, Индии и Па-

кистана. Если усилия по предотвращению распространения ядерного оружия окажутся безуспешными, появятся новые страны с ядерным оружием, причем страны, не особенно склонные соблюдать нормы международного права и общепринятые международно-политические правила игры.

Особенно тревожным представляется тот факт, что постоянно растет число стран (особенно среди развивающихся), которые производят современные боевые самолеты, баллистические ракеты, новейшие типы вооружений для сухопутных войск и другие системы вооружений. Настораживает факт приобретения многими странами способности производить химическое и бактериологическое оружие на заводах, маскирующихся под производство мирной продукции. Немалую опасность представляет фактическое открытие доступа к обычным вооружениям негосударственным акторам.

Все более растущее значение для обеспечения национальной безопасности приобретают выявление, предотвращение и преодоление внутренних угроз. Они могут быть вызваны состоянием национальной экономики, степенью здоровья или болезни общества, эрозией и подрывом господствующей системы ценностей, традиций, принципов, национальных идеалов и целей. Немаловажное значение имеют рост социальной и политической нестабильности, криминализация общественных отношений, организованная преступность, наркобизнес, международный терроризм и т.д.

Все возрастающее значение приобретают определение и разработка форм, методов и средств ведения локальных и региональных войн. Возрастает необходимость создания сил или подразделений специального назначения, призванных выполнять те или иные ограниченные задачи по защите национальных интересов нетрадиционными методами и средствами. Их значимость становится очевидной, если учесть опыт чеченской войны и американо-английской агрессии в Ираке.

16.6. Соотношение морали и силы во внешней политике государства

Политика представляет собой результат сознательных волевых усилий людей, ставящих перед собой определенные цели. По самой своей природе она предполагает ее одо-

брение или осуждение, выбор или отклонение. В глазах заинтересованных лиц политика не может быть нейтральна, поскольку она сопряжена с выбором, принятием решений, приверженностью, оценкой и т.д. Политика тесно связана с такими ключевыми категориями человеческой жизни, как добро и зло, сущее и должное, достойное и недостойное, справедливость и несправедливость и т.д. В сфере, где человек занимает центральное место, нельзя игнорировать то, что можно обозначить понятием *человеческое измерение*. Там, где речь идет о понимании и толковании человека, человеческих целей, непременно присутствует ценностное начало.

Особенность всех этических проблем политики обуславливается тем, что она теснейшим образом связана с насилием. К тому же нередко политику отождествляют с корыстным интересом, а нравственность — с бескорыстием. «Кто ищет спасения своей души и других душ, — писал М. Вебер, — тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви»¹.

В реальности политические решения и действия осуществляются в поле напряжения между властью и моралью. Задача политика состоит в том, чтобы найти нужную линию для адекватного отображения политического мира и поиска оптимальных для всего общества решений.

В политике необходимо проводить различие между практической целесообразностью и нравственно допустимым. Способность обеспечивать такое различие и делает политику «искусством возможного», требующим от всех вовлеченных сторон способности и готовности идти на компромиссы. Поэтому политику можно было бы характеризовать также как «искусство компромисса». Достижение приемлемого для всех сторон компромисса требует интуиции, воображения, дисциплины, опыта, умения и т.д.

Политик зачастую оказывается перед дилеммой либо принимать непопулярные и жестокие меры, которые не выдерживают критики с гуманистической и моральной точек зрения, либо, отказавшись от их принятия, оказаться перед перспективой еще большего усугубления ситуации. Особенно отчетливо этот момент проявляется в сфере международных отношений.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 703.

Люди в большинстве своем отрицательно или с презрением относятся к неспровоцированному убийству и насилию. Так же они относятся и к войне. Однако во внешнеполитической сфере забота о собственной безопасности является определяющим мотивирующим фактором для всех членов международно-политической системы. Главным предназначением государства является предотвращение угроз национальной безопасности и противодействие им, используя все имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Соответственно, бывают ситуации, в которых использование силы становится неизбежным и желательным.

Естественно, при таком положении вещей соблюдение норм морали становится весьма трудным делом. Не случайно, что многие исследователи характеризуют международную политику как аморальную или имморальную. Эта имморальность питается тем, что внимание каждого актора международной политики концентрируется на реализации собственных корыстных целей и интересов.

В этом отношении поведение государства радикально отличается от поведения отдельно взятого человека, который вправе жертвовать теми или иными благами, даже жизнью, ради высоких морально-этических ценностей. Как утверждал один из основателей школы политического реализма, известный протестантский деятель Р. Нибур, отдельно взятый человек в своих действиях должен соблюдать закон любви и жертвенности. «С точки зрения того, — писал он, — кто совершает действие, бескорыстие должно оставаться критерием высшей нравственности». «Однако, — продолжал он, — это относится к отдельно взятому индивиду, но никак не к государству, которое не может быть жертвенным. Государство, которому доверены интересы и благополучие многих, действует не само по себе, а как представитель всего общества. И поэтому бескорыстие и жертвенность не подходят государству»¹.

Это вполне объяснимо, если учесть, что деяния отдельно взятого человека касаются в основном его самого или же довольно узкого круга людей. Более того, он вправе совершить или не совершить какое-либо деяние. Решения же, принимаемые государством, как правило, касаются защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. Эта цель перевешивает любые требования

¹ Niebuhr R. Moral man and immoral society. N. Y., 1932. P. 11, 267, 278.

относительно корректного поведения в отношении других субъектов мировой политики.

Поэтому моральные нормы, которыми руководствуются отдельные индивиды, не могут служить руководящими нормами для государства. К тому же зачастую государство оказывается в ситуации, когда оно не в состоянии не принимать те или иные решения, жизненно важные для всего общества. Поэтому государственные и политические деятели, принимающие решения, должны быть ответственными реалистами, в совершенстве владеющими принципами и инструментами политики как «искусства возможного».

Иначе говоря, в политике (особенно внешней политике) приоритет принадлежит не морально-этическим или идеологическим принципам и суждениям, а реалистичным и взвешенным оценкам и решениям. Внешняя политика представляет собой не средство реализации некоторого набора идеологических или морально-этических установок, а инструмент достижения реальных результатов в процессе защиты национально-государственных интересов и обеспечения национальной безопасности.

При всем том было бы другой крайностью абсолютное противопоставление морали и политики, утверждение того, что внешнеполитическая сфера лишена всякого идеального или, как говорят, гуманистического начала. В XX столетии наибольшую популярность в мировой внешнеполитической мысли получило течение, известное под названием *вильсонизм*, ассоциируемое с идеями президента США в 1912—1920 гг. В. Вильсона. Идеалисты вильсоновской заправки исходят из убеждения в том, что существует некая естественная или, по крайней мере, достижимая гармония интересов государств, настроенных на сохранение мира. В силу этого, утверждают они, государства способны разрешать возникающие на международной арене проблемы, опираясь на здравый смысл, руководствуясь общественным мнением, сообразуясь с проверенными временем канонами международного права.

Но многими аналитиками (к сожалению, не без оснований) идеализм в политике (в особенности во внешней политике) оценивается как наивная и утопическая позиция, которая не способна учитывать реальности силовой политики. Действительно, зачастую теории, построенные на идеальных проектах политического устройства, разбивались о реальности общественно-исторического развития. Самые

что ни на есть идеальные проекты переустройства общества рано или поздно оказывались сопряжены с силовыми методами борьбы, и их авторы избирали путь принудительного, насильственного осчастливливания людей.

Как правило, особенно легко побеждали именно вооруженные пророки, которые проявили способность умело сочетать силу убеждения с силой оружия. Не без оснований подчеркивал Н. Макиавелли, что Моисей, Кир, Тезей, Ромул не были бы в состоянии надолго обеспечить повиновение установленному ими строю, будь они безоружны¹. Как показывает исторический опыт, почти все победившие идеальные учения оказывались верны, потому что их носители оказывались всесильны, а не наоборот.

Тем не менее существует комплекс вопросов, таких как рабство, геноцид, терроризм, пытки, расизм и т.д., оценка которых невозможна без морально-этического измерения. Другими словами, политика не может полностью игнорировать морально-этические критерии и принципы, но они большей частью служат лишь в качестве некоего идеала, к которому может стремиться государство в вопросах, касающихся международной политики, но никак не эталона или руководства к действию. Морально-этические критерии и принципы преломляются через идеи национального интереса.

Все же приходится признать, что в рассматриваемой сфере (да и в политике в целом) антиномия соотношения между этикой и конкретным политическим курсом, направленным на защиту национальных интересов и обеспечение национальной безопасности, остается неразрешимой. Например, пацифизм, приверженцы которого ставят под сомнение правомерность с нравственной точки зрения использования силы в решении как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических проблем, как нельзя лучше отвечает общепринятым морально-этическим императивам. Действительно, если убийство, насилие и война аморальны, то, казалось бы, любой человек, приверженный принципам морали, должен был бы выступить против накопления орудий войны, за разоружение. Но на практике дело обстоит значительно сложнее. Приверженцы пацифизма, по сути дела, в должной мере не учитывают тот факт, что одной из главных целей правительства любого государства явля-

¹ См.: *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 54.

ется обеспечение безопасности своих граждан от внешних угроз. Более того, действия правительства в направлении одностороннего ограничения вооружений или разоружения в мире, напичканном самыми современными вооружениями, именно с моральной точки зрения были бы весьма сомнительными.

В сфере международной политики сила играет центральную роль, поскольку она позволяет стране защищать и реализовывать свои национальные интересы.

Сила обладает потенциями не только разрушительными и деструктивными, но и созидательными, стабилизирующими и конструктивными. Она является средством стабилизации, интеграции, соединения, закрепления центростремительных тенденций. Сила выступает в качестве орудия политики агрессии и войны, империализма и гегемонизма, захвата чужих территорий и порабощения других народов и т.д. В то же время она служит средством поддержания политического статуса государства в ряду других государств, сохранения равновесия, порядка и мира в обществе, гаранта выполнения принимаемых властями решений и т.д.

Иными словами, сила представляет собой законное, естественное и обязательное орудие политики, подчиненное политике и обслуживающее политику. С древнейших времен любой властитель, который дорожил своей властью и интересами безопасности государства, даже в тех случаях, когда он дружил со своими соседями, всегда держал дубинку готовой (или, говоря современным языком, держал порох сухим), чтобы при первой необходимости пустить ее в ход.

С силой теснейшим образом связаны вес, влияние, репутация, престиж государства, выражающиеся в своего рода его реноме, образе, имидже. Отсюда — важность категории «национальная честь», в соответствии с которой международные переговоры ведутся таким образом, чтобы ни одна нация не «потеряла лицо».

В современном мире при решении межгосударственных споров во все более растущей степени используются невоенные, несиловые средства и методы, но когда они оказываются неэффективными, государство выказывает готовность прибегать к силе. Бывают случаи, когда государство, демонстрируя недостаток или отсутствие воли вооружаться и подготовиться дать достойный отпор возможному про-

тивнику, способно стимулировать последнего перейти Рубикон и начать войну.

Именно отсутствие такой воли у правительств Великобритании и Франции, во второй половине 30-х гг. XX в. сделавших ставку на достижение мира и стабильности любой ценой, привело к тому, что они пошли в 1938 г. на заключение Мюнхенского сговора. А это во многом послужило для А. Гитлера стимулом к развязыванию Второй мировой войны.

Государственный деятель прежде чем принять то или иное решение, в том числе решение о применении насилия или объявлении войны, должен подумать о возможных последствиях. Непротивление насилию, отказ от принятия решения об использовании насилия там, где это чревато еще более серьезными последствиями, можно считать деянием аморальным. Здесь действует мораль ответственности.

В этой связи нельзя не отметить, что после 1945 г. мир не стал ареной очередной всемирной бойни именно потому, что каждая из главных противоборствующих сторон, неуклонно наращивая военную мощь, выказывала готовность дать отпор возможной агрессии противника. Иначе говоря, взаимное сдерживание, обеспечив примерный баланс сил, способствовало сохранению мира в течение всего послевоенного периода.

Поэтому, выдвигая сколько-нибудь ответственные моральные оценки и суждения, нельзя не учитывать их контекст и возможные последствия. Важно учесть, что международно-политическая система — это пространство, где складывается компромисс между насилием и жертвенностью, между организующими и дезорганизующими принципами, между порядком и беспорядком, компромисс сущего и должного, реального и идеального. Международная политика — это, по сути дела, борьба между государствами за власть и влияние. В этом плане отношения между государствами представляют собой испытание воли друг друга.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какой смысл вкладывается в понятие «национальный интерес»?
2. Какие выделяются формы национальных интересов и пути их реализации?
3. Как формируются и определяются национальные интересы?
4. Дайте характеристику понятия национальной безопасности и его составляющих.

5. Каковы основополагающие цели обеспечения национальной безопасности?

6. Какие существуют источники угроз национальной безопасности?

7. Перечислите средства и важнейшие направления обеспечения национальной безопасности.

8. Какое место занимают моральные принципы во внешней политике государства?

9. Как понимается во внешней политике формула «политика — искусство возможного»?

Глава 17. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Место и роль Соединенных Штатов Америки в новом полицентрическом мире достаточно подробно были рассмотрены в шестой главе. В данной главе, продолжая уже затронутую тему, главное внимание уделим собственно внутриамериканским аспектам, без выяснения которых приведенный анализ будет неполным. Прежде всего речь идет об американской идее и связанных с ней социокультурных, ценностных, социально-психологических, морально-этических, социально-экономических, идеологических и иных проблемах. Здесь в самой тезисной форме затрагиваются лишь те аспекты, которые теснейшим образом связаны с пониманием американцами места и роли своей страны в мировом сообществе.

17.1. Американская идея — идеологическая основа внешнеполитической стратегии Вашингтона

С самого начала формирования американского национального самосознания важнейшим его компонентом стало убеждение в исключительности путей общественно-исторического развития Америки и ее роли в мировой истории. Казалось, что сама природа и мировоззрение эпохи предназначили британские колонии в Северной Америке для великого эксперимента. Подобно ранним утопиям, в воображении европейцев XVII—XVIII вв. Америка представлялась первым переселенцам как «обетованная земля», якобы специально избранная самим Провидением для создания «нового Сиона», «Града на Холме» в пример всем другим народам мира.

С завоеванием независимости вера в особую судьбу и миссию Америки стала важнейшим компонентом формирующегося американского национализма и национального самосознания. Новая республика рассматривалась как экс-

перимент, призванный создать новые институты для коренной перестройки и переделки мировой истории.

В середине XIX в. эти идеи в сконцентрированной форме нашли отражение в так называемой доктрине «предопределения судьбы», или «явного предназначения» (*Manifest Destiny*). В ней были синтезированы специфические американские религиозные, социокультурные, политико-культурные, социально-психологические, экономические и иные идеи и концепции, а также библейские легенды и мифы о новом земном рае, под которым, разумеется, подразумевали Америку. Главный смысл этой доктрины состоял в обещании свободы, демократии, материального достатка и т.д. не только самим американцам, но и представителям других народов в самых отдаленных уголках земного шара.

Эти и связанные с ними установки послужили основанием для превращения концепции «Града на Холме» первых поселенцев-пуритан XVII в. в концепцию особой миссии Америки стать мировым лидером. Они получили свое концентрированное выражение в теории «явного предназначения» Америки вести за собой весь остальной мир.

Разумеется, подобные доводы являлись крайним выражением американской национальной идеологии. Но фактом остается то, что в тех или иных формах они оказывали более или менее существенное влияние на внешнеполитическую стратегию. Они нашли отражение, в частности, в доктрине Монро, провозглашенной в 1823 г. тогдашним государственным секретарем и будущим президентом США Дж. Монро. В ней обосновывались притязания на главенствующее и руководящее положение США в Западном полушарии.

В Новейшее время эти идеи отчетливо прослеживаются в многочисленных общественно-исторических концепциях, изображающих США в качестве образца следования для всех других народов. В них свобода Америки отождествлялась со свободой всего остального мира. Наиболее концентрированное выражение подобные установки нашли в лозунге «американского века», сформулированном в 1943 г. газетным магнатом Г. Льюсом. В статье под тем же названием он утверждал, что «XX в. должен стать в значительной степени американским веком»¹.

¹ *Lewis H. American Century // Life. 1943. May 9.*

«Хотим мы этого или нет, но мы должны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром», — утверждал президент США Г. Трумэн в одном из своих выступлений того периода¹. Характерно, что доктрина Трумэна рассматривалась многими как всемирный эквивалент доктрины Монро. В подобном духе рассуждали все последующие руководители Вашингтона и разработчики внешнеполитических и военно-политических доктрин США.

В силу целого комплекса причин использование этих установок приобрело беспрецедентные масштабы в первый срок пребывания у власти Р. Рейгана. С самого начала своего президентства он претендовал на некое «моральное перевооружение мира», утверждая, что Америке предназначено руководить миром и даже спасти «больное человечество» от грозящих ему опасностей².

Оценивая эти доводы относительно лидирующей роли США, необходимо учесть следующее обстоятельство. Американская идея формировалась и реализовывалась в специфических условиях евроцентристского (точнее, евроамериканоцентристского) мира. Америка с самого начала была одновременно и результатом, и инструментом, и мощным стимулятором расширения и утверждения западной рационалистической цивилизации. Более того, как бы встав на ее острие, она вобрала в себя и довела до логического завершения важнейшие системообразующие компоненты, ценности, нормы и мировоззренческие установки этой цивилизации.

Не случайно, что для многих поколений людей во всех уголках земного шара Америка служила в качестве притягательного маяка, указывающего путь к освобождению от материальных тягот и политической несвободы. Быстрые успехи в освоении громадного Североамериканского континента, стремительное развитие передовой индустрии и сельского хозяйства, невиданное в истории повышение материального благосостояния большинства населения, быстрое достижение статуса мировой державы усиливали убеждение в особой судьбе Америки, отличной от судеб других стран и народов.

¹ URL: <http://www.coldwar.ru/truman/doctrine.php>.

² См.: *Reagan R.* Thanksgiving Day Proclamation // *The Christian science monitor*. 1982. November 15.

В течение длительного времени Америка более или менее успешно выполняла эту миссию. Однако, как и всякая идея в форме то ли идеала, то ли миссии, американская идея также имеет свои периоды восхождения и апогея (или звездного часа), после прохождения которых она не может не клониться к закату. Таким звездным часом для нее стал период холодной войны. В биполярном мире США приобрели значимость своего рода фирменного знака качества западного мира. В условиях непрекращавшейся военно-политической конфронтации, не раз достигавшей грани перехода в горячую войну, знаменитая статуя Свободы в нью-йоркской гавани служила как бы символом свободного мира. Чем плотнее сгущались тучи холодной войны на небосклоне двухполюсного мира, тем ярче становилось сияние этого символа для множества людей во всех уголках земного шара.

Как указывалось в главе 14, с распадом СССР и так называемого социалистического лагеря на передний план выдвинулся вопрос о том, какую именно форму примет конфигурация геополитических сил в мировом сообществе. Часть американской интеллектуальной и политической элиты не преминула сделать вывод о наступлении однополярного миропорядка, где в гордом одиночестве господствует одна-единственная сверхдержава в лице США. В результате получил широкое распространение (не только в США, но и среди части пишущей братии на всем континенте, в том числе и в России) тезис об окончательном утверждении *Pax Americana*.

О влиянии и популярности подобных идей и установок свидетельствует тот факт, что их приняли и пытались реализовать на практике, используя всю мощь страны, значительная часть государственных и политических деятелей США. Так, бывший президент США республиканец Дж. Буш-ст. по мере распада СССР не переставал повторять, что «и сегодня в быстро меняющемся мире лидерство Америки незаменимо». Бывший государственный секретарь США при президенте-демократе Б. Клинтоне У. Кристофер утверждал: «Если мы не будем руководить, то никто не будет».

Однако такую роль Америки невозможно обосновать заинтересованным сторонам без наличия общего врага, якобы представляющего угрозу безопасности всему миру. В течение почти полувека антисоветизм и антикоммунизм

служили в качестве осевых установок не только во внешнеполитической стратегии Вашингтона, но и в сфере внутриполитической борьбы. Они представляли собой нечто большее, чем просто ответную реакцию на угрозу извне. В глазах американцев они превратились в такую же многоплановую и системообразующую ценность, как, например, идея американской исключительности.

Поэтому неудивительно, что в условиях, создавшихся после исчезновения с геополитической авансцены главных врагов в лице СССР и коммунизма, руководители США ищут новых достойных их врагов по всему земному шару. Другой вопрос, какому именно государству или группе стран или каким социально-политическим силам эта роль будет отведена. Россия также не вычеркнута из списка возможных врагов.

17.2. Основные тенденции трансформации места и роли США в современном мире

Разумеется, для претензий на мировое лидерство у американцев есть, на первый взгляд, веские и достаточные основания экономического, военно-политического, геополитического, идеологического, психологического характера. Былой главный противник в лице СССР потерпел крах и пребывает на пепелище истории. Америка поныне остается мощнейшей экономической и военно-политической державой, таковой она останется и в обозримом будущем.

Превосходство США определяется сочетанием нескольких основополагающих факторов. Это, прежде всего, глобальное экономическое могущество, военная мощь, разветвленные системы спутникового и других средств слежения за миром, ведущие позиции в мировой науке и технологиях, привлекательность для многих людей в разных уголках земного шара американского образа жизни и американской массовой культуры и др.

Считается, что с помощью своего военного потенциала США имеют возможность проводить операции в любой части земного шара. Американский правящий класс пришел к выводу, что в современном мире нет такой державы, которая была бы способна бросить вызов американскому могуществу. Утвердилось убеждение в том, что на долю США

выпали честь и обязанность возглавить новый миропорядок в соответствии с американскими ценностями.

В этой связи наблюдатели обращали внимание на тот парадоксальный на первый взгляд факт, что, несмотря на исчезновение глобального противоборства с СССР/Россией, американские вооруженные силы проявляют активность (даже гиперактивность) по сравнению с любым периодом после Второй мировой войны, за исключением периодов Корейской и Вьетнамской войн. Наиболее кровавыми оказались военные акции Вашингтона и его союзников в Югославии, Ираке и Афганистане. Здесь особо следует отметить тот факт, что негативная реакция мировой общественности на эти акции (прежде всего агрессии против Ирака) связана не с симпатиями к С. Хусейну и его режиму, а с тем, что Вашингтон действовал в одностороннем порядке, не имея веских доказательств причастности Ирака к террористическому акту 11 сентября 2001 г. или наличия у него оружия массового уничтожения.

При всем этом необходимо учесть, что, по имеющимся данным, за последние десятилетия во все более отчетливой форме проявляется тенденция к сокращению относительной мощи влияния США в мире. Во всевозрастающей степени уменьшается доля США в мировом валовом продукте. Так, в период с 1945 по 1995 гг. она сократилась вдвое: с 50 до примерно 25%, а к 2010 г. составляла около 20%.

В этом контексте симптоматичен тот факт, что в мировой финансовой системе Соединенные Штаты стали самым крупным должником. Неуклонно растущий дефицит платежного баланса неизбежно увеличивает внешний долг США, объем которого к началу второго десятилетия XXI в. составил астрономическую цифру в 13 трлн долл. Этот дефицит в какой-то степени компенсируется за счет роли доллара как мировой валюты и притока иностранных капиталов. Однако оба эти фактора не могут сохраниться вечно.

В настоящее время в качестве реального конкурента американскому доллару действует евро, существование которого способствует подтачиванию такой весьма важной привилегии США, как возможность кредитовать американскую экономику за счет обращения за рубежом доллара. Негативные последствия в этом же направлении может иметь частичный или полный перевод ведущими экономическими державами своих золотовалютных запасов на евро или какую-нибудь другую валюту.

Важно учесть, что Америка в неменьшей степени зависит от остального мира, чем остальной мир от нее. Об этом, в частности, свидетельствует возрастание ее энергетической зависимости. Можно сказать больше: сама жизнеспособность Соединенных Штатов (во всяком случае, с экономической точки зрения) в значительной степени зависит от остального мира.

При оценке этих и подобных им тенденций следует учесть, что в современном мире на передний план во все более растущей степени выходят внутренние факторы, обеспечивающие национальные интересы и национальную безопасность. Все более возрастающее значение приобретает тот факт, что в последние десятилетия существенно ускоряются темпы изменения демографического облика страны, о чем более подробно говорилось в шестой главе.

При этом нельзя не учитывать и то, что возможные сколько-нибудь ощутимые социальные, экономические и иные пертурбации в США могут привести к непредсказуемым негативным последствиям как для самих США, так и для остального мира. Крах 1929 г. на фондовой бирже Нью-Йорка действительно стал катализатором самого широкомасштабного мирового экономического кризиса. Неустойчивость в США в 80-х гг. создала крупные проблемы для остального мира. Крах фондовой биржи 1987 г. стал суровым шоком для всего мира. А мировой экономический кризис 2008–2009 гг., начавшийся с ипотечного кризиса в США, в буквальном смысле потряс всю глобальную экономику.

17.3. Политика США в новом полицентрическом миропорядке

С окончанием двухполюсного миропорядка существенно меняется геополитический статус не только России и других великих и малых государств, но и США. Новые реальности требуют адекватного их содержанию и характеру нового осмысления, поисков новых ориентиров и установок. Соответственно, придется сформулировать новую повестку дня и новые цели, заново определить свои интересы в области национальной безопасности.

Однако реальность состоит в том, что как на Западе, так и на Востоке еще не выработаны адекватные сложившемуся положению вещей ориентиры. Создается впечатление, что мировые лидеры (прежде всего США) пока что не нашли формы, пути и средства для ответа на новые реальности и вызовы эпохи глобальной взаимозависимости.

Во многом это определяется тем фактом, что с исчезновением Советского Союза Америка осталась, пожалуй, одной из немногих идеологически ориентированных стран современного мира. Это, естественно, накладывает сильный отпечаток на внешнеполитическую стратегию ее руководства. Идеологическая ориентация проявляется прежде всего в убежденности в превосходстве американских ценностей, принципов, институтов, их пригодности для всех стран и народов. Соответственно, роль Америки видится в их распространении по всему миру, если нужно и с помощью силы.

Не случайно многие ведущие представители американского политического и интеллектуального истеблишмента в один голос называют бывшего президента США Дж. Буша-мл и некоторых ведущих членов его администрации революционерами, а их политику революционной. Один из патриархов мировой дипломатии последней четверти минувшего века Г. Киссинджер по этому поводу писал: «Мне кажется, что неоконсерваторы очень сильно сродни троцкистам в том смысле, что и те и другие думают, будто внешнеполитические проблемы — это на самом деле проблемы внутренней структуры той или иной страны, и если ее поменять, то внешнеполитические проблемы решатся сами собой»¹. Рассуждая в том же духе, А. Байер утверждал, что Буш-мл. и неоконсерваторы в его администрации «напоминают большевиков или национал-социалистов, для которых основной целью тоже было добраться до власти»².

Такую оценку было бы не совсем корректно рассматривать как инсинуации противников бушевской администрации. Спустя неделю после теракта 11 сентября 2001 г. Дж. Буш-мл. заявил мировому общественному мнению: «Либо вы на нашей стороне, либо на стороне террористов». По сути дела, это парафраз известного выражения В. И. Ленина «Кто не с нами, тот против нас». Конечно, было бы

¹ The Times. 2004. 19 oct.

² Байер А. Миссия невыполнима // Эксперт. 2004. № 40. С. 29.

наивно предполагать, что американцы стремятся завоевать весь мир, подчинить его своему господству. Но фактом остается то, что во многих аспектах внешнеполитическая стратегия администрации Буша-мл. была построена на некоторых радикальных (если не революционных) постулатах.

Команда Буша действительно разработала и осуществляла радикальную программу использования войны против Ирака и низвержения С. Хусейна для изменения положения дел на всем Ближнем Востоке. Такую политику многие сторонники самого Буша называют капиталистической революцией (а некоторые — империализмом прав человека), призванной экспортировать ценности, принципы и институты демократии американского образца сначала на Ближний Восток, а затем по всему миру.

Буш и его команда полагали, что явное военное превосходство дает США возможность наказать «плохих парней» и восстановить справедливость во всех уголках земного шара почти бескровным для себя образом. Такой подход, разумеется, не способствует поискам объективной оценки мировых реальностей, конструктивного подхода к ним и решения проблем, порожденных глубокими и широко-масштабными трансформациями в мире, в интересах всего мирового сообщества.

Парадоксально может звучать мысль о том, что именно с крушением главного врага в лице Советского Союза Америка, с одной стороны, очутилась на вершине своего могущества, с другой стороны, вступила в неопределенный период своей истории, чреватый непредсказуемыми последствиями. Довольно быстро обнаружилось, что геополитический триумф, достигнутый в непримиримой битве гигантов, постепенно теряет блеск и великолепие. Прежде всего обращает на себя внимание то, что бравада об однопольярном мире, на вершине которого якобы в гордом одиночестве восседает дядя Сэм, во все более растущей степени не стыкуется с реальностями формирующегося полицентрического миропорядка.

Справедливости ради следует отметить, что часть американского интеллектуального и политического истеблишмента осознает, что в современном мире США уже не способны (да им это и не нужно) играть роль единственной сверхдержавы, призванной единолично определять основные направления развития современного мира. Об этом свидетельствует, в частности, появление в последние полтора-два

десятилетия целой серии работ, в которых в разных формах и аспектах обосновывался тезис об упадке влияния США на мировой арене как экономической, политической и военной сверхдержавы. Немалый интерес представляют работы Р. Мида, Д. Каллео, П. Кеннеди, П. Бьюкенена и др., в которых в той или иной форме объясняется тезис об относительном упадке веса и влияния США в современном мире в пользу других стран и регионов (прежде всего Западной Европы, Японии, Китая и Восточной Азии в целом).

Осознание этих реальностей ощущается и во властных структурах, в том числе и в высших эшелонах власти в Вашингтоне. «Мы, американцы, — говорил бывший Государственный секретарь США Л. Иглбергер, — должны понять, что не можем продолжать стоять у руля мировых событий, как это делали до недавнего времени»¹. Ему вторил другой бывший Государственный секретарь Г. Киссинджер, по мнению которого «крушение советского коммунизма знаменовало интеллектуальную победу американских идеалов, но по иронии судьбы поставило Америку лицом к лицу с таким миром, появления которого она на протяжении всей своей истории стремилась избежать»². Здесь маститый автор и искушенный в международных делах государственный и политический деятель имел в виду новый всплеск национализма, который интенсифицировал противоречия и конфликты на международной арене. Это, по мнению Киссинджера, ставит под сомнение реализацию американского идеала мирового порядка. Можно согласиться с Киссинджером в том, что хотя Америка останется великой и могущественной державой, но державой, с которой уже будет кому конкурировать.

В современном мире Соединенные Штаты стали так же уязвимы, как и любое другое государство. Если подойти к мировым реальностям без предвзятостей, симпатий и антипатий, идеологических, националистических и иных клише, то любой исследователь не может не заметить, что выражения вроде «однополярный миропорядок», «лидер свободного мира», «единственная сверхдержава, способная диктовать свою волю остальному миру» и т.д. представляют собой анахронизмы. Возможно, это клише журналистского или публицистического разлива, бездумно использующие-

¹ URL: http://www.politology.vuzlib.net/book_o061_page_67.html.

² Киссинджер Г. Дипломатия. С. 11.

ся не совсем осведомленными в мировых реальностях наблюдателями и обозревателями.

Верно, что обеспечение международной безопасности и решение сколько-нибудь значимых для всего мирового сообщества проблем немыслимо без США. Но ведь то же самое можно сказать и о России, Китае, ЕС и т.д. Нельзя предполагать, что русские, китайцы, японцы, европейцы так уж желают, чтобы общую для всего мирового сообщества повестку дня формировали в кабинетах Белого дома без их ведома.

17.4. Перспективы Pax Americana

Здесь важно учесть тот факт, что, в сущности, XX век в строгом смысле слова не был американским веком. Само выражение Pax Americana, пущенное в обиход газетным магнатом Г. Льюсом в разгар Второй мировой войны, было скорее журналистской метафорой, нежели зеркальным отражением реального положения вещей в послевоенном мире. Верно, что Америка вышла из Второй мировой войны самой могущественной экономической и военно-политической державой. Важнейшие составляющие и параметры этого могущества общеизвестны, поэтому здесь нет надобности их касаться.

Что касается Pax Americana, то о нем как о сколько-нибудь реальном феномене можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Америка действительно единолично вершила судьбами всех стран и народов земного шара. Дело в том, что на глобальном уровне США приходилось считаться с существованием другой сверхдержавы, которая не допускала в зону своего влияния какого бы то ни было постороннего вмешательства. В этом плане Pax Americana по меньшей мере разделял пространство и власть с Pax Sovietica. Поэтому миропорядок и назывался биполярным, или двухполюсным.

К тому же на протяжении всех послевоенных десятилетий (особенно начиная с 60-х гг.) сравнительные вес и влияние США, их возможности единолично контролировать события в мире неуклонно уменьшались. В этом контексте симптоматично, что Вашингтон, несмотря на предпринятые им усилия, не смог предотвратить появление ядерного оружия у Индии и Пакистана. На Евразийском континен-

те на тех или иных этапах послевоенной истории Америка, несомненно, внесла вклад в стабилизацию геополитического положения. Но в последние полтора-два десятилетия разрыв между разрушительным потенциалом и созидательным началом в американской международной политике во все более растущей степени сокращается.

Обоснованность этого тезиса подтверждается тем очевидным фактом, что после Второй мировой войны Америка показала себя самой агрессивной державой из всех великих держав современного мира. Сразу после окончания войны она вступила в бескомпромиссную холодную войну с Советским Союзом (здесь не важно, по чьей вине она была развязана), которая развернулась на просторах чуть ли не всей планеты. Затем была Корейская война, в которой она не сумела одержать победу; война в Индокитае, где она потерпела унизительное поражение; «победоносный» захват малюсенькой островной Гренады, который объявили блестящей победой американского оружия над коммунизмом. Далее Ирак-1, Югославия, Афганистан, Ирак-2 и множество более мелких эпизодов такого рода.

Унижение, полученное США во Вьетнаме, оставило глубокий отпечаток на американском национальном сознании. В 1979 г. США была нанесена очередная публичная пощечина иранскими студентами, захватившими американских дипломатов в Тегеране в качестве заложников. В дополнение ко всему этому администрация Картера вынуждена была идти на заключение с Панамой договора о возвращении этой стране юрисдикции над Панамским каналом, который американцы уже привыкли рассматривать как свою неотъемлемую собственность.

Именно относительным сокращением влияния и роли Америки в мире объясняется та эйфория, которой оказался охвачен чуть ли не весь американский народ, когда Р. Рейган отдал вооруженным силам страны приказ о вторжении на крошечный остров Гренаду в бассейне Карибского моря. Американцы просто жаждали победу, и они ее получили, вернее, Рейган им ее подарил.

В случае с Афганистаном в результате мощных ударов с помощью высокоточного оружия был достигнут лишь призрачный успех. Его символом является созданное по лекалам американцев правительство, обладающее столь же призрачной властью над территорией Афганистана, за пределами Кабула. Что касается Ирака, то здесь американцам,

несмотря на большие людские потери и огромные разрушения, не удалось достичь никаких сколько-нибудь значимых результатов, кроме свержения диктаторского режима.

Таким образом, насилие как *prima ratio* (или первый аргумент) было поставлено в ранг руководящего принципа решения международных споров. Однако американские оккупационные войска показали свою неспособность овладеть ситуацией и предотвратить хаос и нарастающий терроризм в стране. Согласитесь, что странная получается ситуация: единственная сверхдержава, которая не способна установить порядок в одной только (весьма слабой в военном отношении) стране, но претендует на эту роль во всем мире.

В свете вышеизложенного можно сказать, что все преувеличенные рассуждения об Америке в измерении всемогущества как в позитивном, так и в негативном русле, не дают ясного представления о политической стратегии этой страны. Здесь интерес представляет утверждение французского исследователя Э. Тодда. По его мнению, тайну внешней политики Америки «надо искать в сфере ее *слабости*, а не могущества. Блуждающая и агрессивная, напоминающая походку пьяницы стратегическая траектория одинокой сверхдержавы может быть удовлетворительно объяснена только на пути выявления нерешенных или неразрешимых противоречий и вытекающих отсюда чувств неудовлетворенности и страха»¹. Такая трактовка может показаться парадоксальной, неуместной и даже смешной, но только на первый взгляд. Конечно, в таком рассуждении есть изрядная доля преувеличения, но в то же время есть и некоторая доля рационального зерна.

Выше уже затрагивалась тема всплеска антиамериканских настроений во всем мире. Здесь уместно подчеркнуть, что этот всплеск был стимулирован прежде всего политической стратегией, взятой на вооружение администрацией Дж. Буша-мл. Именно после того как Буш-мл. встал у руля правления, и особенно после начала интервенции в Ирак, имидж США в глазах всего мира достиг предельно низкой черты.

Возможно, сами американцы, хотели они этого или нет, взлелеяли и взрастили того Франкенштейна (коллективного), который разрушил две башни-близнеца Всемирного

¹ Тодд Э. После империи. Pax Americana. Начало конца. М., 2004. С. 14.

торгового центра, сами посеяли ветер и теперь пожинают бурю, которая в наиболее угрожающих формах разразилась над Манхэттеном. Самое интересное здесь заключается в том, что Америка сама себя втянула в иракскую ловушку, сама себя загнала в угол, создав прямо-таки тупиковое положение.

Совершив ничем не оправданную агрессию против суверенного Ирака, США, по сути дела, укрепили позиции уже вышедшего из бутылки джина фундаментализма и терроризма. Под флером борьбы с мировой преступностью США сеют отравленные примитивным христианским фундаментализмом семена терроризма в мировом масштабе, которые не могут не дать зловещие всходы. Просто невозможно избавиться от ощущения, что война, декларированная как антитеррористическая, как бы незаметно перетекла в террористическую войну самой могущественной державы мира против отсталого иракского народа.

Предложенную здесь постановку вопроса было бы не совсем корректно рассматривать как оценку политики США лишь в черно-белых тонах. Общеизвестна большая позитивная роль этой страны в решении многих мировых проблем. Военно-силовые методы, к которым Вашингтон столь часто прибегает в последние годы, сочетаются с участием в миротворческих операциях в различных регионах земного шара. У значительной части американцев поддержкой пользуется идея создания независимого палестинского государства.

Большинство американцев выступают за активную роль своей страны на международной арене в деле обеспечения мира и безопасности в мире. Что касается гегемонистских амбиций Вашингтона, то, как уже отмечалось выше, такова природа империи. Империя просто не может действовать на международной арене по-другому. Иначе она не была бы империей.

Для правильного понимания сути рассматриваемой здесь проблемы необходимо учесть также то, что нередко внешняя политика великой или имперской державы как бы самовоспроизводится по инерции. Здесь уместно привести аналогию с большегрузным судном, которому необходимы достаточно большое пространство и время, чтобы сделать крутой разворот. Может быть, это время наступило с приходом к власти администрации Б. Х. Обамы.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы содержание и предназначение американской идеи?
2. Как она отражалась в национальном сознании американцев и во внешнеполитической стратегии правящих кругов?
3. В каких формах эти идеи используются после окончания двухполюсного миропорядка?
4. Каковы роль и статус США в современном мире как военно-политической и экономической сверхдержавы?
5. Какую трансформацию претерпели позиции США в последние десятилетия?
6. Насколько реальны претензии США на руководящую роль в современном мире?
7. Каковы перспективы реализации Pax Americana?

Глава 18. ЕВРОПА

Само понятие «Европа» возникло более двух с половиной тысяч лет назад и в течение столетий служило для обозначения нечто большего, чем просто географическое пространство. Как выше указывалось, на протяжении почти всего Нового времени мир характеризовался как евроцентрический. Действительно, Европа, добившаяся мирового первенства по важнейшим критериям общественно-исторического прогресса, вплоть до начала XX в. определяла главные направления мирового развития. Именно Европа заложила основы современной науки и технологий, рыночной экономики, политической демократии, рационалистического мировоззрения, многих морально-нравственных ценностей, норм и т.д.

18.1. Идеино-политические предпосылки объединения Европы

Европа имеет не только сугубо географический, но и исторический, социокультурный, религиозный и, наконец, политико-культурный смысл.

Идея единой Европы сформировалась в процессе длительного исторического развития. История региона — это не только бесконечные опустошительные войны, но и многовековое совместное существование множества народов. Многонациональная густонаселенная Европа, ограниченная в землях и сырьевых ресурсах, гораздо раньше других регионов мира столкнулась с необходимостью освоить формы, пути, средства и приемы межгосударственного взаимодействия и сотрудничества.

Постепенно утвердилось чувство европейской идентичности, что, в частности, проявилось в возникновении и использовании слова «европейскость» (Europeanness). Первоначально идентификация Европы от Атланти-

ческого побережья до Восточной Европы происходила на основе двух универсальных опор — Римской католической церкви и Священной Римской империи. На фоне усиления тюркской угрозы на востоке Европа стала синонимом христианского мира. В XVIII в. ее впервые начали отождествлять с цивилизацией. Возникли идеи превосходства Европы над другими регионами и европейскими народами над другими народами, которые со временем приобретали все более четкие очертания. Постепенно вырабатывались критерии передовой европейской цивилизации, противопоставляемой отсталым «варварским» западным обществам.

В XIX в. произошло полное отождествление цивилизации с Европой. Утвердилась идея о том, что мировая история достигла своей высшей ступени развития в европейской цивилизации. Не вызывала никаких сомнений сама мысль о том, что Европа должна вести весь остальной мир к благам цивилизации. Эта установка получила законченное выражение в знаменитом лозунге о бремени белого человека, брошенном Р. Киплингом.

Вполне естественно, что начали вызревать проекты политического объединения Европы, которые в той или иной форме были выдвинуты еще в первой половине XIX в. итальянским общественным деятелем Дж. Мадзини и известным французским писателем В. Гюго. При всем том весь XIX век характеризовался нарастанием национализма, что подрывало убеждение представителей разных народов в их принадлежности к единому европейскому сообществу с общей историей и судьбой.

Непоправимый удар по идее единства Европы был нанесен Первой мировой войной. Тем не менее проекты политического объединения Европы продолжали пользоваться популярностью среди определенных интеллектуальных и политических кругов. В частности, в 20-х гг. минувшего века они выдвигались австрийским графом Р. Н. Куденхове-Каллерги, А. Брианом, бывшим тогда министром иностранных дел Франции, а также такими известными в тот период личностями, как Э. Эррио, Л. Блюм, Э. Даладье, П. Бон-кур (Франция), Я. Шахт, К. Вирт, А. Эйнштейн, братья Т. и Г. Манны (Германия), З. Фрейд (Австрия) и др.

Однако в условиях стремительно набиравших в межвоенный период оборотов подготовки к новой мировой

войне эти идеи и проекты остались лишь благими пожеланиями. Им в той или иной форме суждено было сбыться и реализоваться после Второй мировой войны, когда снова получили популярность идеи единения Европы.

18.2. Основные вехи объединения Европы

Война имела для всей Европы разрушительные последствия. Европа вышла из войны крайне ослабленной и в первые полтора-два послевоенных десятилетия ей фактически была отведена роль поля противоборства между двумя сверхдержавами. В силу известных причин образ Европы, сама европейская идея несколько потускнели. В этом контексте в послевоенное десятилетие много говорилось о том, что Европа уже потеряла самосознание, волю к сохранению своей идентичности. Последующий период вплоть до середины 1980-х гг. получил название периода «евросклероза» и «европессимизма». Считалось, что Европа отстала от Америки в своем развитии и не просматриваются признаки изменения ситуации в лучшую сторону, в том числе и в процессе европейского строительства.

Тем не менее развитие событий показало, что для старого континента еще не наступил вечер. Наиболее дальновидные представители европейских народов выступили за единую Европу, объединенную для оптимальной реализации целей и чаяний всех ее наций. Инициаторами разработки проектов такого единения и их реализации выступили представители консервативных, либеральных, социал-демократических социально-политических сил и партий.

В направлении европейской интеграции важным шагом стало подписание в 1951 г. между шестью странами (Германией, Францией, Италией, Голландией, Бельгией и Люксембургом) договора о создании первой наднациональной структуры — Европейского объединения угля и стали. Дальнейшая интеграция происходила путем подписания различных договоров и соглашений, принятия документов, касающихся разных сфер жизни, и создания различных общеевропейских институтов.

В 1957 г. было создано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) шести европейских стран. Здесь отметим лишь то, что в 1972 г. с присоединением к ЕЭС Дании, Ве-

ликобритании и Ирландии на смену сообщества «шести» пришло сообщество «девяти».

Во второй половине 80-х гг. начался качественно новый этап в процессе европейского строительства. В результате сложных переговоров в декабре 1985 г. в Люксембурге был принят проект Единого европейского акта. После ратификации парламентами всех стран — членов ЕЭС 1 июля 1987 г. акт вступил в силу. Главное его значение состояло в том, что он инициировал трансформацию ЕЭС в Европейский союз (ЕС).

Этому в значительной степени способствовал тот факт, что к началу 80-х гг. минувшего века все более зримо проявлялись симптомы возрождения оптимистической веры европейцев в свое предназначение и судьбу, укрепления самостоятельности и все более настойчиво заявляющей о себе идентичности Европы.

В последующие десятилетия голос Европы по мере наращивания экономического и научно-технологического потенциала приобретал все возрастающую независимость, вес и влияние. Ведущие деятели европейской политики постепенно сознавали, что Европа сохранила за собой роль одного из ведущих центров мировой политики. Разрабатывалась и целенаправленно осуществлялась стратегия восстановления европейских приоритетов и статуса Европы, соответствующего ее весу и влиянию в мировом сообществе.

Наиболее значимой вехой в процессе дальнейшего единения Европы стало подписание Маастрихтского договора в 1992 г. Этот договор очертил дальнейшие шаги в направлении общей внешней политики и политики безопасности. Подписание Шенгенского соглашения в 1995 г. и постепенное присоединение к нему все новых государств положило конец системе пограничного контроля на территории десяти государств. В том же 1995 г. к ЕС присоединились Финляндия, Швеция и Австрия. В 1999 г. была введена общая валюта — евро, принятая первоначально 11-ю странами — членами ЕС.

В том же году европейские страны подписали Болонскую декларацию, которая предусматривала стимулирование интеграции национальных систем высшего образования стран — членов ЕС. Сформировались европейские партии: Европейский социалистический союз, Европейская народная партия, Федерация либеральных и демократических партий ЕС, Европейские демократы прогресса и др.

Комментируя эти тенденции, один из последовательных приверженцев идеи американского века С. Хантингтон еще в 1984 г. вынужден был признать: «Хотя во всем мире люди стоят в очередях у дверей американских консульств в надежде получить иммиграционную визу, в Брюсселе целые страны выстроились в очереди у дверей Европейского сообщества, добиваясь вступления в него. Если следующий век — не “американский век”, то больше всего вероятно, что он будет “европейским веком”»¹. «Ключ мирового лидерства, который перешел в направлении Запада через Атлантический океан в начале XX века, может двинуться обратно, в восточном направлении, столетие спустя», — утверждал С. Хантингтон².

По-видимому, помыслы тех народов и стран, которые после распада СССР и так называемого социалистического лагеря устремились в Европу, диктовались не только географической ее близостью. В меньшей степени они определялись также тем, что для них Европа стала неким «Градом на Холме», на роль которого в течение многих поколений единолично претендовали США.

18.3. Возвращение стран Центрально-Восточной Европы в Европу

По сей день не прекращаются дискуссии о том, где начинается и где кончается Европа вообще и Центрально-Восточная Европа в частности. Более того, некоторые авторы даже высказывали сомнение относительно правомерности выделения данного региона в качестве самостоятельного культурно-исторического образования. Так, Т. Г. Эш за три года до событий 1989 г. в своей статье «Существует ли Центральная Европа?» писал: «Мы должны понять, что истинно центрально-европейское всегда было западным, рациональным, гуманистическим, демократическим, скептическим и толерантным. Остальное было восточно-европейским, русским или, возможно, немецким»³.

¹ *Huntington S.* Will more countries become democratic? // *Political science quarterly*. 1984. № 99. P. 93–94.

² *Ibid.*

³ Цит. по: *Дарендорф Р.* Размышления о революции в Европе (в письме некоему господину в Варшаве) // *Путь*. 1994. № 6. С. 101.

Иногда для характеристики этого региона употребляется понятие «вторая Европа». Большинство исследователей сходятся в признании того, что данный регион действительно обладает определенными исторически обусловленными устойчивыми особенностями политического, социального, культурного характера, типологически отличающими его от соседних регионов. В странах Центрально-Восточной Европы в силу национально-культурных и исторических традиций, устойчивости консервативных ценностей медленно изживались феодальные, патриархальные, клиентелистские и иные элементы политической культуры, которые существенно тормозили развитие экономики и политической системы. В силу этого регион значительно позже, чем западные соседи, вступил на путь капиталистической модернизации.

Значительный отпечаток на политический ландшафт и состояние умов данного региона накладывало то, что он был в некотором роде яблоком раздора между соперничающими великими державами, граничащими с ним на западе, востоке и юге. Нельзя не учесть и существование весьма сложного и запутанного клубка проблем и противоречий, которые часто становились причиной споров и конфликтов между самими странами региона.

Надо отметить, что в Центральной и Восточной Европе подавляющее большинство народов приобрели национальную независимость (а в ряде случаев и государственность) лишь в конце XIX — начале XX вв. Они вырвались из тисков зависимости только после Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгерской, Османской и отчасти Российской империй. Мирные договоры, в совокупности составившие Версальско-Вашингтонскую систему, внесли существенный вклад в их национально-государственное строительство. Одной из общепризнанных целей Версальской мирной конференции 1919 г. было объявлено осуществление права наций на самоопределение. Согласно этому принципу, на месте распавшихся многонациональных был создан целый ряд самостоятельных национальных государств: Югославия, Чехословакия, Польша, Финляндия, Эстония, Литва, Латвия.

Но при этом нельзя обойтись без соответствующих огорчений. Уже в тот период обнаружились почти непреодолимые трудности на пути реализации принципа национального самоопределения. Так, на практике он был выполнен

лишь в отношении некоторых народов Османской и Австро-Венгерской империй, потерпевших поражение в войне, а также в силу ряда обстоятельств (большевистская революция и гражданская война) в России, из состава которой вышли Финляндия, Польша и Прибалтийские страны.

Причем многие из новообразовавшихся государств в Европе едва ли правомерно было называть национальными в собственном смысле слова. Так, Чехословакия стала государственным образованием, сформированным из двух народов — чехов и словаков, а Югославия — из сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев-мусульман. В ряде восточноевропейских стран сохранились значительные национальные меньшинства, не сумевшие получить свою государственность.

Между двумя мировыми войнами предпринимались попытки создания неких объединений и союзов новых государств Центрально-Восточной Европы, ориентированных прежде всего на Англию и Францию. Однако в конечном счете эти попытки не дали сколько-нибудь заметных результатов. Да и последующие события показали, что вступление в те или иные союзы и блоки отнюдь не охраняло малые страны от посягательств и порабощения со стороны Германии и Италии. В наиболее крайней форме это проявилось в пресловутом Мюнхенскомговоре.

После Второй мировой войны страны Центрально-Восточной Европы, оказавшиеся по советскую линию водораздела, фактически снова потеряли свою независимость. Беспрецедентные возможности для самоопределения и реализации проектов регионального единения перед народами Центрально-Восточной Европы открылись в конце 80-х — начале 90-х гг. минувшего века, когда этот регион и СССР стали эпицентром широкомасштабных событий и процессов, имеющих всемирно-историческое значение.

В ходе развернувшихся антитоталитарных революций как бы в одночасье произошла делегитимация правящих режимов одновременно во всех странах Центрально-Восточной Европы. Окончание холодной войны положило конец такому аномальному явлению, как раздел Европы железным занавесом на два враждебных лагеря. По сути дела, страны Центрально-Восточной Европы в буквальном смысле слова воссоединились с Европой.

Следует отметить, что дрейф в сторону Запада стран, вновь обретших самостоятельность, был неизбежен. Од-

нако с сожалением приходится констатировать, что в этих странах в должной мере не изжиты традиционные подходы, построенные на не всегда корректной трактовке места и роли России в мировой и европейской политике. В глазах народов данного региона Россия приобрела роль своего рода маяка со знаком минус. Именно в вопросе о вступлении в ЕС и НАТО наиболее отчетливо проявилось восприятие ими России в качестве отрицательной величины, от которой нужно любой ценой дистанцироваться.

Как бы то ни было, страны Центрально-Восточной Европы взяли на вооружение стратегию интеграции в структуры ЕС и НАТО. В 1997 г. Амстердамский договор в качестве одной из важнейших задач предстоящего десятилетия определил расширение ЕС за счет ряда стран Центральной и Восточной Европы. Новый договор, регулирующий деятельность ЕС и подписанный 26 февраля 2001 г., наметил меры по подготовке институциональной структуры для расширения ЕС и адаптации стран Центральной и Восточной Европы к реальностям Евросоюза.

1 мая 2004 г. восемь стран Центральной и Восточной Европы (Венгрия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Словакия, Словения, Чехия), а также Кипр и Мальта обрели статус полноправных членов ЕС. В результате число членов Евросоюза возросло до 25, и он стал гигантским межгосударственным объединением с населением свыше 450 млн чел. и совокупным ВВП порядка 10 000 млрд евро. 1 января 2007 г. к ЕС присоединились также Болгария и Румыния.

18.4. Общая оборонная и внешняя политика

Естественно, государства — члены ЕС ставят перед собой задачу разработать и осуществлять единую политику в различных сферах общественной жизни, не в последнюю очередь в сфере внешней политики. Так, предпринимаются попытки по формированию общей европейской внешней и оборонной политики. Наметки по разработке общей политики по обороне и безопасности и созданию собственных вооруженных сил ЕС были обозначены в 1993 г. на конференции в Маастрихте. В качестве основы такой политики рассматривались так называемые «Задачи Петербурга», принятые Западноевропейским союзом (предшественником ЕС) в 1992 г. В этом документе были сформулированы

цели, ради которых и призвано было создание вооруженных сил. Это гуманитарные акции, миротворчество, разрешение разного рода кризисов.

Такая политика обосновывалась необходимостью обеспечить:

- защиту общих ценностей и основных интересов, а также же безопасности как самого ЕС в целом, так и отдельно взятых его членов;
- сохранение мира и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, Заключительного акта Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и Парижской хартией 1990 г.;
- развитие и укрепление демократии, гарантию прав и основных свобод человека и т.д.

В качестве важнейших направлений совместных действий были обозначены разоружение и контроль над вооружениями в Европе, нераспространение ядерного оружия, контроль над передачей технологий вооружений третьим странам и т.д.

Усиление крена в сторону европеизации политики все отчетливее проявляется в наращивании так называемого европейского измерения обороны как в недрах НАТО, так и вне ее. Европейцы все откровеннее высказывают желание выйти из-под единоначалия Вашингтона. Они выражают готовность нести большую нагрузку и ответственность при урегулировании конфликтов и, соответственно, увеличить свою роль в блоке и на международной арене. Имеются соображения относительно целесообразности демонтажа старых структур альянса времен холодной войны с целью избежать недовольства России в реальностях его расширения на Восток.

Все более растущая роль в данном контексте отводится Западноевропейскому союзу (ЗЕС), созданному в 1954 г. и являющемуся внешнеполитическим альянсом стран Западной Европы. В качестве основных целей ЗЕС, в состав которого входит ограниченное количество европейских государств (Бельгия, Великобритания, Греция, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Франция, ФРГ), были обозначены:

- оказание в соответствии с Уставом ООН военной и другой взаимопомощи как в поддержании международного мира и безопасности, так и в противодействии любой агрессивной политике;

- содействие единству Европы;
- тесное сотрудничество с НАТО и ЕС;
- укрепление и обеспечение демократии, личной и политической свободы и т.д.

В учредительном договоре ЗЕС содержится не менее жесткая, чем соответствующая в договоре НАТО, пятая статья о взаимных военных гарантиях стран-членов. ЗЕС рассматривается на Западе как европейская опора НАТО. В этом качестве он играет роль своего рода связующего звена между НАТО и ЕС. После Маастрихтских соглашений 1991 г. ЗЕС превратился как бы в составную часть ЕС, его оборонную структуру. В декабре 1994 г. НАТО официально одобрила деятельность ЗЕС по формированию европейской идентичности в сфере безопасности.

В документе «Европейская безопасность: общая концепция 27 стран ЗЕС», одобренном 14 ноября 1995 г. на Мадридской встрече министров иностранных дел и министров обороны стран — членов ЗЕС, отмечалась необходимость дальнейшего развития концепции европейской обороны и безопасности. В нем подчеркивалась возможность более широкого использования НАТО для решения чисто европейских военных проблем.

В 1999 г. был предпринят ряд шагов в направлении разработки общей европейской политики безопасности и обороны (ОЕПБО) и интенсификации сотрудничества в области внешней политики. На юбилейном Вашингтонском саммите НАТО (23—24 апреля 1999 г.) была выражена поддержка решимости ЕС обладать способностью к самостоятельным действиям, предполагающим принятие решений и утверждение военных акций тогда, когда альянс как таковой не задействован.

1 мая 1999 г. вступил в силу Амстердамский договор, в котором впервые сформулированы правовые рамки и принципы распространения компетенций ЕС на сферу безопасности и обороны. По решению, принятому в 1999 г. на заседании стран-членов ЗЕС, а также новых членов в лице Польши, Венгрии и Чехии и в то время кандидатов в члены — Болгарии, Литвы, Латвии, Словакии и других государств Восточной Европы, создан Совет по координации внешней политики и безопасности.

Естественно, реализация этих и связанных с ними идей и планов может вызвать существенные изменения внутри ЕС. Так, создание самостоятельной европейской системы

обороны потребует структурной перестройки производства вооружений. Иначе европейская оборонная промышленность не сможет конкурировать с США. Поэтому вполне объясним тот факт, что серьезные изменения происходят в европейской оборонной индустрии.

Так, в 1995 г. по инициативе Франции и Германии создана Организация совместной кооперации по вооружениям (OCCAR — Organisation de Cooperation Conjointe en Matiere d'Armement), в которую позже вступили Великобритания и Италия. В настоящее время эта организация занимается выполнением 14 совместных европейских проектов. С целью объединения промышленных ресурсов и технологического потенциала созданы крупные концерны по производству оборонных технологий и продукции. В этом направлении ключевую роль играют Германия и Франция.

18.5. Единая Европа: трудности формирования, успехи и перспективы

В мае 2004 г. достоянием общественности стал конфиденциальный доклад «Создавая политическую Европу» о перспективах ЕС, подготовленный специально созданной для этой цели группой экспертов во главе с бывшим министром экономики и финансов Франции Д. Строс-Каном по личному указанию главы Еврокомиссии на тот момент Р. Проди. По мнению авторов доклада, ЕС преодолеет структурный кризис, который появился в результате его расширения, только за счет создания «общеевропейского политического союза». Это предполагает введение единых социальных, политических и экономических структур, разработку единой промышленной политики, общеевропейских политических партий, которые должны стать основой нового государственного образования — Соединенных Штатов Европы¹.

Европейский союз, который видит свою дальнюю перспективу на путях федерализации, встал перед необходимостью введения конституции. Однако разработка и принятие конституции столкнулись с довольно серьезными трудностями. Проект конституции, представленный на обсуждение в конце 2003 г., явился результатом полуторогодичной

¹ См.: Известия. 2004. 29 мая.

работы специальной комиссии под председательством бывшего президента Франции В. Жискара д'Эстена. 108 членов этой комиссии представляли различные страны ЕС и общеевропейские институты. 12 декабря 2003 г. в Брюсселе начался саммит, на котором присутствовали лидеры как 15 действительных, так и 10 будущих членов ЕС.

Конечным результатом встречи должно было стать соглашение по поводу проекта конституции. Если бы это произошло, то на следующем этапе основной закон ЕС был бы ратифицирован в странах-членах путем парламентского голосования или всенародного референдума. Однако переговоры в силу обнаружившихся разногласий между государствами — членами ЕС были прерваны. Последние не могли договориться по вопросу о количестве членов самого влиятельного административного органа ЕС — Еврокомиссии, которая осуществляет такие ключевые функции, как внесение законопроектов в Европарламент, надзор за исполнением существующего законодательства и контроль над повседневной деятельностью ЕС и его бюджетом и др.

Необходимо отметить, что дискуссии по данному вопросу шли весьма трудно. Серьезные сомнения выражались в политических кругах таких ключевых стран ЕС, как Германия и Великобритания. В наиболее очевидной форме эти трудности проявились в том факте, что на референдумах, проведенных во Франции, Нидерландах и Ирландии, проект конституции получил вотум недоверия. Тем не менее чиновническому аппарату ЕС в конечном счете удалось «уломать» несогласных и принять компромиссный документ, который был назван конституцией.

Очевидно, что сам феномен объединения европейских народов нельзя не оценивать позитивно, поскольку в результате обозначенных в данной главе тенденций и процессов регион, который в течение всей истории был охвачен разного рода конфликтами и войнами, превратился в образец мира и взаимовыгодного сотрудничества между населяющими его народами. Но при этом нельзя игнорировать целый ряд факторов, которые способны порождать противоречия и конфликты между ними.

Как известно, глобализация и интернационализация имеют своей оборотной стороной возрождение национализма, различных форм фундаментализма, племенных, клановых, местнических и иных приверженностей. Это особенно

верно применительно к такому пестрому и многоликому в национально-этническом, конфессиональном, культурном и политическом отношении региону, как Центрально-Восточная Европа. К примеру, Болгария, Албания, Румыния довольно существенно отстают от более продвинутых в экономическом и политическом отношении Венгрии, Чехословакии, Польши. Присущий региону потенциал балканизации и конфликтогенности не может быть преодолен одним лишь возвращением или, говоря точнее, вступлением в Европу.

Каждый из новых членов ЕС пришел сюда со своим историческим, политическим и экономическим наследием, и, соответственно, каждый из них оказывает влияние на НАТО и ЕС по-разному. Они могут в одном случае выступать вместе с Францией и Германией, в другом случае — с Великобританией, Италией и Испанией и т.д. При этом обращает на себя внимание отсутствие каких бы то ни было признаков, которые бы свидетельствовали о стремлении народов и стран отказаться от своей национально-государственной и историко-культурной идентичности.

Одним из серьезных вызовов, с которым столкнулся ЕС, является весьма неблагоприятная демографическая ситуация. Эта проблема более подробно рассматривалась во второй главе. Здесь отметим лишь то, что к концу XX в. четко обозначилась тенденция к абсолютному и относительному сокращению численности населения континента.

Нельзя не отметить, что претерпевают изменения конфессиональная и социокультурная ситуации. К примеру, в настоящее время ислам в Германии является второй по значимости религией. По оценке федеральной статистической службы и других институтов, от 2,8 до 4,1 млн жителей Германии исповедуют ислам. Подавляющее большинство среди них составляют турки (более 70%). Кроме турок в Германии много мусульман — уроженцев Северной Африки, бывшей Югославии, а более 150 тыс. мусульман являются этническими немцами.

Довольно серьезные дилеммы для Европы создали распад многонациональной Югославии и начавшаяся там гражданская война. Югославский кризис воочию продемонстрировал факт отсутствия единства стран — членов ЕС в подходе к решению международных проблем, в том числе и в самой Европе. Их позиции и действия в отношении гражданской войны в Югославии были настолько несоор-

динированными, что у многих наблюдателей возникли сомнения в способности европейских государств действовать единым фронтом даже на собственном континенте.

Время от времени на поверхность выходят довольно серьезные разногласия и противоречия между странами — членами ЕС по тем или иным важным вопросам мировой политики. Речь не в последнюю очередь идет о вопросах внешней политики и обороны. Согласование общих интересов в этой области по-прежнему сталкивается с большими трудностями. В процессе осуществления общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ) все явственнее стал проявляться ряд негативных факторов, препятствующих ее реализации: отсутствие политического единства, трудности с созданием механизма принятия решений, сложные бюджетные процедуры и т.д.

Встал вопрос о характере взаимоотношений между ЕС и его военным компонентом — Западноевропейским союзом, уточнении места и роли последнего как силовой европейской опоры НАТО и одновременно самостоятельного оборонного компонента ЕС. Не определена общая позиция по формированию единой системы европейской безопасности.

Так, Финляндия и Швеция выступают за возложение на ЗЕС сугубо гуманитарных функций, таких как выполнение миротворческих операций и разрешение кризисных ситуаций в соответствии с международным мандатом. За НАТО оставляются функции гаранта защиты в случае реальной угрозы безопасности стран-членов блока. Франция и Германия предлагают компромиссный вариант, который предусматривает использование НАТО для выполнения задач гуманитарного характера. Этот вариант предполагает слияние в конечном итоге ЗЕС с ЕС.

Иной точки зрения придерживается Великобритания, которая считает необходимым сохранение относительной самостоятельности ЕС и ЗЕС, в результате чего ЕС может лишь просить ЗЕС действовать в поддержку его политических решений. Этой позиции поддерживаются Нидерланды и Португалия, которые опасаются, что усиление ЗЕС в качестве оборонной составляющей ЕС может иметь своим результатом подрыв атлантической солидарности и ослабление роли НАТО.

При этом подчеркивается идея о том, что по вопросам обороны ЗЕС должен продолжать поиск новых форм сотрудничества с ЕС, НАТО, ОБСЕ. К тому же Великобрита-

ния не настроена обсуждать ядерные аспекты европейской обороны в рамках ЕС. В то же время с приходом к власти во Франции Н. Саркози начался процесс возвращения этой страны в военную организацию НАТО, из которой она по инициативе президента Ш. Де Голля вышла в 1966 г.

Нельзя не упомянуть и тот факт, что Ирландия, Швеция, Австрия, Финляндия не являются членами НАТО, а Дания, Ирландия и Греция не входят в состав ЗЕС. Члены НАТО Исландия, Норвегия и Турция не входят в ЕС и являются лишь ассоциированными членами ЗЕС. Следует учесть, что полноправным членом ЗЕС может быть только член НАТО.

Наиболее серьезные противоречия между странами — членами ЕС возникли при оценке последствий террористических актов в США 11 сентября 2001 г. Единодушно осудив эти акты, разные страны сделали из них разные выводы. Еще более разительными эти различия оказались в подходе к американской агрессии в Ираке. Если Великобритания и Испания стали преданными союзниками США, то Франция и Германия выступили в Совете Безопасности ООН против проекта резолюции США и Великобритании. Следует учесть и то, что после террористических актов в Мадриде 11 марта 2004 г. и победы на очередных парламентских выборах социалистической партии Испания также отказалась от поддержки американской агрессии и вывела свой воинский контингент из Ирака.

Трудности и проблемы, стоящие на пути дальнейшего совершенствования институтов, обеспечивающих единство европейских народов, особенно наглядно обнажились во время мирового экономического кризиса. В вопросах поисков путей выхода из кризиса руководители каждого из отдельно взятых государств защищали прежде всего свои национальные интересы, зачастую отодвигая на задний план общеевропейские.

Завершая главу, в несколько иной форме следует повторить вывод, суть которого состоит в том, что Европа, охватываемая границами ЕС, служит в качестве одной из ключевых несущих конструкций нового полицентрического миропорядка.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы идейно-политические основы объединения Европы?
2. Охарактеризуйте положение Европы после Второй мировой войны.

-
3. Что понимается под европессимизмом?
  4. Когда и как его удалось преодолеть?
  5. Назовите основные вехи и формы объединения Европы.
  6. Как вы объясните возвращение Восточной Европы в лоно Европы?
  7. Назовите основные институты ЕС.
  8. Что понимается под европеизацией европейской политики?
  9. Дайте характеристику общей европейской внешней и оборонной политики.
  10. Какова роль ЗЕС и Совета Европы в политической жизни Европы?
  11. Какие успехи достигнуты на пути строительства единой Европы?
  12. Какие встречаются трудности на этом пути?

Глава 19. ЗАПАД В РЕАЛЬНОСТЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В ряде предыдущих глав уже затрагивались ключевые факторы, определившие глубокие изменения в геополитической структуре современного мира, одним из важнейших компонентов которой стали далеко идущие сдвиги в конфигурации отношений между Востоком и Западом, Севером и Югом. В этой главе рассматриваются лишь некоторые ключевые вопросы, затрагивающие практическую сторону места и роли Запада в условиях полицентрического миропорядка. Главное внимание концентрируется на взаимоотношениях ЕС и США как двух главных несущих конструкций западного, или евроатлантического, мира.

19.1. Отношения между Европой и США

В период холодной войны угроза с Востока, реальная или воображаемая, помогала Западу консолидировать свои цели и волю. Теперь же с исчезновением общей угрозы на поверхность выплеснулись и снова приобрели значимость старые противоречия и споры, дополнившиеся новыми противоречиями и спорами, порожденными геополитическими, геоэкономическими, геокультурными и иными проблемами современного мира.

Ряд довольно серьезных противоречий международно-политического и военно-политического характера между США и ЕС уже затрагивался в главах 18 и 19. Здесь отметим лишь то, что в современных условиях ЕС, являясь одной из ключевых несущих конструкций нового миропорядка и крупным субъектом мировой экономики, выступает в качестве одного из серьезных конкурентов США. Неуклонное возрастание экономического и военно-политического веса и влияния ЕС усилило его конкурентные позиции в миро-

вой экономике, в том числе и относительно США. Серьезную конкуренцию доллару составил евро.

Время от времени со стороны США в адрес ЕС можно услышать угрозы применения санкций из-за их позиции по вопросам импорта, например, стали, говядины и т.д. И, наоборот, страны ЕС не остаются в долгу, выдвигая свои претензии к США в связи с налогообложением экспорта на те или иные товары.

В то же время не является секретом тот факт, что по оснащенности информационно-телекоммуникационными технологиями ЕС заметно уступает США. Объем капиталовложений стран ЕС в сферу военных исследований и оборонных технологий значительно отстает от американского. На состоявшемся в марте 2000 г. саммите ЕС в Лиссабоне была поставлена задача в кратчайшие сроки осуществить электронную революцию и догнать Америку. Повестка дня этой встречи была почти целиком сосредоточена на подготовке «большого скачка» в области передовых компьютерных технологий.

Постепенное наращивание Европой экономического и военно-политического веса вкупе с изменившимися геополитическими реальностями способствует сокращению возможностей США разговаривать с Европой с позиций «старшего брата». Тенденции в этом направлении не претерпели сколько-нибудь значимых изменений после присоединения к ЕС новых членов из Центрально-Восточной Европы, хотя в политике некоторых из этих стран прослеживается крен в сторону США. Например, Польша и Болгария, в отличие от Германии и Франции, активно поддерживали войну в Ираке.

Неоднозначно приняли европейцы выход США из договора по ПРО и их планы развертывания системы противоракетной обороны в Польше и Чехии, которые были пересмотрены с приходом к власти Б. Обамы. Многие европейские политики высказывали опасения относительно того, что реализация этого плана может привести к началу новой гонки вооружений и Европа снова окажется между Россией и США. Существуют серьезные разногласия между рядом членов ЕС и США в подходах к Ближнему Востоку, в частности, по вопросам, касающимся войны в Ираке, урегулирования израильско-палестинского конфликта, борьбы против терроризма и т.д.

Эти противоречия обнаружились еще во время югославского кризиса, они приняли особенно острый характер

с развязыванием США иракской войны. Как уже было показано в соответствующей главе, нет между двумя несущими конструкциями атлантического союза согласия по вопросу об экспорте западной демократии на Ближний Восток, об американском плане обустройства так называемого Большого (или Расширенного) Ближнего Востока и т.д.

То же самое верно применительно к оценке двумя сторонами целого ряда других жизненно важных для мирового сообщества проблем. К примеру, США не подписали Киотский протокол, в то время как ЕС решительно отстаивает его. Если США при решении тех или иных международных проблем, которые они считают жизненно важными, не прочь игнорировать мировое общественное мнение и действовать односторонне, вопреки воле ООН, то ЕС выступает за неукоснительное соблюдение международного права и укрепление роли ООН и других международных организаций.

Различаются (порой существенно) их взгляды на модели нового миропорядка. Большинство американских руководителей и аналитиков, как уже указывалось, решительно и настойчиво ратуют за так называемый однополярный миропорядок. Но в Европе как на официальном, так и на общественном уровнях в оценке этой проблемы нет единства. К примеру, руководство Великобритании однозначно поддерживает американский вариант однополярного миропорядка, а Франция выступает за строительство многополярного миропорядка. В этом плане характерно получившее большой резонанс высказывание бывшего президента Ж. Ширака в адрес восточноевропейских государств, в то время кандидатов на вступление в Евросоюз и НАТО, поддержавших войну: «Они упустили хорошую возможность закрыть рот»¹.

19.2. Антиамериканизм в Европе и антиевропеизм в США

Дополнительную лепту в обострение американо-европейских отношений вносит рост антиамериканизма в Европе и антиевропейских настроений в США. Разумеется, нельзя не согласиться с французской газетой *Le Monde*, которая после террористической атаки на Нью-Йорк 11 сентября 2001 г.

¹ *Menon A.* From crisis to catharsis: ESDP after Iraq // *International affairs*. 2004. Vol. 80. № 4. P. 639.

в эмоциональном порыве заявила: «Мы все американцы!» Многие европейцы, да и не только европейцы, восприняли террористическую атаку на Америку как атаку на самих себя. Но фактом является то, что рост антиамериканских настроений наблюдается не только в исламском мире, но и в странах — союзниках НАТО. Грубая и неэффективная по своим методам и не совсем ясная по своим целям агрессия против Ирака привела к дальнейшему расширению и углублению противоречий между Европой и Америкой.

В результате этих и ряда других факторов в Европе антиамериканизм, говоря словами известного французского политолога Ж.-Ф. Ревеля, стал настоящей навязчивой идеей для целых стран, особенно для Франции. Французы жалуются на американский «культурный империализм» или даже «культурный терроризм».

Дополнительное масло в огонь антиамериканизма подлил тогдашний министр обороны США Д. Рамсфельд, который разделил Европу на старую, которая, по его словам, не способна идти в ногу со временем и, соответственно, должна быть «вне игры», и новую, способную на это. Старая Европа — это те страны, которые отвергли войну в Ираке (Франция, Германия и те, которые последовали за ними), а новая Европа представлена странами, поддержавшими войну и выразившими готовность участвовать в ней (Великобритания, Польша, Прибалтийские страны, Грузия и др.).

Сами американцы, как говорится, тоже не остаются в долгу. Среди определенной части американцев популярностью пользуется, например, следующая оценка: «К перечню политик, которым суждено попасть на свалку истории, следует добавить Европейский Союз и французскую Пятую республику. Вопрос лишь в том, насколько беспорядочным окажется их распад»¹. Европейцы характеризуются не иначе, как зануды, слабаки, нерешительные, лицемерные, двуличные, гомосексуалисты, импотенты и т.д. «Американцы же — в отличие от европейцев — это сильные, принципиальные защитники свободы, патриоты, гордо стоящие на страже последнего в мире истинно суверенного государства»², — писал Т. Эш, выражая мнение американцев о себе и европейцах.

¹ Menon A. Op. cit. P. 639.

² Ash T. G. On Antieuropeism in America // The New York Review of Books. 2003. February 13.

Как бы подытоживая подобные оценки, один из неоконсерваторов Р. Кейгэн утверждал, что «американцы — люди с Марса, а европейцы — с Венеры». Имелось в виду, что мужчины вышли с мужественного и воинственного Марса, женщины — со слабой и женственной Венеры. Причем, согласно Кейгэну, между «американскими марсианами» и «европейскими венерианцами» (Venusians) открылся невосполнимый разрыв (unbridgeable gulf)¹.

Английский автор С. Эш, побывавший в некоторых американских штатах накануне американо-британской агрессии в Ираке, общаясь с их жителями, пришел к выводу, что «нынешняя степень раздражения Европой и европейцами превзошла последний на их памяти пик таких настроений, пришедшийся на начало 1980-х годов». «Журналисты, — продолжал он, — окунают свои перья не в чернила, а в кислоту, их губы кривит презрение к этим европейцам, которых еще называют “еврами”, “евроидами”, “евронытиками” или “европниками”»². Проанализировав эти тенденции, американский политолог Ч. А. Купчан даже пришел к выводу о грядущем «столкновении цивилизаций» между Европой и Америкой, полагая, что именно Европа, а не какое-либо другое государство станет главным соперником США³.

Иначе говоря, в глазах многих американских политических деятелей и аналитиков европейцы, в отличие от мужественных и воинственных американцев, выглядят как законченные пацифисты, не способные защитить самих себя. При этом забывают тот факт, что Америка была открыта и обустроена именно смелыми, способными идти на риск и авантюрные мероприятия европейскими колонистами.

19.3. Факторы, определяющие общность интересов США и Европы

При всем том следует учесть, что до окончания двухполюсного миропорядка и распада СССР главное внимание во внешнеполитической стратегии Вашингтона было сосредоточено на Европе, ставшей ареной противоборства

¹ См.: Kagan R. Of paradise and power: America and Europe in the new world order. N. Y., 2003. P. 8.

² Ash T. G. Op. cit. P. 8.

³ См.: Kupchan Ch. The End of the West // The Atlantic Monthly. 2002. Nov. P. 12.

между двумя сверхдержавами. Ныне же все более растущее внимание во внешнеполитической стратегии Вашингтона уделяется восходящим экономическим гигантам Восточной и Южной Азии, новым индустриальным странам.

Однако отношения между Европой и США настолько глубоки и широкомасштабны, что они могут сохранить свою значимость и влияние еще в течение довольно длительного времени. Да, между США и Европой существует много различий и противоречий. Но подобные различия и противоречия, как уже отмечалось, существуют также между самими странами — членами ЕС, несмотря на ограничения, накладываемые на них общими для всех них принципами, целями, механизмами, законодательно-нормативными актами и т.д.

При таком положении вещей у исследователей и аналитиков появились сомнения в возможностях Европы говорить единым голосом в условиях международного кризиса, реализации ряда ключевых программ, выдвинутых странами ЕС, в том числе Европейской политики безопасности и обороны. Этот вопрос приобрел дополнительную значимость в контексте американо-английской агрессии в Ираке.

Анализ реального положения вещей позволяет сделать вывод, что в целом существует больше общих интересов и ценностей, которые объединяют США и Европу, нежели тех, которые их разъединяют. Речь прежде всего идет о тесной взаимосвязанности их экономик. В настоящее время американцы и европейцы посещают друг друга чаще, чем когда-либо, их массовые культуры проникают друг в друга. Можно привести другие сферы общественной и частной жизни, где Старый и Новый Свет теснейшим образом сотрудничают друг с другом.

Нельзя забывать, что Северная Америка и Европа в совокупности составляют единое цивилизационное, геоэкономическое и геополитическое пространство, объединяемое под общим названием «Запад», или «евроатлантический мир». Сохраняется единство множества основополагающих целей, хотя растут расхождения между двумя сторонами Атлантики в выборе средств достижения этих целей. Выше уже говорилось о стремлении стран ЕС европеизировать свою внешнюю и оборонную политику. Поиски европейцами собственной оборонной идентичности и решения по расширению прерогатив ЗЕС и превращение его в элемент архитектуры ЕС привели к возникновению проблем

координации и взаимодействия в рамках командных структур и отдельных подразделений, находящихся в подчинении НАТО и ЗЕС.

Вместе с тем механизмы такого взаимодействия, равно как и взаимного переподчинения в экстренных случаях подразделений ЗЕС и НАТО, до сих пор не отработаны и не согласованы. При этом важно учесть, что руководители европейских стран выступают вовсе не за ослабление НАТО, тем более не за его роспуск. Но стремление к европеизации военно-политической сферы, ослаблению зависимости от США проявляется во все более отчетливой форме.

Однако, несмотря на разногласия в тех или иных вопросах, имеющих жизненно важное значение для мирового сообщества, две стороны способны выступить как единое целое. Совершенно очевидно, что перечисленные проблемы ЕС не в состоянии решить без сотрудничества с США. США и Европа остаются друг для друга крупнейшими экономическими партнерами. Данный факт, естественно, накладывает существенный отпечаток на характер трансатлантических политических связей.

США признается, что существует мало целей, которые они могут достичь без сотрудничества со своими европейскими союзниками. В Вашингтоне всячески подчеркивают, что Америка является европейской страной и в определении своей внешнеполитической стратегии руководствуется прежде всего именно этим обстоятельством. Этим во многом американцы обосновывают свою позицию в отношении попыток европейских стран разработать собственные, независимые от США структуры обороны и внешнеполитическую стратегию.

Нельзя не отметить тот факт, что эта «европейскость» Америки в определенных кругах политической и интеллектуальной элиты этой страны имеет своеобразный оттенок. По мнению Г. Киссинджера, в отрыве от Европы Америка может превратиться не только психологически, но и географически и геополитически в остров у берегов Евразии¹. В свою очередь, другой известный аналитик З. Бжезинский не без присущего ему откровенного имперского бахвальства утверждал: «Горький факт заключается в том, что Западная Европа, а также все больше и больше и Центральная Европа

¹ См.: Киссинджер Г. Дипломатия. С. 749.

остаются в значительной степени американским протекторатом, при этом союзные государства напоминают древних вассалов и подчиненных»¹.

Касаясь вопроса о ценности Европы для национальных интересов США, Бжезинский продолжал: «Любое расширение пределов Европы автоматически становится также расширением границ прямого американского влияния. И, наоборот, без тесных трансатлантических связей главенство Америки в Евразии сразу исчезнет. Контроль США над Атлантическим океаном и возможности распространять влияние и силу в глубь Евразии могут быть значительно ограничены»².

В целом большинство как американцев, так и европейцев сходятся в том, что, несмотря на существующие между США и ЕС разногласия по тем или иным проблемам, они нуждаются друг в друге. Поэтому вместе с расширением ЕС необходимо укрепить НАТО для эффективного решения международных проблем, таких как восстановление Афганистана и Ирака, урегулирование израильско-палестинского конфликта и т.д. Именно поэтому время от времени, особенно в периоды более или менее серьезных изменений на международной арене, на обеих сторонах Атлантики на передний план выдвигается вопрос о необходимости совершенствования отношений между Северной Америкой и Европой.

19.4. Причины и последствия расширения НАТО

Камнем преткновения для отношений членов ЗЕС как между собой, так и с Россией, да и со всем остальным миром стал вопрос о расширении НАТО. Североатлантический альянс был задуман прежде всего как военно-политический союз, составляющий военно-силовую опору одного из двух полюсов биполярного мира. Его осью были не только сила, но и идеология. В этом смысле НАТО охватывала весь так называемый свободный мир.

После Второй мировой войны сближение Западной Европы и Северной Америки произошло не только из-за угрозы советского вторжения, но и в силу более широкого

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998. С. 77.

² Там же.

комплекса проблем. По окончании войны руководители европейских стран очутились в ситуации, характеризующейся распадом империй и международной торговли, угрозой экономического и социального хаоса, крахом денежной системы, ростом влияния радикальных идеологий, нехваткой продуктов питания и т.д. В ответ на это было создано множество взаимно переплетающихся, противоречащих друг другу, дублирующих друг друга институтов, которые в совокупности составили нечто вроде институциональной версии гибкого реагирования на сложные и разнообразные проблемы. Именно в этом русле была создана НАТО.

С окончанием холодной войны она очутилась в совершенно иной стратегической ситуации. Так, до окончания холодной войны НАТО представляла собой единственный эффективный инструмент, способный противостоять военной мощи СССР. Теперь же эта задача потеряла свою актуальность. Как говорят, организации создаются, в сущности, не самими государствами — участниками этих организаций, а их врагами. В этом утверждении присутствует изрядная доля истины в том смысле, что союзы, блоки, организации возникают в силу наличия определенной угрозы или вызова их участникам. История представляет нам множество примеров, демонстрирующих, что коалиции, одержавшие победу в войне, распадаются чуть ли не на следующий день после победы. Почему эту участь должна избежать НАТО?

В разгар так называемых «бархатных» революций, но до распада Советского Союза авторы парижской Хартии для новой Европы 1990 г. видели свою задачу в том, чтобы обеспечить условия для объединения расколотого континента путем постепенного сближения Востока и Запада. В ноябре 1991 г. на сессии Совета НАТО в Риме была принята «Новая стратегическая концепция НАТО», согласно которой был введен принцип меньшей зависимости от ядерных вооружений.

В 1993 г. обозначились новые тенденции и акценты в подходах к решению данной проблемы. Верх взяла точка зрения, предусматривавшая постепенную интеграцию стран Центральной и Восточной Европы в западные структуры, прежде всего структуры НАТО. Так, Копенгагенская сессия ЕС в июне 1993 г. приняла решение о вступлении этих стран в союз, когда они будут отвечать соответствующим критериям. 1993—1994 гг. стали переломными и в вопросе о расширении НАТО за счет стран — членов бывшего Варшавского

пакта. На своей январской встрече в верхах в 1994 г. НАТО открыто декларировала эту цель, обнародовав одновременно программу «Партнерство ради мира». Во время своего визита в Варшаву в июле 1994 г. Б. Клинтон заявил, что отныне расширение НАТО — это не вопрос о том, состоится оно или нет, а о том, как и когда оно состоится.

В сентябре 1995 г. Совет НАТО по итогам внутренней дискуссии принял документ, в котором были определены условия и механизмы расширения блока. 28 сентября того же года документ был официально представлен странам Центральной и Восточной Европы, а также России. В соответствии с этими условиями, новые государства предусматривалось допустить в альянс постепенно, а решения принимать по каждой стране в отдельности, исходя из оценки прочности демократических институтов в этой стране, а также ее желания и способности исполнять весьма серьезные обязательства, связанные с членством в НАТО. Документ предусматривал синхронизацию приема претендентов в альянс с их вступлением в ЕС и ЗЕС. Результатом такого радикального курса руководителей ведущих западных держав стало поглощение НАТО стран бывших членов Варшавского блока и ее продвижение к границам Российской Федерации.

Существуют мощные силы, которые кровно заинтересованы в сохранении Североатлантического союза и будут предпринимать все меры для недопущения его роспуска. Сказывается действие некоего закона самосохранения и самовоспроизводства, определяющего сущность и деятельность любой организации. Одним из путей проявления этого закона является процесс расширения. В данном смысле не является исключением и НАТО.

Благоприятствующим этому обстоятельством явилось то, что восточноевропейские страны, приобретшие фактическую национальную независимость с распадом СССР и восточного блока, вступили на европейскую авансцену в качестве самостоятельных и активных субъектов международных отношений. В их глазах вхождение в НАТО — это, в сущности, вопрос об утверждении прежде всего в собственных глазах своей европейской идентичности, а также вопрос об интеграции в экономические и политические структуры ЕС.

Причинами, подталкивающими восточноевропейские страны в объятия НАТО, являются не только призраки СССР, но и призраки империй прошлого (Османской, Гер-

манской, Австро-Венгерской, Российской), для которых эти страны служили в качестве арены соперничества или же разменной монеты в большой геополитической игре, являлись объектом торга.

Здесь в действие вступает психологический фактор: империй уже нет, в том числе и Советской, но их тени и призраки остались.

Вместе с тем многие европейцы видят в Североатлантическом альянсе средство предотвращения ренационализации политики безопасности в Европе. Эта проблема особенно актуальна в свете кровавых событий в бывшей Югославии. НАТО рассматривается в качестве гаранта европейской, да и не только европейской, безопасности, сохранения американского политического и военного присутствия в Европе. США на сегодняшний день остается необходимым компонентом европейского баланса сил. А Североатлантический альянс представляет собой основу военно-стратегического партнерства США и Европы. США — это одна из двух главных опор НАТО, и очевидно, что в случае их ухода из Европы эта опора сама собой разрушится.

В глазах руководителей ряда европейских стран НАТО представляет собой идеальный инструмент контроля над объединенной Германией. По их мнению, Германия, предоставленная самой себе, может составлять большую опасность для соседей, нежели в рамках НАТО, под общим контролем. С этой точки зрения интерес представляет позиция Г. Киссинджера, который писал: «Никто не заинтересован в том, чтобы Германия и Россия воспринимали друг друга как своего главного партнера в политике. Если они слишком сблизятся, то возникнет угроза гегемонизма; если же они поссорятся, то вовлекут мир в эскалацию кризиса»¹.

Одним из важных аргументов в пользу принятия новых членов в НАТО стал тезис о стремлении союзников расширить демократию на Восток Европы. Б. Клинтон, который сыграл ключевую роль в продвижении идеи расширения НАТО, считал, что альянс способен сделать для Восточной Европы то, что он ранее сделал для Западной Европы: предотвратить возврат к локальным конфликтам и укрепить демократию против будущих угроз.

Как утверждал бывший заместитель государственного секретаря США С. Тэлботт, расширение НАТО даст допол-

¹ New York Post. 1992. March 3.

нительные стимулы для укрепления демократических институтов, либерализации экономических систем, уважения прав человека и обеспечения гражданского контроля над вооруженными силами в государствах Центральной Европы и бывшего Советского Союза.

Многие наблюдатели обращали внимание на тот факт, что первыми в списках претендентов на членство стояли как раз страны, для которых характерна стабильность, — Польша, Венгрия и Чехия, отнюдь не обремененные этнонациональными конфликтами и территориальными спорами. Это как раз те страны, которые традиционно ориентировались на Запад, и не было никаких оснований предполагать, что в случае непринятия в альянс они вдруг снова обратят свой взор к Востоку.

Среди причин, обуславливающих расширение альянса, немаловажную роль играет заинтересованность политических и бюрократических кругов в сохранении этой организации как работодателя и получении выгодных заказов.

Иначе говоря, в силу целого комплекса причин в обозримой перспективе НАТО сохранится в качестве существенного фактора мировой политики и, соответственно, Россия должна принять это как реальность, с которой нужно считаться.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как можно характеризовать положение Запада в целом в реальностях нового миропорядка?
2. Каков статус Запада в целом как одной из несущих опор нового мирового порядка?
3. Как трансформировались отношения между США и ЕС после окончания холодной войны?
4. Какие существуют противоречия между США и ЕС?
5. Назовите мировые проблемы, по которым две стороны занимают разные позиции.
6. На чем основываются антиамериканизм в Европе и антиевропеизм в США?
7. Существуют ли какие-либо разногласия между самими европейскими странами?
8. В чем состоят причины сохранения НАТО?
9. В силу каких причин страны Запада взяли курс на расширение Североатлантического альянса?

Глава 20. ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ НА МАРШЕ

Еще в конце XIX в. государственный секретарь США Дж. Хэй утверждал: «Средиземное море — океан прошлого, Атлантический океан — океан настоящего, Тихий океан — океан будущего»¹. И действительно, как бы подтверждая это предсказание, ныне Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в один из ключевых центров мировой экономической и военно-политической мощи. Восточная Азия охватывает громадный треугольник, простирающийся от российского Дальнего Востока и Кореи на северо-востоке до Австралии на юге и Пакистана на западе. В этом треугольнике проживает примерно половина населения планеты. Там находятся многие из ведущих индустриальных стран современного мира (Япония, Китай, Австралия, Новая Зеландия, Тайвань, Южная Корея, Сингапур и т.д.), для которых характерны наиболее быстрые темпы развития экономики. Непосредственно к региону примыкает восходящий гигант Индия.

20.1. Общие векторы развития Восточной Азии

Евразия, в которой проживает около 75% мирового населения и на долю которой приходится около трех четвертей известных мировых энергетических запасов, занимает осевое положение на геополитической карте мира. Здесь одна из ключевых позиций принадлежит Восточной Азии, которая стала самым динамично развивающимся регионом в современном мире. Темпы роста каждой из национальных экономик региона превосходят аналогичные темпы в США и странах ЕС.

О грандиозных успехах, достигнутых странами данного региона, свидетельствуют следующие данные. В 1820 г. на долю США, Западной Европы, Канады и Австралии при-

---

¹ URL: <http://libsib.ru/Literatura/Geopolitika/Geopolitika-v-sovremenno-mire/Amerikano-yaponskiy-alyans>.

ходило 25 % общемирового валового продукта, в то время как на долю Азии — 58 %. К 1950 г. это соотношение как бы перевернулось в обратной пропорции: если на Запад приходилось 56 % мирового валового продукта, то на Азию — всего лишь 19 %. Если при этом учесть разницу в численности населения развитого и развивающегося мира, станут очевидны огромные масштабы разрыва между ними.

В последующие десятилетия имела место тенденция к постепенному сокращению этого разрыва: уже в 1992 г. доля Азии в мировом валовом продукте возросла до 33 %, в то время как доля Запада сократилась до 45 %. По данным ряда экспертов, в настоящее время на Азию приходится 60 % физического производства. По параметрам покупательной способности валовой внутренний продукт Восточной Азии уже больше, чем и США, и ЕС.

К настоящему времени в регионе беспрецедентно возросли торговые и инвестиционные потоки. Значимость региона настолько увеличилась, что глобальный экономический баланс сделал заметный крен от североатлантических экономик в пользу Восточной Азии. В докладе «Глобальные тенденции-2015»¹ прогнозируется сокращение влияния МВФ в связи с созданием Азиатского валютного фонда, членами которого станет большинство азиатских стран. Это, естественно, приведет к дальнейшему относительно-му сокращению экономической мощи и влияния Запада. Об успехах восточно- и южноазиатских стран свидетельствует факт накопления ими огромных золотовалютных резервов. По имеющимся данным, объем таких резервов только Китая достиг 2 с лишним трлн долл. Следом за Китаем в этом плане идет Япония.

Немаловажное значение имеет факт прогрессирующего сокращения периода, необходимого для удвоения объема национального ВВП в расчете на душу населения: Великобритании на это понадобилось 58 лет (с 1780 г.), США — 47 лет (с 1939 г.), Японии — 33 года (с 1880-х гг.), Индонезии — 17, Южной Кореи — 11, Китаю — 10 лет. Такая ситуация является результатом не просто введения свободно-рыночных отношений, но также более эффективного социального и экономического выбора.

Доминантой, определяющей характер ситуации в регионе, является ориентированность большинства государств

¹ URL: <http://www.hrono.ru/dokum/2000 dok/2015 glob.html>.

на широкомасштабные экономические реформы и наличие реальных предпосылок для их осуществления. Страны Восточной Азии глубоко вовлечены в так называемую *новую экономику*, хотя они все еще отстают в этом плане от более развитых стран. В широком ходу для этого явления используется такой термин, как «*восточноазиатское экономическое чудо*».

Разумеется, здесь приоритет принадлежит Японии. На протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны Япония достигла беспрецедентных успехов в обеспечении благосостояния народа. К окончанию холодной войны Япония превратилась в супердержаву, по масштабам экономической мощи превосходящую любую европейскую страну и способную на равных соперничать в сфере экономики с США. По имеющимся данным, в настоящее время Япония с населением в 120 млн чел. сможет производить товаров и услуг на сумму, меньшую всего лишь на 15 % по сравнению с США.

На фоне потрясающих достижений в экономике стал популярен тезис о том, что XXI век будет веком *Raх Nipponica*, т.е. «Японским веком». В 90-х гг. появилось множество бестселлеров, в которых настойчиво проводилась мысль о необходимости одержать победу в соперничестве с США в области высоких технологий. Утверждается, что предназначение Японии состоит в том, чтобы стать центром мировой «информационной империи». При этом она постоянно заимствует зарубежные, прежде всего американские и европейские, передовые технологии. Японцы четко следуют принципу, согласно которому важна не столько способность создавать новые технологии, сколько способность их быстро и эффективно осваивать и внедрять в производство.

Япония, будучи одной из мощнейших экономических и технологических держав современного мира, естественно, не в полной мере удовлетворена глобальным статусом, своим в некотором роде периферийным политическим и геополитическим положением. Получается так, что развитая по своим экономическим и технологическим масштабам, богатая и динамичная держава остается одновременно региональной державой, к тому же находящейся под протекторатом США в плане защиты от внешних угроз.

Иначе говоря, Япония — асимметричная великая держава, поскольку ее экономическая мощь не соответствует ее военному и политическому весу и влиянию в мире. Но она

располагает возможностями для существенного увеличения военных расходов. О растущих политических амбициях Страны восходящего солнца свидетельствуют ее претензии на место в Совете Безопасности ООН в качестве постоянного члена. Если же существующая ныне асимметричность будет ликвидирована и Япония приведет свой военный и политический статус в соответствие с собственным экономическим весом, то это может вызвать революционные изменения в регионе, да и во всем мире.

Вслед за Японией на мировую экономическую авансцену, казалось бы, неожиданно выступил Китай. В 80–90-е гг., которые стали периодом стремительного роста и модернизации его экономики, Китай добился весьма впечатляющих успехов. Из отсталой аграрной страны Китай за два с небольшим десятилетия реформ превратился в одного из лидеров современного мира. Первые результаты проведенных преобразований в Китае заставили говорить об этой стране как о серьезной экономической и политической силе. Не случайно 90-е гг. минувшего века именуются в официальных документах КНР «новой эрой».

Китай уже играет важную роль в формировании облика и контуров не только Восточной Азии, но также мирового сообщества в целом. Наполеон Бонапарт как-то сказал о Китае: «Там лежит гигант. Пусть спит! Когда он проснется, он сотрясет мир». В конце XIX в. упомянутый выше Дж. Хэй высказал аналогичную мысль: «Мир на земле опирается на Китай. Кто понимает Китай с точки зрения социальной, политической, экономической, религиозной, тот держит ключ к мировой политике на последующие пять столетий».

Как бы подтверждая эту мысль, Китай быстро превращается в один из главных центров мировой экономики. Он занимает первое место в мире по численности населения и третье место по объему ВВП, обладая при этом третьим по мощности ядерным потенциалом. Важно учесть, что впервые в своей истории эта страна разрешила проблему обеспечения своего громадного населения продовольствием и предметами первой необходимости. Поставлена задача к 2020 г. удвоить прослойку «новых китайцев», довести ее до 500 млн.

Идет довольно интенсивный процесс образования так называемого «Большого Китая», или «большой китайской экономики», простирающейся далеко за границы материко-

вого Китая и включающей помимо Гонконга и Макао Тайвань и Сингапур. Китай может пользоваться политической поддержкой своей чрезвычайно богатой и экономически сильной диаспоры в Сингапуре, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Маниле и Джакарте.

Успехи в сфере экономики позволили правительству КНР начать реформу армии, важной частью которой стало сокращение численности вооруженных сил с 3,5 млн чел. в 1998 г. до 3 млн чел. в 2001 г. Очевидно, что такие тенденции экономического развития могут позволить его руководству направить значительную часть ВВП страны на существенное расширение и модернизацию вооруженных сил, включая дальнейшее наращивание стратегического ядерного арсенала. Наиболее впечатляющим достижением Китая стал запуск в космос первого космонавта. Китай тем самым стал третьей державой, занимающей ведущие позиции в освоении космического пространства.

На основе этих данных можно сделать вывод, что в настоящее время Китай находится на пути к превращению из сугубо демографической сверхдержавы в мировую экономическую и военно-политическую страну первого класса, равную США и объединенной Европе. Сами китайцы отнюдь не скрывают, что они стремятся именно к этой цели. Небезынтересно напомнить, что китайская элита считала Китай естественным центром мира.

О серьезности подобных установок, в частности, свидетельствует появление в начале 1994 г. в официальном издательстве «Женьминь Чубаньше» книги под претенциозным названием «XXI век — век китайской цивилизации». В ней говорится, что китайская цивилизация по своим существенным характеристикам (в первую очередь гуманистическим) превосходит другие цивилизации, что обеспечит торжество Китая в XXI в.

Для правильного понимания геополитической ситуации в Восточной Азии нельзя не затронуть фактор стремительно набирающей вес и влияние Индии. Тем более эта страна выступает в качестве главного соперника Китая в Южной Азии, что не может не сказаться и на ситуации в Восточной Азии. Южная Азия представляет собой регион, включающий Индию, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри-Ланку, Бутан и Мальдивские о-ва. Индия занимает в регионе своего рода «осевое» положение, имея сухопутную или морскую границу с каждым из перечисленных государств региона.

По всем показателям удельный вес Индии в регионе преобладает: на ее долю приходится более 73 % территории, свыше 75 % населения Южной Азии и до 80 % валового продукта региона.

Как и Китай, Индия обладает огромным потенциалом для развития и трансформации. Это вторая демографическая супердержава в мире. В то же время весьма трудно отказать от представления об Индии как стране отсталой, бедной и нищей. Естественно, среди более чем миллиардного населения этой страны все еще много бедняков.

Вместе с тем фактом является то, что в течение последних десятилетий экономика Индии достигла впечатляющих успехов. В сфере информационных технологий Индия тоже заметно продвинулась. Об этом свидетельствует создание национальной индустрии программных продуктов, ориентированных прежде всего на экспорт. К настоящему времени Индия создала довольно солидную научную и технологическую инфраструктуру. Более того, она становится одним из крупнейших центров научно-технического прогресса в мире.

Свидетельством растущей экономической и научно-технологической мощи Индии является то, что к концу 90-х гг. минувшего века она вошла в клуб космических держав. В 1997 г. она осуществила запуск спутника с помощью ракеты PSLV (Polar Satellite Launch Vehicle — ракетоноситель для запуска спутников на полярную орбиту). Индия планирует значительно расширить свое присутствие в космическом пространстве, осуществить около 40 запусков ракетоносителей собственной разработки с искусственными спутниками на борту. В 2008 г. она запустила автоматическую межпланетную станцию к Луне.

Индия достигла определенного прогресса в разработке вооружений. Так, к середине 90-х гг. она успешно испытала и приняла на вооружение оперативно-тактические ракеты «Притхви» (дальность действия до 250 км) и баллистические ракеты среднего радиуса действия «Агни» (2,5 тыс. км). Особо важное значение с этой точки зрения имеет то, что Индия стала ядерной державой: в мае 1998 г. индийские военные провели пять подземных ядерных испытаний. Эти испытания, по сути дела, поставили Индию в один ряд с ведущими государствами, открыли ей путь в клуб ядерных держав и возможность занять подобающее место в международном сообществе.

Немаловажное значение для развития экономики Индии имеет диаспора в различных странах мира, где индийские специалисты различных профилей достигли высокого уровня личного благосостояния и готовы вложить свои капиталы в экономику исторической родины.

В последние десятилетия на международную экономическую и политическую авансцену в качестве активных и влиятельных акторов выступили новые индустриальные страны, которые претендуют на свое место на мировых рынках и в этом плане уже добились впечатляющих успехов. В научной и тем более в публицистической литературе нет единого мнения о составе и количестве этих стран. В рассматриваемом здесь контексте речь идет прежде всего о восточноазиатских новых индустриальных странах: Южной Корее, Тайване, Гонконге (Сянгане), Сингапуре, которые стали своеобразными образцами развития для многих освободившихся государств.

В целом можно утверждать, что с восхождением новых индустриальных стран можно говорить о появлении особой *новоиндустриальной модели* экономического развития. По таким ключевым показателям, как развитие экономики и объем ВВП (как в абсолютном выражении, так и в расчете на душу населения), рост внешнеторгового оборота, создание новых рабочих мест, благосостояние большинства населения и т.д., новые индустриальные страны зачастую опережают ряд промышленно развитых стран. Поэтому естественно, что растут вес и влияние этих стран в мировой экономике и международной политике.

20.2. Слабые узлы экономики восточноазиатских стран

При всем изложенном необходимо учесть, что каждая из восточноазиатских стран в отдельности и весь регион в целом имеют свои слабые узлы. Прежде всего, экспортная ориентированность экономик всей Восточной Азии делают их довольно уязвимыми перед любыми более или менее серьезными колебаниями в мировой экономике. В периоды кризисов или иных пертурбаций они могут пострадать в результате возможных протекционистских мер со стороны ведущих мировых экономических держав.

Немаловажную роль играет нехватка у большинства стран региона энергоресурсов. Несмотря на свою экономическую жизнеспособность, Восточная Азия пока продолжает оставаться в большой зависимости от внешних рынков сбыта своей продукции, а также от обеспечения энергетическими ресурсами, которые находятся, как правило, за пределами самого региона.

К примеру, Япония, возможно, как никакая другая крупная держава, зависит от энергетических и сырьевых ресурсов, ввозимых извне. Исследователи приводят множество доводов, указывающих на то, что уже прослеживаются признаки грядущего отставания Японии в своем экономическом развитии, что в долговременной перспективе может служить фактором подрыва других опор благополучия этой страны. Хотя Япония выглядит достаточно сильной с экономической и технологической точек зрения, с демографической точки зрения ее будущее выглядит не столь блестяще. Наблюдается тенденция к старению населения, о чем уже говорилось выше. Что не менее важно, японцы как бы то ни было (если не по антропологическим и языковым данным, то по многим другим показателям) становятся похожими на остальные народы мира.

С рассматриваемой точки зрения не является исключением Китай. В этой стране проживает около одной пятой части населения земного шара, но в то же время эта страна располагает лишь 7% пригодных к сельскохозяйственному производству земель, которые в состоянии прокормить от 750 до 950 млн чел. При таком положении вещей потребность в импорте продовольствия будет постоянно расти. Для ряда регионов страны все более растущее значение приобретает обеспечение населения питьевой водой. Потребление Китаем энергии растет такими темпами, что они намного превышают возможности внутреннего производства.

Реформы последних десятилетий обеспечили бурное развитие приморских районов страны. Однако Центральный и Западный Китай, на долю которых приходится 89% территории и 46% населения, все еще не избавились от бедности и отсталости. Соответственно, сохраняется географическая и отраслевая неравномерность и несбалансированность развития. Уже сейчас Тибет и Синьцзян стали настоящей головной болью для китайского руководства. Увеличивается разрыв в уровнях жизни между городом

и деревней. По официальным данным, от 15 до 35% всего городского населения страны составляют избыточную рабочую силу. По имеющимся данным, число безработных в стране в настоящее время превышает 250 млн чел.

Множество трудноразрешимых экономических, социальных, этнонациональных, конфессиональных и иных проблем стоят перед Индией. Весьма серьезной и актуальной для индийской экономики остается проблема обеспечения энергоресурсами, прежде всего углеводородами. Их запасы в стране скудны, в то время как спрос на них постоянно растет. Невелики здесь также объемы нефтепереработки.

Камнем преткновения для Индии остаются этнолингвистическая раздробленность, непримиримые противоречия между индустриями и мусульманами, часто приводящие к межэтническим и религиозным столкновениям, неравномерность социально-экономического развития различных штатов и регионов, сепаратизм, трансграничный терроризм и т.д., что время от времени способствует серьезной дестабилизации положения в стране.

Фактом остается то, что Восточная Азия продолжает зависеть от Северной Америки и Европы в области технологических инноваций. Страны, не располагающие собственной базой инноваций, неизбежно столкнутся с проблемой растущего технологического отставания.

Здесь приведены лишь некоторые проблемы, которые могут служить препятствием для поддержания в течение длительного периода высоких темпов экономического роста и социального развития. При всем том здесь (во всяком случае в обозримой перспективе) позитивные тенденции будут преобладать над негативными.

20.3. Основные контуры азиатской идеи

Ключевое значение имеет тот факт, что рассмотренные процессы стали причиной и одновременно результатом своего рода социально-психологической революции, происшедшей в сознании народов Восточной Азии. В ходе ее они в значительной мере преодолели своеобразный комплекс неполноценности в отношении Запада, сложившийся в течение многих поколений. Одним из проявлений этой революции стало формирование новой *азиатской идеи*, которая

становится неким объединяющим скрепом региона как самостоятельного геополитического пространства.

На протяжении всего последнего столетия отношения стран в бассейне Тихого океана носили как бы одномерный характер: бедные и отсталые азиатские народы смотрели в сторону Запада в поисках идей, моделей развития и руководства. Поэтому неудивительно, что на Западе глубоко укоренилось убеждение, будто его миссия в Азии состоит в том, чтобы учить, руководить, повелевать. Такой подход органически сочетался с формированием негативного отношения к Востоку и Азии. Само понятие, выражаемое в русском языке словом «азиатчина», имело уничижительный, откровенно негативный оттенок.

С одной стороны, такой подход проявлялся в знаменитой максиме, постулировавшей «бремя белого человека», миссию которого усматривали в вызволении народов Азии и Африки из предполагаемого царства невежества и к свету евроамериканской цивилизации. С другой стороны, он наблюдался в различных теориях и концепциях полурацистского и откровенно расистского толка, рассматривавших азиатского или восточного человека как более низшее по сравнению с европейским человеком существо.

К сожалению, такая оценка не была чужда и отдельным крупным представителям европейской общественной и религиозной мысли. Так, полемизируя с концепцией культурно-исторических типов Н. Данилевского, В. Соловьев писал: «Огромная Китайская империя... не одарила и, наверное, не одарит мир никакою высокою идеей и никаким великим подвигом; она не внесла и не внесет никакого векового вклада в общее достояние человеческого духа... кроме загадочных метафизических изречений Лао Тзе, вероятно, навеянных извне индийскою теософией, китайский ум не произвел ничего достаточного быть увековеченным»¹.

Примерно в таком же духе рассуждал в конце XIX в. Г. Лебон, который писал: «Можно легко сделать бакалавра или адвоката из негра или из японца; но этим ему дают чисто внешний лоск, без всякого воздействия на его психическую природу, из которой он не может извлекать никакой пользы... Этот негр или этот японец могут получать сколько угодно дипломов, но никогда им не подняться до уровня

¹ Соловьев В. С. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 353–354.

обыкновенного европейца»¹. Чтобы достичь этой цели, считал Лебон, понадобится как минимум тысяча лет.

Подобные оценки усиливались высказывавшимися некоторыми представителями общественно-политической мысли суждениями относительно надвигающейся с Востока «желтой опасности». Несмотря на ставшую в наши дни очевидной несостоятельность и даже абсурдность таких оценок, нельзя сказать, что они в полной мере изжиты и сегодня. Во всяком случае, Восток зачастую продолжает восприниматься в кипплинговском духе: «Восток есть Восток. Запад есть Запад. Этим двум близнецам никогда не сойтись». В таком понимании Восток предстает как нечто абстрактное, монолитное, объединяющее всю небелую, а отчасти и белую ойкумену.

Было бы не совсем корректно противопоставлять друг другу ставшие традиционными идеи Востока и Запада как особые и несовместимые сущности или развенчивать какую-либо одну из них, чтобы показать правоту другой. Тем не менее необходимо признать, что существует комплекс идей и ценностей, которые в совокупности составляют так называемую азиатскую модель, или азиатскую идею, которая лежит в основе бурного экономического восхождения ряда азиатских стран.

Об обоснованности этого тезиса говорит тот факт, что мы являемся свидетелями возрождения азиатского самосознания, зримым показателем которого выступает использование самого понятия «Азия» в позитивном смысле. Более того, многие политические деятели, политические обозреватели, ученые заговорили о формирующейся азиатской цивилизации, способной на равных конкурировать с западной цивилизацией.

Так, министр информации и культуры Сингапура Дж. Йо подчеркивал, что в современный период мягкого национализма формируется четко обозначенная азиатская цивилизация, которая базируется на конфуцианстве, даосизме и буддизме Махаяна².

Если первоначально преобладала концепция «японского чуда», или «японской модели», то в последние десятилетия она, равно как и вновь появившиеся идеи «китайской модели», «модели новых индустриальных стран» и т.д., стала частным случаем концепции «азиатизации» или в более ши-

¹ Лебон Г. Психология народов и масс. М., 1896. С. 32–33.

² См.: Foreign affairs. 1993. Vol. 72, 5. P. 78.

роком смысле «тихоокеанизации» Восточной Азии. Японский журналист Й. Фунабаша весьма красноречиво назвал свою статью, посвященную проблеме пробуждения или возрождения азиатского сознания, «Азиатизация Азии»¹.

Сингапурский исследователь К. Махбубани говорит о выдвижении на передний план «тихоокеанского импульса» на смену господствовавшему до сих пор «атлантическому импульсу». По его мнению, если в течение последних нескольких столетий атлантический импульс определял направления мировой истории, то теперь евроцентристским аналитикам придется пересмотреть свои концепции, если они хотят правильно понять ее дальнейший ход. Почувствовав наступление своего момента истины, сторонники азиатской идеи на собственном опыте убедились, что способны делать почти все (если не все), причем не хуже (если не лучше), чем западные народы.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Назовите основные составляющие феномена восхождения Восточной Азии.
2. В каких областях страны региона достигли впечатляющих успехов?
3. Какие факторы сыграли решающую роль в стремительном прогрессе Японии?
4. Можно ли назвать Японию экономической сверхдержавой?
5. Назовите особенности и успехи экономических реформ в Китае?
6. В чем проявляются тенденции и особенности бурного развития Индии?
7. Каковы место и роль новых индустриальных стран в мировой политике?
8. Каковы трудности, стоящие перед экономиками восточно-азиатских стран?
9. Что имеется в виду, когда говорят об «азиатизации Азии»?
10. В чем состоит ее сущность и каковы ее составляющие?

---

¹ Foreign affairs. 1993. Vol. 72, 5. P. 75.

Глава 21. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ

За последние годы в Восточной Азии набирают силу многие позитивные тенденции: снижается роль военно-силового фактора в политике безопасности, военно-политическая обстановка становится все более стабильной и предсказуемой. Страны региона прошли немалый путь в своих взаимоотношениях, постепенно освобождаясь от стереотипов конфронтации и взаимного недоверия. Несколько снизился накал напряженности вокруг неурегулированных территориальных проблем в зоне Южно-Китайского моря. Заинтересованные страны ищут развязки этого непростого узла на пути политического диалога. Высказываются конструктивные идеи относительно совместного хозяйственного использования спорных островов и акваторий.

21.1. Проблемы безопасности в регионе

Существует комплекс проблем регионального и глобального характера, которые при определенных условиях могут создать трудности для социального и экономического развития стран Восточной Азии, а также способствовать росту напряженности в регионе. К ним относятся, в частности, межэтнические противоречия и сепаратизм в ряде государств региона, наличие застарелых территориальных и пограничных споров между государствами, исторические обиды и т.д.

Сохраняются противоречия между Китаем и рядом государств Юго-Восточной Азии из-за Парацельских островов и островов Спратли в Южно-Китайском море; спор между Японией и Китаем по вопросу об островах Сенкаку; разделенность Корейского полуострова, которому особую значимость придает стремление Северной Кореи стать ядерной державой; нерешенность вопроса о Курильских островах

и др. Немаловажным фактором, потенциально способным стать реальной причиной межгосударственных конфликтов, является наличие значительных запасов нефти в спорных морских регионах (особенно около островов Спратли), на которые претендуют шесть государств, включая Китай. Плюс к этому пока что скрытые, еще не вышедшие на поверхность китайско-вьетнамские, японо-корейские и китайско-индийские противоречия по пограничным вопросам и т.д.

Одним из важных факторов, способных серьезно осложнить геополитическую ситуацию в регионе, является нерешенность тайваньского вопроса. К тому же в марте 2005 г. парламент Китая принял Закон «О предотвращении раскола страны», направленный на воссоединение Тайваня с континентальным Китаем. Закон предусматривает при определенных условиях использование для достижения этой цели вооруженной силы.

Две наиболее уязвимые крупные страны региона — Индонезия и Филиппины — страдают от политической нестабильности, как и некоторые небольшие территории (например, Фиджи и Соломоновы острова), а Восточный Тимор находится в длительном процессе государственного становления. По-видимому, в обозримой перспективе Афганистан и Ирак останутся не только слабыми, но и сохранят роль мирового дестабилизирующего фактора, который так или иначе скажется на политике стран Восточной Азии.

Серьезный конфликтогенный потенциал в Южной Азии на стыках Пакистана и Афганистана несут территориальные проблемы. Так называемая линия Дюранда со времен господства Британской империи разделяет территории, населенные пуштунами, на афганскую и пакистанскую части. В условиях зависимости страны от американской помощи пакистанское руководство вынуждено постоянно подтверждать свою приверженность линии Дюранда, которую никогда не признавали старейшины пуштунских племен.

Дестабилизирующими факторами являются проблема Корейского полуострова, опасность распространения ракетных и ядерных технологий. Китай со своим ядерным арсеналом и огромными вооруженными силами уже занимает статус доминирующей военной державы. Нарращивает свой военный потенциал и Япония, что в недалеком будущем может иметь для региональной безопасности

роковые последствия, учитывая высокое качество ее вооружений.

По сути дела, статус ядерных держав приобрели соседние региону южноазиатские страны Индия и Пакистан. Отношения между этими странами с самого начала обретения ими независимости складывались непросто. Эти отношения были омрачены кровавыми конфликтами между мусульманами и индуистами. Камнем преткновения в спорах и конфликтах между двумя сторонами стал вопрос о принадлежности Кашмира, который вошел в состав индийского штата Джамму и Кашмир. Пакистан с самого начала считал и продолжает считать Кашмир своей территорией и незаконным его передачу Индии. Дели же полагает, что вопрос о государственной принадлежности Кашмира окончательно решен в его пользу.

Серьезные территориальные споры существуют между Индией и Китаем, которые выступают в качестве крупнейших региональных конкурентов в Азии. В течение почти всего периода после того как Индия получила независимость, китайско-индийские отношения складывались довольно драматично. В центре противостояния между двумя странами стоит прежде всего погранично-территориальный спор в Гималаях.

Существование и развитие малых государств Южной Азии, таких как Бангладеш, Бутан, Непал и Мьянма, составляющих своего рода буферное геополитическое пространство между двумя региональными гигантами, во многом зависят от характера отношений между Пекином и Дели. В этой связи показательно, что Китай, установив тесные связи с Мьянмой, Бангладешем, Непалом, Шри-Ланкой, свернул до минимума финансирование нелегальной подрывной деятельности коммунистических повстанцев и этнических сепаратистов на территории этих стран.

Немаловажным фактором в отношениях между Китаем и Индией стала установка китайского руководства на тесное военно-политическое сотрудничество с Пакистаном. В этом плане ключевую роль играет территориальный конфликт Индии и Пакистана вокруг Кашмира, некоторые участки территории которого оспариваются также Пекином.

При оценке положения дел в Восточной Азии нельзя упускать из виду неконтролируемую региональную гонку вооружений, ряд стран региона сравнительно быстро наращивают военные расходы, укрепляют свой военный по-

тенциал. Согласно данным Международного института стратегических исследований, регион уже в 1995 г. стал крупнейшим в мире импортером оружия, обогнав в этой области Европу и Ближний Восток.

21.2. Тенденции к нормализации отношений в регионе

Страны региона неоднократно предпринимали попытки к сближению и урегулированию отношений. Так, в феврале 1999 г. состоялась встреча премьер-министров Индии и Пакистана А. Ваджапай и Н. Шарифа в Лахоре, по итогам которой была принята Лахорская декларация, в которой провозглашались принципы мирного сосуществования двух государств, меры по предотвращению вооруженных конфликтов, развитию добрососедских связей и т.д. Однако эти принципы оказались лишь ничего не значащими обещаниями, поскольку вскоре после подписания декларации пакистанские войска совершили вторжение на контролируемую Индией территорию в районе Каргила, закончившееся военным поражением Пакистана. На поверку несостоятельными оказались и заверения руководителей Индии и Пакистана о готовности к сближению, которые они давали друг другу в индийском городе Агра в 2002 г.

В начале 2004 г. президент Пакистана П. Мушарраф и премьер-министр Индии А. Б. Ваджапай пришли к согласию по вопросу о начале переговоров по всему спектру двусторонних отношений, включая кашмирскую проблему. Однако при всей важности этих переговоров было бы преждевременно ожидать от них сколько-нибудь серьезных сдвигов в отношениях между двумя странами. Слишком сложен и запутан клубок противоречий, которые уже более полувека омрачают отношения между ними, противоречий, которые не раз приводили к вооруженным конфликтам. К тому же в каждой из этих стран существует мощная внутренняя оппозиция, выступающая против их сближения.

Вопрос сближения актуален также применительно к Китаю и Индии. Немаловажным раздражителем в отношениях между этими странами стала проблема распространения ядерного оружия. При существующих разногласиях между двумя государствами было естественно, что Индия весьма болезненно реагировала на испытание Китаем ядерного устройства в сентябре 1964 г. и приступила к разработке

собственной ядерной программы для обеспечения военного паритета с КНР: в 1974 г. Индия впервые провела ядерные испытания, а в 1998 г. завершила работы по созданию ядерной бомбы.

Примеру Индии последовал и Пакистан, который несколько недель спустя после окончания индийской серии ядерных взрывов провел шесть своих. В результате после тридцати лет действия Договора о нераспространении ядерного оружия де-факто появились две новые ядерные державы.

Постепенно все более отчетливо проявлялась тенденция к осознанию Китаем и Индией бесперспективности продолжения приграничного противостояния и тем более вооруженной конфронтации. Становилась очевидной необходимость поиска взаимоприемлемого компромисса. Первые реальные результаты в этом направлении были получены в 1993 г., когда в ходе визита в Китай тогдашнего премьер-министра Индии Нарасимха Рао было подписано Соглашение о поддержании мира и спокойствия в пограничных районах вдоль линии фактического контроля.

Главное значение данного соглашения состояло в отказе сторон от применения силы или угрозы силой решить территориальные проблемы. В 1996 г. во время визита в Индию тогдашнего председателя КНР Цзян Цзэминя между двумя странами было подписано полноформатное Соглашение о создании мер доверия в военной области вдоль линии фактического контроля в районах китайско-индийской границы. Однако в дальнейшем (особенно после испытания Индией ядерного оружия в 1998 г.) процесс разрешения погранично-территориальных противоречий заметно замедлился.

В июне 2000 г. состоялся государственный визит президента Индии К. Р. Нарайяна в Китай, в ходе которого обе стороны подтвердили взаимное стремление к справедливому и разумному решению всех спорных пограничных вопросов и приняли решение о создании так называемой «Группы выдающихся личностей», в задачу которой была поставлена разработка путей развития двусторонних отношений. В настоящее время ни Индия, ни Китай не заинтересованы в решении пограничного вопроса путем вооруженного конфликта.

В последние годы имеет место тенденция к возрастанию веса и влияния Индии как мощной региональной державы.

Более того, в политических кругах Запада на протяжении последнего десятилетия постепенно утвердилось мнение относительно стабилизирующей роли Индии в регионе, что, безусловно, способствовало усилению ее внешнеполитических позиций. Надо отметить, что Индия во все более растущей степени проявляла стремление к пересмотру некоторых основополагающих принципов своей внешней политики. В частности, был взят курс на развитие отношений с США и странами Европы, нормализацию отношений с Китаем, поиск новых партнеров и союзников среди стран развивающегося мира. Были предприняты шаги по развитию отношений в треугольнике Индия — Китай — Пакистан.

В 90-е гг. минувшего века по нарастающей развивались отношения между Китаем и Японией. Резко вырос объем взаимной торговли и инвестиций Страны восходящего солнца в экономику Китая. Заметно расширились политические контакты, возросла интенсивность гуманитарных взаимодействий между гражданами двух стран. Однако это не привело к сближению позиций двух стран по целому ряду ключевых вопросов.

Наиболее острой в отношениях между Китаем и Японией остается тайваньская проблема. В этом вопросе японское руководство проводит проамериканский политический курс, что, естественно, не может устраивать Пекин, по мнению которого распространение на Тайваньский пролив японо-американского сотрудничества в области обороны нарушает суверенитет Китая. Япония обладает собственными интересами на Тайване, которые обусловлены не только внушительным объемом взаимной торговли и масштабами японских инвестиций на острове, но и военно-стратегическими соображениями: в случае воссоединения Тайваня Китай получит возможность доминировать над жизненно важными транспортными коммуникациями Японии со странами Юго-Восточной Азии, а также с Индией и Европой.

В этом плане немаловажное значение имеет территориальный спор относительно принадлежности островов Сенкаку (китайское название — Дяоюйдао). Серьезным раздражителем является также нерешенность вопросов о моральной и материальной компенсации ущерба, нанесенного Японией Китаю во время Второй мировой войны.

Японо-американский договор безопасности остается основой и краеугольным камнем японской внешней поли-

тики. Вместе с тем руководство Страны восходящего солнца провозгласило в качестве главных задач XXI в. развитие и расширение отношений с соседними странами и содействие региональному сотрудничеству. В настоящее время Япония является активным участником большинства региональных организаций. Япония поддерживает и активизирует экономические связи и политический диалог со странами АСЕАН, КНР, Индией. Особенно динамично развиваются отношения с Индией, что не в последнюю очередь объясняется стремлением обеих сторон к обузданию чрезмерных, с их точки зрения, амбиций Китая на лидерство в азиатском регионе.

21.3. Перспективы регионального сотрудничества

Региональное сотрудничество в сфере безопасности в Восточной Азии набирает всевозрастающие темпы. Начало этому процессу было положено в 1967 г. с созданием Индонезией, Малайзией, Филиппинам, Сингапуром, Таиландом и существовавшим в то время Южным Вьетнамом Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В Балийском договоре, подписанном главами государств Ассоциации в 1976 г. на индонезийском острове Бали, обозначены принципы обеспечения мира и сотрудничества ее стран-членов. В 1984 г. после получения независимости от Великобритании к АСЕАН присоединился Бруней, а в 1995 г. ее членом стал Вьетнам. В 1997 г. ряды этих стран дополнили Лаос и Бирма. К настоящему времени АСЕАН стала весьма влиятельной международной организацией во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Главные цели этой организации — развитие экономического, социального, культурного и других видов сотрудничества стран — членов АСЕАН, содействие установлению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. АСЕАН сыграла немаловажную роль в социальном и экономическом развитии указанных стран, способствовала возрастанию их политического влияния в регионе. В последнее время наметилась тенденция к активизации деятельности АСЕАН. Некоторые ее лидеры высказывают мысль о необходимости регионального сотрудничества в области обороны.

Однако здесь отсутствует общий культурный, идеологический и исторический опыт, характерный для Западно-европейского союза или Запада в целом. Еще более важно то, что нет общей для всех членов угрозы. Успехи, достигнутые АСЕАН, — относительные мир, стабильность и безопасность — все еще не составляют основу для более широкого военного сотрудничества. Скорее, они позволяют каждому государству идти собственным путем.

Можно констатировать, что в регионе пока что отсутствуют хотя бы контуры коллективных механизмов совместного предупреждения кризисов и реагирования на них, не отработана модель миротворчества. Государства Восточной Азии практически не готовы к совместным ответам на возможные непредсказуемые осложнения военно-политической ситуации по каким бы то ни было причинам. В этом отношении развитие военно-стратегической ситуации в регионе по многим параметрам заметно отличается от ситуации на евроатлантическом направлении.

В политическом сознании руководителей большинства азиатских государств не без определенных оснований преобладает убеждение в том, что европейский опыт не соответствует особенностям и реалиям современных международных отношений в Азии. Поэтому-то здесь пока что не прослеживаются какие бы то ни было признаки формирования системы безопасности по типу ОБСЕ. Важным препятствием на пути региональной интеграции являются высокая динамика происходящих процессов и событий, этнонациональные, конфессиональные и иные различия, сочетание нескольких типов культур, социально-политических систем и др.

В целом возрождение азиатского самосознания во многом стимулируется вызовами со стороны Европы и США. Шаги стран ЕС по созданию единого рынка и США по формированию североамериканской зоны сопроцветания, естественно, порождают у руководителей азиатских стран стремление к консолидации. Так, призыв бывшего премьер-министра Малайзии М. Мохамеда создать Восточноазиатский экономический совет можно рассматривать во многом как реакцию на интеграционные тенденции в Западной Европе и Северной Америке.

Уже созданы такие влиятельные организации, как АРЕС — Межправительственная конференция по Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (форум,

организованный в 1989 г. странами Азии и Северной Америки); РЕСС — Тихоокеанский совет экономического сотрудничества; РВЕС — Экономический совет бассейна Тихого океана; АТЭС — Азиатско-Тихоокеанский экономический совет и др. Обсуждаются грандиозные проекты экономической интеграции АТР, который рассматривается как вызов объединенной Европе и североамериканской зоне свободной торговли. Страны региона, составляющие своего рода восточноазиатский «концерт держав», стремятся принять активное участие в формировании нового мирового порядка и занять в нем достойное место.

Показательно, что уже города региона (Токио, Сингапур, Гонконг, Шанхай и др.) продолжают отвоевывать позиции у таких признанных финансово-экономических центров, как Лондон, Нью-Йорк, Париж. Учитывая эти реальности, бывший премьер-министр Японии Я. Накасоэ и его коллеги выступили с предложением расширить эту концепцию в направлении создания «Тихоокеанского экономического и культурного дома».

Но дает ли все сказанное основание для вывода, что на смену американскому веку приходит японский или азиатско-тихоокеанский век? Непредвзятый анализ намечающейся расстановки сил в рамках мирового сообщества позволяет заключить, что сама постановка вопроса в такой форме страдает недопустимыми упрощенчеством и схематизацией, не учитывающими новые мировые реальности, которые невозможно объяснить в традиционных понятиях и категориях.

А реальности состоят в том, что Восточная Азия уже стала (или, во всяком случае, становится) равновеликой Западу несущей конструкцией мирового сообщества, и эта ее роль в обозримой перспективе, как показывают тенденции развития региона, будет неуклонно возрастать.

При этом, отбрасывая возможные досужие мысли о желтой или иной опасности для Запада, мы со всей серьезностью должны осознать, что индивидуалистическая парадигма если полностью не исчерпала свои творческие потенции, то, во всяком случае, потеряла свое бывшее полное преимущество над органической парадигмой. По-видимому, XXI столетие будет веком тех народов и культур, которые сумеют достичь оптимального синтеза индивидуалистического и органического, западного и восточного начал.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте общую характеристику геополитической ситуации в регионе.
2. Какие вы можете назвать узлы противоречий между государствами региона?
3. Каковы последствия овладения Индией и Пакистаном ядерным оружием?
4. Какие позитивные изменения произошли в отношениях между Китаем и Индией, а также между Индией и Пакистаном?
5. Как в регионе развивается экономическое сотрудничество?
6. Каковы перспективы экономической и политической интеграции в регионе?
7. Как развиваются в регионе отношения в сфере обеспечения безопасности?

Глава 22. ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИИ

Как уже указывалось в соответствующих главах, на протяжении всего XX в. разворачивались процессы широко-масштабной и глубокой трансформации Азии из объекта в активный субъект мировой геоэкономики и геополитики. Здесь возникли самостоятельные центры мировой экономики и геополитики в лице Японии, Китая, Индии, новых индустриальных стран. Они в тех или иных сферах способны на равных как соперничать, так и сотрудничать с традиционными центрами мировой экономики и геополитики. основополагающие принципы взаимоотношений Запада и Востока в самом широком смысле этих понятий уже затрагивались при анализе соответствующих регионов с точки зрения их роли в качестве несущих конструкций нового миропорядка. В данном разделе основное внимание концентрируется на проблемах, связанных с отношениями между странами Восточной (и отчасти Южной) Азии с Западом, точнее говоря, евроатлантическим сообществом.

22.1. Восточная Азия как геополитическая составляющая нового миропорядка

В последние три-четыре десятилетия Евразия в целом, Восточная и Южная Азия в частности во все более растущей степени приобретают приоритетное место в геополитике Запада и западных геополитических исследованиях. Это объясняется неуклонно возрастающими весом и влиянием стран данного региона. Евразия, как уже указывалось, является главной кладовой энергетических и иных ресурсов, это регион с наиболее динамично и ускоренными темпами развивающейся экономикой. Там проходят основные коммуникации

и, соответственно, потоки товаров и капиталов, необходимых для сохранения высокого уровня жизни Запада.

Для понимания значения Евразии для Запада поучительно следующее рассуждение Г. Киссинджера. «Враждебный азиатский блок, объединяющий наиболее многонаселенные страны мира, обладающие огромными ресурсами и самыми трудолюбивыми гражданами, — писал он, — несовместим с национальными интересами Соединенных Штатов. Поэтому Америке следует сохранять свое присутствие в Азии, и ее геополитической целью должно оставаться предотвращение объединения азиатских государств в недружественный США блок»¹. Не случайно З. Бжезинский назвал Евразию «великой шахматной доской», от результатов игры на которой в существенной степени зависят сами судьбы Соединенных Штатов.

Вплоть до последнего времени в силу известных причин определяющую роль в отношениях Запада с Восточной и Южной Азией (особенно в военно-политической сфере) играли Соединенные Штаты. Более того, здесь приобретает все возрастающую значимость «игра на противоречиях» в большом треугольнике отношений США — Япония — Китай, где немаловажную роль играет также АСЕАН. Это вполне объяснимо, если учесть, что основные векторы внутрирегионального развития берут начало и определяются именно в этой плоскости.

22.2. Запад и Китай

Как известно, на ведущие роли в регионе постепенно, но неуклонно выдвигается Китай. Его позиции усиливаются стремлением обеспечить свое военное присутствие в Бирме и формированием стратегического союза с Пакистаном, что осложняет проблемы безопасности Индии, препятствует ее стремлению стать лидером в Южной Азии. Разумеется, в этом же контексте следует оценить политику Китая в отношении двух корейских государств. Их объединение играет на руку Пекину, поскольку оно может создать проблемы как для США, так и для Японии, хотя в настоящее время разделенная Корея также вполне его устраивает.

¹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 113.

Со второй половины 90-х гг. минувшего века наблюдается тенденция к повышению политической роли АСЕАН. Большое значение в этом контексте имеет подписание Рамочного соглашения о всестороннем экономическом сотрудничестве между Китаем и АСЕАН в 2002 г. и торгового соглашения в 2003 г., на основе которого предполагается создание в 2010—2015 гг. зоны свободной торговли между АСЕАН и Китаем.

После заключения в июле 2003 г. Соглашения о свободной торговле (ФТА) между АСЕАН на саммите Япония — АСЕАН спешно была подписана Токийская декларация, в которой провозглашена цель создания к 2012 г. японо-АСЕАНовской зоны свободной торговли. В будущем предполагается создание восточноазиатского сообщества. В дополнение ко всему этому будет сформирован азиатский фондовый рынок, через который из Японии в Юго-Восточную Азию должны будут идти крупные инвестиции.

Отказ от идеологических догм и всевозрастающее внимание к проблемам экономического развития страны позволили Китаю перейти во внешней политике на рельсы конструктивного взаимовыгодного сотрудничества с теми государствами, с которыми ранее такое сотрудничество по тем или иным причинам не складывалось. В 90-е гг. с разной степенью успеха Китай проводил политику нормализации отношений с Японией, Россией, Индией, расширения политических, военных, экономических и иных связей с европейскими странами.

Особо важное значение с этой точки зрения имело дальнейшее улучшение отношений (не без зигзагов в ту или иную сторону) с США. Эта тенденция нашла выражение в подписании во время визита председателя КНР в США в октябре 1997 г. совместного заявления Б. Клинтон и Цзян Цзэминем, в котором отмечалось стремление сторон к конструктивному стратегическому партнерству на долгосрочной основе. Вашингтон и Пекин согласовали свои позиции по таким вопросам, как предполагаемая реформа ООН, расширение круга постоянных членов Совета Безопасности, решение проблем Корейского полуострова, сохранение режима нераспространения ядерного оружия в Южной Азии и т.д.

Все же камнем преткновения во взаимоотношениях двух государств остается тайваньская проблема. Именно

предоставление Вашингтоном неформальных гарантий безопасности Тайваня является раздражающим фактором в китайско-американских отношениях. Нельзя не отметить тот факт, что Пекин ставит выполнение своих обязательств по нераспространению оружия массового поражения в зависимости от отказа от включения Тайваня в систему ПРО ТВД США на Дальнем Востоке.

Вместе с Россией Китай решительно выступал против американских попыток установления однополярного миропорядка. Пекин оказался также на стороне России, Германии и Франции, осудивших американо-английскую агрессию в Ираке. В определенной степени в этом контексте можно трактовать стремление Пекина к нормализации отношений с Индией, Японией, мусульманскими странами.

К настоящему времени Китай в основном решил вопросы о границах с большинством соседних стран: КНДР, Монголией, Афганистаном, Пакистаном, Непалом и Мьянмой — в 1960-х гг. В 1990-е гг. он заключил соглашения о границе с Лаосом, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Вьетнамом, а также договоры, соглашения и протоколы о взаимопонимании с КНДР, Монголией, Россией, Мьянмой, Вьетнамом и Лаосом по мерам контроля границы, установлению мер доверия, улучшению сотрудничества в районе границы, совместному поддержанию порядка и обеспечения мира и стабильности на границе и т.д.

Китай проводит с Россией, США, Францией, Германией, Украиной, Канадой, Австралией, Новой Зеландией и рядом других стран и региональных организаций консультации по вопросам безопасности, обороны и контроля над вооружениями. Руководство этой страны придает большое значение проблеме контроля над вооружениями и разоружения, способствуя усилиям по консолидации и укреплению международного механизма нераспространения ядерного оружия. В 1992 г. Пекин присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия, а в 1995 г. он поддержал идею сделать этот договор постоянно действующим.

В апреле 1993 г. Китай подписал Конвенцию о запрещении химического оружия и вошел в число стран-основателей этой конвенции. Он также участник Конвенции о биологическом оружии. В декабре 1998 г. Пекин подписал с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) дополнительный протокол, направленный на повышение

эффективности системы гарантий МАГАТЭ. В мае 2000 г. Китай вместе с четырьмя другими ядерными державами принял совместное заявление, в котором декларировалось, что их ядерное оружие не нацелено на какую-либо конкретную страну.

Важным фактором развития экономики Китая и усиления его геополитических позиций является китайская диаспора — хуацяо, занимающая влиятельные позиции в странах Восточной и Юго-Восточной Азии. По имеющимся данным, в 90-х гг. китайцы составляли 10% населения Таиланда, одну треть населения Малайзии, 3% — Индонезии, 1% — Филиппин и т.д. При этом они контролируют от 35% (Филиппины) до 70% (Индонезия) экономики этих стран, чему, впрочем, весьма трудно поверить.

В результате наращивания экономической мощи Китая наблюдается тенденция к всевозрастающему наплыву дешевых китайских товаров в Европу и США. Китайские товары вытесняют американскую продукцию и с рынков третьих стран, в том числе государств АТР.

В политических и интеллектуальных кругах США идут дискуссии по вопросу о том, какую цену они готовы заплатить, чтобы предотвратить китайскую гегемонию в Азии. При этом большинство авторов остерегается Вашингтон и Запад в целом от соблазна противодействовать Китаю, считая, что это даст дополнительный шанс националистическим силам этой страны наращивать свои военные мускулы. По их мнению, сотрудничество может стать самым эффективным средством сдерживания Китая в рамках международно-правовой системы и разрешения множества характерных для региона противоречий.

Не совсем ровно развивались отношения между Евросоюзом и Китаем. Страны ЕС неукоснительно соблюдали эмбарго на поставки вооружений в Китай, которое было наложено на эту страну после разгрома полицией в 1989 г. студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Это эмбарго, естественно, мешало установлению нормальных отношений между двумя сторонами. Однако категорически против поставок вооружений и военной техники в Китай выступают США. Несмотря на это и возможное ухудшение отношений с Вашингтоном, во время встречи с Дж. Бушем в феврале 2005 г. президент Франции Ж. Ширак и канцлер ФРГ Г. Шредер заявили, что поскольку срок запрета на поставку оружия Китаю, наложенный 15 лет на-

зад, истек, то Евросоюз принял решение устранить все препятствия на пути нормализации отношений с этой страной. При этом ЕС призывает Китай принять меры по ограничению экспорта своих текстильных изделий в Европу.

22.3. Запад в системе отношений Японии с другими восточноазиатскими государствами

Основы взаимоотношений Японии и США были заложены в 1951 г. с. подписанием так называемого Договора безопасности, в соответствии с которым Япония предоставила США свою территорию под военные базы. В 1960 г. был подписан Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности сроком на 10 лет. В 1970 г. правительство Японии приняло решение об автоматическом продлении действия Договора на неопределенно долгий срок.

Начиная с 50-х гг., в основе внешней политики Японии лежали четыре основополагающих принципа, сформулированных тогдашним премьер-министром страны Сигеру Есидой. Это тезисы о том, что основная цель Японии — во-первых, экономическое развитие; во-вторых, ограничение вооружения армии и избегание участия в международных конфликтах; в-третьих, следование за политическим руководством США и принятие от них военной защиты; в-четвертых, отказ от идеологизации внешней политики и концентрация первоочередного внимания на международном сотрудничестве.

В 1978 г. вступили в силу «Основные направления оборонительного сотрудничества между Японией и США», которые действовали до 1996 г. Во время визита Б. Клинтона в Токио в апреле того же года была достигнута договоренность о их пересмотре. Во исполнение этой договоренности в сентябре 1997 г. Консультативный комитет по вопросам безопасности обнародовал их новую версию, в которой предусмотрены дальнейшее укрепление и расширение сотрудничества в области безопасности между США и Японией.

Показательно, что если, согласно японо-американскому Договору о безопасности, американские войска несут обязательства по защите Японии, то там ничего не говорится об использовании японских вооруженных сил для защиты

американской территории. Со временем такое положение может существенно измениться в направлении расширения как объема встречных обязательств Японии, так и ее прав в рамках союза с США.

В годы холодной войны, когда основной угрозой безопасности Японии считался СССР, она была вынуждена отождествить свою внешнюю политику с политикой США, рассматриваемых в качестве старшего партнера. Исчезновение угрозы с Севера породило в определенных кругах японского общества настроения о возможности отказа от японо-американского Договора о безопасности или его пересмотра с учетом новых реальностей. При всей сохраняющейся привязанности к США Япония стремится пересмотреть традиционную ориентацию на единственного союзника и занять подобающее своему экономическому весу и притязаниям место в Восточной Азии.

В соответствии с конституционными ограничениями японские силы самообороны вплоть до начала 90-х гг. ни разу не участвовали в конфликтах за рубежом страны. В 1992 г. после операции «Буря в пустыне» японский парламент принял специальный закон, разрешающий участие японских войск в операциях за пределами страны в миротворческих операциях под эгидой ООН. В 1995 г. в Японии были приняты новые «Направления национальной оборонной программы», в соответствии с которыми на Минобороны и Силы самообороны возложена ответственность не только за защиту Японии и борьбу с последствиями стихийных бедствий, но и за создание более стабильной обстановки в мире.

В сентябре 1997 г. были обнародованы пересмотренные «Основные направления японо-американского сотрудничества в области обороны», где были зафиксированы обязательства Японии по оказанию поддержки американской армии в Восточной Азии и на Дальнем Востоке. В результате этого Япония впервые после окончания Второй мировой войны выразила согласие применять войска за пределами своих границ не только в символических операциях, таких, например, как эвакуация беженцев, но и для тыловой поддержки и морской блокады побережья любого потенциального противника.

В данной связи показательно, что в настоящее время японцы поровну делятся на тех, кто выступает за сохранение американских войск на своей территории, и тех, кто

высказывается за их вывод. А примерно 80 % японских бизнесменов поддерживают сокращение численности американских войск на Окинаве. Росту подобных настроений способствует поведение американских военнослужащих, которые нередко попадают на скамью подсудимых за грабежи, изнасилования, убийства и другие преступления, что, естественно, подрывает авторитет американских войск.

Многие японцы характеризуют американцев как «ленивых», «малообразованных» и «надменных». Они считают Америку державой, клонящейся к упадку, пораженной преступностью, наркоманией, расточительством. Разумеется, и американцы не остаются в долгу, обвиняя японцев в несоблюдении общепринятых правил игры.

Показательно, что в 1996 г. японское правительство говорило о «независимой дипломатии», в то время как раньше всегда осторожное в своих заявлениях и суждениях МИД страны предпочитало использовать более неопределенное и туманное выражение «проактивная дипломатия».

В то же время часть японской внешнеполитической элиты и политиков выступает за то, чтобы уделять больше внимания вопросу об установлении более тесных японо-китайских отношений. Есть также сторонники ослабления геополитической зависимости от американского «щита безопасности». По их мнению, по вопросам глобальной значимости Япония должна говорить от имени Азии, вместо того чтобы автоматически следовать за Америкой, так как более многостороннее азиатско-тихоокеанское сотрудничество отвечает национальным интересам Японии.

В данной связи показательно, что так называемая Комиссия Хигути, действующая в ранге консультативного совета при премьер-министре, в докладе, опубликованном летом 1994 г., провозгласила «три столпа японской политики безопасности». В докладе подчеркивалось первостепенное значение американо-японских связей в области безопасности и в то же время говорилось о необходимости азиатского многостороннего диалога по безопасности. Такой подход можно встретить также в целом ряде документов и работ, вызвавших дискуссии у японской общественности.

Среди них можно назвать доклад Комиссии Одзавы 1994 г. «Программа для Новой Японии»; план «Всеобъемлющая политика безопасности», где обосновывалась мысль о возможности использования японских военнослужащих в миротворческих операциях за границей; доклад япон-

ской ассоциации управляющих, подготовленный в 1996 г. при содействии мозгового треста Фудзи банка; доклад «Возможности и роль системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», представленный премьер-министру в июне 1996 г. японским форумом по международным делам и т.д.

При этом отношение японцев к Китаю характеризуется двойственностью. С одной стороны, для них типично довольно сильное культурное и эмоциональное отождествление себя с Китаем, у которого они заимствовали многое, в том числе конфуцианство, иероглифическое письмо и т.д. С другой стороны, для них Китай — традиционный соперник, потенциальная угроза стабильности в регионе.

В рассматриваемом контексте немаловажное значение имеют также отношения Японии с Китаем, Южной Кореей и другими азиатскими странами, которые берут свое начало во взаимной неприязни тысячелетней давности. Особо важную роль здесь сыграла японская оккупация 1931—1945 гг. Симптоматично, что дипломатические отношения между двумя государствами были восстановлены только в 1972 г. Результатом их улучшения стало подписание в 1978 г. Договора о мире и дружбе между Японией и Китаем.

В 1992 г. в Японии побывал генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь, и в том же году в Пекин прибыл император Японии Акихито. В ходе визита император принес китайскому народу формальные устные извинения за те бедствия, которые причинила ему японская армия во время оккупации. Однако это не привело к окончательному решению вопроса об ущербе, нанесенном Китаю оккупацией, о чем свидетельствует его выдвижение время от времени на передний план взаимоотношений двух стран.

В апреле 2005 г. по всему Китаю прокатились массовые демонстрации протеста против нового японского учебника по истории, сопровождавшиеся погромами японских магазинов и нападениями на японские дипломатические представительства. Особое негодование Пекина и демонстрантов вызвало нежелание Японии раскаяться за преступления, совершенные японскими военными в начале минувшего века, когда Страна восходящего солнца вела войны в Китае с целью подчинить его своему господству и превратить в свою колонию.

Пекин также был возмущен тем, что бывший в тот период премьер Японии Дзюньитиро Коидзуми совершал

регулярные паломничества в токийский храм Ясукуни, где в списки воинов-героев, погибших за императора, включены главные военные преступники, приговоренные к смертной казни в 1948 г. по приговору Международного токийского трибунала. Такая позиция, как считают в китайском руководстве, не дает Японии морального права претендовать на место постоянного члена Совета Безопасности. Поэтому Пекин жестко дает понять Японии, что при всем уважении к ней как экономическому партнеру он никогда не примет ее претензии на особую роль в Восточной Азии и не допустит ее включения в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Нельзя не учитывать также конфликт Токио с Пекином из-за островов Сенкаку (по-китайски — Дяоюйдао). Сейчас эти острова находятся под контролем Японии, однако КНР считает эти территории частью Тайваня. С помощью протестов, проявляющихся в различных формах, Пекин пытается поставить Японию на место в ее попытках обрести более высокое положение в мире в соответствии со своим статусом экономической сверхдержавы.

Южная Корея в свою очередь предъявляет Японии протесты в связи с ее продолжающимися территориальными притязаниями на группу скалистых островов в Японском море. Поводом одного из последних таких протестов послужило издание в апреле 2005 г. в Японии «Голубой книги» по дипломатии, в которой говорится, что необитаемая группа скалистых островков вулканического происхождения Токто (по-японски Такэсима) являются японской территорией. Однако, несмотря на эти протесты, официальный Токио продолжает настаивать на том, что эти острова принадлежат Японии.

Одновременно в Японии были одобрены школьные учебники истории, в которых острова Токто также названы японской территорией. Причиной обострения отношений между Токио и Сеулом стало решение законодательного собрания японской сельскохозяйственной префектуры Симане отмечать каждый год 22 февраля День Такэсима. Причем сама эта идея являлась инициативой активистов правящей Либерально-демократической партии. Токио вынужден будет искать новый тип отношений с Кореей в случае объединения Севера и Юга соседнего полуострова.

Такое положение вещей еще более привязывает Японию к США как главному гаранту безопасности в регионе. Несомненно, появление более сильного Китая создает

у японцев чувство повышения значимости их страны для США и в то же время усиливает чувство неопределенности относительно геополитического будущего своей страны.

В этой связи показательно, что хотя Япония многими на Западе (да и не только) рассматривается как нечестный торговый партнер, представляющий угрозу экономическим интересам США, американцы поддерживают идею предоставления ей места в Совете Безопасности ООН.

Надо отметить, что США и Япония остаются торгово-экономическими соперниками, причем не только в сфере двусторонней торговли, но и как конкуренты за большую долю в быстро растущей экономике Азии. Конечно, обе стороны стремятся к тому, чтобы эта конкуренция не вышла за допустимые рамки. Но нет гарантий того, что она не приобретет враждебный характер. Хотя первоначальный мотив японо-американского договора о безопасности и исчез, обе стороны заинтересованы в поддержании мира в Северо-Восточной Азии. До тех пор, пока не будет разрешен внутрикореянский вопрос и не станут ясны перспективы Китая, военное присутствие Америки в Японии и Корее остается лучшей гарантией сохранения мира в регионе. Это тем более актуально, что параноя США против Японии, имевшая место в 90-х гг., постепенно переносится на стремительно восходящий Китай. Как констатировал З. Бжезинский, в Америке «японофобия превратилась теперь в синофобию»¹.

22.4. Запад и Индия

Одним из важнейших итогов 90-х гг. минувшего века, имеющих большое значение как для мирового сообщества в целом, так и для Восточной и Южной Азии в частности, стало восхождение Индии как великой экономической и ядерной державы с громадными рыночными возможностями. На протяжении 90-х гг. Индия предпринимала целенаправленные усилия по интеграции в мировую экономику. В этом контексте осуществлялись политика либерализации в сфере финансов, страхования, внешнеэкономической деятельности, последовательные шаги к превращению рупии в свободно конвертируемую валюту.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). С. 207.

После войны в Персидском заливе Индия постепенно начала налаживать отношения в военно-технической сфере с США. Результатом и свидетельством улучшения отношений между двумя странами явилось проведение в 1991 г. первых совместных американо-индийских военно-морских учений, а вслед за ними учений американских и индийских воздушно-десантных войск на одном из индийских полигонов. В 1992 г. Индия обратилась к США с просьбой предоставить ей новейшие военные технологии в области радиоэлектронной борьбы, систем управления и связи, радаров дальнего обнаружения, зенитных ракетных комплексов (ЗРК). Своего рода апогеем в развитии двусторонних отношений в этом направлении стал первый за всю историю визит президента США в Индию в 2000 г.

Такие подвижки стали возможны во многом в результате изменений в политике США в Восточной и Южной Азии. Заметные перемены произошли в позиции Вашингтона в отношении Пакистана, который в 70–80-е гг. рассматривался как один из форпостов в борьбе против предполагаемой советской экспансии в Азии. С распадом двухполюсного миропорядка и окончанием холодной войны во внешнеполитической стратегии Вашингтона Пакистан как приоритетный партнер в регионе потерял в весе. Этому же способствовала также поддержка (если не на официальном уровне, так определенными политическими силами этой страны) исламистских организаций и движений, проповедующих священную войну против Запада и особенно против США.

Следует отметить также то, что Индия в одностороннем порядке объявила мораторий на ядерные испытания и официально заявила о неприменении ею ядерного оружия первой. Поэтому вполне объясним тот факт, что к концу 90-х гг. США отменили мораторий на поставки в Индию вооружений и боевой техники, хотя после проведения Индией ядерных испытаний имело место некоторое охлаждение отношений между двумя странами. При этом наблюдатели обратили внимание на то, что реакция США на нарушение Индией режима нераспространения ядерного оружия была довольно сдержанной.

Постепенно Индия допустила на свой рынок оружия другие страны. Так, Франция выразила готовность продать Индии на льготных условиях новейшие истребители «Мираж-2000–5», а Нидерланды — композиционные мате-

риалы с использованием элементов технологии «стеле» для истребителя LCA, а также электронику для танка «Арджун». Израильская авиастроительная фирма «ПАИ» предложила план модернизации индийских истребителей «МиГ-21».

Первая встреча в верхах между руководством ЕС и Индии прошла в Лиссабоне в июне 2000 г. Ее результатом стало то, что наряду с Россией, США, Китаем, Японией и Канадой Индия стала привилегированным партнером ЕС. Это предполагает проведение Брюсселем с Дели регулярных консультаций и саммитов. На встрече премьер-министра Индии А. Б. Ваджпайи с действующим в то время председателем ЕС португальским премьером А. Гутеррешем и председателем Европейской комиссии Р. Проди поднимались вопросы борьбы с терроризмом и торговлей наркотиками, либерализации мировой торговли, разоружения, прав человека и многие другие.

Нельзя сказать, что отношения ЕС и Индии во всех вопросах развиваются гладко. Так, страны ЕС с неодобрением восприняли испытания Индией ядерного оружия. Они расценили осуществленный Индией 25 января 2002 г. испытательный запуск баллистической ракеты «Агни-2» как негативный сигнал для всего южноазиатского региона и для мирового сообщества в целом.

22.5. Перспективы сохранения американского присутствия в Восточной Азии

Растут вес, влияние и внешнеполитическая активность так называемых стран «второго порядка», которые наращивают свою военную мощь и стремятся к объединению усилий для совместного отстаивания совпадающих интересов. На повестку дня рано или поздно встанет вопрос о воссоединении Корейского полуострова, что также может вызвать тектонические изменения в регионе. Речь идет о дальнейшем продолжении присутствия американских войск сначала в самой Корее, а затем, возможно, и на Японских островах. Дело в том, что уже сейчас на повестку дня выдвигается сакраментальный вопрос о том, сколь долго сравнительно незначительные по численности американские войска способны обеспечить безопасность в этом самом густонаселенном регионе.

При этом важно учесть, что американские войска находятся в регионе отнюдь не из-за неких альтруистических соображений. Именно в силу национальных интересов после Второй мировой войны США укрепили свои позиции во всей Азии, прежде всего в восточной и южной ее частях. Речь идет о союзнических отношениях с Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами, Таиландом. С окончанием холодной войны США начали вносить в свою стратегию в Восточной и Южной Азии определенные коррективы, в том числе и по вопросу о сохранении воинских контингентов в регионе.

Немаловажное значение с этой точки зрения имела принятая в начале 90-х гг. «Стратегическая директива на 90-е годы». В ней были обозначены основные направления тихоокеанской политики США, включавшей сокращение численности американских вооруженных сил в регионе. В «Стратегии США в восточной части АТР», принятой в феврале 1995 г., Вашингтон определил задачу сокращения американского военного присутствия в Восточной Азии до 100 тыс. военнослужащих.

В августе 2004 г. Дж. Буш-мл. объявил о масштабной перегруппировке американских воинских частей, дислоцированных за рубежом. Был обнародован план сокращения в течение ближайших десяти лет почти 70 из 213 тыс. военнослужащих, расквартированных за пределами США на постоянной основе. Вместе с членами семей военнослужащих и гражданским персоналом число возвращающихся на родину американских граждан достигает 170 тыс. человек. Такую реорганизацию американского военного присутствия в мире Вашингтон объясняет необходимостью адекватно реагировать на новые угрозы безопасности США.

Можно сказать, что в Восточной Азии США играли и продолжают играть важную роль гаранта обеспечения регионального военно-стратегического равновесия и стабильности. Поэтому здесь скорее опасаются ухода американских войск из Азии, что оставляет азиатские государства со своими противоречиями и разного рода претензиями друг к другу наедине друг с другом. К тому же в последние два десятилетия в Восточной и Южной Азии наблюдается ускорение гонки вооружений, что также служит немаловажным аргументом сохранения военного присутствия в регионе.

Надо отметить, что для Восточной и Южной Азии характерны два противоположных подхода к американскому во-

енному присутствию в регионе. Значительная группа стран региона выступает за сохранение американских войск, рассматривая их в качестве стабилизирующего фактора. Так, американское присутствие на корейском полуострове служит сдерживающим фактором в продолжающемся противостоянии Севера и Юга. Более того, оборонная стратегия Южной Кореи на протяжении всего послевоенного периода во многом строилась с учетом присутствия в стране американских войск. Этот фактор сохраняет свою значимость и в период после окончания холодной войны. Поэтому не может вызывать удивление тот факт, что парламент Республики Корея принял резолюцию с просьбой к президенту США пересмотреть свое решение о выводе из Южной Кореи значительной части 37-тысячного воинского контингента.

Другая группа стран, прежде всего Китай, выражает опасения насчет того, что военное присутствие на Тихом океане США могут использовать для сохранения и даже усиления своей военной гегемонии. Так, в сентябре 1991 г. Сенат Республики Филиппины отказался от Договора о военных базах с Соединенными Штатами, заключенного в 1947 г., а 6 декабря 1991 г. филиппинское правительство потребовало от Вашингтона в течение года полностью вывести свои войска с территории Филиппин. Последние подразделения американских вооруженных сил покинули Филиппины 24 ноября 1992 г.

Несомненно, США играют одну из ключевых ролей в решении множества жизненно важных для всего мирового сообщества проблем. Этот тезис не в последнюю очередь верен применительно к Восточной и Юго-Восточной Азии. Но в то же время они с точки зрения обеспечения международной безопасности парадоксальным образом, как показывает их стратегия на Ближнем и Среднем Востоке, сами становятся проблемой, фактором нагнетания напряженности, неопределенности и конфликтов прежде всего на Евразийском континенте.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Можно ли согласиться с З. Бжезинским, который назвал Евразию «великой шахматной доской»?
2. Каков статус Восточной и Южной Азии на этой «шахматной доске»?
3. Каков их статус как одной из несущих конструкций нового миропорядка?

-
4. Как Запад в целом реагирует на восхождение Азии как нового центра мировой мощи?
  5. В каких направлениях и сферах развиваются отношения между двумя регионами?
  6. Как складываются отношения Запада с ведущими странами региона — Китаем, Японией, Индией?
  7. Каковы различия в отношениях США и ЕС со странами региона?
  8. Каковы перспективы сохранения военного присутствия США в регионе?
  9. В силу каких причин отношение восточноазиатских стран к американскому военному присутствию в регионе носит противоречивый характер?

Глава 23. МИР ИСЛАМА

Мир ислама представляет собой многоликий, многообразный, неоднородный, сложнейший конгломерат как в природно-географическом, региональном и ресурсном, так и в этнонациональном, демографическом, языковом, культурно-историческом и других отношениях. Но при всем том, с учетом необходимых здесь оговорок, его все же можно рассматривать как самостоятельный, хотя и разнородный, аморфный, противоречивый центр силы. Положение дел в нем оказывает (во всяком случае, в обозримой перспективе будет оказывать) немаловажное влияние на основные направления, содержание, характер мировой политики.

23.1. Основные контуры исламского мира

Системообразующей, инфраструктурной осью мира ислама является ислам как особая вероисповедная система. Ислам — вторая по численности последователей (после христианства) мировая религия. По разным расчетам, численность народов, исповедующих эту религиозную веру, в настоящее время составляет от 1,2 до 1,5 млрд чел. (одну пятую часть всего населения земного шара). В 35 странах мусульмане составляют большинство населения, в 29 — влиятельные меньшинства, причем в 28 странах ислам признан государственной, или официальной, религией. Среди них такие сравнительно крупные страны Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Центральной и Южной Азии, как Египет, Индонезия, Иран, Ирак, Малайзия, Марокко, Пакистан, Саудовская Аравия, Турция и др.

Хотя мир ислама отождествляют прежде всего с арабами, их всего 20 % от общей численности мусульман. Самая крупная мусульманская страна — Индонезия с численностью населения 215 млн (по данным 2003 г.). В целом около половины людей, исповедующих ислам, проживают в Южной и Юго-Восточной Азии.

Так называемый мусульманский Север включает европейские, кавказскую и центральноазиатскую составляющие, где проживает примерно 50 млн мусульман. Этот регион нельзя рассматривать как единую мусульманскую подсистему, поскольку его составные элементы заметно отличаются друг от друга. Он имеет самое непосредственное отношение к России. По имеющимся данным, в настоящее время в России насчитывается от 12 до 15 млн граждан мусульманского вероисповедания. Конечно, по сравнению с масштабами остального мира это немного, но тем не менее это примерно одна десятая часть населения страны.

К тому же с распадом СССР постсоветские страны с мусульманским населением стали проявлять растущую чувствительность и податливость к веяниям, исходящим с Юга, из мусульманского мира. Во все более растущей степени проявляется тенденция к втягиванию мусульманских республик в орбиту экономического, политического и религиозного влияния исламского мира. По всем его границам идут войны, конфликты, растет опасность террористических актов. Говорят даже о так называемой исламской дуге нестабильности, охватывающей огромный район Ближнего Востока, Азербайджана, Афганистана, Ирака, Кашмира и бывших советских республик Центральной Азии. Поэтому очевидно, что отношения с мусульманским миром — важная составляющая национальной безопасности России.

Исламский мир состоит не только из народов, представленных соответствующими национальными государствами, но и народов или этносов, не имеющих свою государственность. Довольно быстрыми темпами растет численность мусульманских общин за пределами самого мира ислама. В настоящее время более чем в 120 странах мира существуют достаточно крупные мусульманские общины: в США — 5,7 млн, во Франции — 3 млн, в Германии — 2,5 млн, Великобритании — 1,5 млн, Канаде — 0,5 млн и т.д.

23.2. Место и роль Ближнего и Среднего Востока в исламском мире

Сердцевину исламского мира составляет Ближний и Средний Восток. Более того, порой сам исламский мир отождествляют с этим регионом. Необходимость выделения

ближнесредневосточного региона, или Большого Ближнего Востока, в качестве ключевой составляющей мира ислама определяется его значимостью в формирующемся новом полицентрическом миропорядке.

Ближний и Средний Восток — регион резких экономических и социальных контрастов с длительной историей сосуществования и эпизодическими конфликтами между оседлыми земледельцами, жившими на плодородных орошаемых землях, и скотоводами-кочевниками, обитателями аридных периферических районов. В зависимости от ресурсной базы (земля, углеводородные запасы, рабочая сила и капиталы) страны Ближнего и Среднего Востока сильно различаются как по абсолютным объемам ВВП, так и по уровню благосостояния, измеряемого среднегодовым доходом в расчете на душу населения.

Так, по данным 1994 г., такой доход в Кувейте составлял более 19 000 долл., в Объединенных Арабских Эмиратах — почти 16 000 долл., в Катаре — более 12 000 долл., 7200 долл. — в Саудовской Аравии, 3000 долл. — в Ираке, примерно 1500 долл. — в Иране и всего 280 долл. — в Йемене.

Значение и роль региона с геополитической точки зрения определяется тем фактом, что здесь сосредоточены огромные запасы нефти — одной из главных составляющих кровеносной системы современной мировой экономики. Нет сомнений в том, что таковой она останется в обозримой перспективе. Регион имеет стратегическое значение также в силу того, что здесь сходятся важнейшие наземные и воздушные коммуникации, связывающие Европу с Азией.

Здесь, как будет показано ниже, разворачиваются события и процессы, которые оказывают значительное влияние на формирование геополитической карты современного мира и функционирование всей системы международных отношений. Надо отметить, что регион также является одним из центров международного терроризма, который в определенной степени играет свою роль в определении контуров современной мировой политики.

Совершенно естественно, что в регионе Ближнего и Среднего Востока особое место занимают нефтяные государства. Следует отметить, что на протяжении XX в. нефть прочно заняла ведущее место в мировом энергобалансе. По этой и ряду других причин регион оказался в центре мировой политики. В области экономики регион стал ареной

соперничества и конкуренции между ведущими центрами мировой экономики — США, Европой и Японией, а теперь также и Китаем.

В некотором роде поворотным пунктом в изменении значимости и судеб Ближнего и Среднего Востока стал энергетический кризис 1973 г., вызванный нефтяным эмбарго арабских стран, объединенных в Организацию арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК), против США, Нидерландов и других западных стран в связи с очередной арабо-израильской войной в октябре 1973 г. В декабре того же года страны ОПЕК в одностороннем порядке повысили цены на нефть до 12 долл. за баррель, что не без оснований окрестили «революцией цен».

Добыча нефти и ценовая политика самого нефтяного рынка постепенно перешли под контроль нефтедобывающих и нефтеэкспортирующих государств, которые приобрели возможность оказывать значительное влияние на формирование цен на свою продукцию.

К этому нужно добавить то, что восхождение новых индустриальных стран, Китая и Индии, а также сохранение и увеличение потребности Японии в ближневосточной нефти способствуют сокращению зависимости стран Персидского залива от экспорта на Запад. Тем самым расширяется диапазон возможностей маневра этих стран на мировом нефтяном рынке.

В результате Исламской революции в Иране в 1979 г. мир пережил очередной виток энергетического кризиса и роста цен на нефть. Нефтедобывающие государства получили в свои руки огромные финансовые ресурсы. Нефть и нефтедоллары стали инструментом не только экономического развития соответствующих стран региона, но и их внешней политики.

Немаловажное значение имеет и то, что экспорт нефти обеспечил высокое активное сальдо торгового баланса региона с остальным миром. ОПЕК, в которой ведущую роль играют нефтедобывающие арабские государства, в значительной степени контролирует мировой рынок нефти. Экспортеры нефти стали крупнейшими инвесторами, в том числе и в экономику стран Запада. Они стали одними из основных заказчиков и покупателей на мировом рынке оружия и боеприпасов.

Группе нефтедобывающих стран в большей степени, чем их соседям, удалось реализовать структурную перестройку

производства и либерализацию экономики. Орудием модернизации в нефтедобывающих мусульманских странах стали социально-экономические преобразования, реализованные государством. Положительные результаты этих преобразований, достигнутые к началу XXI в. в сфере финансов, промышленности, инфраструктуры, социального обеспечения, просвещения и образования, очевидны.

23.3. Трудноразрешимые проблемы Большого Ближнего Востока

Нельзя не отметить тот факт, что самые богатые нефтедобывающие страны продолжают заметно отставать от индустриально развитых. Даже у самых благополучных с финансовой точки зрения нефтедобывающих стран арабского мира в условиях ускоряющейся глобализации со все большей очевидностью обнаруживается слабая развитость инфраструктур национальных экономик. Во все более растущей степени проявляется их неспособность конкурировать с экономиками индустриально развитых стран.

Промышленность выросла прежде всего за счет создания местных нефтехимических предприятий. Им трудно удается преодолевать узкие места в транспорте, связи, системах управления, в сфере новейших информационных и телекоммуникационных технологий. Что касается арабских стран, которые не располагают сколько-нибудь значительным количеством природных ресурсов (Египет, Йемен, Иордания, Сирия и др.), то они сталкиваются с серьезными экономическими трудностями.

С нефтяным фактором связаны конфликты и многие проблемы региона, имеющие мировые последствия. Это ирано-иракская война 80-х гг. прошлого века, кувейтско-иракский кризис 1990 г., пограничные споры о шельфе Персидского залива, проблемы свободы судоходства по Суэцкому каналу, Ормузскому проливу, Персидскому заливу и Красному морю, безопасности сухопутных трубопроводов и др. Большой ущерб экономике Ирана и Ирака нанесли крупные разрушения, вызванные иранской революцией и войнами в Персидском заливе в 1980—1988-х и 1990—1991-х гг., большой ущерб был нанесен и Ливану, который в течение

более полутора десятилетий оказался в тисках гражданской войны.

Верно, что Саудовская Аравия и Оман сделали крупные капиталовложения в сельское хозяйство, однако это не привело к сопоставимому уровню роста производства. Об этом свидетельствует тот факт, что львиную долю поступающего на Ближний и Средний Восток импорта составляют необходимые продовольственные и промышленные товары. Даже Египет, располагающий значительными площадями экстенсивного земледелия, вынужден импортировать те или иные виды продовольствия.

Важно учесть также сравнительно низкий уровень грамотности населения региона, который колеблется от примерно 80% в Турции, 70% в Иране и Сирии до 40% в Йемене.

Все эти факторы, естественно, не могут не отразиться на темпах, характере, возможностях и перспективах регионализации. Крайне медленно идет процесс экономической интеграции в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Пока что нельзя говорить о сколько-нибудь заметном прогрессе в этом направлении и в рамках созданной в 1998 г. Большой зоны свободной арабской торговли.

При этом важно не забывать, что нефть — это невозобновляемый ресурс и ее запасы рано или поздно исчерпаются. Так, Бахрейн уже столкнулся с проблемой сокращения доходов из-за истощения запасов нефти. Лишь немногие страны (такие как Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия) располагают достаточными запасами нефти, чтобы продолжать ее добычу и экспорт и во второй половине XXI в.

Впрочем, нельзя забывать тот факт, что на страны Персидского залива приходится 40% всех мировых запасов газа. Речь идет прежде всего об Иране, Катаре, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах. Естественно, решение данной проблемы потребует привлечения огромных материальных, финансовых и человеческих ресурсов, источники для которых могут оказаться не соответствующими возникающим потребностям.

Можно предполагать, что регион уже в обозримом будущем приподнесет мировому сообществу ряд сюрпризов, способных существенно повлиять на его статус и роль в раскладе геополитических сил в полицентрическом миропорядке.

23.4. Ислам как объединяющее начало мусульманского мира: единство и многообразие

Немаловажную роль в формировании нации и национальной идеи играет религия. Ирония состоит в том, что мировые религии в силу своей универсальности призваны стирать этнические, языковые, политические и иные различия между людьми и народами. Тем не менее факты говорят о существовании определенной связи между религией и национальным самосознанием. Некоторые авторы считают возможным говорить об этнической религии. Тот или иной народ избирает собственную религию или то или иное течение в рамках определенного вероисповедания, чтобы подчеркнуть свое отличие от соседних народов и государств.

В этой связи необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Объединяющим началом всех мусульманских народов и стран в некое единое образование, как уже отмечалось, является ислам. В этой связи уместно напомнить, что, вопреки распространенным у нас представлениям о некоем мусульманском национализме, ислам в принципе *сверхнациональная* по своей сущности религия. Классический ислам в принципе не признает нации, поскольку все верующие, к какой бы нации они ни принадлежали, считаются членами единой мусульманской Уммы, или общины. Аналогично тому, как в христианстве нет ни грека, ни иудея, ни римлянина, а есть верующий христианин, так и в исламе нет ни араба, ни перса, ни турка, ни лезгина, а есть верующий мусульманин.

Но здесь нельзя ограничиться констатацией данного факта. Дело в том, что сам ислам, как известно, не един, поскольку в каждом из крупных направлений ислама существует множество течений, сект, тенденций, ответвлений и т.д. В настоящее время их насчитывается приблизительно 73.

В *суннизме* различаются несколько так называемых мазхабов: ханифитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский. В свою очередь, в рамках шафиитского мазхаба выделились тарикаты, накшбандия и кадирия. Ваххабизм же сформировался на основе ханбалитского мазхаба. Суннизм преобладает в Египте, Сирии, Иордании, на Аравийском полуострове, в Турции, а также в Афганистане и Пакистане, в восточной части Ближнего и Среднего Востока.

В *шиизме* различаются течения исмаилитов, нусайритов (алавитов), зейдитов и друзов. Шиизм исповедует подавляющее большинство населения Ирана и более половины населения Ирака, значительные шиитские меньшинства проживают в Ливане, Сирии и странах Персидского залива. Среди шиитского духовенства существует более строгая иерархия, чем у суннитов. Аятоллы пользуются большим политическим влиянием, поскольку считается, что они лучше других знают волю Аллаха. Секта исмаилитов имеет немало приверженцев на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Индии и Пакистане. Большинство нусайритов (алавитов) живет в Сирии, Турции и Ливане, зейдиты — в Йемене, друзы — в Ливане, Сирии и Израиле.

Для нас интерес представляет положение дел в этом вопросе на так называемом мусульманском Севере. Речь идет прежде всего о России, постсоветском пространстве и отдельных анклавах в Европе: Албании, Косове, Боснии и Герцеговине. На Кавказе, например, представлены как шиизм, так и суннизм с соответствующими ответвлениями. Первый исповедуют главным образом в Азербайджане, второй — на Северном Кавказе.

Это дробление можно было бы продолжить, но изложенного вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что в самом исламе обнаруживается весьма широкий спектр оттенков, различий, расхождений, нередко выливающихся в открытые противоречия и даже противоборства. И это неудивительно, если учесть, что в действительности не только конкретный народ принимает ту или иную вероисповедную систему, но последняя также приспосабливается к социокультурным и ментальным характеристикам соответствующего народа.

Поэтому некоторые исследователи отрицают за исламским миром статус самостоятельного единого центра мировой политики, отводя ему роль объекта или же инструмента иных сил, действующих на мировой арене. И действительно, разнообразие конфессий обуславливает то, что в регионе нередко человек идентифицируется с определенной религиозной группой, зачастую определяющей его политическую приверженность. В ряде стран, таких, например, как Иран и Ливан, религиозный фактор имеет самое непосредственное отношение к политической жизни.

Начиная с 80-х гг. (особенно в 90-е гг.) минувшего века наблюдался всплеск радикализма в мусульманских странах, реальным проявлением которого стали исламская револю-

ция 1979 г. в Иране, активизация разного рода фундаменталистских движений и организаций (движение Талибан в Афганистане, «Аль-Кайда» и т.д.).

На этом основании на Западе, да и в России (хотя и в меньшей степени) наблюдается повышенная исламофобия. Часть исследователей, журналистов, публицистов и политических деятелей пугает человечество рассуждениями о том, что ислам объявил джихад всему цивилизованному миру. Здесь имеет место тенденция отождествлять одно из множества направлений фундаментализма в исламе с самим исламом в целом, с идеологией войны, политическим фундаментализмом и терроризмом. В результате ислам ассоциируется с мракобесием, насилием и отсталостью, с некоей исламской угрозой.

В действительности же опасность коренится не в исламе и не в Коране, а в тех, кто их трактует в собственных своекорыстных интересах, во имя неправых целей. В то же время опасность таится в самой исламофобии, как и в любой другой фобии. Для правильного понимания рассматриваемой здесь темы необходимо определить содержание самих терминов *ислам*, *исламизм*, *ваххабизм*, *салафизм*, *фундаментализм* и т.д. Нередко под исламизмом и фундаментализмом понимаются практически любые политические течения, апеллирующие к исламу.

Что касается самого ислама в традиционном его понимании, то он хотя и представляет собой сверхнациональную вероисповедную систему, нередко используется именно как основополагающий компонент если не национального самосознания, то непременно национальной идеологии или национализма. Восприятие жизненных реалий через призму религиозных верований стало частью мирозерцания многих народов, частью их культуры, истории, образа жизни.

Зачастую весьма трудно провести сколько-нибудь четкую грань между религиозными и национальными особенностями жизни людей. Поэтому неудивительно, что во многих мусульманских странах ислам прочно отождествляется с национализмом. То же самое верно и применительно к исповедующим ислам народам бывшего СССР. Это особенно верно в отношении разного рода фундаменталистских течений.

Ислам — это отнюдь не монолитное и застывшее явление, он меняется, чтобы адаптироваться к требованиям современного мирового развития. В целом это динамич-

но развивающаяся религиозная система, способная более или менее успешно приспосабливаться к изменяющимся социально-экономическим, социокультурным, политическим, геополитическим и иным условиям. Для него характерно отсутствие института официальной иерархии и собственно духовенства в западном понимании этого слова, а следовательно, и общеобязательной догматизированной регламентации, как это имеет место в важнейших деноминациях христианства.

Лица, получившие религиозное образование и знания (или улемы), вправе лишь толковать и комментировать Коран и хадисы. Ислам демократичен в том смысле, что допускает правомерность существования различных позиций и оценок, хотя весьма подозрительно относится к концепции политической демократии, усматривая в ней попытку превознести власть человека в ущерб авторитету Бога.

23.5. Политизация ислама

На протяжении всей истории (особенно в кризисные и переломные периоды) приверженцы ислама часто обращались к истокам, к фундаментальным принципам своей веры. Фундаменталистами, если исходить из смысла, вкладываемого в это понятие, следовало бы назвать последователей той или иной идеологии, апеллирующих к ее первоначальному базовым (англ. *foundation* — основа), или фундаментальным основам.

Данное понятие правомерно было бы применить ко всем течениям мысли, как секулярным, так и религиозным, выступающим за чистоту принципов и ценностей, возврат к истокам. В этом смысле правомерно говорить о либеральном, демократическом, консервативном, коммунистическом, рыночном фундаментализмах, фундаментализме прав человека и т.д.

Интерес представляет тот факт, что само понятие *фундаментализм* вошло в научный и идейно-политический лексикон после выхода в свет журнала «Fundamentals», основанного представителями радикального крыла американского протестантизма в 1905 г. Можно сказать, что понимаемый так фундаментализм характерен всем обществам на протяжении всей писаной истории, особенно в периоды

глубоких социальных, социокультурных, политических трансформаций.

Одним из важнейших течений исламского фундаментализма является ваххабизм. Следует отметить, что термины «*ваххабизм*» и «*ваххабиты*» не применялись самими его последователями, которые предпочитали называть себя «мусульманами», т.е. «последователи единобожия», или «салафийун», т.е. «приверженцы первоначального ислама». Это понятие было введено в оборот мусульманскими авторами, которые полемизировали с основателем данного течения.

Ваххабизм — это, по сути дела, собирательный термин для обозначения разнородных исламских группировок, придерживающихся самых разных позиций, не во всем совпадающих с официальными мазхабами, и выступающих с критикой официального духовенства. Их правильнее было бы назвать фундаменталистами, понимая под этим опять же представителей самых различных течений, выступающих с призывами восстановления чистого ислама.

Разумеется, эта «чистота» также понимается по-разному, в зависимости от идеологических позиций и степени вероисповедной грамотности самих фундаменталистов. Иначе говоря, ваххабизм представляет собой фундаменталистское религиозно-политическое течение в суннитском исламе или, как его называют сами его представители, течение *салафизма* (от «*ас-салаф ас-салих*» — праведные предки).

Ваххабизм возник в Саудовской Аравии в первой половине XVIII в. на основе идей, сформулированных мусульманским богословом и правоведом М. ибн Абдул-Ваххабом ат-Тами. Для него характерно буквалистское толкование Корана и Сунны Пророка, которое нередко порождает фанатизм и экстремизм. Как бы выводом за скобку перипетии формирования и эволюции ваххабизма, здесь отметим, что в настоящее время существует множество ваххабитских группировок, называемых по-разному. Это, в частности, «Джихад» и «Исламская группа», «Мусульмане» (Египет), «Партия исламского освобождения» (действует во многих странах мира, включая постсоветские государства), «Сторонники шариата» (Великобритания), «Международный фронт борьбы против евреев и крестоносцев» и т.д.

Те или иные исламистские движения и организации носят международный характер в том смысле, что их деятельность не ограничивается границами территории страны

своего базирования, а распространяется на другие страны, например, путем создания там своих филиалов или же активного сотрудничества с родственными исламистскими группировками вне своей страны.

В ваххабизме центральное место занимают два системообразующих элемента — такфир и джихад. Суть *такфира* (от араб. «*куфр*») состоит в обвинении в неверии самих мусульман, не согласных с учением ваххабитов, объявленным единственно правильным. Причем отношение к ним характеризуется большей нетерпимостью и непримиримостью, нежели к иноверцам. Более того, убийство вероотступника считается для ваххабита богоугодным, похвальным делом. Что касается салафизма, то его представителем можно считать практически любого мусульманина, руководствующегося религиозными нормами первоначального, «чистого» ислама.

Известно, что исламский мир всегда отличался повышенной нестабильностью и конфликтогенностью. Причем в основе множества межгосударственных, межэтнических, межконфессиональных, территориальных и иных противоречий и конфликтов лежат прежде всего внутренние факторы. Истоки конфликтов и терроризма, в том числе и исламского, следует искать не в сущности ислама или какой-либо иной религии, а в социально-экономических, этнонациональных, трайбалистских, конфессиональных, социально-психологических, социокультурных, политических, геополитических и иных реальностях и различиях региона.

В целом широкий размах политизация ислама приняла во второй половине XX в. Одними из важнейших причин этого феномена стали поражение арабских стран в войнах арабов с Израилем, обострение палестинской проблемы, кризис насеризма и самой идеи панисламизма и панарабизма и т.д. Все это в совокупности с комплексом других факторов, характерных для развития всего мирового сообщества, оказало глубокое влияние на весь спектр арабского национализма. К этой же категории факторов следует отнести реакцию всего исламского мира на агрессивное наступление Запада, его технологий, образа жизни, ценностей и т.д.

Во многом именно этими факторами определяется наблюдающаяся за последние три-четыре десятилетия тенденция к выдвиганию на авансцену разного рода возрож-

денческих и фундаменталистских движений как шиитского, так и суннитского толка, для которых характерна ярко выраженная политизация ислама. Одним из важнейших проявлений таких возрождений стал так называемый *политический ислам* (или *исламизм*). Это собирательное название для обозначения разного рода социально-политических течений, рассматривающих ислам как стержень своей идеологии.

Для политического ислама характерно органическое единение внутренней и внешней политики, которая, в свою очередь, основана на слиянии государства и религии. Можно утверждать, что ислам используется как средство достижения конкретных политических целей, определяемых интересами политической борьбы как внутри той или иной мусульманской страны, так и на региональном и глобальном уровнях. В данном смысле ислам следует рассматривать не столько как религию, сколько как сложную религиозно-политическую доктринальную систему. Следует отметить, что статус Корана как основы конституционно-правовой системы зафиксирован в конституциях ряда мусульманских стран, например Саудовской Аравии.

Все же впервые феномен политического ислама, или исламизма, как серьезной политико-религиозной силы, способной оказывать большое влияние на мировые реальности, вышел на авансцену в ходе исламской революции в Иране в 1979 г. Для политизации ислама особо важное значение имело то, что аятолла Хомейни и его сподвижники превратили ислам в государственную идеологию. Как утверждал Хомейни, ислам является политико-религиозным учением, в котором политику дополняет богослужение, а богослужение дополняет политику.

23.6. Место джихада в исламе и основные его трактовки

В контексте политизации ислама следует отметить и то, что в понимании джихада также существуют различные, порой прямо противоположные точки зрения. Каждый трактует его по-своему: от вооруженной борьбы за мировое господство ислама до созидательного труда и самосовершенствования верующих. *Джихад* (араб. — священная

война, война за веру, усилие) — одно из важнейших предписаний ислама, предусматривающее использование любых средств, в том числе войны, для распространения мусульманской веры.

Большей частью он понимается как священная война против неверных. Апелляция к джихаду содержится в Коране и кодифицирована в мусульманской юриспруденции. Под лозунгом джихада сам пророк Мухаммад и первые арабские завоеватели вели свои победоносные войны. В данной связи обращает на себя внимание тот факт, что в Коране довольно редко используется слово «аль-харб», означающее войну, но в то же время часто встречается слово «джихад», т.е. «священная война».

На протяжении всей истории ислама джихад трактовался в зависимости от конкретных условий и обстоятельств. Поэтому вполне естественно, что различаются несколько толкований джихада. Это, во-первых, *большой джихад*, означающий борьбу каждого отдельно взятого верующего с самим собой против собственного внутреннего врага, против собственных страстей, наклонностей, пороков. Это духовный джихад, не имеющий ничего общего с войной в собственном смысле этого слова. В этом контексте важно учесть, что само слово «джихад» дословно переводится с арабского как «усилие», в религиозном значении под этим подразумевается усилие верующего на пути к Богу.

Во-вторых, *внутренний малый джихад*, т.е. война в самом исламском мире («дар эль-ислам»), имеющая своей целью борьбу против врагов в пределах самой общины верующих мусульман, или, иначе говоря, против вероотступников. Она призвана оправдать подавление силой как восставших меньшинств, так и политической оппозиции, не подчиняющейся исламским заповедям.

И, наконец, в-третьих, *внешний малый джихад*, направленный против неверных за пределами самого исламского мира, во внешнем мире, составляющем «дар эль-харб», или «мир войны». В тюркоязычном мире в качестве синонима данного толкования слова «джихад» нередко используется термин *газават*. Он может означать либо наступательную войну, призванную расширить границы мира ислама, либо оборонительную войну, направленную на защиту своей территории от вторгшихся на нее врагов.

Таким образом, этот последний тип джихада означает прежде всего внешнюю войну, но духовный джихад, или

большой внутренний джихад, всегда присутствует во всех спорах и дискуссиях относительно внешнего малого джихада. В классическом исламе определяющее место отводится большому джихаду, понимаемому как процесс нравственного самосовершенствования верующего с помощью его собственных мирных, созидательных усилий.

Многие теологи отдавали приоритет большому джихаду в ущерб вооруженной борьбе против неверных. В X—XI вв. так называемые братья чистоты говорили о двух типах джихада. Они полагали, что малый джихад носит временный характер, поскольку с окончательной победой над неверными и их обращением в мусульманскую веру он потеряет смысл. Что касается большого джихада, то он значительно важнее, поскольку это сугубо религиозный феномен, затрагивающий вечное, спасение или проклятие. Верующего можно освободить от малого джихада, но никак нельзя освободить от большого джихада.

В XX в. на Ближнем Востоке насилие нередко осуществлялось именем мирской, или социалистической, революции или же антиимпериалистической борьбы. Но постепенно с активизацией деятельности разного рода радикальных фундаменталистских движений, организаций, групп идея малого джихада приобрела второе дыхание.

При этом важно учесть, что острие политического исламизма направлено против Запада и секуляризма в целом. В одном из своих выступлений в Иране перед депортацией в Турцию и Ирак Хомейни произнес фразу, ставшую в Иране афоризмом: «Америка хуже Англии. Англия хуже Америки, а Советский Союз хуже их обеих. Каждый хуже другого, каждый ужаснее другого. Но сегодня мы имеем дело с таким злостным явлением, как Америка». Поэтому главный упор был сделан на противостоянии с США, которые были объявлены «Большим сатаной».

Для отдельных течений политического ислама характерно отождествление джихада с экспортом исламской революции как на мусульманские страны, так и на государства вне исламского мира. В основе такой установки, несомненно, лежат переработанные в духе политического исламизма идеи панисламизма.

Одним из проявлений экспорта исламского фундаментализма можно считать его экспансию на мусульманский Север, где он превратился в опаснейший фактор социальной и политической дестабилизации.

23.7. Неправомерность отождествления исламизма с терроризмом

Одной из определяющих причин восхождения политического исламизма, насилия, конфликтов, терроризма является существование множества течений и группировок, пытающихся продвинуть свою версию ислама. Можно согласиться с теми исследователями, которые считают фундаментализм своего рода параллельным исламом, отдельные положения которого используются в своих целях террористами. Верно, что в учении ваххабизма, салафизма и других течений фундаментализма джихад большей частью трактуется как «священная война» против неверных, в том числе и мусульман, которых его приверженцы считают отступниками от истинной веры.

В то же время это течение в целом (с точки зрения степени агрессивности или неагрессивности) также нельзя трактовать однозначно негативно. Ведь оно является государственной религией Саудовской Аравии, которая, как известно, никому не угрожает агрессией. Более того, в последнее время она выступает одним из инициаторов ужесточения борьбы против терроризма в арабском мире. Показательно, что в этой стране У. бин Ладен объявлен преступником и лишен подданства.

С учетом этих доводов представляется абсолютно неприемлемым утверждение, что исламизм в облики фундаментализма представляет собой исключительно возврат к истокам. В ряде исламистских организаций могут бок о бок сосуществовать подразделения, использующие мирные, легальные методы работы, и подразделения законспирированные, прибегающие к насильственным методам и террору.

Поэтому можно утверждать, что не всякий фундаменталист является приверженцем насильственных, террористических форм борьбы, точно так же как не всякий террорист является исламским фундаменталистом. В этом вопросе важно не впадать (вслед за самими экстремистами) в какие бы то ни было крайности, причисляя всех без исключения радикалов и фундаменталистов к террористам.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В чем состоит сложность и многоплановость исламского мира?
2. Из каких стран и народов он состоит?

3. Каков геополитический статус исламского мира в современном мире?

4. Чем определяется приоритетное место Ближне-Среднего Востока в исламском мире в частности и миропорядке в целом?

5. Что именно позволяет нам объединить этот разнородный мир в некое целое?

6. Как вы оцениваете роль Ближне-Среднего Востока как важного резервуара углеводородных ресурсов?

7. Какое содержание вкладывается в выражение «политизация ислама»?

8. Можно ли отождествить исламский фундаментализм с терроризмом?

9. Что вы понимаете под джихадом?

Глава 24. ОТНОШЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ГОСУДАРСТВ С ОСТАЛЬНЫМ МИРОМ

Большинство мусульманских стран не приемлют крайности радикальных фундаменталистов. Они ищут свои пути интеграции в глобализирующийся мир и свою нишу в новом полицентрическом миропорядке. Несомненно, для исламского мира значимость и определенную притягательность сохраняют такие идеолого-политические и религиозно-политические феномены и понятия, как панисламизм, пантюркизм, панарабизм. Однако на поверку обнаруживается, что они служат прикрытием националистических устремлений тех или иных социально-политических сил, группировок и государств. В этом контексте встает вопрос о единстве исламского мира.

24.1. Миф о единстве мира ислама

Идея единства исламского мира в целом и арабского мира в частности как бы подтверждается тем, что он представлен множеством более или менее влиятельных межгосударственных и неправительственных объединений и организаций, принимающих более или менее активное участие в международной политике, таких как Лига арабских государств (ЛАГ), Организация «Исламская конференция» (ОИК), Лига исламского мира, Народный исламский конгресс, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Организация Экономического сотрудничества (ОЭС) и др.

Среди богословско-религиозных организаций большим влиянием пользуется Лига исламского мира (ЛИМ), созданная Саудовской Аравией в 1962 г. со штаб-квартирой в Мекке. В 1962 г. был создан Высший совет по делам ислама, призванный координировать деятельность мусульманских университетов. Функционирует множество непра-

вительственных организаций, таких как панмагрибский консультативный Комитет, «Призыв к исламу» в Ливии, Комитет «Призыв» в Эр-Рияде, Федерация индийских мусульман в Соединенном королевстве, Международная исламская федерация студенческих организаций и т.д.

Мир ислама представлен также многочисленными более мелкими неправительственными общественно-политическими, религиозно-политическими, этническими организациями, занимающимися благотворительной, просветительской, культурной или политической деятельностью. Здесь особо следует выделить разного рода экстремистские и террористические организации, группы, движения, которые также оказывают определенное влияние на глобальные процессы развития современного мира.

Но все же в настоящее время говорить о каком бы то ни было единстве исламского мира в целом и арабского мира в частности не приходится. Следует признать, что, если такое единство в той или иной форме (правда, в сильно урезанном виде) и существовало, то его с большими оговорками можно отнести ко временам апогея Османской империи или временам колониального господства. В течение длительного периода (с египетского похода 1798 г. Наполеона до крушения в 1962 г. Французского Алжира) этот регион находился во власти французских и британских колонизаторов.

Идея единого арабского мира и арабского национализма возникла как раз в борьбе за освобождение от господства колонизаторов. В 1945 г. в Каире ЛАГ заявила о существовании единого арабского мира. В послевоенный период, начиная с Суэцкого кризиса 1956 г. до Эвианских соглашений 1962 г., наблюдался наивысший подъем арабского национализма. В тот период был предпринят ряд неудачных попыток объединения арабских стран на двусторонней основе, наиболее амбициозным из которых стала, по сути дела, мертворожденная Объединенная Арабская Республика (ОАР) Египта и Сирии в 1961 г., Конфедерация Египта, Сирии и Ливии в 1971 г., проекты и политические шаги в рамках единства Магриба.

Мусульманские государства демонстрируют свою неспособность коллективными усилиями урегулировать региональные конфликты, выработать единую позицию в отношении палестинской проблемы и Израиля, а также стратегии всего остального мира. Анализ реального поло-

жения в этой сфере убедительно показывает, что как геополитическая цельность арабский, тем более мусульманский мир не существует.

Он предстает как некий разобщенный конгломерат разнокалиберных государств с разными уровнями экономического, социального, политического, культурного развития, с разными, где-то противоречивыми, а где-то пересекающимися интересами. Слишком велик разброс в уровнях, характере и темпах социального и экономического развития, национально-государственных интересах. Здесь можно согласиться с французским журналистом П. Вермерном, который назвал единство арабского мира «великим политическим мифом, который в XX веке владел умами жителей южного Средиземноморья»¹.

Ислам сам по себе едва ли способен стать базой для устойчивых национальных и политических союзов прежде всего в силу его разноликости. Этнонациональные, территориальные, племенные, клановые, языковые, политические, социально-экономические и иные противоречия и конфликты между различными народами и государствами зачастую оказываются сильнее общих для них конфессиональных установок и ценностей.

Даже если теоретически допустить, например, возможность солидарности шиитов и суннитов Ирака по признаку их приверженности единому исламу, то вряд ли следует ожидать, что сами собой исчезнут противоречия и тлеющие конфликты, в основе которых лежат иные факторы, связанные с властью и привилегиями.

Или же при всей приверженности азербайджанцев и иранцев шиизму вряд ли исчезнут противоречия между Азербайджанской Республикой и исламской Республикой Иран, в основе которых лежит факт разделенности азербайджанского народа государственными границами. К тому же нельзя не отметить тот факт, что нетюркские народы Кавказа, исповедующие ислам, довольно настороженно, если не с подозрением, относятся к пантюркистским претензиям Турции.

Помимо глубокого кризиса арабского национализма и множества других факторов, в основе которых лежат процессы глобализации и транснационализации, единство арабского мира разрушается из-за становления берберского

¹ Liberation. 2004. January 23.

возрождения на западе, интенсификации курдского движения за национальную независимость, тенденции к африканской ориентации Ливии, Марокко и Алжира и т.д.

В данной связи нельзя не отметить и тот факт, что постсоветский мусульманский Север при всех возможных здесь оговорках в целом не нашел должного понимания с остальным миром ислама. Мусульмане региона не смогли найти пути и формы вхождения в сколько-нибудь эффективно функционирующие долговременные политические и экономические союзы с ключевыми странами исламского мира.

Многие на постсоветском Востоке ищут опоры для своего жизнеустройства и развития на Востоке, связывают свои перспективы с миром, народами и культурами, исповедующими ислам. Зачастую ислам рассматривается в качестве некоей интегральной духовной составляющей этнических культур местных народов. Более того, он именуется фактором, способным объединить тот или иной регион чуть ли не в единое политическое целое.

На практическом уровне подобные установки в мусульманских республиках России и странах Центральной Азии и Азербайджане проявляются в том, что здесь созданы и функционируют множество мусульманских благотворительных, просветительских, культурных, политических организаций. Усиливаются позиции и активизируется деятельность разного рода исламских организаций, финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Ираном и другими мусульманскими странами. Для них характерна практически открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для установления тесных связей Кавказа и Центральной Азии с остальным миром ислама.

Однако, как показали известные события в этих двух регионах, часть обосновавшихся там организаций и групп через созданные ими структуры открыли целую сеть подпольных полувоенных лагерей якобы для изучения основ мусульманской религии. На самом же деле в лагерях осуществлялась интенсивная идеологическая и военная подготовка молодежи для ведения подрывной работы и прямой террористической войны против существующих режимов.

Апелляция некоторых оппозиционных, да и не только, организаций к исламским ценностям обусловлена, помимо всего прочего, стремлением привлечь к себе внимание общественного мнения, а также финансовых фондов и структур

мусульманских стран. Нередко исламская риторика служит для маскировки сугубо личных вожелений тех или иных претендентов на места во властных структурах.

С учетом всего вышеизложенного можно утверждать, что солидарность мусульманских стран в целом и арабских стран в частности остается лишь декларативной или символической и весьма слабо связанной с практической политикой. Для каждой из них, когда речь идет о национально-государственных интересах, эта солидарность отходит на задний план или вовсе не учитывается. В то же время нельзя отрицать, что в рамках таких сугубо экономических и политических организаций, как ОПЕК, Совет арабского сотрудничества, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Союз арабского Магриба и т.д., каждое отдельно взятое государство вынуждено считаться с позициями и интересами своих партнеров по соответствующим организациям.

В рассматриваемом контексте симптоматично, что ОИК, созданная в мае 1972 г. и действующая на межправительственном уровне, будучи рупором пропаганды ислама во всем мире, все же ставит главной своей целью содействие развитию экономического, политического и культурного сотрудничества мусульманских государств. Она уделяет значительное внимание формированию исламского экономического порядка, разрабатывает идеи и модели мусульманского общего рынка.

Результативность деятельности этой организации нельзя оценивать однозначно, поскольку в ее состав входят страны, отличающиеся друг от друга по своему социально-политическому строю, внешнеполитической ориентации, подходу к мировым проблемам, вовлеченности или невовлеченности в межгосударственные и внутренние конфликты. Не менее серьезные различия характерны также для стран, входящих в ЛИМ, Всемирный исламский конгресс (ВИК), Международную исламскую организацию и т.д.

24.2. Отношения мусульманских стран с неисламским миром

В отношениях с государствами неисламского мира мусульманские государства стремятся установить двусторон-

ние взаимовыгодные экономические, политические и иные связи. Влияние мусульманского мира они во все более растущей степени связывают не столько с деятельностью разного рода исламских организаций, сколько с активностью экономических и политических объединений, таких как ОПЕК, группа 77, Совет арабского сотрудничества, ССАГПЗ, Союз арабского Магриба и др.

В этом плане особенно показателен внешнеполитический курс исламской Республики Иран. На словах официальные лица этой страны всячески подчеркивают, что в своей внешней политике Иран отдает приоритет отношениям с мусульманскими государствами, затем — со странами развивающегося мира, и лишь после этого — со всеми остальными странами.

Весьма благоприятно развиваются взаимоотношения Ирана с Россией. Важным их направлением является военно-техническое сотрудничество. Однако в этой области, равно как и в вопросе о строительстве АЭС в Бушере, Россия сталкивается с мощным противодействием США. Не ослабляется давление на Иран, выражающееся в обвинениях, будто его руководство осуществляет программу создания оружия массового поражения и средств его доставки. В этой связи в адрес российских учреждений также раздаются обвинения в нарушении режима нераспространения технологий двойного назначения. В этом же русле следует рассматривать настроенность иранского руководства на налаживание тесных экономических и политических связей с КНР.

Монархи Саудовской Аравии постоянно подчеркивают, что приоритетом внешней политики королевства является достижение исламской солидарности и арабского единства. На практике же в основе внешней политики королевства лежит политический реализм и прагматизм. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Саудовская Аравия входит в число самых преданных союзников США. Такая позиция вполне объяснима, если учесть, что около 95 % внешней торговли Саудовской Аравии приходится на страны Запада. Однако присутствие в этой стране американских войск, по сути дела, превратило ее в один из главных объектов атак террористов.

Не столь безоблачными выглядят отношения Вашингтона со своей традиционной союзницей в лице Турции. Эти отношения во все более растущей степени омрачаются обо-

стрением курдской проблемы, вызванным открывшимися перед курдским населением Ирака возможностями получить самостоятельность вплоть до создания своего де-факто независимого национального государства. Показательно, что во время агрессии против Ирака в марте 2003 г. Турция не позволила американским войскам пройти через свою территорию и открыть против С. Хусейна второй фронт на севере Ирака. Это вполне объяснимо, если учесть, что американо-британская агрессия создала довольно серьезные проблемы для единства Турции.

Развитие событий в этом направлении неизбежно вызвало бы цепную реакцию и поставило под вопрос территориальную целостность не только Турции, но также Ирана и Сирии, где курды составляют значительную часть населения. Иначе говоря, любая эскалация курдского движения за независимость способна вызвать далеко идущие изменения, чреватые широкомасштабной перекройкой политической карты региона.

Можно констатировать неоднозначность позиций мусульманских стран в отношениях как с Западом в целом, так и с США и Израилем в частности. Так, Египет в отличие от многих арабских стран имеет дипломатические отношения с Израилем. На саммите Лиги арабских стран в Бейруте в 2002 г. была одобрена инициатива Саудовской Аравии, суть которой состояла в готовности арабских государств пойти на нормализацию отношений с Израилем. В качестве условий такого признания ставились освобождение израильянами территорий, оккупированных ими в ходе войны 1967 г., создание независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме и др. Эта позиция была подтверждена на саммите ЛАГ, состоявшемся в марте 2005 г. в столице Алжира. При всех возможных здесь оговорках довольно интенсивно развиваются отношения Турции с Израилем.

В связи с российско-чеченским конфликтом в политике большинства стран мусульманского мира (несмотря на риторику о мусульманской солидарности) на официальном уровне не прослеживались сколько-нибудь заметные прочеченские тенденции. Кажущийся парадокс состоит в том, что радикальное руководство исламской Республики Иран в обеих чеченских войнах не высказало (во всяком случае, открыто и официально) поддержку северокавказским моджахедам.

Выражая подобную позицию, руководство ОИК устами министра иностранных дел Ирана Харрази заявило, что чеченский конфликт — это «абсолютно внутрироссийская константа, в отношении которой непозволительно вмешательство извне»¹. Эксперты ОИК не нашли в этом кризисе какого бы то ни было религиозного аспекта, не говоря о попрании международно-правовых норм.

Сближение шиитско-исламского Ирана с григорианской Арменией в противовес альянсу шиитского Азербайджана и суннитской Турции говорит о переоценке конфессионального фактора в отношениях между государствами в современном мире. В то же время христианский Запад из-за углеводородных ресурсов проявляет больше интереса к мусульманскому Азербайджану, нежели к более бедной в ресурсном отношении христианской Армении.

24.3. О перспективах демократизации исламского мира

Широкое признание в мире принципов рыночной экономики и политической демократии было оценено как конец истории или по крайней мере как окончательная победа западной цивилизации. Всюду, где западные ценности еще не приняты, дело изображается таким образом, будто люди просто готовы умереть, чтобы овладеть ими. Западные ценности считаются строительными блоками экономического процветания и индивидуальной свободы. Поэтому главным предназначением Америки является экспорт этих ценностей, по крайней мере до тех пор, пока это служит американским интересам.

Однако, как показывает исторический опыт, наименее подверженными культурному влиянию Запада оказались народы исламского мира. Хотя в большинстве мусульманских стран экономическая, политическая, интеллектуальная элита в основном освоила язык соответствующих метрополий колониального периода, основная масса народа осталась не затронутой этой поверхностной ассимиляцией. Даже в тех мусульманских странах, где модернизация, казалось, добилась внушительных результатов, в конечном счете обнаруживалось, что глубинные пласты традиций, культуры, менталитета оказывались почти не тронутыми

¹ Северная Осетия. 1999. № 240.

и со временем выплескивались наружу и приводили к весьма печальным результатам.

Об этом свидетельствует, в частности, провал предложенного руководством США и широко разрекламированного проекта «Большой Ближний Восток», направленного на развитие демократии и либерализацию экономики в странах региона. Показательно, что на состоявшемся в первой половине июня 2004 г. на острове Си-Айленд (штат Джорджия) саммите G8 этот проект был встречен весьма прохладно. В итоге проект «Большой Ближний Восток» был радикально изменен. Из первоначально изложенных идей в чистом виде осталось лишь предложение о выделении 100 млн долл. для поддержки бизнеса в регионе, выдачи кредитов мелким предпринимателям и борьбы с неграмотностью, для чего предусматривалось подготовить к 2009 г. 100 тыс. учителей.

Было подчеркнуто, что перемены в регион должны не приноситься извне, а инициироваться правительствами самих ближневосточных стран в соответствии с особенностями каждой страны. Было изменено даже название «Большой Ближний Восток» (Greater Middle East) на «Расширенный Ближний Восток» (Broader Middle East), а окончательный план, утвержденный на саммите, получил название «Партнерство ради прогресса и общего будущего с расширенным регионом Ближнего Востока и Северной Африки».

Руководители большинства мусульманских стран весьма прохладно приняли эту инициативу, усматривая в ней попытку американцев установить свою гегемонию в регионе и заставить всех забыть об их неспособности урегулировать израильско-палестинский конфликт. «Модернизация региона никоим образом не может быть навязана ему извне», — заявил президент Египта Х. Мубарак в интервью *Le Figaro*. Египет и Саудовская Аравия не без основания настойчиво повторяют, что модернизация, которую предлагают США, может «ввергнуть регион в хаос» и привести к повторению «алжирской трагедии», поскольку гражданская война в этой стране была результатом «необузданной свободы и демократии»¹.

Оценивая проект, премьер-министр Турции Р. Эрдоган заявил, что нужно принимать во внимание характер и традиции каждой страны, поскольку «мы вышли не из инку-

¹ *Le Figaro*. 2003. November 24.

батора, у каждого свое мышление»¹. Как утверждал король Иордании Абдалла, у арабских лидеров есть много своих ценных предложений по улучшению ситуации, а «инициативы, навязанные извне, только повредят истинным реформаторам в регионе»². Руководители этих стран, признавая необходимость реформ, в то же время заявляют, что они должны исходить изнутри и проводиться с учетом социальной и культурной специфики региона.

Обоснованность подобных опасений воочию обнаруживается на примере Ирака. Как бы то ни было, С. Хусейну удалось сплотить страну в единое целое. Бывший посол США в Ираке во времена администрации Дж. Картера Э. Пэк в интервью газете «Известия», рассказывая, каким был Ирак, когда он представлял Америку в этой стране, утверждал: «Это была секуляристская, социалистическая система, которая обеспечивала для граждан бесплатное образование, медицинскую систему, строила дороги, дома»³. Резюмируя свое мнение, Э. Пэк утверждал: «Саддам, будучи негодяем, служил нашим интересам, когда обеспечивал стабильность в своей стране»⁴.

Теперь после американо-английской агрессии перед Ираком открывается перспектива фактического раскола государства. Во всяком случае наметившаяся тенденция разделения государства на несколько зон по этническому и религиозному принципу сохранится на многие годы вперед.

Следует отметить, что в целом ряде мусульманских стран приняты конституции или другие заменяющие их документы, что является шагом в направлении политической модернизации, переходом от традиционной династической формы государственного устройства, уходящей своими корнями в родоплеменной строй, к современным формам, легитимность которых основывается на законе. В Саудовской Аравии, Омане и Катаре в 90-е гг. были введены совещательные органы в лице Консультативных советов, которые при всей своей половинчатости и слабости начинают играть все более заметную роль в принятии решений по важнейшим вопросам общественно-политического и экономического развития.

¹ URL: <http://wap.forumkavkaza.forum24.ru/?1-17-0-00000014-000-10001-0>.

² Коммерсантъ. 2004. 11 июня.

³ Известия. 2004. 27 июля.

⁴ Там же.

В большинстве мусульманских стран официальные власти принимают меры, призванные ограничить влияние религии на систему образования, право и судебную систему. В данном контексте нельзя не отметить тот факт, что в 1978 г. ЛАГ приняла Арабский пакт о правах человека, в 1981 г. — Всеобщую исламскую декларацию прав человека, а в 1990 г. — Каирскую декларацию о правах человека в исламе. Это, естественно, порождает конфликты, что проявляется, в частности, в возрождении влияния религии в ее радикальных вариантах.

Все же во всем исламском мире традиция продолжает превалировать над весьма слабыми ветрами модернизации. Ислам сохраняет статус системообразующего элемента почти всего мусульманского мира. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в конституциях почти всех арабских государств исламу придан статус государственной религии, хотя влияние шариата варьируется от страны к стране. Это влияние особенно сильно в нефтедобывающих монархиях Персидского залива. Стражи традиции в этих странах убеждены в том, что принципы защиты прав человека, как они сформулированы на Западе, неприемлемы в исламских странах, поскольку права, вытекающие из Корана, неизменно выше естественных прав человека.

В рассматриваемой связи целесообразно учесть, какой длительный и трудный путь прошла Турция для утверждения своей особой модели демократии (и это в стране, столь близкой Европе и в настоящее время стоящей на пороге вступления в ЕС). Или возьмем одну из самых модернизированных арабских стран — Египет. Да, здесь существуют парламент, периодические парламентские и президентские выборы, политические партии и другие атрибуты политической демократии. Но эта демократия сочетается с институтом фактического пожизненного президентства и откровенно авторитарными принципами и структурами правления.

Что касается Ирана, где также функционируют важнейшие атрибуты демократии, такие как парламент, всеобщие выборы, политические партии, оппозиция и т.д., то установившуюся здесь политическую систему вряд ли можно назвать демократией в западном (в особенности американском) понимании этого слова. Перечень таких примеров можно продолжить, но полагаю, что приведенные примеры достаточны, чтобы убедиться в том, что национальное строительство, осуществляемое иностранными государствами,

редко достигает успеха и требует слишком много экономических, политических, человеческих и иных ресурсов и жертв, а также много времени.

Более того, подобные усилия иностранных государств могут быть контрпродуктивными. Еще хуже в этом отношении обстоит дело с экспортом демократии. По данным исследования, проведенного Фондом Карнеги за международный мир, из 18 стран, в которых проводилась насильственно навязанная смена режима при участии американских войск, лишь в пяти произошло установление демократической системы правления. Причем три из них — это Германия, Япония и Италия, остальные две — Панама и малюсенькая Гренада.

Не требует сколько-нибудь пространного объяснения тот факт, что эти страны никак не могут служить образцом для исламского мира. Вовлеченность США в национальное строительство Панамы заняла 33 года, Боснии, Камбоджи, Доминиканской Республики, Косово, Сомали и т.д. — более десяти лет, но вряд ли в настоящее время их правящие режимы можно назвать действительными политическими демократиями.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие вы можете назвать религиозные и политические организации мусульманских государств?
2. Можно ли в настоящее время говорить о единстве мира ислама? Если нет, то почему?
3. Какие вы можете назвать примеры политического объединения арабских стран?
4. Как можно характеризовать внешнеполитические отношения между самими мусульманскими странами?
5. Какой характер носят отношения мусульманских стран с остальным миром?
6. Приведите примеры разновекторности этих отношений.
7. Какую политику мусульманские страны ведут в отношениях с Российской Федерацией?
8. Как вы оцениваете перспективы вестернизации исламского мира?
9. Можно ли перенести в мусульманские страны ценности и институты демократии западной модели?

Глава 25. РОССИЯ

Распад СССР ознаменовал начало новой эры взаимоотношений между государствами. Он положил конец политической и военной биполярности, холодной войне, а также марионеточным войнам. В то же время дезинтеграция СССР подорвала европейскую политическую структуру, как она была установлена союзниками в Ялте и Потсдаме в 1945 г. Важным результатом разрушения этой системы стало воссоединение Германии. Вслед за этим событием произошел распад Чехословакии и Югославии, стран, созданных решением Версальского мирного договора после Первой мировой войны. Одним из наиболее значительных последствий дезинтеграции СССР стали возникновение полтора десятка новых независимых государств и вступление на геополитическую авансцену новой России.

25.1. Распад СССР и его последствия для судеб мирового сообщества

Упомянутые изменения, а также последовавшие за ними множество этнических и территориальных конфликтов породили новые вызовы не только европейской безопасности, но и глобальной системе безопасности, созданной в рамках ООН, которые по времени совпали с началом качественных трансформаций не только в геостратегической структуре, сложившейся в послевоенные десятилетия, но также в общественно-политической жизни развитой зоны мира.

Можно сказать, что дезинтеграция СССР стала одновременно и последним мощным стимулом, и следствием процессов и явлений, приведших к таким изменениям. Радикальная трансформация геополитической ситуации во всепланетарных масштабах произошла практически без единого выстрела. Самым впечатляющим ее следствием стал конец холодной войны и состояния фронтальной системной конфронтации двух мощных военно-политических блоков.

Распад СССР, советского блока и так называемого социалистического содружества имел своим результатом конец разделения современного международного сообщества на два противостоящих друг другу военно-политических блока, развал самой идеолого-политической оси двухполюсного миропорядка. Япония и новые индустриальные страны азиатско-тихоокеанского региона как бы снова вернулись в Азию и стали азиатскими странами, способными строить свои отношения со всеми странами и регионами вне зависимости от тех или иных идеолого-политических соображений. Отпала также необходимость разделения мирового сообщества по идеолого-политическим или системным критериям на три отдельных мира, потеряло смысл само понятие «третий мир».

Самым дискуссионным в рассматриваемом контексте является вопрос о том, остается ли Россия после распада СССР великой державой, способной конкурировать на мировой арене на равных с другими развитыми странами. Здесь особо стоит задача относительно перспектив, путей и направлений развития России, ее статуса, места и роли в мировом сообществе в контексте тех судьбоносных для нее сдвигов в раскладе геополитических сил, которые произошли за последние три-четыре десятилетия. Поэтому неудивительно, что этот вопрос не перестает быть предметом незатухающих острых споров и дискуссий. Это особая проблема, требующая самостоятельного исследования, тем не менее в данной работе нельзя не затронуть ее хотя бы в самой краткой форме.

В реальностях распада биполярного миропорядка Россия, как и ведущие страны мирового сообщества, очутилась перед необходимостью переоценки своего места и роли в современной конфигурации геополитических сил. С распадом СССР единая территория многовековой империи оказалась как бы разорванной на множество фрагментов, причем не только по линиям государственных границ, но и на этнонациональные, региональные, конфессиональные и иные составляющие.

Более того, в условиях, когда вслед за распадом СССР сама Россия также столкнулась с реальной угрозой balkанизации, сохранение территориальной целостности превратилось в одну из ключевых проблем, от решения которых зависели перспективы самой российской государственности. Поэтому ей, равно как и другим мировым державам,

приходилось заново формулировать свои политические цели и приоритеты, адекватные новым реальностям, определять новые параметры национальных интересов и национальной безопасности.

Для значительной части российского общества, политической и интеллектуальной элиты, пулицистической и научной общественности территориальный фактор приобрел особую значимость. В условиях двухполюсного миропорядка советская система обеспечивала как территориальное, так и экономическое, социокультурное и политическое единство необозримых пространств, различных регионов, народов и конфессий. Теперь же появилось ощущение фрагментарности и разорванности исторической территории государства. Это, естественно, не могло не вызвать у исследователей и просто интересующихся судьбами России стремления выявить и объяснить факторы, лежащие в основе этих знаковых сдвигов, а также найти средства и пути сохранения территориального единства страны.

25.2. Внутриполитические приоритеты национальной безопасности России

Актуальность и значимость этой проблемы станет еще более очевидной, если учесть, что в сложившихся с распадом СССР условиях для России ключевую роль приобрели внутренние угрозы национальной безопасности государства. Стало очевидно, что именно успехи или неудачи на внутреннем фронте в конечном счете будут определять вес и влияние России как на постсоветском пространстве, так и в мире в целом. Не случайно, что в Концепции национальной безопасности 2000 г.¹ в числе национальных интересов России на первое место были выдвинуты те, которые связаны с внутриполитическими и экономическими факторами.

Соответственно, изменился перечень угроз и приоритетов национальной безопасности. На ведущее место выдвинулись сепаратизм, криминализация общества, рост организованной преступности, наркобизнес, терроризм и т.д. Речь, таким образом, шла прежде всего о необходимости

¹ См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 2000. 14 янв.

достижения экономической, социальной, политической и идеологической стабильности внутри страны. Положение дел в рассматриваемой плоскости усугублялось затянувшимся процессом реформирования военной организации и оборонного промышленного комплекса Российской Федерации.

С самого начала Россия в силу известных причин оказалась в эпицентре перемен глобальных масштабов и стала крупнейшей зоной нестабильности. Она выступила на геополитическую арену современного мира существенно ослабленной с точки зрения защиты своих национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. Тем не менее при всех трудностях и пертурбациях, переживаемых Россией, было очевидно, что для нее еще не наступил вечер. Даже в смутные 90-е гг. Россия оставалась великой державой с огромными природными, людскими, интеллектуальными ресурсами. Эта новая ситуация выдвинула перед ней множество императивных геополитических, региональных, глобальных экономических, демографических и других вопросов, без поисков ответов на которые мы не вправе говорить о величии и самоидентификации России. К числу этих вопросов можно отнести следующие:

- Что есть Россия — просто один из «нормальных» членов мирового сообщества или особое жизненное пространство, расположенное на стыке Востока и Запада и принадлежащее им обоим?
- Переживает ли Россия процесс балканизации?
- Насколько реален сепаратизм в тех или иных ее регионах?
- Возможен ли в России вариант СССР или (еще резче) вариант Югославии?

Перечень данных вопросов можно продолжить. Сложность и парадоксальность ситуации состоит в том, что как положительные, так и отрицательные ответы на все эти вопросы можно воспринимать как верные и неверные одновременно.

Как-то И. Ильин высказывал опасения относительно возможных при определенных условиях распада и балканизации России и трагических последствиях этого для всех населяющих ее народов. В начале 90-х гг. рассуждения о неминуемом распаде России стали общим местом в нашей прессе, да и в научной публицистике. В этом легко можно убедиться, просмотрев периодические издания, а так-

же множество публицистических и околонучных работ 90-х гг. Даже сейчас нельзя считать, что подобные умонастроения уже полностью преодолены. Правда, уже мало кто воспринимает всерьез причитания вроде того, что Россия скатилась на место и роль чуть ли не на обочине мировой политики, что она скатилась на статус второразрядного или даже третьеразрядного государства и т.д.

Некоторые авторы по сей день отводят России статус своего рода «естественного путевода» торгово-экономических и транспортных потоков между Европой, Азией и Африкой, некоего «евроазиатского моста», служащего в качестве самого короткого торгового пути между Азией и Европой. Утверждается, что Россия вновь становится форпостом христианского мира, выдвинутым в огромный мир ислама.

Россия действительно занимает уникальное положение в качестве крупнейшей транзитной державы мира, охватывающей центральную часть Евразийского континента. Тем не менее совершенно непонятно, почему, на каком основании Россия может и должна стать неким «форпостом христианского мира» только в исламский мир. А как же тогда с буддистским, индуистским, конфуцианским, синтоистским или восточноазиатским, южноазиатским мирами, которые не менее обширнее мусульманского мира? Почему именно мост, форпост или что-нибудь иное в таком же роде, а не самостоятельная, самодостаточная великая держава, преследующая свои особые национальные интересы, так сказать, по всем азимутам?

Крушение СССР и вызванный им тотальный кризис, несомненно, нанесли мощный удар по самой российской государственности, подорвали привычный порядок, инфраструктуру менталитета, поставили под сомнение саму идею сильной российской государственности. С крахом Империи развенчалась и коммунистическая утопия, или же, наоборот, с развенчанием утопии обрушилась и Империя. В этом отношении важно учесть, что мы живем в период неуклонного нарастания неопределенности, разочарований и потери иллюзий во всемирном масштабе.

Традиционные секулярные идейно-политические конструкции, равно как и великие религиозные учения прежних эпох, перестали выполнять роль мобилизующих идеалов. Имеет место глубокий кризис не просто той или иной идеологии, а самой мировоззренческой и ценностно-

нормативной системы. Развенчание многих радикальных, социалистических и коммунистических утопий нашего времени стало свершившимся фактом.

Применительно к России дело усугубляется тем, что оказался подорванным сам идеал, лежащий в основе государственности. Лишившись имперского и коммунистического режимов, Россия оказалась как бы лишенной и самой национальной идеи. В общественном сознании народов бывшего СССР как бы образовался идейный вакуум. Народы, уже в течение многих поколений испытывавшие чувство внешней и внутренней безопасности, гарантию своего существования и условий для своего беспрепятственного воспроизводства, с распадом СССР оказались в ситуации неопределенности и растерянности, как бы лишились устойчивого якоря.

Как правило, подрыв, потеря осевой идеи или осевого идеала, лежащего в основе того или иного сообщества людей (каким являлся СССР), ведет к появлению множества идей, моделей, концепций переустройства общества (от авторитарно-монархических до радикально-анархистских, от коммунистически-тоталитарных до национал-державных). Вполне естественно, что для них могут быть притягательны также различные идеи и проекты национально-государственного устройства, будь то на путях дистанцирования от России или же оставаясь в ее составе. Правда, не все из них выдерживают испытание временем и, не сумев подтвердить свою жизнеспособность и эффективность, рано или поздно сходят с исторической сцены.

Другими словами, сейчас на гигантских просторах российской Евразии происходят грандиозные процессы коренной трансформации и смены искусственно созданных тоталитарных социально-экономических, политических, мировоззренческих, идеологических и иных структур. Констатируя этот очевидный факт, нельзя, однако, забывать, что в условиях дезинтеграции тоталитарной системы и унитарной по своей природе империи было неизбежно преобладание центробежных тенденций. Соответственно, на передний план выдвинулись те факторы, которые отличают страны и народы друг от друга и толкают их на путь разъединения, обособления, сепаратизма.

В периоды подобных переживаемых нами грандиозных социально-экономических и политических трансформа-

ций это нормальное явление. Идет мучительный процесс отторжения навязанной сверху унификации, процесс восстановления множественности, разнообразия форм бытия, жизнеустройства. По сути дела, под вопрос поставлена сама возможность или правомерность каких бы то ни было идеально-программных, политико-идеологических построений или мобилизующих идеалов. При таком положении вещей возникают следующие вопросы:

— Способна ли демократия сколько-нибудь эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей?

— Может ли либерализм, консерватизм или какой-либо иной «изм» заполнить тот вакуум, который образовался после очевидного краха марксистско-ленинского идеологического проекта?

25.3. Факторы, обеспечивающие единство и целостность России

При всей трудности поиска адекватных ответов на эти сложные и многоплановые вопросы со всей определенностью можно констатировать то, что всякие рассуждения о неизбежности сепаратизма, балканизации, «России регионов» лишены реальных оснований. Они базируются, по сути дела, на упрощенном понимании российского государства как некоего механического лоскутного образования, которое как будто можно как угодно перекомпоновать, перестроить, разобрать по частям или просто аннулировать по воле тех или иных республиканских или региональных руководителей.

Россия не есть некий искусственный конгломерат территорий, наций, народностей, этносов, а представляет собой единый нерасчленимый организм с общим для всех его членов жизненным пространством. Народы и территории, вошедшие в состав российского государства на разных этапах его истории, уже в течение длительного времени составляют неразрывные части единого культурно-исторического и политико-экономического пространства.

Совместная жизнь в течение многих поколений в составе единого государства (сначала Российской империи, а затем СССР) при целенаправленном административно-государственном регулировании, включавшем в себя самый

широкий комплекс мер (от сугубо мирных и воспитательных до насильственных) не могли не дать соответствующих результатов. Причем эти результаты стали наиболее далеко идущими у народов, живущих более длительное время в составе России в более тесном контакте с центрами ее хозяйственной и культурной жизни.

В итоге почти все аспекты и стороны жизни подавляющего большинства народов России подверглись глубокой трансформации на путях секуляризации и модернизации. Интенсификации этого процесса в значительной мере способствовало имперское государство с сильной централизованной властью, которое выступало в качестве главного инструмента организации многонационального сообщества. Имперский центр в лице будь то Петербурга или Москвы являлся важнейшим фактором инкорпорирования множества отсталых во всех отношениях народов, разнообразных региональных и этнонациональных общностей в более широкое культурное пространство, в единый государственный и социокультурный организм.

При всех перегибах в национальной политике, допущенных руководством Коммунистической партии и советского государства, нельзя не признать, что для подавляющего большинства народов русский язык стал не просто языком межнационального общения — здесь языковая интернационализация достигла беспрецедентно высокого уровня: для большинства городских жителей он стал вторым родным, а для многих и единственным родным языком (независимо от того, какая в этой сфере проводилась политика). Возможно, что для них своими стали и многие социокультурные реальности, общие для самого образа жизни и жизнеустройства людей России.

Русский язык, общероссийская культура были и остаются для этих народов и средством, и воротами, и инфраструктурой как для саморазвития, так и для вхождения, интегрирования в мировую цивилизацию, мировую культуру. Более того, современные реальности таковы, что без русского языка невозможно себе представить ни одну более или менее важную сферу жизни всех регионов или субъектов РФ.

Эти и множество других факторов позволяют сделать вывод, что проблему краха тоталитаризма и советской системы не следует смешивать с проблемой жизнеспособности российской государственности. Разумеется, пред-

ставители различных народов, вовлеченные в бурные политические процессы, хотят оставаться и в повседневной жизни ощущать себя армянами, башкирцами, кабардинцами, лезгинами, осетинами, татарами, чувашами и т.д. Но это вовсе не значит, что они не желают оставаться гражданами Российской Федерации. У подавляющего большинства представителей почти всех народов России выработалось чувство согражданства в едином государстве.

Существует целый комплекс основополагающих интересов и факторов, в равной степени затрагивающих все народы и республики. Можно с значительной долей уверенности утверждать, что почти во всех российских регионах идут двуединые процессы, ведущие, с одной стороны, к расширению их самостоятельности, с другой стороны, к консолидации с федеральным центром. Эти две тенденции не только не противоречат друг другу, не только не исключают, но предполагают и дополняют друг друга.

Ибо сущностное содержание российской идеи — это полиэтничность, органическое соединение различных народов, культур, традиций, языков, конфессий. Нельзя упускать из виду тот факт, что Россия — национальное государство не только русских, а всех проживающих на ее территории народов и народностей, точно так же как Великобритания — национальное государство не только англичан, но и шотландцев, уэльсцев, североирландцев и т.д. Многие народы, которые проживают на территории современной России, обитают здесь на протяжении многих столетий, а то и тысячелетий.

Поэтому сам вопрос о том, являются ли они коренными народами России, не может не выглядеть абсурдным. Российское государство служило своего рода полем притяжения для многих народов, принадлежащих к разным культурным мирам, своеобразной осью, вокруг которой шел длительный процесс социальной и политической самоорганизации сверхсложного по своим национальным, социальным и культурным компонентам сообщества.

Все это определяет жизненную необходимость сохранения единой и неделимой России. Но при этом защиту целостности государства нельзя отождествлять с изжившими себя имперскими началами и устремлениями. Столь же опасны и попытки решить эту императивную для России проблему на путях возрождения национализма, сепаратизма и создания на ее безграничных просторах множества

псевдонациональных этнократических государственных образований.

Не в последнюю очередь этими установками объясняется тот факт, что уже к началу второго десятилетия нового века, когда, казалось бы, остановлены процессы дезинтеграции, достигнута социальная и политическая стабильность, внутренние факторы не перестали играть ключевую роль в обеспечении национальной безопасности. Об этом свидетельствует один из ключевых пунктов, включенных в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., вступившую в силу в мае 2009 г.¹ В нем в качестве главных приоритетов обеспечения национальной безопасности государства названы задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. К каким последствиям для мирового сообщества привел распад СССР?
2. Каковы последствия распада СССР для живших в его составе народов?
3. Каковы его последствия для России?
4. Какие новые проблемы встали перед Российской Федерацией в новых геополитических реальностях?
5. Согласны ли вы с тезисом о том, что в новых реальностях возросли внутренние угрозы национальной безопасности России?
6. Что вы понимаете под внутренними угрозами?
7. Как вы оцениваете отношение к России как некоему «естественному путепроводу» или «форпосту христианского мира» в исламский мир?
8. Каковы перспективы сохранения единства и территориальной целостности Российской Федерации?

---

¹ См.: Независимая газета. 2009. 15 мая.

Глава 26. СТАТУС И МЕСТО РОССИИ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА

Важнейшим фактором, определяющим статус, вес и влияние каждого отдельно взятого государства на международной арене является его экономическая мощь. Если исходить из традиционного понимания геополитики и из реалий миропорядка с обычными вооружениями, то вместе с некоторыми обозревателями можно было бы сказать, что дни любой страны, оказавшейся в ситуации России, как великой державы уже сочтены. Однако применительно к самой России в этом плане существует множество оговорок, делающих подобного рода оценки не совсем корректными.

26.1. Россия в поисках геополитической идентичности

Статус великой державы определяется не только наличием в каждый данный момент сугубо материальными составляющими достояния того или иного народа, такими как численность населения, размеры территории, природные ресурсы, экономические возможности и т.д. Он определяется также целым комплексом других факторов, среди которых можно назвать жизнеспособность и стабильность общественно-политической системы, волю и устремленность народа адекватно реагировать на вызовы времени, уровень компетентности руководителей страны и т.д.

Как отмечал И. Ильин, великодержавие того или иного государства «определяется не размером территории и не числом жителей, но способностью народа и его правительства брать на себя бремя великих международных задач и творчески справляться с этими задачами. Великая держава есть та, которая, утверждая свое бытие, свой интерес, свою волю, вносит творческую, устрояющую правовую идею во весь сонм народов, во весь “концерт” народов и держав». С данной точки зрения немаловажное значение

имеет целый комплекс других параметров, таких как интеллектуальный, духовный, научный, технологический и т.д. вклад страны в мировое развитие, а также ее потенциал и творческие возможности во всех этих сферах.

Или, иначе говоря, как показывает мировой опыт, основополагающее значение имеют не только просто обладание природными ресурсами и достигнутый высокий уровень экономического развития, но и человеческий капитал. Зачастую способность народа создавать богатства оказывается важнее самого наличного богатства. Тем не менее, статус великой державы невозможно удержать в течение более или менее длительного времени без соответствующего уровня экономического развития, и в этом направлении России придется приложить в буквальном смысле слова титанические усилия.

Разумеется, всякие причитания и заклинания о величии нации и государства, характерные для нашей публицистики, да и некоторых специалистов по геополитике и международным отношениям, в принципе не прибавляют ни величия, ни престижа. Здесь уместно вспомнить слова Т. Манна, который как-то сказал: «Несчастлива страна, которая нуждается в героях». Перефразируя этот тезис, можно было бы сказать: несчастен народ, который на всех углах кричит о своем величии.

Все же для ущемленного, задетого в своем чувстве национальной гордости народа озабоченность своим местом в сообществе стран и народов — вещь неизбежная и естественная. В этом плане, как представляется, не по правилам играют те западные аналитики, которые не прочь иронизировать относительно такой озабоченности россиян. Однако нельзя забывать, что это удел любой имперской державы, пережившей поражение и унижение национального достоинства (не важно, реальное или воображаемое).

Вспомним в этой связи хотя бы Америку середины 70-х — начала 80-х гг., которая, оказавшись в тисках так называемого вьетнамского синдрома и чувства оскорбленного национального достоинства в свете известных иранских событий, жаждала хотя бы самой маленькой победы на международной арене. Тогда как нельзя кстати подвернулась крохотная Гренада — островок в Карибском море, образно говоря, размером с аэропорт. Ведь его захват американскими войсками как официальными лицами, так и некоторыми средствами массовой информации США выдавался как

впечатляющая победа американского оружия над силами мирового зла, будто угрожавшими чуть ли не самому существованию Америки.

Или вспомним, как после сокрушительного поражения полумиллионной американской армии в джунглях Юго-Восточной Азии разномастные Рэмбо в различных ипостасях одерживали одну победу за другой над вьетнамцами... на кино- и телеэкранах. Вместе с тем нельзя забывать то, что народ, который движим гордыней за свое величие и вообразаемое превосходство над другими народами (равно как и народ, который ожесточен и озлоблен от унижения национального достоинства), не способен верно оценить свое реальное положение в мире, свои истинные интересы, цели, миссию.

Подлинную национальную идею ни в коем случае нельзя смешивать с ее национал-шовинистической, великодержавной профанацией. Национальная идея включает высший смысл существования и предназначение данного народа. Она утверждает и легитимирует себя не через отрицание или развенчание культур или идеалов других народов, а через устремленность на созидание, творческое освоение всего жизнеспособного и позитивного из наследия этих народов.

Некоторые современные авторы в поисках оригинальных путей социального и политического переустройства России в качестве образца склонны предлагать модифицированные варианты проектов, выдвигавшихся в 20–30-х гг. представителями так называемого евразийства. Как известно, евразийцы были склонны чрезмерно преувеличивать фактор самобытности, самоценности и особой миссии России. Так, представляя Россию как особый культурный мир или особую цивилизацию, противопоставляемую прежде всего Западу, в одном из своих манифестов они утверждали, что Евразия — Россия «притязает еще и на то, и верит в то, что ей в нашу эпоху принадлежит руководящая и первенствующая роль в ряду человеческих культур»¹.

Нет никаких сомнений в том, что Россия может сохранить свое величие, лишь оставаясь Россией. Ни одно государство не способно добиться экономического подъема и роста благосостояния народа без использования национальных ресурсов, как материальных, так и духовных.

¹ Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 32.

Но вместе с тем не может не броситься в глаза ущербность трактовки России в терминах ее принадлежности либо к Востоку, либо к Западу, либо же как синтеза их обоих, не раскрывая при этом сущности самого синтеза. В современном мире вообще не совсем конструктивна сама мысль о западной или восточной ориентации и соответствующих приоритетах во внешнеполитической стратегии России. Нынешние реальности таковы, что много Востока присутствует на Западе и еще больше Запада на Востоке.

Как представляется, речь должна идти о переоценке ценностей, а не о выборе либо восточного, либо западного пути развития. Здесь проблема России состоит в том, что ей приходится решать еще недореализованные аспекты модернизации в смысле создания гражданского общества и правового государства, полноценного и самоосознанного гражданина, среднего класса и т.д.

Иначе говоря, необходимо концентрировать внимание на поисках собственного национального пути с учетом происшедших в мире масштабных изменений. В начале реформ для России курс на модернизацию означал ориентацию однозначно на вхождение в Европу, но осознание революционных изменений в области информационной и телекоммуникационной технологий, полицентричности современного мира открывает гораздо более широкие возможности приобщения к передовому опыту и интеграции в мировое хозяйство, не поступаясь национальными интересами.

Очевиден факт сокращения российской территории. Тем не менее Россия остается огромным геополитическим образованием, включенным в тесные связи со многими народами и культурами евразийского пространства. Обладая территорией в 17,1 млн кв. км, по площади почти равной США и Канаде вместе взятым, Россия остается географической сверхдержавой, растянувшейся на 11 часовых поясов (от южного побережья Балтийского моря до Берингова пролива). В конкурентной борьбе географическое положение все еще остается отправной точкой для определения внешнеполитических приоритетов государства, а размеры его территории по-прежнему сохраняют за собой значение важнейшего критерия статуса и силы.

Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имеет и ресурсный потенциал государства. Так, при населении, составляющем 3% от мирового населения, Россия занимает 12,5% территории суши в мире, обладает

22 % мировых лесных ресурсов, 20 % мировых ресурсов пресной воды (поверхностные и подземные воды), 30 % площади мировых шельфов.

Необходимо отметить, что Россия занимает срединное пространство между Европой, Дальним Востоком и мусульманским миром. В то же время она является центром притяжения стран постсоветского пространства, способным составить ось новой группировки стран и народов, которые не образуют единый географический регион.

26.2. Россия: региональная или мировая держава?

В данной связи актуальность приобретает вопрос о том, является ли Россия региональной или мировой державой. Некоторые авторы (как зарубежные, так и отечественные) прямо-таки как заклинание повторяют тезис о том, что Россия, потеряв статус великой мировой державы, может существовать лишь как региональная держава. Чтобы дать правильный ответ на этот вопрос, предварительно необходимо ответить на вопрос о том, в каком именно регионе России суждено действовать в качестве региональной державы.

Анализ реального положения вещей не оставляет сомнений в том, что Россия является одновременно и европейской, и азиатской, и западной, и восточной страной. Особенность нынешней ситуации состоит в том, что потеря Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии как бы несколько отдалила Россию от Запада и физически приблизила ее к Азии.

Россия оказалась отодвинутой далеко на восток, утратив при этом наиболее удобные прямые наземные пути в Европу, равно как и основные порты на Балтийском и Черном морях. Геополитическая ситуация России на восточном и южном направлениях также значительно ухудшилась в силу того, что некоторые новые постсоветские государства Закавказья и Центральной Азии продемонстрировали свою неспособность обеспечить социальную и политическую стабильность, предотвратить или погасить разного рода конфликты, в том числе и вооруженные.

Значимость Восточной Азии для России возрастает в силу того, что при сужении «окна в Атлантику» через Черное море и Балтику этот регион приобретает дополнительную значимость как ворота в Мировой океан и индус-

стриально развитый мир. Здесь перед Россией открываются новые рынки оружия, сырьевых и промышленных товаров.

В целом Россия по меньшей мере тремя фасадами выходит на внешний мир: западным, обращенным к евроамериканскому миру; южным, обращенным к весьма разнородному исламскому миру; и восточным, обращенным к Азии и всему Азиатско-Тихоокеанскому региону. Поэтому для нее актуальны европейский, ближневосточный, средне-восточный, центральноазиатский, восточноазиатский регионы, а также ближнее зарубежье. Для мирового баланса сил важное значение имеют отношения по линиям Россия — страны ЕС, Россия — НАТО, Россия — США, Россия — Китай, Россия — Япония, Россия — страны Ближнего Востока, Россия — СНГ и др. Россия может сыграть важную роль в формировании разных конфигураций военно-политических блоков.

Ее присоединение к одному из существующих или могущих сформироваться в будущем союзов может обеспечить последнему внушительный вес в отношениях с другими союзами. А сохранение свободы рук может позволить ей играть роль посредника или арбитра при разрешении тех или иных важных проблем, возникающих перед мировым сообществом, отдельными регионами или между теми или иными государствами. Участвуя в формировании различных региональных балансов сил, отвечающих интересам ее национальной безопасности, Россия способна внести существенный вклад в структурирование и поддержание мирового баланса сил, и в этом качестве она не может не выступать в качестве мировой державы.

На протяжении всей истории геополитические контуры России характеризовались исключительно высокой подвижностью. Россия испытывала постоянные территориальные приобретения и потери. Постепенно более или менее ясно вырисовывалась главная тенденция — неуклонное расширение ее геополитического пространства, будь то мирными или силовыми средствами. К концу XIX — началу XX вв. границы России приобрели (возможно, за некоторыми исключениями) свои естественные очертания.

Здесь можно привести аналогию с США, которые, преодолев громадные расстояния от Атлантического побережья до Тихого океана, к концу XIX в. приняли нынешние свои контуры. Сложившийся геополитический расклад открывает перед Россией благоприятные перспективы как для

социально-экономического и политического развития, так и для общения в мировом сообществе. Ключевым направлением в политической стратегии России стала установка на стабилизацию геополитического статус-кво, сохранение и закрепление сложившегося баланса мировых сил.

Такая установка в нынешних условиях приобрела для России императивную значимость. Она занимает особое (я бы сказал, уникальное) положение в геополитической структуре современного мира. Россия раскинулась на огромных пространствах, образующих своеобразный становой хребет, соединяющий Европу и Азию в единый Евразийский континент. Достаточно взглянуть на политическую карту, чтобы убедиться в том, что уже сам геополитический размах России прямо-таки обрекает ее на статус мировой державы.

Как не без оснований сетовал бывший генеральный секретарь НАТО М. Вернер, Россия — слишком большая геополитическая масса, чтобы ее просто так сбрасывать со счетов. Уже этот фактор сам по себе обуславливает то, что ей действительно на роду написано быть великой державой. При всех понесенных потерях Россия остается одновременно европейской, азиатской и азиатско-тихоокеанской, континентальной и океанической державой. Допустим, в Европе Россия стала страной, по своему весу и влиянию равной Великобритании или Франции. Но в Восточной Азии в военно-политическом отношении она занимает, мягко говоря, место, никак не уступающее тому, которое занимает, скажем, Китай.

И на западном, и на восточном, и на южном направлениях внешняя политика России приобретает стратегическое измерение как в ее отношениях с соседними странами и регионами, так и в отношениях последних с ней. Особую важность геополитическое положение России в нынешних реальностях имеет в силу ее близости к некоторым из наиболее опасных очагов и эпицентров национально-территориальных конфликтов.

Зачастую, приговаривая Россию к сценарию неизбежно-го упадка, апеллируют к известным концепциям возвышения и упадка империй, которые с легкой руки П. Кеннеди были в ходу в 80-х гг. Однако история не знает прямолинейных путей, зигзаги и повороты ее движения неисповедимы.

Если даже поверить приверженцам этих концепций, то нельзя не признать, что Россия не прошла полную траек-

торию восхождения и достижения апогея своего развития. В ходе прохождения такой траектории как можно полнее реализуется потенциальная витальная энергия, заложенная в недрах национально-государственного духа того или иного народа или соответствующей цивилизации. Побыв на протяжении длительного времени в состоянии своеобразного равновесия, страна затем начинает нисходящий путь истощения витальной энергии.

Начавшаяся в конце XIX в. фаза подъема в России была прервана Первой мировой войной и Октябрьской революцией. Витальная энергия, или, как иногда говорят, пассионарный порыв с пришествием тоталитаризма оказался загнанным вглубь и вплоть до революционных событий конца 80-х — начала 90-х гг. пребывал в латентном состоянии.

Другими словами, России в силу стечения целого комплекса причин не удалось в полной мере реализовать себя или, образно говоря, сказать миру все то, что она способна и должна была сказать. Теперь для пробуждения ее витальной энергии, жизненного порыва создались необходимые условия, и вполне вероятно, что для нее в рассматриваемом плане момент истины еще впереди, ведь Россия не раз демонстрировала способность находить адекватные ответы на вызовы истории, ей нередко удавалось успешно преодолевать периоды стратегической слабости и восстанавливать свой статус великой державы. Те, кто недооценивал ее силу (например, Наполеон или Гитлер), расплачивались за это очень дорогой ценой. Кстати, этот факт хорошо сознавал железный канцлер О. Бисмарк, который предупреждал своих соотечественников о необходимости сохранения дружественных отношений с восточным соседом.

Сама установка на подход к России как к противнику, потерпевшему поражение в холодной войне, и на этом основании ее недооценка в качестве серьезного самостоятельного субъекта мировой политики не могут не выглядеть опасным заблуждением для дела мира и международной безопасности. В этом контексте не могу не привести позицию Г. Киссинджера, который усматривал парадокс в том, что «за последние двести лет европейское равновесие сил было в ряде случаев сохранено благодаря героическим усилиям России. Без России Наполеон и Гитлер почти наверняка бы преуспели в создании универсальных империй. Подобно двуликому Янусу, Россия была одновременно

и угрозой равновесию сил, и одним из его ключевых компонентов, важной для него и все же не вполне его частью»¹.

Россия сегодня — это великая держава, которая временно переживает крупномасштабные экономические, политические и иные трудности, вызванные изменениями в ее геэкономическом и геополитическом положении, но ее перспективы по многим ключевым аспектам не столь проблематичны, как это хотелось бы противникам (как зарубежным, так и отечественным).

При всех очевидных модификациях ситуации и возможных оговорках нельзя забывать, что в современном мире еще никто не отменял роль силы и, соответственно, военной мощи. В военно-стратегическом отношении Россия не столь слаба, а Запад не столь силен и сплочен, как это хотелось бы видеть иным, не только зарубежным, авторам. Во всяком случае, Россия в обозримой перспективе способна обеспечить свою безопасность, опираясь на арсенал стратегических ядерных сил. Обладая второй в мире ядерной мощностью, она способна при необходимости ответить на вызовы любого потенциального противника как на Востоке, так и на Западе.

На нынешнем этапе в военно-политическом плане только Россия способна тягаться с США, претендующими на роль единственной глобальной сверхдержавы. Россия и США, обладая ядерным оружием, несмотря на сокращения последних лет, способны уничтожить не только друг друга, но и все человечество. Этот факт придает особую значимость их взаимоотношениям. Невзирая на прекращение холодной войны, модель взаимного ядерного сдерживания в этих взаимоотношениях продолжает действовать. С большой долей уверенности можно сказать, что в большинстве ведущих регионов Москва пока что остается военно-стратегическим тяжеловесом, а с выходом из экономического кризиса этот статус неизбежно укрепитя.

Любые крупномасштабные события и преобразования в России неизменно оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на положение дел во всемирном масштабе. Фактом остается то, что поддержание равновесия, мира и безопасности на всем евразийском пространстве, в том числе и в самой Европе, немыслимо без России. Это со всей очевидностью сознают большинство специалистов

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. С. 124.

по внешней политике, а также многие ведущие политические и государственные деятели Запада.

В современных условиях сама европейская безопасность становится во все уменьшающейся степени чисто военной проблемой, во всевозрастающей мере она превращается в проблему, решаемую в более широких рамках внешней политики, выходящей далеко за границы компетенций и возможностей НАТО.

Можно без преувеличения сказать, что одна из проблем стратегической безопасности Запада в целом и США в частности исходит из ослабления, а не, как полагают некоторые авторы, возрождения и усиления России. Их стратегическим интересам отвечает не слабая и непредсказуемая Россия, а Россия сильная и предсказуемая. В первом случае они имели бы дело с громадной зоной постоянной нестабильности, чреватой множеством неопределенных угроз. Во втором случае Россия станет той осью, вокруг которой способна консолидироваться большая часть постсоветского пространства, и, более того, гарантом стабильности в этом регионе.

26.3. Внешнеполитические приоритеты национальной безопасности России

Реальности постбиполярного мира поставили Россию перед необходимостью по-новому сформулировать свои национальные интересы и приоритеты национальной безопасности. При этом следует учесть, что процесс дифференциации и кристаллизации национальных интересов новых независимых государств, в том числе и России, еще далек от завершения. Отсюда те трудности, с которыми мы сталкиваемся при разработке концепций национального интереса и национальной безопасности. Отсюда некоторая их аморфность и неопределенность. Но более или менее научно обоснованные наметки и ориентиры в данном направлении все же обозначены (как в официальных документах, так и в разработках различных институтов, общественных организаций и отдельных исследователей).

Как отмечалось выше, в настоящий момент значительные угрозы безопасности России исходят изнутри самой России. Защищенность и стабильность государства можно

считать обеспеченными, если должным образом гарантирована его безопасность со стороны разного рода внешних угроз. Поэтому концепция национальной безопасности, как правило, базируется прежде всего на связке «государство — внешняя среда».

Большинство экспертов оценивают вероятность какой-либо крупномасштабной военной агрессии против России при наличии у нее потенциала ядерного сдерживания в ближайшей перспективе как весьма низкую. Но это отнюдь не означает отсутствие какой-либо угрозы ее национальной безопасности. Как говорили древние римляне, хочешь мира — готовься к войне.

Круг глобальных интересов России охватывает большинство регионов планеты и включает весь спектр взаимоотношений с государствами и международными организациями, призванных решить проблемы общемирового характера, такие как нераспространение и сокращение ядерного и других видов оружия массового поражения, предотвращение и прекращение войн и вооруженных конфликтов, недопущение экологических катастроф и защита окружающей среды, борьба с международной преступностью, терроризмом, наркобизнесом и др.

В настоящее время кроме пяти официально признанных ядерных держав в мире насчитывается еще примерно десять стран, создавших или находящихся на пороге создания ядерного оружия. Причем это в основном страны с нестабильным социально-политическим и военно-политическим климатом. Для России особая актуальность данной проблемы состоит в том, что большинство этих стран в геостратегическом плане расположены в непосредственной близости от ее границ, создавая тем самым для нее неопределенную зону ядерного риска. Очевидно, что политика ядерного сдерживания не может не учитывать этот фактор.

Потенциальными источниками угроз безопасности Российской Федерации могут стать социальные, экономические, территориальные, религиозные, этнонациональные и иные противоречия как в тех или иных регионах самой России, так и в странах по периметру ее границ. Несмотря на все возможные здесь оговорки, фактом является сохраняющаяся взаимозависимость большинства постсоветских стран. Географическая близость, большая протяженность и прозрачность государственной границы (в том числе и с государствами с нестабильной внутривнутриполитической си-

туацией) создают дополнительные трудности на пути обеспечения национальной безопасности. В этом плане особую озабоченность России вызывает так называемая исламская дуга нестабильности, простирающаяся от Балкан до Афганистана. Она включает разного рода этнонациональные, территориальные, конфессиональные конфликты, которыми охвачены множество стран региона.

В этих условиях одна из главных целей, стоящих в настоящее время перед Россией, — это подтвердить свой статус великой державы в иерархии стран и народов в современном мировом сообществе по важнейшим экономическим, социальным, политическим, культурным, технологическим и иным параметрам. Реализация этой основополагающей цели предполагает:

- своевременное прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз национальной безопасности Российской Федерации, оперативные и долгосрочные меры по их предупреждению и нейтрализации;
- обеспечение суверенитета и территориальной целостности России, безопасности ее пограничного пространства;
- подъем экономики страны, преодоление научно-технического и технологического отставания от индустриально развитых стран, создание условий, призванных обеспечить необратимость социально-экономических и политических реформ;
- активное и полноправное участие в строительстве новой системы международных отношений, обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с ведущими государствами мира;
- подъем и поддержание на достаточно высоком уровне военного потенциала государства;
- укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки;
- противодействие усилению влияния других великих держав на постсоветском пространстве, обеспечение безопасности и стабильности на всем этом пространстве, сохранение и расширение для России доступа к природным ресурсам этого региона;
- поддержание равновесия сил в Восточной и Центральной Европе, Восточной Азии и других прилегающих к России регионах;

- защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни всех народов России и т.д.

В ряду этих установок определяющее значение имеет сохранение способности государства противодействовать любым угрозам военного характера. В современном мире в арсенале средств обеспечения национальной безопасности государства центральная роль сохраняется за вооруженными силами. Главная их функция — сдерживание любой военной агрессии против России. Гарантией эффективного выполнения данной функции является как демонстрация способности силового противодействия агрессии, так и готовность государства к применению силы. Эта задача приобретает особую значимость в условиях сокращения экономического, научно-технологического и промышленного потенциалов страны.

26.4. Пути и средства сохранения статуса великой державы

В создавшихся ныне условиях у России нет возможностей гарантировать свою безопасность в глобальном масштабе развертыванием достаточно мощных сил общего назначения. В ближайшей перспективе материальные возможности России, необходимые для поддержания вооруженных сил на должном уровне, несомненно будут заметно ниже потенциальных возможностей других великих держав. Одна только НАТО после включения в нее стран Восточной Европы имеет над Россией четырехкратное превосходство в обычных вооружениях.

Поэтому в области военного строительства в ближайшие годы России предстоят разработка и реализация широкого комплекса мер, призванных повернуть вспять процесс сокращения военно-промышленного потенциала. Здесь определяющая роль принадлежит системе стратегических ядерных сил. Верно, что ядерное оружие не всегда конвертируется в политическое влияние на международной арене. Например, ядерный статус России не помог ей воспрепятствовать расширению НАТО. Тем не менее ядерное оружие для России в современном мире служит в качестве наиболее эффективного средства сдерживания потенциального

противника. Даже З. Бжезинский вынужден признать, что «остающийся у России ядерный потенциал... создает почву для особого диалога с США, что повышает престиж России и, возможно, даже дает повод говорить об особых отношениях между обеими странами»¹.

Оборонная мощь государства в современных реалиях определяется не столько численностью вооруженных сил, сколько их высокой боеспособностью и технической оснащенностью, мобильностью, гибкостью реагирования на угрозы и т.д. Времена, когда исход войны решали массовые армии, ушли в прошлое. Современные высокие технологии, обладающие громадным коэффициентом поражающей силы, требуют для своего обслуживания специалистов высочайшего профессионального уровня. Поэтому важнейшим императивом для России в рассматриваемом плане стала профессионализация армии.

В этом отношении ядерному оружию как средству сдерживания агрессии со стороны возможного противника в XXI в. нет альтернативы. Причем, асимметричность ядерных арсеналов не имеет принципиального значения, если любая из держав в случае нападения на нее способна нанести неприемлемый для противной стороны урон. С этой точки зрения интерес представляет так называемый «критерий Кеннеди», сформулированный в ходе карибского кризиса 1962 г. тогдашним президентом США Дж. Ф. Кеннеди.

Как утверждал Дж. Кеннеди, для Америки неприемлем ущерб даже от удара по ее городам единичных ядерных боеголовок. Если следовать этому критерию, взаимное ядерное сдерживание сверхдержав обеспечивается даже в том случае, если их ядерные потенциалы асимметричны. Следует отметить, что примерно на этом принципе основываются национальные военные доктрины Великобритании, Франции, Китая. Можно сказать, что именно ядерные силы играют ключевую роль в определении статуса России как великой военно-политической державы. Они вполне достаточны в качестве политического фактора сдерживания потенциального противника.

В данном контексте совершенно оправданным представляется то, что в своей военной доктрине Россия не подтвердила декларированное ранее СССР обязательство не приме-

¹ Brzezinski Z. Living with Russia // The National Interest. 2000. № 61.

нять первым ядерное оружие. Такое обязательство, по сути дела, противоречило бы главной установке, согласно которой это оружие рассматривается не как средство ведения войны, а как средство сдерживания возможного агрессора.

Поэтому в Концепции национальной безопасности Российской Федерации 2000 г., констатируя основополагающую ориентацию на сотрудничество и интеграцию в мировую политическую, экономическую и финансовую систему, красной нитью проводилась мысль о необходимости противостояния многообразным формам внешнего давления. Если в редакции национальной безопасности 1997 г. использование ядерного оружия предусматривалось лишь в случае, если возникнет угроза самому существованию Российской Федерации как суверенного государства, то в редакции 2000 г. его применение рассматривается правомерным и необходимым в ответ не только на его использование агрессором, но и на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности Российской Федерации и ее союзников. Иначе говоря, ядерный «порог» понижен, поскольку допускается использование ядерного оружия не только в качестве ответного средства возмездия в ядерной, но и в обычной войне, когда будут исчерпаны все средства отражения агрессии.

Данная установка сохранена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., вступившей в силу в мае 2009 г. В ней, в частности, констатируется решимость России предпринять все необходимые усилия по поддержанию паритета с США в области стратегических наступательных вооружений в условиях развертывания ими глобальной системы ПРО и реализации концепции глобального молниеносного удара с использованием стратегических носителей в ядерном и неядерном оснащении.

В силу целого комплекса факторов для России речь может идти не просто о военной безопасности, а о безопасности во всех ее аспектах и измерениях: глобальном, региональном, национальном, а также экономическом, социальном, экологическом, информационном, политическом. Причем национальная безопасность России должна обеспечиваться на трех разных, но взаимосвязанных уровнях: глобальном, евразийском и региональном. Причем если в первых двух аспектах вопрос более или менее ясен, то третий аспект требует некоторых разъяснений. Дело в том, что Россия, выхо-

дящая на многие регионы, не может не строить свою внешнеполитическую стратегию по многовекторному принципу. Здесь какой бы то ни было выбор по формуле «или-или» в пользу какого-либо одного направления в ущерб другим неминуемо сопряжен с крупными стратегическими просчетами.

Оптимальной для России представляется стратегия равноудаленности или равноприближенности к основным центрам силы, исключающая конфронтацию с каким-либо из этих центров и в то же время попадание в зависимость от них. Для ускоренного социально-экономического и политического развития как отдельных регионов, так и страны в целом России необходимо всячески наращивать свои связи (особенно торгово-экономические) со всеми без исключения странами и регионами. В этом плане внешняя политика может быть эффективной лишь в том случае, если она является многовекторной и осуществляемой по всем азимутам.

В целом при всех переживаемых Россией в настоящее время трудностях она тем не менее сохраняет широкие потенциальные возможности оказывать существенное влияние на содержание и характер глобального и регионального баланса сил. Громадные размеры, обладание стратегическими ядерными вооружениями, богатейшие природные ресурсы, выгодное месторасположение на пересечении интересов самых могущественных стран мира и другие факторы служат гарантией того, что Россия останется одним из ключевых акторов в сообществе стран и народов.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что имеется в виду, когда говорят, что Россия находится на путях поиска своей геополитической идентичности?
2. Что понимается под великодержавностью?
3. Можно ли отождествлять подлинную национальную идею с крайним национализмом или шовинизмом? Если нет, то почему?
4. Что означает для России переоценка ценностей?
5. Правомерна ли постановка вопроса в форме «Россия: региональная или мировая держава»?
6. Назовите внешнеполитические приоритеты Российской Федерации.
7. Какие существуют внешние угрозы национальной безопасности России?
8. Каковы основные пути и средства сохранения Россией статуса великой державы?

Глава 27. РОССИЯ И ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ

Одним из определяющих факторов современной системы международной безопасности является комплекс отношений по линии Россия — Запад. Все более растущее значение на протяжении всего постсоветского периода приобретало азиатское направление внешней политики России прежде всего с такими ключевыми акторами международных отношений, как Китай, Япония, Индия и новые индустриальные страны, вносящие существенный вклад в формирование современного миропорядка.

27.1. Общая характеристика взаимоотношений России и западных стран

Как уже отмечалось, в условиях распада биполярного и формирования полицентрического миропорядка не только Россия, но и ведущие государства современного мира очутились перед необходимостью переоценки своего места и роли в современных геополитических реальностях. Применительно к России перед ними встал императивный вопрос, который наиболее четко сформулировал З. Бжезинский: «Если Россия больше не является противником, то кто же она — уже союзник, или клиент, или просто враг, потерпевший поражение»¹.

Западная составляющая современного миропорядка и его геополитической конфигурации имеет два теснейшим образом взаимосвязанных, но все же самостоятельных компонента — Северную Америку (главным образом США) и Европу, представленную прежде всего странами ЕС. Естественно, политическая стратегия России в отношении этих двух компонентов характеризуется определенными различиями.

---

¹ Бжезинский З. Пржедвременное партнерство // Политические исследования. 1994. № 1. С. 61.

Большинство руководителей стран Запада и специалистов по внешней политике убеждены в том, что распад СССР и окончание холодной войны отвечают коренным жизненным интересам этих стран. Соответственно, по их мнению, любая политика России или какого-либо иного государства, направленная на экономическую, политическую и военную консолидацию постсоветского пространства, этим интересам противоречит. Действительно, распад СССР открыл перед Западом беспрецедентные с геополитической точки зрения возможности для проникновения в важные для него, но ранее практически закрытые регионы постсоветской Центральной Азии и Закавказья.

Разумеется, Запад в целом и США в особенности приложат все усилия к тому, чтобы сделать изменения, происшедшие в России и СНГ, необратимыми. Обратное противоречило бы всем канонам взаимоотношений между государствами. Более того, государственный секретарь США при президенте Б. Клинтоне М. Олбрайт утверждала, что «задача США состоит в том, чтобы управлять последствиями распада советской империи»¹.

Однако при всей остроте критики политики России, которая в последние годы развернулась в западных средствах массовой информации, все же было бы ошибкой считать, что Запад в целом стремится к развалу, дезинтеграции России, утрате Москвой контроля за нынешней российской территорией. Это не стыкуется с реальностями ядерно-космического века, века транснационализации и глобализации. Дело в том, что такие категории, как военная сила, баланс сил и интересов, игра с нулевой суммой и т.д., как уже отмечалось, не могут насовсем исчезнуть с повестки дня великих держав.

С определенными оговорками можно сказать, что, будучи не заинтересованы в появлении на мировых рынках нового сильного конкурента, западные страны разделяют с Россией ряд совпадающих интересов. Среди них можно назвать следующие: укрепление международной безопасности, усиление контроля над вооружениями, предотвращение распространения всех видов оружия массового уничтожения, борьба с международным терроризмом и наркобизнесом, защита прав и свобод человека, охрана окружающей среды и др.

¹ Независимая газета. 1998. 16 окт.

Немаловажное значение для развития отношений между Россией и Западом имеет интеграция российской экономики в мировую экономику. Важным шагом в этом направлении является участие России в многосторонних гражданских проектах, таких как Многонациональная космическая станция, морской космодром в Тихом океане и др.

Запад не может не сознавать, что Россия своим существованием обеспечивает некий баланс сил и тем самым играет позитивную геополитическую роль на мировой арене. Подрыв этой роли привел бы к дальнейшему усилению дезинтеграционных тенденций и нестабильности на всем Евразийском континенте, что, в свою очередь, может отрицательно отразиться на глобальных интересах США и всего Запада. Сами масштабы России, ее географическое местоположение, сохранение за ней места в ядерном клубе, а также места постоянного члена в Совете Безопасности ООН обеспечивают ей значительную власть и влияние во всемирном масштабе.

Верность этого тезиса подтвердилась тем фактом, что после террористической атаки 11 сентября 2001 г. Россия первой из всех стран на государственном уровне выразила поддержку и соболезнование российскому народу народу США. Тем самым она продемонстрировала свою заинтересованность в добрых отношениях с Западом в целом и США в частности. Россия предоставила афганскому Северному альянсу оружие для борьбы с талибами и дала согласие на присутствие американских контингентов в ряде стран СНГ. Примерно так же были в России восприняты взрывы в мадридских поездах 11 марта 2004 г. Со своей стороны, трагедия Беслана в сентябре 2004 г. значительной частью политического и интеллектуального истеблишмента, а также общественностью Запада была воспринята как своя собственная.

При оценке положения России на международной арене значительная часть западных исследователей исходила из признания того факта, что хотя русские и переживают большие трудности, они, как говорится, не вышли из игры и что эти трудности не могут продлиться вечно. Как говорится, политики и правительства приходят и уходят, а ядерные бомбы и ракеты, а также их носители остаются. Этим неоспоримым фактом во многом определяется политика Запада, да и остального мира в отношении России.

Поэтому вполне объяснимо стремление как Запада, так и России сохранять и в возможной степени расширять взаимоотношения и сотрудничество в политической, торгово-экономической, культурной, экологической и других областях. При всех возникающих время от времени разногласиях и противоречиях по тем или иным вопросам обе стороны пытаются концентрировать внимание на том, что их объединяет.

Можно сказать, что на Западе оценка места и роли России в мире неоднозначна. Есть те, которые спят и видят развал или, в крайнем случае, ослабление России. Но все же большая часть западной общественности, политической, экономической и культурной элиты, социально-политических сил, партий, политических и государственных деятелей предпочитают иметь дело со стабильной и сильной Россией.

27.2. Российско-американские отношения

Не случайно распад СССР, имеющий потенциальные долговременные непредсказуемые последствия для всего мирового сообщества, тогдашний государственный секретарь США Дж. Бейкер назвал «величайшим вызовом», перед которым оказалась Америка на исходе XX столетия. Озабоченность судьбами России и возможными последствиями тех или иных перспектив ее развития со всей определенностью высказывали и представители администраций Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. «Мы не знаем, — писал в одной из своих статей бывший государственный секретарь США У. Кристофер, — какой именно страной станет Россия в XXI в., но мы знаем, что будущее России будет оказывать глубокое влияние на нашу безопасность и безопасность наших европейских союзников»¹.

При всем том отношения новой России с Западом в целом и США в частности складывались непросто, порой с большими трудностями. Сохранялись и продолжают сохраняться инерция, стереотипы, установки периода холодной войны в отношениях между двумя сторонами.

Особенно острые разногласия и противоречия, доходившие временами до порога возврата ко временам холодной войны, между двумя странами развернулись по таким жиз-

¹ URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/22507>.

ненно важным вопросам, как расширение НАТО, предоставление независимости Косово, американско-британская агрессия против Ирака, наложение санкций на Иран, который, как полагают в Вашингтоне, ведет работы по созданию атомной бомбы и ее носителей, и др. Своего апогея эти разногласия и противоречия, как будет показано ниже, достигли в период и в результате так называемой пятидневной войны, развязанной режимом М. Саакашвили в августе 2008 г. Тем не менее обе стороны в отношениях друг с другом не перешли ту красную линию, за которой не остается возможности возврата на исходные позиции.

Более или менее динамично развиваются торгово-экономические связи между двумя странами. Основопологающим документом, регулирующим эти отношения, является межгосударственное Соглашение о торговых отношениях между СССР и США, подписанное в 1990 г. и введенное в действие применительно к России в 1992 г. В 1993 г. вступил в силу Договор от 17.06.1992 между Россией и США об избежании двойного налогообложения. 19 ноября 2006 г. в рамках российско-американской встречи на высшем уровне на саммите АТЭС в Ханое был подписан протокол о завершении двусторонних переговоров с США по условиям присоединения России к ВТО, а также ряд межправительственных соглашений, регулирующих отношения в различных торгово-экономических областях.

6 апреля 2008 г. по итогам российско-американского саммита в Сочи принята Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений. Значимость этих документов для России станет очевидна, если учесть, что США являются одним из ведущих ее торговых партнеров. По итогам 2007 г. объем российско-американской торговли достиг 27,6 млрд долл. При этом объем российского экспорта в США составил 20,2 млрд долл., а импорта — 7,4 млрд долл. Положительное для России сальдо составило 12,8 млрд долл. По данным того же года, США занимают 6-е место (8,5 млрд долл.) по объему накопленных иностранных инвестиций в России (или 3,9% от общего объема в 220,6 млрд долл.). По объемам прямых инвестиций США на четвертом месте (3,6 млрд долл.).

Как показывают эти данные, несмотря на рост взаимного товарооборота в последние годы, его объемы все еще не соответствуют экономическому потенциалу двух стран. В 2008 г. доля США во внешней торговле России составила

3,7% (в экспорте — 2,9%, в импорте — 5,2%), что соответствует 8 месту среди торговых партнеров нашей страны.

В последнее время инвестиционное сотрудничество приобрело двусторонний характер. Российские капиталовложения в экономику США к концу 2007 г. достигли 8 млрд долл. «ЛУКойл» является владельцем 2200 автозаправок в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания, некоторые из которых уже работают под оригинальным российским брендом. В некотором роде прорывом в данной сфере можно считать подписание в феврале 2008 г. руководителем «Росатома» С. В. Кириенко и министром торговли США К. Гутьерресом поправки к Соглашению о приостановлении антидемпингового расследования по поставкам урановой продукции из России в США.

Принципиальное значение для России имеет получение режима наибольшего благоприятствования в торговле с США на постоянной и безусловной основе. Дело в том, что Россия по-прежнему подпадает под действие известной поправки Джексона—Вэника к Закону о торговле 1974 г., из-за чего данный режим действует на временной основе. Такая ситуация противоречит ст. 1 двустороннего Соглашения о торговых отношениях, которая предусматривает взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования без каких-либо условий и в соответствии с нормами ВТО.

Сохраняет актуальность проблема дискриминации России в вопросах экспортного контроля. Участие России в создании международного режима экспортного контроля не привело к пересмотру правил экспортного контроля США в отношении нашей страны. Остаются нерешенными вопросы об отмене других сохраняющихся ограничений на торговлю.

Весьма сложно развиваются российско-американские отношения в сфере военно-политических отношений. Поддерживая политику ужесточения международного контроля над распространением оружия массового поражения, руководство США одновременно взяло курс на выход из Договора ПРО 1972 г. и развернуло усилия по реализации программы разработки и развертывания системы ПРО. 23 июля 1999 г. Б. Клинтон подписал акт «О национальной противоракетной обороне», по сути дела, узаконивший эту программу.

Политика США в этой сфере приняла откровенно негативный для национальной безопасности России характер

в течение второго срока пребывания у власти Дж. Буша-мл. Камнем преткновения, наряду с названными в начале данного параграфа факторами, стало решение американской администрации о размещении на территории Чехии и Польши элементов противоракетной обороны. Касательно вопросов ПРО можно сказать, что США и Россия в настоящее время не являются стратегическими противниками, но в то же время они не стали союзниками в полном смысле этого слова.

Фактом является то, что они не угрожают друг другу ядерной атакой. Но фактом является также неуклонное распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, расширение клуба ядерных держав. При определенных условиях может стать реальной угрозой со стороны той или иной новой ядерной державы атаки баллистическими ракетами с ядерными боеголовками. Это, в свою очередь, существенно увеличивает приоритетность проблемы усовершенствования и расширения системы противоракетной обороны.

Но здесь для интересов обеих держав в силу комплекса военно-политических и военно-технологических составляющих односторонние действия просто противопоказаны. Администрация США заявляет о готовности сотрудничества в этой области как с Россией, так и с другими заинтересованными государствами по вопросам разработки и развертывания по крайней мере частей этой системы. Что касается планов размещения в восточной Европе компонентов ПРО, то при всех заверениях Вашингтона об их ориентированности на перехват ракет, которые могут быть запущены со стороны Ирана, многие аналитики высказывали убеждение в их направленности прежде всего против России. Поэтому естественно, что руководство России заявило о решимости принять соответствующие ответные меры для обеспечения национальной безопасности страны. В частности, было объявлено о возможности размещения на территории Калининградской области комплексов «Искандер».

Отношения между Россией и США, которые в последние годы пребывания у власти Дж. Буша-мл. многие аналитики характеризовали как чуть ли не возврат ко временам холодной войны, заметно улучшились с приходом в Белый дом в 2008 г. представителя демократической партии Б. Обамы. Администрация Обамы в качестве одного из первых внеш-

неполитических шагов объявила о «перезагрузке» отношений с Россией.

Одним из важных событий в процессе возрождения отношений между двумя странами стал визит Б. Обамы в Москву 6—8 июля 2008 г. Во время саммита Россия согласилась разрешить США военный транзит через свою территорию в Афганистан. В этом русле было принято решение об отказе от планов развертывания элементов ПРО в Польше и Чехии.

Частью «перезагрузки» отношений стала интенсификация переговоров по заключению нового договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. В ходе Московского саммита заключение такого договора было объявлено приоритетной задачей. Конечно, США продолжат программы развертывания наземных и морских систем ПРО на ТВД. Тем не менее принятые к настоящему времени шаги с обеих сторон вселяют определенный оптимизм относительно перспектив в отношениях между двумя странами.

27.3. Взаимоотношения между Россией и Европейским союзом

Наряду с США ключевым партнером России на Западе является ЕС. С вхождением сначала Финляндии, а затем и трех прибалтийских стран в Евросоюз Россия и ЕС стали соседями. Европейский союз является одним из основных политических и экономических партнеров России, с которым она развивает отношения равноправного стратегического партнерства. Фактом остается то, что мир и безопасность в Европе немыслимы без России. Поэтому вполне естественно, что в Концепции внешней политики Российской Федерации (2000 г.) и Стратегии внешней политики Российской Федерации до 2020 года (2009 г.) особо подчеркнуто ключевое значение отношений с ЕС.

В 90-е гг. сотрудничество между Россией и ЕС развивалось по восходящей линии, хотя и не без определенных трудностей. К примеру, факторами, приведшими к осложнению отношений между Россией и Западом, стали война в Чечне и конфликты на Балканах, связанные с распадом Югославии и военными операциями Североатлантическо-

го альянса на постюгославской территории. Они нанесли значительный ущерб как двусторонним связям Российской Федерации с отдельными странами Запада, так и с ЕС.

Отношения между Россией и ЕС регулировались Соглашением о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанным 24 июня 1994 г. на острове Корфу и вступившим в силу 1 декабря 1997 г. Этот документ определял основные цели, направления и механизмы сотрудничества в экономической сфере и предусматривал постоянный политический диалог партнеров. Срок его действия закончился в 2007 г.

На саммите Россия — ЕС, состоявшемся в октябре 1999 г. в Хельсинки, стороны обменялись двумя важными документами: Коллективной стратегией Европейского союза в отношении России и Стратегией развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000—2010 гг.).

Между Россией и ЕС ведется диалог в формате «председатель правительства России — председатель Комиссии Европейского союза (КЕС)». Сотрудничество осуществляется в рамках механизмов, образованных в соответствии с СПС. Это Совет сотрудничества на уровне министров иностранных дел, Комитет сотрудничества на уровне старших должностных лиц, в рамках которого действуют девять отраслевых подкомитетов, а также Комитет парламентского сотрудничества. На регулярной основе встречаются министры иностранных дел России и стран ЕС.

В этом плане немаловажное значение имело решение Санкт-Петербургского саммита в мае 2003 г. о создании между Россией и ЕС четырех общих пространств: экономического, внешней и внутренней безопасности, культуры. Несомненно, это решение свидетельствовало о желании сторон переместить сотрудничество России и ЕС на новый уровень взаимоотношений. Однако, как показал опыт, создание таких «европейских пространств» сопряжено с большими трудностями.

В 2003 г. Совет сотрудничества был заменен Постоянным советом партнерства (ПСП), ставшим основным рабочим органом сотрудничества Россия — ЕС. Постоянный совет партнерства собирается как в формате совещания министров иностранных дел, так и встречи отраслевых министров. Еще до истечения срока действия СПС 1 декабря 2007 г. на саммите Россия — ЕС в Сочи в мае 2006 г. была достигнута договоренность о начале работы над но-

вым базовым соглашением между Российской Федерацией и ЕС. Однако переговоры шли очень медленно, преодолевая множество встречающихся на их пути трудностей. Предполагалось, что СПС будет оставаться в силе до тех пор, пока не будет заменено новым документом.

26 мая 2008 г. Совет министров иностранных дел ЕС без обсуждения утвердил мандат на переговоры о новом базовом соглашении ЕС — Россия. На саммите в Ханты-Мансийске 27 июня 2008 г. Россия и ЕС официально объявили о начале переговоров по новому соглашению. Переговоры, которые и так шли с трудом, серьезно застопорились в результате так называемой пятидневной войны в августе 2008 г.

Президент России Дмитрий Медведев еще летом 2008 г. во время своего визита в Берлин выступил с предложением создать такой механизм поддержания мира в Европе, чтобы ни одно государство или международная организация не обеспечивали свою безопасность за счет других. В конце ноября 2009 г. подготовленный Москвой конкретный проект договора был передан на рассмотрение европейским партнерам. Необходимо признать, что еврочиновники приняли проект без особого энтузиазма. Россия поставила также вопрос о введении взаимного безвизового режима граждан Российской Федерации и ЕС.

Переговоры по всем этим вопросам получили новый импульс с изменениями, которые произошли в руководстве ЕС осенью 2009 г. Так, во время визита верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон в феврале 2010 г. главное внимание концентрировалось на трех темах: подготовке нового базового соглашения между Россией и ЕС, предложенном Москвой проекте Договора о европейской безопасности и обмене мнениями о возможности отмены шенгенских виз для российских граждан.

Особенно активно и с успехом развиваются торгово-экономические связи между двумя сторонами. Об этом свидетельствует неуклонный рост товарооборота, увеличение объемов капиталовложений западноевропейских стран в экономику России. Европа является доминирующим внешнеторговым партнером России. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что, по имеющимся данным, общий объем экспорта товаров Российской Федерации в ЕС в 2008 г. составил 173,2 млрд евро, а импорта

в РФ из стран ЕС — 105,1 млрд евро. Существенное место в торгово-экономических отношениях России и ЕС занимают энергоресурсы, о чем речь более подробно пойдет позже.

В экономических отношениях, в частности, в сферах тарифной политики и квотирования экспорта и импорта между ЕС и Россией, сохраняются нерешенными серьезные проблемы. Евросоюз добивается полного открытия российских рынков для своих товаров. В то же время с российской стороны звучат требования об отмене дискриминационных антидемпинговых квот на поступающие в страны ЕС российский текстиль, черные металлы и ряд других промышленных товаров.

В вопросе о расширении и углублении связей России и ЕС многих аналитиков беспокоит возможность как сближения Германии и России, так и потенциальное их противоборство, которые, как считают некоторые исследователи, одинаково опасны для остальной Европы, да и безопасности во всем мире. В первом случае увеличится страх перед возможностью их господства над остальной Европой, а во втором случае они могут вовлечь континент в эскалацию кризисов. В этой связи интерес представляет то, что в противодействии американо-британскому вторжению в Ирак Россия и Германия выступили в едином фронте с Францией.

Все эти и связанные с ними реальности служат гарантией дальнейшего развития конструктивного сотрудничества Запада и России в решении ключевых проблем мирового сообщества.

27.4. Последствия расширения НАТО для России

Руководители западных стран не перестают уверять мировое сообщество в своих добрых намерениях, в своем миролюбии и озабоченности проблемами безопасности не только собственных членов, но и России. Руководство альянса неоднократно заявляло, что в обозримом будущем не предусмотрены какие-либо планы размещения ядерного оружия на территории новых стран-членов.

Однако само руководство НАТО неоднократно демонстрировало, что его слова и уверения зачастую не стыкуются с его же реальной политикой. Под аккомпанемент по-

добного рода рассуждений Альянс безудержно расширился на Восток, увеличив пределы своей ответственности аж до Афганистана. Это свидетельствует о том, что всякого рода заявления имеют ту особенность, что они часто не соблюдаются.

Поэтому Россия не вправе принимать подобные заявления за чистую монету. Хотя бы потому, что увеличение мощи даже обычных сил НАТО при одновременном ее приближении к границам России может иметь дестабилизирующее влияние на баланс стратегических ядерных сил. Дело в том, что Североатлантический альянс получает практически прямой доступ к центральным (ранее являвшимся тыловыми) районам, имеющим ключевое в военно-экономическом отношении значение. Обычные вооружения стран НАТО приобретают способность решать стратегические задачи на территории России. Поскольку возрастает опасность поражения объектов ядерных сил обычными средствами, тактическая авиация получает возможность наносить удары по стратегически важным объектам в глубине территории России.

Тем не менее, как уже отмечалось, Россия вынуждена признать ту аксиому, что НАТО — это современная мировая реальность, а международную политику невозможно строить без учета существующих реальностей или игнорируя их. Россия как великая ядерная держава, которая в начале нового века как бы снова вернулась на мировую авансцену в качестве влиятельного игрока, тоже является мировой реальностью. Поэтому Россия и НАТО просто обречены на взаимное сотрудничество, на совместные поиски форм, путей и средств борьбы с новыми угрозами международной безопасности.

Россия, вполне сознавая эти реалии, участвует в работе Совета североатлантического сотрудничества (ССАС), созданного в декабре 1991 г. В июне 1994 г. Россия поставила свою подпись под рамочным документом программы «Партнерство во имя мира», в которой участвуют 26 стран-партнеров, в том числе такие нейтральные страны, как Швеция, Финляндия и Австрия. В мае 1995 г. Россия подписала Индивидуальную программу партнерства и документ, который обозначил механизм ее политического диалога с НАТО по формуле «16+1». С середины 90-х гг. прошлого века процесс постепенной институционализации отношений между Россией и НАТО шел по нарастающей.

Существенным прорывом в направлении улучшения отношений между Россией и НАТО стало подписание президентом РФ Б. Н. Ельциным и главами государств и правительств стран — членов НАТО 27 мая 1997 г. в Париже Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и НАТО. Этот компромиссный документ открыл для России новые возможности развития взаимодействий с НАТО в различных областях европейской и мировой политики.

Во исполнение его положений был создан Совместный постоянный совет Россия — НАТО, который, как отмечалось в Основополагающем акте, обеспечивает механизм для консультаций, координации и в максимально возможной степени, по мере необходимости, для совместных решений и совместных действий в отношении вопросов безопасности, вызывающих общую озабоченность. Создана и функционирует информационная служба НАТО в Москве. НАТО и Россия заявили о своей готовности работать в области контроля над вооружениями и разоружением в тесном контакте с Организацией по запрещению химического оружия.

На протяжении последнего десятилетия более или менее успешно развиваются различные направления сотрудничества и взаимодействия России и НАТО, такие как совместные военные учения, миротворческие мероприятия. Предпринимаются общие усилия, направленные на борьбу против международного терроризма и предотвращение распространения ядерного, биологического и химического оружия и др.

27.5. Проблема энергетической безопасности

В последние годы важной составляющей системы обеспечения национальной безопасности стал вопрос об энергоресурсах, от стабильного обеспечения которыми во все более растущей степени будут зависеть не только перспективы развития мировой экономики, но и геополитическое состояние в мире в целом. Более того, создается впечатление, что предполагавшиеся межцивилизационные войны довольно быстро приобретают геоэкономический характер с энергетическим уклоном. Во все более растущей степени

утверждается новый феномен мировой политики, обозначаемый понятием «энергетическая безопасность».

Энергетический кризис середины 70-х гг., а также исламская революция в Иране воочию продемонстрировали силу «нефтяного оружия». Учитывая эту реальность, одной из частей своей книги «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть» Д. Ергин дал название «Углеродородный век». Он говорил также о наступлении эры «углеродородного человека»¹. Такой статус сохранится за нефтью и газом, пока не будет найден равновеликий ей эквивалент энергоносителя.

Одним из существенных шагов в направлении усиления веса и влияния нефтедобывающих стран стало создание ОПЕК, вслед за которой сформировался ряд других объединений, таких как Межправительственный совет стран — экспортеров меди (СИПЕК), Международная ассоциация бокситодобывающих стран (ИБА), разного рода ассоциации производителей и экспортеров железной руды, фосфатов, каучука, леса и других ресурсов, хотя не все они смогли достичь поставленных целей.

Время от времени поднимается вопрос о том, следует ли признать минеральные ресурсы общим наследием человечества. В противовес подобным установкам в политический лексикон вошли такие понятия, как *суверенные права на ресурсы, ресурсный суверенитет, исключительные права на разведку и разработку* и т.д.

Набирает силу так называемый *энергетический, или ресурсный, национализм*, суть которого состоит в том, что все более растущее число стран Латинской Америки, Иран, Алжир и другие страны, обладающие углеводородными ресурсами, ужесточают контроль над международными компаниями или же национализировать их. Далеко идущие шаги в этом направлении предприняты У. Чавесом в Венесуэле.

Конвенция ООН по морскому праву, подписанная в 1982 г., определяет сферу действия, объем суверенных прав и полномочий прибрежных стран. В декабре 1991 г. была принята Европейская энергетическая хартия, которая стала отправной точкой дальнейших переговоров, которые привели к принятию в декабре 1994 г. Договора к энергетической хартии (ДЭХ).

¹ Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Ergin/_Index_Dob.php.

В данном договоре определено суверенное право контроля стран-производителей над своими энергоресурсами и транспортировкой на мировые рынки. Документ был ратифицирован несколькими десятками государств, в том числе многими европейскими странами, Японией, Австралией и Монголией. Россия и Белоруссия не ратифицировали его, хотя и заявили о намерении придерживаться духа и буквы этого документа.

Развернулись дискуссии по вопросу о возможности создания картеля стран — экспортеров газа, наподобие ОПЕК. В числе предполагаемых его членов называют Россию, Иран, Алжир, Венесуэлу, Катар, Тринидад, Тобаго, Нигерию, Оман, ОАЭ, Бруней, Малайзию и Индонезию. Эти предложения положительно воспринимаются руководством России.

Разумеется, Запад выступает против достижения какого-либо сотрудничества между газодобывающими странами. Об этом свидетельствует довольно болезненная реакция ЕС и США на Форум газодобывающих стран, состоявшийся в Дохе 9 апреля 2007 г. Сама идея создания «газового ОПЕК» рассматривается не иначе как угроза для всего Запада. Возможные последствия реализации такой идеи трудно оценить, поскольку в условиях неуклонного возрастания значения энергетической безопасности консолидированная позиция ведущих газодобывающих стран может оказывать более или менее заметное влияние на перспективы энергоснабжения мировой экономики.

О том, настолько серьезны подобные опасения, говорит, например, тот факт, что в конце апреля 2007 г. Комитет по юридическим вопросам Сената США единогласно принял законопроект, запрещающий зарубежным государствам и госкомпаниям создавать картельные организации по типу ОПЕК. Законопроект был одобрен Палатой представителей 345 голосами «за» при 72 «против».

Эти и другие связанные с ними факторы свидетельствуют о том, что проблема обеспечения как отдельно взятых национальных экономик, так и мировой экономики в целом энергоресурсами превратилась в одну из приоритетных в современной мировой политике. Некоторые западные аналитики, политические и государственные деятели не без оснований опасаются, что этот процесс чреват для Европы и всего евроатлантического сообщества целым рядом экономических и политических рисков и даже потрясений.

Так, в бытность премьер-министром Великобритании Т. Блэр заявил, что безопасность энергопоставок приобретает почти такое же значение для страны, как оборона. В январе 2006 г. президент США Дж. Буш-мл. выразил согласие с подобным мнением. Директор Национальной разведки США Дж. Негропonte и директор Разведывательного управления Минобороны США генерал-лейтенант М. Мейплз в своем выступлении на заседании сенатского комитета Конгресса по разведке по теме «Современные и будущие угрозы США» в январе 2007 г. заявили, что российские нефть и газ, как в свое время ядерные ракеты, несут угрозу интересам США и Запада в целом¹.

Страхи по поводу перебоев в снабжении углеводородами подпитываются ростом социальной и экономической нестабильности в той или иной нефте- или газодобывающей стране, террористическими актами, природными катаклизмами (вроде ураганов «Катрина» и «Рита» в августе и сентябре 2005 г.), политическими рисками и т.д. Одним из крупнейших газовых кризисов, вызванных политическими факторами, стал российско-украинский трубопроводный кризис в январе 2009 г., который заставил на две-три недели чуть ли не замерзнуть несколько стран Восточной Европы.

Россия — мощная энергетическая держава. Это свершившийся факт, очевидная реальность. При всех возможных здесь оговорках нельзя не признать, что углеводородные ресурсы для России стали одним из ключевых факторов восстановления статуса великой державы, пошатнувшегося в 1990-е гг. Россия — один из крупнейших поставщиков нефти и газа, причем для многих стран даже более важный, нежели Ближний Восток. Она обладает существенными геополитическими преимуществами с точки зрения энергообеспечения, что дает ей реальные возможности использовать углеводороды в качестве политического рычага давления.

Рынки сами по себе не могут обеспечить все составляющие энергетической безопасности, такие как производство, стабильность поставок, приемлемые стабильные цены и т.д. Энергетическая безопасность — это прежде всего политическая проблема, в основе которой лежат национальные интересы. Она напрямую связана с более широкими отношениями между государствами и характером их взаимодействия

¹ URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=143>.

друг с другом. Поэтому необходимы политические и иные меры (включая нерыночные), такие как двусторонние и многосторонние соглашения, промышленная политика и регулируемые цены.

В этом контексте интерес представляет заявление начальника политического планирования в личном секретариате генсека НАТО Дж. Шеа о том, что Североатлантический альянс ведет переговоры с международными нефтегазодобывающими компаниями и странами о защите их энергетической инфраструктуры. В частности, предлагается создание отрядов быстрого реагирования на море от нападений террористов, захвата заложников и актов пиратства в Персидском заливе, Азии и Африке. Одновременно раздаются голоса за создание «энергетического НАТО», призванного гарантировать бесперебойное поступление на западные рынки энергоресурсов из нефте- и газодобывающих стран и регионов.

Но ожидать какого бы то ни было единства по этому ключевому вопросу при современном раскладе геополитических сил в рамках нынешнего ЕС представляется весьма трудным, если не недостижимым делом. Как не без оснований отмечал Ж. Сапир, этого можно было бы ожидать от прежнего «малого» Евросоюза, но уж точно не от ЕС-25. Энергетическая безопасность способна стать одним из центральных вопросов, вокруг которого произойдет раскол Европейского союза и возникнет новая европейская конфигурация¹.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствует тот факт, что страны ЕС не смогли найти приемлемого для всех решения по вопросу о подписании и ратификации Энергетической хартии. Отсутствие единой позиции ЕС в условиях роста его энергетической зависимости от России делает иллюзорной любую попытку согласованного ответа на политику Москвы, тем самым стимулируя решение проблемы путем заключения договоров с каждой из стран ЕС на двусторонней основе.

Об эффективности этого пути свидетельствует начало реализации масштабных проектов газопроводов «Северный поток» по дну Балтийского моря и «Южный поток» по дну Черного моря, а также нефтепровода «Бургас — Александруполис», осуществляемые без консенсуса в ЕС. Показа-

¹ См.: Сапир Ж. Энергобезопасность как всеобщее благо // Россия в глобальной политике. 2006. № 6. С. 16.

тельно, что эти проекты реализуются с участием некоторых высокопоставленных европейских политиков, крупных бизнесменов и банков.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. На какие части делится западная составляющая нового миропорядка?
2. В каких направлениях трансформируются отношения между Россией и Западом?
3. Заинтересован ли Запад в ослаблении или в распаде России?
4. Есть ли у Запада и России общие интересы с точки зрения обеспечения международной безопасности?
5. Каковы особенности взаимоотношений между Россией и США?
6. Назовите успехи и трудности, встречающиеся на пути развития российско-американских отношений.
7. Как развиваются отношения между Россией и ЕС?
8. Какое место в этих отношениях занимает экономическая (в особенности энергетическая) составляющая?
9. Каковы последствия расширения НАТО для России?
10. По каким направлениям развиваются отношения между НАТО и Россией?
11. Каковы место и роль энергетических ресурсов в отношениях между Россией и Западом?
12. Что понимается под энергетической безопасностью?

Глава 28. РОССИЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ

По своему менталитету, культуре и национально-историческим традициям Россия была и остается европейской державой, интегральной частью западной цивилизации. Но одновременно она является азиатской державой. В этом отношении ее без преувеличения можно назвать евразийской державой. Учитывая этот факт, дальше в тексте внимание будет концентрироваться на отношениях России со странами Восточной и Южной Азии.

28.1. Общая характеристика отношений России с Восточной и Южной Азией

Потеря Прибалтики, Украины, Белоруссии и Молдавии как бы отдалила Россию от Запада и физически приблизила ее к Азии. На Дальнем Востоке Россия владеет территорией более чем в 6 млн кв. км. Протяженность принадлежащей России береговой линии Японского моря достигает 3240 км, а Охотского моря — около 10 000 км. На этой линии располагаются порты Владивосток, Находка, Восточный и ряд других, работающих на перевалке внешнеторговых грузов.

Значимость Восточной Азии для России, как выше отмечалось, возрастает в силу того, что при сужении окна в Атлантику через Черное море и Балтику этот регион становится дополнительными воротами в Мировой океан и индустриально развитый мир. Благоприятствующим для России фактором является то, что, не считая территориального спора с Японией, у нее нет в регионе сколько-нибудь серьезных проблем, способных блокировать ее проникновение в него.

Национальные интересы России в Восточной Азии и в АТР в целом огромны, особенно если иметь в виду

перспективы развития восточной части страны. Главные из этих интересов на Дальнем Востоке сосредоточены в территориальной, демографической, экономической и военной сферах, что вполне объяснимо, если учесть, что две трети территории России находятся в Азии и к Востоку от Урала проживает около 30 млн россиян. На долю стран региона приходится до 22% российского экспорта и до 15% импорта.

Очевидно, что это лишь малая часть возможных объемов товарооборота. Здесь имеются большие перспективы в плане сбыта высокотехнологичных товаров и не в последнюю очередь продукции российского ВПК. К тому же Россия в силу своей географической принадлежности к Восточной Азии и АТР в целом не может стоять в стороне от процессов формирования структур региональной военной безопасности. Принципиальное значение для России имеет общее оздоровление ситуации в Азии, где усиливаются геополитические амбиции ряда государств, нарастает гонка вооружений, сохраняются источники напряженности и конфликтов.

Со своей стороны страны Восточной Азии заинтересованы в политическом и военном присутствии России, поскольку оно позволяет поддерживать баланс сил в регионе. Свидетельством восприятия России как конструктивного партнера является то, что с июля 1996 г. она выступает в АСЕАН в том же качестве, что и США, Китай, Япония, Канада, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия.

Значимость России в роли немаловажного регионально-го актора в Восточной Азии в перспективе, по-видимому, существенно возрастет при неизбежном усилении экономического и военно-политического соперничества между Китаем и Японией. Россия нужна каждой из сторон в качестве балансира друг против друга. Российская карта как со стороны Китая в его отношениях с США, Японией, Европой, так и со стороны этих последних друг с другом и Китаем, может приобрести все более растущую актуальность и привлекательность для каждого из названных акторов.

Важнейшим направлением российской внешней политики в Азии является развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами, в первую очередь с Японией, Китаем и Индией.

28.2. Россия и Япония

Российско-японские отношения переживают отнюдь не самый простой период в своем развитии. Исчезновение угрозы с севера не привело к окончательной нормализации отношений с Российской Федерацией. В 1991—93 гг. в условиях ослабления России японский МИД потребовал в качестве условия подписания мирного договора возвращения Японии всех четырех спорных островов Курильской гряды (Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп), хотя эти требования выходили за рамки известной Декларации 1956 г., предусматривавшей передачу Японии только двух островов — Кунашира и Итурупа. Однако подобные жесткие требования привели к сужению возможностей политического маневра для обеих сторон.

Постепенно Токио был вынужден смягчить свои требования и искать путь постепенных шагов в направлении передачи спорных островов под свою юрисдикцию. В 1993 г. во время визита Б. Ельцина в Токио была подписана российско-японская декларация, в которой было заявлено о решимости сторон двигаться в направлении заключения мирного договора путем решения территориальной проблемы. Само признание существования территориального вопроса означало, что российская сторона, по сути дела, пошла на определенные уступки Японии.

Однако этот вопрос в конечном счете зашел в тупик и, несмотря на заверения о необходимости его разрешения к 2000 г., в обозримой перспективе оказался практически неразрешимым. Здесь столкнулись две взаимоисключающие позиции. Япония выдвинула и жестко отстаивает требование об увязке полной нормализации отношений и заключении двустороннего договора с урегулированием проблемы северных территорий. Россия же считает возможным отложить решение данного вопроса до лучших времен и пока развивать отношения в других областях. В результате проблема Южных Курил остается серьезным препятствием на пути развития полномасштабных российско-японских отношений.

Тем менее при всех существующих в японо-российских отношениях проблемах нельзя не отметить ряд признаков смягчения Японией традиционно жесткой позиции по вопросу об островах Курильской гряды. Так, она расширила культурный обмен с Москвой, снизила градус своего проти-

водействия участию России в региональных и международных организациях. Сначала японским парламентом в июне 1999 г., а затем весной 2000 г. Государственной Думой РФ было ратифицировано Соглашение о поощрении и защите капиталовложений, подписанное на встрече Ельцин — Хасимото в Красноярске в 1998 г. Страна восходящего солнца изъявила готовность реализовать совместно с Россией целый ряд двусторонних проектов по разработке мер доверия в восточноазиатском регионе. К примеру, японцы охотно подключились к реализации проекта по строительству газопровода «Голубой поток» в Турцию по дну Черного моря.

Поддержанию и расширению конструктивных отношений между Москвой и Токио, невзирая на территориальный вопрос, способствует целый ряд факторов. Среди них одно из ключевых мест занимает восхождение Китая на статус великой экономической и военно-политической державы. По мере укрепления своих позиций на мировой арене Китай во всевозрастающей степени демонстрирует жесткость в отношениях со Страной восходящего солнца. Новые проблемы во взаимоотношениях Японии и Китая создают тот факт, что с окончанием советско-китайской конфронтации Пекин стал резко выступать против расширения сферы действия американо-японского договора безопасности.

В целом можно сказать, что Япония настроена добиваться смягчения напряженности в отношениях с Москвой. Хотя следует отметить, что время от времени (в зависимости от внутрисполитических факторов) территориальный вопрос всплывает на поверхность и создает определенную напряженность в отношениях между двумя странами.

28.3. Россия и Китай

В рассматриваемом контексте особенно большое значение имеет нормализация российско-китайских отношений. В настоящее время одна из главных задач, стоящих перед российской дипломатией, заключается в принятии всех возможных усилий, направленных на то, чтобы сделать Китай своим союзником, а не новым противником.

За период от создания Китайской Народной Республики в 1949 г. и до окончания холодной войны китайско-российские отношения претерпели многие испытания.

Был пройден путь от союза к конфронтации, от вооруженных столкновений на границе к нормализации советско-китайских отношений в период перестройки, а затем нормализации российско-китайских отношений. Преодолев культивировавшееся с конца 50-х гг. отрицательное отношение к северному соседу, в 80-х гг. Дэн Сяопин выдвинул концепцию равноудаленности от СССР и США. В соответствии с этой концепцией, провозглашалась ориентация на мирное сосуществование с обеими сверхдержавами.

Новый этап в российско-китайских отношениях наступил с распадом СССР и вступлением на геополитическую авансцену в качестве его правопреемника Российской Федерации. С 1992 по 2001 г. Китай и Россия выработали 11 совместных заявлений и деклараций. Визит Б. Н. Ельцина в Пекин в декабре 1992 г. был объявлен началом новой эры в российско-китайских отношениях, главное содержание которой состоит в дальнейшем расширении и укреплении экономического, технического и военного сотрудничества между двумя странами.

Во время этого визита было подписано около двух десятков соглашений, включая проекты участия Китая в разработке сибирских и дальневосточных природных ресурсов. Эти соглашения зафиксировали тот факт, что две стороны пришли к консенсусу по многим спорным пограничным вопросам и достигли заметного прогресса в проблемах взаимного контроля над вооружениями и мерам доверия. Договор между двумя странами, ратифицированный в 1992 г., охватывал большую часть границы Китая с Россией и Монголией. В принципе решен вопрос о маленьких островах вблизи Хабаровска.

Своего рода логическим завершением этих процессов и тенденций стало подписание 16 июля 2001 г. в Москве Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Он содержит ряд положений, предусматривающих военное сотрудничество между двумя странами. Указывается, что стороны поддерживают политику друг друга в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности. В данном договоре Россия подтверждает неизменность своей принципиальной позиции по тайваньскому вопросу, согласно которой существует только один Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая.

Для укрепления и расширения российско-китайских отношений существует множество предпосылок. Определяющее значение в данном контексте имеет то, что в общем балансе взаимные интересы двух стран превалируют над противоречиями и конфликтами. Прежде всего обе стороны заинтересованы в стабилизации обстановки в восточноазиатском регионе и разрядке напряженности на Корейском полуострове. Показательны согласованные выступления двух стран по югославской, иракской и северокорейской проблемам. Пекин и Москва выступают практически с единых позиций по вопросу о ядерной программе Ирана.

Россия и Китай являются естественными союзниками в их противостоянии гегемонистским устремлениям Вашингтона. Так, в российско-китайской Совместной декларации о многополярном мире и формировании нового мирового порядка, подписанной 23 апреля 1997 г. в Москве Президентом РФ Б. Н. Ельциным и Председателем КНР Цзян Цзэмином, звучит призыв ко всем странам развернуть активный диалог по вопросу о строительстве мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного порядка. Подтверждая эту позицию, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНР от 16.07.2001 говорит о стремлении сторон поддерживать глобальный стратегический баланс и стабильность.

Споры об идеологическом приоритете той или иной стороны заменило прагматическое сотрудничество. Китайская и российская экономики во многих аспектах дополняют друг друга. Китай способен предоставить России потребительские товары и сельскохозяйственные продукты в обмен на промышленное оборудование, военную технику и сырьевые материалы. Географическая близость, протяженная общая граница и трудности, испытываемые российским Дальним Востоком в получении товаров с европейской России, также способствуют ускоренному расширению китайско-российской торговли. Показателем улучшения отношений между двумя странами является, например, готовность России продать Китаю передовую военную технику, включая новейшие образцы боевых самолетов.

Возрождение ислама в новых государствах Центральной Азии составляет головную боль как для России, так и для Китая. Пекин озабочен тем, какое именно влияние такое развитие событий способно оказать на его мусульманское

население. Например, неблагоприятная ситуация в той или иной центральноазиатской стране при определенных условиях может стать дестабилизирующим фактором для Синцзян-Уйгурского автономного округа Китая, где проживает около 1 млн казахов, 375 тыс. киргизов и представителей других центральноазиатских народов.

Россия, в свою очередь, озабочена тем, что растущие межэтнические конфликты отрицательно скажутся на миллионах русских, которые остались в этих странах, и создадут сложные проблемы на протяженной границе с мусульманским миром. Москва и Пекин не могут также равнодушно смотреть на проникновение в этот регион других мусульманских стран, особенно Турции, Ирана, Саудовской Аравии и др.

Для внешней политики Китая характерна активность по всем выгодным для его национальных интересов азимутам. В этом контексте следует рассматривать политику этой страны в отношении России и ряда других постсоветских государств к северу от своей границы. В плане формирования структур безопасности в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом важным шагом, как будет показано ниже, стало подписание в апреле 1996 г. Россией и другими граничащими с Китаем странами СНГ (Киргизией, Таджикистаном, Казахстаном) соглашения о создании Шанхайского форума, к которому впоследствии присоединился Узбекистан. Соглашение было направлено на укрепление доверия в военной области по периметру бывшей советско-китайской границы, оказавшего позитивное влияние на ситуацию и в Восточной Азии. В 2001 г. Шанхайский форум был преобразован в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Совпадение принципиальных подходов России и КНР в ключевых вопросах мировой политики — одна из базовых опор региональной и глобальной стабильности. Россия стремится к развитию взаимовыгодного сотрудничества с Китаем по всем направлениям. Главной задачей остается приведение масштабов экономического взаимодействия в соответствие с уровнем политических отношений. Нельзя не затронуть и тот факт, что в торгово-экономических отношениях преобладающее место занимают военная техника, углеводородное сырье и дешевый ширпотреб.

Вместе с тем необходимо отметить, что Китай прохладно относится к идее создания системы коллективной безопас-

ности в Азии. Важно учесть, что у Китая, хотя и не на официальном уровне, сохраняются претензии на значительные части территории Дальнего Востока России. Раньше время от времени поднимался вопрос об отторжении царской Россией свыше 1,5 млн кв. км китайской территории. В определенной степени не решен вопрос о продолжающейся картографической агрессии Китая против России, в основу которой положен принцип выпуска географических карт, где около 1540 тыс. кв. км территории России окрашены в цвета Китая. Полностью не изжито понятие «Великая северная целина», под которым подразумеваются восточные регионы России.

Россия должна учитывать возможность возникновения при определенных условиях угрозы для ее безопасности со стороны Китая. Китай имеет крупнейший после США и России ядерный потенциал и вооруженные силы, составляющие около 4 млн чел. КНР также активно проводит модернизацию своих вооруженных сил, чему способствует стремительный рост показателей ВВП. По имеющимся данным, в настоящее время ежегодный рост военного бюджета составляет более 20%. Особую значимость приобретает анализ китайских военных концепций. Исходя из них, можно сделать вывод, что при определенных условиях руководство КНР не исключает возможность применения силовых методов для реализации внешнеполитических целей и охраны жизненно важных интересов государства.

Говорят, что китайский иероглиф, обозначающий Россию, читается и как «страна неожиданностей». Сам Китай также характеризуется тем, что способен задавать мировому сообществу такие вопросы, на которые весьма трудно дать ответы. В условиях постоянно меняющейся обстановки на международной арене Китай потенциально может содержать ряд угроз экономического, геополитического и военного характера для национальной безопасности Российской Федерации.

28.4. Россия и Индия

Для российско-индийских отношений характерно совпадение позиций по широкому кругу проблем, что дает двум странам возможность на взаимовыгодной основе сотрудничать на мировой арене. Они выступают в качестве при-

оритетных геополитических партнеров, обеспечивающих необходимый баланс сил в Азии. Как Индию, так и Россию не устраивает усиление и распространение исламского фундаментализма и международного терроризма в различных его проявлениях. Они прилагают усилия для координации своих действий по эффективному противодействию этим новым источникам угрозы международной безопасности.

Со времени получения Индией независимости советско/российско-индийские отношения развивались как бы безоблачно, без сколько-нибудь серьезных противоречий и тем более конфликтов. После распада СССР эти отношения основываются на Договоре о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, подписанном в 1993 г., и Декларации о стратегическом партнерстве, подписанной в 1999 г.

Особенно успешно развивалось и продолжает развиваться военно-техническое сотрудничество двух стран, начало которому было положено в 60-е гг. минувшего века. Массовые поставки советского оружия в Индию начались в период индо-пакистанских конфликтов 1965 и 1971 гг. В этой связи уместно напомнить, что в этих конфликтах СССР полностью и безоговорочно стоял на стороне Индии. По имеющимся данным, к 90-м гг. доля советской боевой техники составляла не менее 70% вооружения индийской армии.

В силу известных причин в 90-х гг. в российско-индийском сотрудничестве в военно-технической сфере наметились определенные трудности, что привело к сокращению поставок российских вооружений в Индию. С середины 90-х гг. наблюдается тенденция к восстановлению и дальнейшему расширению этих отношений. В итоге в полном объеме было возобновлено военно-техническое сотрудничество между Россией и Индией. Более 75% номенклатуры вооружений индийской армии приходится на вооружения советского или российского производства. Важно учесть и то, что в последние годы наблюдается тенденция к расширению совместного производства военной техники. Индия во все более растущей степени проявляет стремление приобретать у России (равно как и у других стран) лицензии на производство тех или иных новейших систем вооружений.

Однако, оценивая перспективы отношений двух стран, необходимо учесть, что в последние годы наблюдаются определенные серьезные подвижки во внешнеэкономиче-

ской и внешнеполитической ориентации Индии. Несмотря на дружеские отношения с Россией, эта страна следует собственному, особому пути, частью которого является диверсификация направлений развития торгово-экономических отношений, в том числе военных технологий. Как уже указывалось в главе 13, в настоящее время Индия обратилась за новейшими системами вооружений к США, открыла свой рынок вооружений другим (прежде всего европейским) странам.

Тем не менее Индия остается одним из наиболее надежных союзников России в деле формирования нового полицентрического миропорядка. В этом отношении она может оказать неоценимую услугу как России, так и мировому сообществу в целом в обеспечении безопасности в Азии, а также предотвращении гегемонии в регионе какой-либо одной державы.

28.5. Активизация присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Весьма активные торгово-экономические и политические связи сложились и успешно развиваются между Россией и Республикой Корея. В 1995 г. объем их товарооборота составлял 3, 3 млрд долл., к 2000 г. он достиг уже 10 млрд долл., а в 2008 г. — 18, 4 млрд долл. Сеул готов к участию в разработке энергетических ресурсов на Дальнем Востоке. Особый интерес представляют поставки оружия, а также создание общей военной и промышленной базы. В плане обеспечения безопасности объединение Северной и Южной Кореи может способствовать установлению баланса в отношениях между Россией, США, Японией и Китаем.

Вместе с тем озабоченность российского руководства и общественности вызывает обстановка на Корейском полуострове, где продолжается противостояние севера и юга с возможным вовлечением Китая и США. По причине географической близости России и Корейского полуострова в случае вооруженных столкновений особую опасность представляет возможность нанесения ракетных ударов по стратегическим объектам КНДР с распространением экологических последствий на соседние российские территории. Оценивая роль двух Корей, необходимо учесть, что

в Приморье, Хабаровске, на Сахалине и Камчатке наряду с прояпонскими, прокитайскими, проамериканскими сформировались прокорейские лобби.

В Юго-Восточной Азии большой интерес для России представляет Вьетнам. На шельфе СРВ в Вунгтау российско-вьетнамское СП «Вьетсовпетро» ведет добычу нефти. Сейчас с участием «Петровьетнама» и «Зарубежнефти» (соучредителя «Вьетсовпетро») реализуется проект «Вьетросс», предусматривающий строительство в СРВ нефтеперерабатывающего завода мощностью 6,5 млн тонн. О дальнейшем расширении взаимоотношений между двумя странами свидетельствует тот факт, что в 2006 г. их товарооборот достиг 1 млрд долл.

В целом можно сделать вывод, что все отчетливее прослеживается тенденция к оздоровлению политического климата в этом регионе. Улучшаются российско-китайские и китайско-индийские отношения, а также отношения между Китаем и Вьетнамом, Китаем и Индонезией, успешно развиваются отношения между Россией и Кореей. При всех трудностях все активнее разворачивается диалог между двумя корейскими государствами.

Сотрудничество со странами восточноазиатского региона становится одной из важнейших предпосылок решения стратегической задачи ускоренного экономического развития российского Дальнего Востока. В России огромные ресурсы сосредоточены именно в азиатской части, в Сибири и на Дальнем Востоке, а страны Восточной Азии нуждаются в этих ресурсах. Разрабатываются инвестиционные проекты в зоне экономического развития Туманган, находящейся на стыке Китая, Приморского края и КНДР. Спонсорами проекта, осуществляемого под эгидой Программы развития ООН, выступают, помимо самой ООН, Южная Корея, Финляндия и другие европейские страны. Его участниками являются Россия, КНР, Монголия, Республика Корея и КНДР. В этом плане немаловажное значение имеют шаги по созданию в Сибири и на Дальнем Востоке инфраструктуры для экспорта из России электроэнергии и углеводородных ресурсов в восточноазиатские страны.

В случае успешного выполнения уже намеченных программ и заключенных договоров российское Приморье может стать крупнейшим торгово-промышленным и транспортно-транзитным центром перевалки товаров из Восточной Азии в западное полушарие, Западную Ев-

ропу и Центральную Азию. Такой курс представляется залогом сохранения территориальной целостности страны на Дальнем Востоке. Одна из важнейших задач в данной сфере состоит в формировании всеобъемлющей региональной системы безопасности с участием максимального числа государств, включая США, Японию, Китай, Россию, Республику Корея и КНДР. Важной предпосылкой реализации данной задачи является сохранение в регионе достаточного российского военного потенциала, в частности, военноморского.

В мегарегионе (от Чили до АСЕАН) России есть что позаимствовать и в чем поучастовать: в сферах научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), телекоммуникаций, образования, социальной политики, культуры. Здесь сосредоточены громадные запасы морских и наземных природных ресурсов, в том числе дефицитных в самой России. Отсюда, наконец, зачастую проще снабжать Дальний Восток и Крайний Север продовольствием, чем из Центральной России. Здесь предполагается концентрировать усилия на активизации участия России в основных интеграционных структурах — АТЭС, АСЕАН, «Шанхайской шестерке».

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте общую характеристику отношений России с Восточной и Южной Азией.
2. В чем состоят особенности российско-японских отношений в отличие от отношений России с другими восточноазиатскими государствами?
3. В каких областях особенно близко совпадают позиции и интересы России и Китая?
4. С какими угрозами для национальной безопасности России сопряжено восхождение Китая?
5. Как развиваются отношения России с Индией и новыми индустриальными странами?
6. Какое значение имеет улучшение позиций России в регионе для экономического развития Дальнего Востока и Сибири?
7. В каких направлениях активизируется присутствие России в АТР?

Глава 29. РОССИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Важнейшим направлением во внешнеполитических приоритетах России являются страны СНГ или, как принято говорить, страны ближнего зарубежья. Все постсоветское пространство составляет зону ее жизненно важных интересов в области экономики, культуры, обороны, национальной безопасности и т.д. По большому счету безопасность России во многом будет зависеть от того, как у нее будут складываться отношения с Украиной и Белоруссией, центральноазиатскими и закавказскими государствами. Без преувеличения можно утверждать, что сами перспективы российской государственности во многом зависят от роли и места, характера и степени влияния России в пространстве бывшего СССР.

29.1. Интересы России на постсоветском пространстве

В первые годы своего независимого существования в силу целого комплекса объективных факторов Россия, по сути дела, замкнулась на своих внутренних проблемах, заботах и тревогах. Концентрировав главное внимание на обустройстве и нормализации отношений с Западной Европой и США, руководство России не смогло определить приоритетные направления политики в отношении постсоветского пространства. Ситуация в политике России в этой сфере напоминала положение цуцванг в шахматах, когда все ходы являются вынужденными.

В то же время новые постсоветские государства пережили период центробежных тенденций и процессов, поисков новой идентичности, новых ориентиров и моделей экономического, социального и политического развития. Иные их руководители были одержимы стремлением как можно сильнее дистанцироваться от России и отождествляемого

с ней имперского прошлого. Предполагалось, что отделение от России, освобождение от диктата имперского центра уже само по себе откроет перед ними широчайшие возможности для экономического процветания, материального благополучия и духовного возрождения.

Однако подобные надежды и установки довольно быстро улетучились. Постепенно первоначальная эйфория в закавказских и центральноазиатских государствах относительно как Запада, так и мусульманского мира, которые после распада СССР стали рассматриваться ими как альтернатива Москве, сменилась определенным отрезвлением и даже разочарованием. К примеру, в постсоветских мусульманских государствах постепенно зрело осознание того, что они имели несколько завышенные ожидания относительно возможностей и масштабов экономической помощи и инвестиций со стороны Турции, да и других стран мусульманского мира.

При оценке политики России в отношении ближнего зарубежья следует отметить тот факт, что оно представляет собой разнородный конгломерат стран и народов, характеризующийся разнообразием природно-географических, экономических, социокультурных, конфессиональных, этнонациональных, геополитических и иных факторов. Здесь выделяется ряд регионов, внутри которых также имеются порой довольно существенные различия.

Это, во-первых, Кавказ, который в свою очередь разделяется на Северный Кавказ, входящий в состав Российской Федерации, и Закавказье, территория которого расчленена на три самостоятельных национальных государства (Азербайджан, Армения и Грузия). Во-вторых, это Центральная Азия, включающая помимо стран дальнего зарубежья Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Кыргызстан и Таджикистан. В-третьих, это Украина и Белоруссия. В-четвертых, сюда относятся также три прибалтийские страны, с мая 2004 г. ставшие членами ЕС. В-пятых, это особняком стоящая Республика Молдова.

В каждом из названных регионов Россия имеет жизненно важные национальные интересы. Здесь, естественно, внимание будет сконцентрировано главным образом на государствах, являющихся членами СНГ, и вышедшей из него Грузии в результате так называемой пятидневной войны в августе 2008 г.

Россия в такой же степени, в какой Азербайджан, Армения, Грузия, а также Казахстан, Узбекистан и др., является одновременно кавказским и азиатским государством. Поэтому в плане как сохранения своей территориальной целостности, так и обеспечения национальной безопасности на своих южных рубежах для России кавказско-прикаспийский (а в более широком рассмотрении — кавказско-центральноазиатский) регион имеет ключевое значение. Значимость Кавказа и Центральной Азии для России, помимо всего прочего, определяется выгодным геополитическим положением региона, расположенного на перекрестках коммуникаций, связывающих Европу со странами Юго-Западной, Южной и Восточной Азии.

В настоящее время на постсоветском пространстве насчитывается множество реальных и потенциальных этнонациональных, территориальных, конфессиональных и иных противоречий и конфликтов. К тому же все более растущее влияние в мусульманских республиках приобретает исламский экстремизм в лице ваххабизма и других фундаменталистских течений ислама.

При определенном развитии событий здесь, помимо всего прочего, речь может идти о слиянии в своеобразную единую дугу нестабильности четырех пока более или менее изолированных друг от друга источников конфликта: Ближнего Востока, Закавказья, Северного Кавказа и Центральной Азии. Немаловажное значение имеет то, что некоторые из южных и юго-восточных субъектов РФ приобрели статус пограничных.

Россия заинтересована в сохранении доступа к сырьевым ресурсам Центральной Азии и Кавказа, рынкам сбыта для своих товаров. Центральная Азия и прикаспийский регион кроме углеводородных богаты другими сырьевыми ресурсами, которые либо полностью отсутствуют в России, либо имеются в недостаточном количестве. Речь идет, к примеру, о меднопорфировых, колчеданных, стратиформных и других месторождениях этого региона. Причем наиболее многопрофильной является экономика Казахстана, который является одной из тех стран, экономическая интеграция с которой, а также укрепление военно-политического союза имеют для России ключевое значение. Нельзя не упомянуть хлопок, главным поставщиком которого в Россию является Центральная Азия, прежде всего Узбекистан.

Богатый природно-ресурсный потенциал притягивает к Кавказу и Центральной Азии взоры как великих держав Запада, так и региональных государств. В этом плане Кавказ и Центральная Азия стали точками пересечения геополитических интересов многих стран, как региональных, так и мировых. Перед региональными государствами открылись беспрецедентные возможности и шансы для продвижения своих интересов на южной периферии бывшего СССР. Разного рода исламские организации из мусульманских стран пытаются освоить информационно-идеологическое пространство мусульманских республик и анклавов СНГ. Предпринимаются попытки сформировать новый геополитический узел на основе тюркоязычных стран и народов.

Почти каждое из сопредельных с южными постсоветскими странами государств имеет собственные проблемы, связанные с национальными меньшинствами, многие десятилетия существенно осложняющие внутривосточную ситуацию, такие как проблема значительных анклавов курдского населения в Турции, Ираке и Иране, азербайджанцев — в Иране, Тибета и других национальных районов — в Китае и т.д. Поэтому с большой долей уверенности можно говорить о совпадении интересов России и этих многонациональных по своему составу стран в вопросе о недопущении территориальных, этнических конфликтов и сепаратистских импульсов.

В настоящее время Армения, Грузия и Азербайджан пытаются налаживать отношения как между собой, так и с соседями. Но все же образование какого-либо жизнеспособного долговременного союза государств в обоих регионах, тем более противостоящего России, в обозримой перспективе представляется маловероятным.

Центральная Азия и Закавказье сохранили свое стратегическое значение не только как средоточие углеводородных ресурсов, но и как производители наркотиков, как наиболее удобные пути наркотрафика, а также уязвимое южное «подбрюшье» России. Они являются источником разного рода угроз для национальной безопасности России в форме, например, агрессивного национализма, религиозного фундаментализма, контрабанды наркотиков и оружия и т.д.

Большая геополитическая игра разворачивается вокруг соседних постсоветских стран на Западе — Украины, Бело-

руссии и Молдавии. Не случайно, столкновение интересов Запада и России в регионе особенно отчетливо проявилось в так называемой «оранжевой» революции на Украине и событиях в Молдавии. При этом следует учесть, что Украина и Белоруссия в экономическом отношении тесными узами связаны с Россией. Они располагают значительным экономическим потенциалом. Через эти страны проходят также наиболее важные для России коммуникации, связывающие ее с Европой. К тому же эти две страны напрямую зависят от поставок российских энергоносителей и комплектующих для машиностроения.

Сотни тысяч украинских и белорусских рабочих заняты в различных секторах экономики России. Сотнями тысяч исчисляются также работающие здесь граждане Молдавии. Особенно тесными связи между Россией, Украиной и Белоруссией являются в сфере оборонного комплекса. Важнейшая составляющая экономических отношений между Россией и Белоруссией — это строительство трансконтинентального газопровода «Ямал — Европа», который в перспективе может стать дополнением или даже альтернативой украинской ветке.

Что касается Украины, то в советский период, например, многие ее предприятия ВПК являлись, по сути дела, сборочными цехами российского ВПК и в значительной степени зависели от поставок материалов, комплектующих, оборудования, технологий из России. Теперь Россия практически создала собственный законченный цикл разработки и производства стратегических вооружений.

Со своей стороны Украина ищет возможности выхода на зарубежные рынки вооружений и взаимодействия с западными партнерами в военно-космической сфере. Однако труднопреодолимая проблема здесь состоит в том, что лишь менее 1/3 производства вооружений Украины имеет законченный внутриреспубликанский цикл.

29.2. Роль России в СНГ

С точки зрения реализации национальных интересов России немаловажное значение имеет судьба и перспективы СНГ. Не случайно именно России принадлежит ключевая роль в создании СНГ, которое при всех возможных здесь оговорках сыграло немаловажную роль в обеспечении

сравнительно цивилизованного, «мягкого» развода бывших советских республик. Хотя сами инициаторы создания СНГ пытались представить свое творение как акт единения на новой основе, оно не стало реальным полем интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Несмотря на то что со дня образования СНГ прошло уже достаточно времени, мало кто может сформулировать однозначный ответ на вопрос, что это такое. Во многом СНГ выглядит как искусственное образование, поспешно сконструированное для придания видимости законности быстро набравшему темпы распаду СССР и некоей упорядоченности отношениям между новыми государствами.

За время существования СНГ главы государств и правительств подписали множество документов, касающихся различных областей сотрудничества. Большинство из них так и остались невыполненными. Будучи лишеными фактического правового и экономического базиса, а также сколько-нибудь продуманных механизмов реализации, принимаемые решения, подписываемые договоры и соглашения носят формальный, декларативный характер и демонстрируют свою бесплодность.

Определяющую роль в этом отношении играет экономический фактор. Первые примерно десять лет независимого существования новых постсоветских государств в силу комплекса причин характеризовались разрывом торгово-экономических связей между ними. Это, естественно, выразилось в резком сокращении внешнеторгового оборота.

Тем не менее главным фактором влияния России в регионе остаются экономические рычаги воздействия. Никуда не уйти от того очевидного факта, что почти все страны СНГ географически, исторически, экономически и политически были и остаются теснейшим образом связанными с Россией.

В настоящее время одним из важных источников средств существования для значительной части граждан некоторых стран ближнего зарубежья стали денежные переводы родственников, проживающих или работающих в России. По имеющимся данным, объемы этих сумм порой значительно превышают те объемы, которые составляют кредиты и помощь западных стран. Значительна зависимость стран ближнего зарубежья от России в области поставок продовольствия и энергетических ресурсов. Из трех закавказских

государств лишь Азербайджан в состоянии обеспечить себя необходимыми энергоресурсами. В то же время почти все отрасли экономики Азербайджана (за исключением нефтедобывающей) по-прежнему остаются теснейшим образом «завязанными» на Россию и другие страны СНГ. Российский бизнес играет большую роль в инвестировании их экономики.

Все эти страны в течение более или менее длительного времени были объединены с Россией не только экономическими, но также культурными, интеллектуальными, конфессиональными, политическими и иными отношениями в рамках единого многонационального, многокультурного и многоконфессионального государства. Поэтому весьма значительны разнообразные неформальные узы и отношения, связывающие все без исключения народы постсоветского пространства с Россией через переплетение взаимных диаспор, образ жизни, систему образования, науку, культуру, русский язык в качестве языка межнационального общения и т.д.

Одним из важнейших факторов, диктующих активность России в ближнем зарубежье, является судьба проживающих там русских. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в СССР 25,3 млн русских и более 11 млн представителей так называемых русскоязычных (т.е. представителей других национальностей, считающих русский язык родным) обосновались за пределами собственно России. Русские и русскоязычные составляют значительную часть населения Казахстана. В некоторых областях Казахстана, граничащих с Россией, русское население тяготеет больше к России, нежели к Казахстану.

На территории одной только Украины к моменту обретения независимости более 10 млн чел. составляли этнические русские, а свыше трети населения считало русский язык своим родным языком. В самой России проживают значительные группы украинского населения, которые сконцентрированы в Западной Сибири, на Дальнем Востоке, в Северном Кавказе, Черноземье.

Можно сказать, что русские (русскоязычные) стали одной из крупных проблем, стимулирующих напряженность в отношениях России с рядом новых независимых государств. Но при благоприятном развитии событий они способны перекинуть прочный мост между Россией и ее новыми соседями.

Место и роль России в СНГ определяются тем, что, занимая уникальное геополитическое положение в Евразии, обладая достаточным экономическим, военным и духовным потенциалом и сохраняя статус ядерной державы, Россия является естественным центром притяжения для большинства стран ближнего зарубежья. Поэтому ей необходимо продемонстрировать как всему мировому сообществу, так и ближнему зарубежью, что она самодостаточная величина, способная взять на себя решение проблем мирового и регионального масштаба.

К тому же России принадлежит ключевая роль в обеспечении и поддержании стабильности на большей части постсоветского пространства. Она способна как прямо, так и косвенно участвовать в социальных, экономических и политических процессах, происходящих в регионе. За прошедший со времени распада СССР период Россия так или иначе продемонстрировала свою способность быть стабилизирующим фактором как в собственных границах, так и в ближнем зарубежье.

В современном мире любая реальная региональная интеграция стимулируется определенной идеей либо географической, историко-культурной, политической или иной близостью народов соответствующих государств. Главным условием успешной региональной интеграции является совпадение экономических интересов. Именно этого условия практически не хватает в Центральной Азии и Закавказье.

Даже такие сравнительно развитые экономики, как у России и Украины, встречают довольно серьезные трудности на пути к взаимной интеграции. Это в значительной степени объясняется тем, что за исключением углеводородных ресурсов, в отношении которых ряд стран зависят от поставок из Казахстана, Туркмении и Азербайджана, страны Центральной Азии и Закавказья лишь в малой степени дополняют друг друга.

29.3. Основные векторы взаимоотношений между странами СНГ

Не может вызывать сомнений тот факт, что новые постсоветские государства, получив возможность самим определять собственные национальные интересы и, соответ-

ственно, выбирать себе союзников, торгово-экономических партнеров и т.д., стали в подлинном смысле равноправными акторами мировой политики. Для них представились гораздо более широкие перспективы для сотрудничества в области экономики, политики и безопасности, чем это было раньше. Поэтому неудивительно, что они стремятся диверсифицировать свои внешние связи, ищут альтернативы в Китае, Южной Азии, исламском мире и Европе.

Азербайджан и Грузия возлагают большие надежды на создание так называемого евразийского транспортно-го коридора, призванного соединить Центральную Азию и Кавказ с Европой. Предполагается, что эта евразийская «магистраль» пройдет через Баку, Гянджу, Тбилиси и далее по турецкой территории через Ардаган и Эрзурум до Анкары. Последняя, в свою очередь, соединена со Стамбулом — крупнейшим узлом коммуникаций, через который проходят скоростная автомагистраль и железная дорога, соединяющие Переднюю Азию с Европой, и который одновременно является портом на Средиземном море.

В этом плане одной из центральных проблем развития ситуации и политических отношений в Закавказье стал вопрос о маршруте экспортного нефтепровода. Здесь Азербайджан, богатый нефтяными ресурсами, стал тем регионом, где национальные интересы России столкнулись с устремлениями США, Турции и других стран, которые стремятся взять под свой контроль нефтеносные районы Центральной Азии и Закавказья, а также транспортировку углеводородных ресурсов на западные рынки. Речь идет, по сути дела, о создании транспортных коммуникаций, альтернативных российским. Однако негативные последствия реализации этих проектов для России не следует преувеличивать.

Разновекторность интересов и ориентаций, экономического, социального и политического развития, различия национально-культурных традиций и т.д. привели к формированию весьма сложной системы отношений на постсоветском пространстве, характеризующихся причудливым переплетением тенденций взаимного притяжения и отталкивания. Содружество, по сути дела, распалось на несколько локальных экономических блоков:

- Центральноазиатское экономическое сообщество (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан);
- Евразийское экономическое сообщество (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан);

- Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии, действующий с января 2010 г.;
- Союзное государство Белоруссии и России;
- политический блок ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия).

Некоторые страны в поисках лучшего варианта входят одновременно в два блока, что говорит об их неудовлетворенности существующим положением вещей.

Определенное значение в отношениях России с постсоветскими странами имеет Договор о коллективной безопасности (ДКБ), заключенный в Ташкенте 15 мая 1992 г., в который в настоящее время входят Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

При всех возможных оговорках ДКБ в целом стал верным шагом в направлении обеспечения безопасности государств-участников в сложный период становления и укрепления их независимости и государственности. Договор, а также Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ по обеспечению стабильного положения на внешних границах 1992 г. были призваны удержать ситуацию на грани, за которой мог бы начаться неконтролируемый распад и хаос. Удалось также сохранить относительную подконтрольность Москве военных подразделений, оказавшихся в зонах конфликтов, придав им статус миротворческих сил и не дав враждующим сторонам использовать их в своих интересах.

Однако нельзя не отметить то, что, несмотря на наличие большого количества договоров и различных нормативно-правовых документов, не налажено сотрудничество в военно-экономической и военно-технической сферах в деле разработки, производства и поставок вооружения и военной техники, не используется в должной мере военно-промышленный и научно-технический потенциал государств — участников ДКБ. Главным препятствием на пути полномасштабной практической реализации основных положений ДКБ стали дефицит у его участников политической воли и существование взаимных предубеждений.

В нем не были зафиксированы такие важные аспекты, как разделение риска и ответственности за оборону территорий стран-участниц, не прописаны механизмы взаимодействия их вооруженных сил: оперативное планирование, способы создания многонациональных формирований, процедуры консультаций и т.п. Поэтому неудивительно, что шел про-

цесс постепенной эрозии ДКБ. Ряд его участников заявили о необходимости его пересмотра и даже возможном выходе из него. Когда в мае 1999 г. истек пятилетний срок действия ДКБ, Азербайджан и Грузия отказались от его пролонгации. Узбекистан вышел из него еще раньше. В последнее время наблюдается тенденция к активизации деятельности ДКБ, о чем свидетельствует, в частности, возвращение в его состав Узбекистана в 2006 г.

Другой блок в рамках СНГ, как выше говорилось, представляет ГУАМ. В качестве основных целей этой организации предусматриваются формирование системы политических консультаций и координации усилий в решении общих проблем безопасности; политическое взаимодействие в международных организациях (ООН, ОБСЕ, НАТО), включая программу «Партнерство во имя мира»; развитие евроазиатского транспортного коридора, а также сотрудничество в сфере добычи и транспортировки нефти в европейские страны; развитие многостороннего сотрудничества в области безопасности: урегулирование конфликтов и борьба с сепаратизмом и др.

Нельзя не отметить, что членов ГУАМ объединяли если не антироссийские мотивы, то, во всяком случае, стремление ослабить главенствующее положение России на постсоветском пространстве. Однако эта организация, созданная не столько на реальных экономических и региональных интересах, а исходя большей частью из идеологических и геополитических соображений, пока что не смогла продемонстрировать способность концентрировать экономические, финансовые, человеческие, идеологические ресурсы для реализации поставленных целей.

Еще в 1994 г. на встрече в МГУ им. Ломоносова президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул предложение о создании участниками СНГ более сплоченного межгосударственного интеграционного объединения — Евразийского союза (ЕАС). Результатом реализации этой и подобной ей идей стало формирование в 1999 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), в которое вошли Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. Сколько-нибудь серьезные успехи ЕврАзЭС демонстрировать еще не может, поскольку пока что ему не удалось устранить многие недостатки подобных проектов.

Хотя центральноазиатские государства и не перестают говорить о необходимости сотрудничества и даже ин-

теграции, между ними не стихают споры и противоречия, включая торговые войны, пограничные споры, разногласия по вопросам, касающимся использования водных и энергетических ресурсов и т.д. Все пять стран Центральной Азии экспортируют главным образом конкурирующие друг с другом сырьевые товары: Киргизия — золото и электричество; Таджикистан — электричество, хлопок и алюминий; Туркменистан — хлопок и природный газ; Узбекистан — хлопок и золото; Казахстан — нефть и продукцию металлургии. Экономике этих государств не столько дополняют друг друга, сколько конкурируют друг с другом.

29.4. Основные направления обеспечения национальной безопасности России на южных рубежах

«Желая себе спокойствия, молись за покой окружающих», — писал средневековый буддийский монах Нитирэн. Эта максима особенно актуальна для России, которой легче и выгоднее иметь дело с политически стабильными и экономически процветающими регионами. Россия заинтересована в создании пояса дружественных и миролюбивых государств по всему периметру своих границ, недопущении превращения ближнего зарубежья в зону территориальных, межнациональных, конфессиональных и иных конфликтов. В данном контексте вполне возможно, что чеченский и осетино-ингушский конфликты на территории РФ во многом были подготовлены карабахским, осетино-грузинским и грузино-абхазским конфликтами.

Угроза национальной безопасности России исходит не только от международного терроризма, но и от слабости новых государств, которая коренится в неэффективности местных военно-полицейских структур, узости социальной базы постсоветских политических режимов, бедности и нищеты народа при одновременном обогащении правящих кланов. Поэтому очевидно, что интересы национальной безопасности России предполагают наличие пояса стабильных и экономически благополучных стран по всему периметру ее границ.

Особо важное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности России имеет надежность системы охраны границ по всему периметру стран СНГ, поскольку

ку Россия имеет с большинством этих стран прозрачные границы. Выведение же российских пограничных войск на новые рубежи, которые проходят по Кавказскому хребту и Северному Казахстану, сопряжено со многими труднейшими проблемами материально-технического и военно-стратегического порядка.

Новые постсоветские государства на южных рубежах России встречаются с целым комплексом новых геополитических вызовов, порой представляющих серьезную угрозу их национальной безопасности. Если не нейтрализовать эти вызовы, они могут так или иначе непосредственно сказаться на национальной безопасности и самой России.

С учетом векторов развития и интересов новых независимых государств система взаимодействий России с ними приобретает многоярусный характер, сочетая разные уровни и масштабы взаимосвязей с разными странами. В целом отношения России с каждым из новых центральноазиатских и закавказских государств в силу разности лежащих в их основе причин складываются по-разному. Сравнительно успешно развиваются двусторонние отношения между постсоветскими странами. Это выражается, в частности, в подписании разного рода двусторонних договоров о сотрудничестве по тем или иным конкретным вопросам. Наиболее далеко идущие результаты в этом направлении достигнуты в отношениях между Россией и Белоруссией. 2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества Белоруссии и России. Взят курс на создание единого экономического пространства или общего рынка товаров, капиталов и рабочей силы. Заключены договоры о дружбе и сотрудничестве с Арменией, Казахстаном и т.д.

Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имеет подписание 26 апреля 1996 г. в Шанхае главами пяти государств — России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Китая — Соглашения об укреплении мер доверия в военной области в районах границ между этими странами.

24–25 августа 1999 г. в Бишкеке состоялся саммит глав пяти государств, в ходе которого были подписаны Бишкекская декларация, а также Соглашение между Казахстаном, Китаем и Киргизией о точке стыка государственных границ трех государств.

5 июля 2000 г. в г. Душанбе был проведен очередной (пятый по счету) саммит глав государств — участников «Шанхайской пятерки». В качестве итогового документа встре-

чи была подписана Душанбинская декларация, в которой выражается удовлетворение уровнем развития отношений между государствами-участниками, подчеркивается стремление сторон по превращению «Шанхайской пятерки» в региональную структуру многостороннего сотрудничества в различных сферах. Вскоре после присоединения к ней Узбекистана она превратилась в «Шанхайскую шестерку», или Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Все эти тенденции с точки зрения поисков путей и форм достижения взаимовыгодного сотрудничества стран и народов, несомненно, имеют немалое позитивное значение. Но в то же время они могут стать фактором, подтачивающим и так эфемерные структуры СНГ.

Дополнительные сложности в деятельность СНГ внесли так называемые «цветные» или «бархатные» революции на постсоветском пространстве, в результате которых в ряде республик к власти пришли постсоветские элиты новой генерации, выросшие и воспитанные на иных, чем советские элиты, ценностях, принципах и установках. После «революции роз» в Грузии и «оранжевой революции» на Украине широко муссировалось мнение, что чуть ли не для всего постсоветского пространства, в том числе и для России, «цветные» революции стали знаменем времени.

Однако последствия революций в Грузии и на Украине, события в Киргизии и Узбекистане, а также результаты президентских выборов в Казахстане показали беспочвенность подобных рассуждений. В первых двух странах новые власти продемонстрировали свою неспособность выполнить обещания, данные народу в ходе революций. Социальные и экономические проблемы здесь не только не нашли позитивного решения, но и еще больше усугубились. Ухудшились отношения с естественным партнером и союзником — Россией. Особенно отчетливо это обнаружилось в так называемом газовом кризисе между Украиной и Россией, а также пятидневной грузино-российской войне, о чем речь пойдет ниже.

Поэтому неудивительно, что «цветные» революции оказались «товаром», не совсем пригодным для экспорта в другие страны. Волнения в Киргизии, как считали сторонники такого экспорта, сметут авторитарные режимы в других постсоветских странах. Но в 2005 г. двадцатитысячная разношерстная толпа, сначала требовавшая смены власти под лозунгом «Акаев — дрянь», затем не только бросилась гро-

мить правительственные учреждения (включая президентские апартаменты), но и грабить супермаркеты, рестораны, оптовый продовольственный рынок, салоны красоты, банкоматы и т.д.

Иначе говоря, революция обернулась обыкновенным бунтом части населения, потерявшей все надежды на выход из бедственного положения. Установкам сторонников экспорта революции и демократии был положен конец И. Каримовым в Узбекистане, подавившим мятеж в зародыше вооруженной силой, и Н. Назарбаевым в Казахстане, добившимся на президентских выборах в конце 2005 г. внушительной победы.

Немаловажное значение с рассматриваемой точки зрения имеет постепенное ужесточение правил перехода национально-государственных границ в рамках СНГ. Это началось с введения визового режима между Россией и Туркменистаном, а затем между Россией и Грузией. В сентябре 2004 г. после теракта в Беслане Москва объявила, что постепенно визовый режим будет введен и в отношении с другими постсоветскими странами. Это, естественно, даст Москве дополнительные аргументы на переговорах с ЕС о введении в будущем безвизового режима со странами региона.

Происходит постепенное размывание понятий *дальнее* и *ближнее зарубежье* для России. Можно предположить, что подобно тому, как постепенно из международно-политического лексикона исчезает понятие *третий мир*, теряет смысл понятие *ближнее зарубежье*. В феврале 2001 г., выступая на военно-политическом форуме в Мюнхене, тогдашний секретарь Совета Безопасности РФ С. Иванов заявил, что превращение СНГ в полноценное интеграционное объединение в ближайшей перспективе невозможно¹. Эту установку уточнил В. В. Путин, который во время своего визита в Ереван в конце марта 2005 г. признал: «СНГ создавалось для цивилизованного развода. Все остальное шелуха». Но при этом он счел необходимым сохранить СНГ как площадку для обсуждения вопросов, которые до сих пор «остались после распада единого государства и которые необходимо решать сообща»².

Отношения России и большинства постсоветских стран определяются в первую очередь стремлением последних

¹ URL: <http://news.mail.ru/society/arc794712/>.

² Время новостей. 2005. 28 марта.

к демонстрации и закреплению своего статуса независимых (в первую очередь от России) государств. Используя потенциал России для решения своих внутренних конфликтов и восстановления территориальной целостности, они всеми силами стремятся привлечь к этому делу другие государства, особенно западные, а также международные организации, политические институты и общественность. Преследуя одновременно цель в определенной степени дистанцироваться от России, они стремятся интернационализировать процесс урегулирования конфликтов с соответствующим уменьшением посреднической роли России.

К тому же столкновения интересов сопредельных государств — России, Ирана, Турции, Китая (а также в более широком плане — Запада и России) — предоставляют постсоветским странам довольно широкое поле для внешнеполитического маневра. Все это естественно, и было бы наивно полагать, что каждое независимое государство не будет использовать для решения своих насущных проблем все имеющиеся в их распоряжении средства.

Но при всем том по большому счету интересам почти всех постсоветских государств не отвечает постановка вопроса в форме альтернативы: либо Россия, либо соседнее дальнее зарубежье и Запад. Как представляется, оптимальный для них выбор — это установление и всемерное укрепление всесторонних экономических связей в обоих направлениях: как с Западом, так и с Россией. Эти два направления должны не исключать, а дополнять друг друга. Дело в том, что противопоставляя себя одной из этих сторон, невозможно решить ни одну из сколько-нибудь значимых для выживания и безопасности этих стран проблем.

Но здесь не может не настораживать тот факт, что отдельные влиятельные силы, в том числе и официальные власти ряда государств, не прочь обвинить во всех своих существующих и возникающих проблемах и трудностях некие внешние силы. Для них особенно полезными для оправдания собственных провалов и укрепления своей власти оказываются внешние враги. Причем главным (если не единственным) и наиболее коварным среди этих внешних врагов в глазах официального руководства и определенной части общественности этих стран, естественно, является Россия. Порой дело доходило до такого абсурда, что некоторые депутаты грузинского парламента даже предлагали зачислить

в ранг врагов нации и пособников иностранных спецслужб всех, кто симпатизирует России¹.

При всем том геополитическая стратегия России как великой военно-политической державы должна основываться на постулате, согласно которому правители приходят и уходят, а народы (тем более соседние народы, будь то грузинский, азербайджанский, казахский или какой-либо иной) вечны и их негоже оценивать по шкале «хорошие-плохие», «дружественные-враждебные».

Вопросы и задания для самоконтроля

1. По каким направлениям формировалась политика Российской Федерации на постсоветском пространстве?
2. На какие группы стран разделяется постсоветское пространство?
3. Какие из этих стран входят в СНГ?
4. Дайте характеристику основным факторам и этапам формирования и эволюции СНГ?
5. Какова в нем роль России и каждой из остальных отдельно взятых стран?
6. Какие трудности встречаются на пути действительной экономической и политической интеграции постсоветского пространства?
7. Каковы интересы России на постсоветском пространстве в целом и в СНГ в частности?
8. Охарактеризуйте основные направления обеспечения национальной безопасности России на южных рубежах.
9. Каковы, на ваш взгляд, перспективы СНГ?

---

¹ См.: Содружество НГ. 1998. № 7.

Глава 30. ГРУЗИНО-РОССИЙСКАЯ ПЯТИДНЕВНАЯ ВОЙНА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Существенные коррективы как в определение места России в новом полицентрическом миропорядке, так и в понимание геополитических реальностей современного мира внесла так называемая пятидневная грузино-российская война в августе 2008 г. При всем своем локальном характере она вызвала мировой резонанс и имела последствия, выходящие далеко за пределы кавказского региона. Ее значимость состоит также в том, что она в определенной степени внесла ясность в вопрос о том, кто есть кто не только в масштабе кавказского региона, но и в более широком геополитическом разрезе.

30.1. Причины грузино-российской войны

В целом процессы, приведшие к августовской войне, определялись сочетанием комплекса собственно внутригрузинских и внешних геополитических факторов. При этом необходимо признать, что при всех необходимых здесь оговорках конфликты в регионе (армяно-азербайджанский, грузино-абхазский, грузино-югоосетинский или какой-либо иной) имели главным образом внутрорегиональное и даже внутривосточное происхождение. Разумеется, здесь действовал весьма сложный клубок факторов. Но в целом суть проблемы с точки зрения внутригрузинских реалий, лежащих в основе грузино-российской войны, заключается в том, что М. Саакашвили и его команда пришли к власти под громкие обещания решить все сложные проблемы, стоявшие перед грузинским обществом, в том числе и застарелую проблему восстановления территориальной целостности страны.

Как можно скорейшего решения этой проблемы не в последнюю очередь требовали также императивы вступления в НАТО. Чуть ли не с самого начала независимости грузинское руководство взяло курс на интеграцию в НАТО и ЕС под покровительством Вашингтона при нарастающей и декларативно позиционируемой враждебности к России.

Разумеется, Грузия как суверенное государство имеет полное право выбирать собственные приоритеты и ориентиры внешней политики. Но если руководствоваться здравым смыслом, ориентация на Запад не обязательно предполагает враждебность к соседу. При этом необходимо признать, что Россия также вправе отстаивать свои национальные интересы всеми имеющимися у нее средствами. Таков закон взаимоотношений суверенных государств на международной арене.

Проблема помимо всего прочего состояла в том, что в сознании грузинской интеллигенции и политического класса складывались стереотипы безнадежно ослабевшей и безвольной России. Ей противопоставлялась сильная Грузия с боеспособной армией, подготовленной по американским стандартам и американскими инструкторами, экипированной американским обмундированием и т.д. и, самое главное, пользующейся безоговорочной поддержкой великой и могущественной сверхдержавы.

По-видимому, часть политической элиты и некоторые представители высшего руководства Грузии на полном серьезе уверовали, что для России уже наступил вечер и любой желающий может делать с ней все, что хочет. К примеру, еще в 2005 г. председатель Комитета по обороне и безопасности парламента Грузии Г. Таргамдзе утверждал: «Сегодня грузинская армия может в течение 3–4 дней взять под контроль всю территорию Южной Осетии. К концу года наши Вооруженные силы будут способны взять Сухуми, а что касается мифа о непобедимой российской армии, то этот миф не раз был разрушен»¹. В том же духе рассуждал министр обороны этой страны В. Мерабишвили, который заявил: «Сегодня весь мир увидел, что Россия является обыкновенной беспомощной страной, и миф о всемогуществе ее разведки, ее служб является просто мифом, и он предан истории»².

¹ URL: <http://www.zn.kiev.ua/1000/1550/63759/>.

² Эксперт Online. 2006. 2 окт.

Здесь нельзя не привести заявление И. Окруашвили, бывшего друга и соратника М. Саакашвили, сделанное им в бытность министром обороны Грузии: «Россия обречена на поражение в случае войны с Грузией. Наша обороноспособность как никогда высока, и мы готовы идти в бой хоть завтра... Российская армия — дутая величина, технические старая, солдаты — недееспособные. Можем начать войну хоть завтра!»¹. Впрочем, в могуществе страны был убежден и сам Саакашвили, который в марте 2008 г. публично заявил: «Грузия никогда не была такой сильной, как сегодня, и она до сих пор не имела таких возможностей для защиты единства государства, у нее до сих пор не было такой дисциплинированной и обученной армии. Сегодня нам по плечу сразиться с любым противником»².

Разумеется, эти пассажи можно списать на пропаганду и фанфаронство, но нельзя забывать, что при неумолимо частом употреблении любой, даже самый неправдоподобный миф рано или поздно трансформируется в реальную силу, способную подтолкнуть людей на те или иные действия, которые могут иметь непредсказуемые как позитивные, так и далеко идущие негативные последствия. Иначе как объяснить тот факт, что буквально с момента прихода к власти М. Саакашвили и ведущие члены его команды, правда время от времени делая реверансы в адрес России, постоянно и целенаправленно позиционировали себя враждебно в отношении своего северного соседа.

Как представляется, одна из причин развязывания грузино-российской войны состояла в том, что не были сколько-нибудь четко и ясно обозначены и заявлены Рубиконы или так называемые «красные линии», пересечение которых той или иной стороной может привести к далеко идущим непредсказуемым последствиям для национальной и международной безопасности. Руководство как самой Грузии, так и Вашингтон в должной мере не рассчитали реакцию России и возможные катастрофические последствия вероломной агрессии. Можно предположить, что, развязав войну, Саакашвили рассчитывал, что грузинские войска быстро займут стратегические пункты Южной Осетии, а президент России Д. Медведев, который находился в отпуске, и премьер-министр В. Путин, участвовавший в открытии летней Олимпиады в Пекине, либо окажутся

¹ URL: <http://www.zn.kiev.ua/1000/1550/63759/>.

² URL: <http://www.zn.kiev.ua/1000/1550/63759/>.

перед свершившимся фактом, либо вообще не осмелятся вмешаться в конфликт из-за боязни вызвать негативную реакцию Запада, не желая вступить в прямую конфронтацию с Вашингтоном.

Следует отметить, что в вопросах, касающихся решения конфликтов на Южном Кавказе, Россия с самого начала оказалась в весьма трудном положении. С одной стороны, она однозначно заявила о приверженности международному праву и признала принцип территориальной целостности Грузии. С другой стороны, в силу целого комплекса внутренних и внешних факторов у ее руководства (независимо от конкретных личностей) подспудно формировалось убеждение в нецелесообразности и даже невозможности возвращения мятежных республик в лоно грузинского государства.

В немалой степени этому способствовал тот факт, что активнейшим участником конфликта стали США, которые поставили своей целью превратить Грузию в плацдарм для установления своего контроля над всем кавказско-прикаспийским регионом.

Не является секретом и тот факт, что значительная часть граждан Российской Федерации, в том числе народов Северного Кавказа, поддерживала устремления Южной Осетии и Абхазии к независимости. Возможное возвращение двух республик Грузии было бы весьма негативно воспринято в России в целом и на Северном Кавказе в особенности и превратилось бы в узел постоянной напряженности во всем регионе.

Грузино-российская война пролила дополнительный свет на одну весьма важную с геополитической точки зрения проблему современного мира. Как показывает опыт истории человечества, власть и деньги — это особый ресурс, определяющий особый характер отношений между отдельно взятыми людьми, коллективами, народами, тем более государствами. Здесь доводы о неких братских народах, близких по культуре, вере и прочим критериям, совершенно неприемлемы. В течение всей истории человечества бывало так, что ради власти и богатства человек, не задумываясь, шел на брато- и отцеубийство. Особой жестокостью отличались именно гражданские войны.

Братскими или дружественными при тех или иных обстоятельствах и условиях могут быть отдельные близкие по происхождению, культуре, языку, вере и т.д. народы, но не государства. У государства могут быть приоритеты,

неприкосновенная территория, ресурсы, честь и т.д., для защиты которых оно вправе вступать во временные союзы, но у него, как говорил лорд Пальмерстон, не может быть ни друзей и ни постоянных союзников, могут быть только интересы. Когда речь идет о жизненно важных интересах государства, всякие доводы и рассуждения о равенстве и братстве народов, к величайшему сожалению, не всегда бывают уместны.

30.2. Роль Запада в развязывании грузино-российской войны

Политический курс Запада в целом и Вашингтона в особенности на Кавказе сформировался и осуществлялся в рамках общей внешнеполитической стратегии распространения своего влияния на все новые регионы и страны за пределами евроатлантического сообщества. Сама эта стратегия включала два самостоятельных, но теснейшим образом взаимосвязанных и взаимодополняемых направления: идеолого-политическое и военно-политическое. Ключевую роль в первом направлении с подачи Вашингтона заняли идеология экспорта демократической революции и империализм прав человека, которые на постсоветском пространстве материализовались в так называемых «цветных» революциях.

Первоначальный успех «оранжевой революции» на Украине и «революции роз» в Грузии, которые, по сути дела, являлись своеобразно оркестрированными государственными переворотами, убедили как М. Саакашвили, так и В. Ющенко во всемогуществе США, их способности решать все проблемы, стоящие перед двумя странами. Однако дальнейший ход событий показал провал этих революций. В Киргизии попытки повторить украинский и грузинский сценарии обернулись бунтом толпы и ночными грабежами, а в Узбекистане и Казахстане они просто захлебнулись, не начавшись.

Что касается военно-политического направления, то главный упор в нем был сконцентрирован на расширении НАТО, правда опять же под лозунгами укрепления стабильности и создания условий для утверждения демократии и рыночной экономики. Российское руководство

неоднократно заявляло, что присоединение Грузии к НАТО представляет собой посягательство на безопасность России на Кавказе и в случае положительного решения этого вопроса Россия примет адекватные меры.

При этом Вашингтон явочным порядком объявил, что в современном мире уже нет и не может быть сфер влияния, что они стали реликтом истории и России нужно примириться с этой реальностью. В то же время сами руководители США не преминули объявить Кавказ той самой зоной своих жизненных интересов. Как отмечал бывший представитель администрации Клинтона в НАТО и глава проекта Госдепартамента по реформе Совета национальной безопасности Грузии Р. Хантер, американские предложения принять Грузию в НАТО «должны были рассматриваться любым серьезным наблюдателем как попытка изменить сферу влияния России на западную» в этом приграничном регионе Кавказа, склонном к насилию. По его словам, в администрации США были те, кто «на самом деле хотел сдерживать русских посредством их окружения»¹.

Здесь нельзя не согласиться с Э. Кордесманом, по мнению которого своими необдуманными действиями Запад дал понять «зайцу», что он может дразнить «медведя»². Роковая ошибка Вашингтона состояла также в том, что он не смог прогнозировать реакцию Москвы.

Здесь как бы за скобки выносился тот факт, что Кавказ — это неотъемлемая часть истории и судьбы России, он значит для россиян слишком много, чтобы безропотно уступать одну за другой свои позиции в регионе. Весьма красивый и справедливый в теории и на словах принцип равного доступа всех без исключения государств в любой регион земного шара рушится при соприкосновении с реальностями мировой политики. Декларировать этот принцип можно, например, применительно к территориям Арктики и Антарктики, нейтральной акватории Мирового океана или лунной поверхности. В реальном мире этот принцип осуществляется (если вообще осуществляется) со множеством оговорок и исключений.

Всякий раз, когда Россия высказывала свое несогласие или недовольство притязаниями на включение в НАТО все

¹ См.: Porter G. Georgia war rooted in US «self-deceit» // Asia Times. 2008. August 26.

² См.: Кордесман Э. Война в Грузии и век «реальной силы» // Россия в глобальной политике. 2008. № 8.

новых посткоммунистических и постсоветских государств, его руководители парировали аргументами относительно того, что по данному вопросу Россия не обладает правом вето. Однако в мировой истории не раз бывало так, что уважающие себя великие державы получали такое право не как бесплатный дар со стороны каких бы то ни было посторонних сил, а завоевывали его, в том числе и силой оружия. В данном случае, одержав победу в пятидневной войне, Россия силой оружия получила право вето на вступление Грузии (да и не только) в НАТО.

30.3. Политическая воля как инструмент защиты национальной чести

Как выше указывалось, сила рождает контрсилу, действие рождает противодействие, точно так же теология непогрешимости и всемогущества создает почву для формирования теологии сопротивления. Когда перестает действовать этот принцип, у тех или иных великих держав (а как показал грузинский пример, и у малых стран) возникает соблазн решать возникающие проблемы недопустимыми средствами.

В этом контексте представим себе, что в грузино-югоосетинской войне Россия, предпочтя соблудности политкорректность, выбрала бы так называемый «мягкий» вариант ответа на грузинскую агрессию и тем самым оставила бы на произвол судьбы своих граждан и народ Южной Осетии. Избрав известный нам вариант действий, Россия спасла национальную честь, поскольку исполнила обязательства перед союзниками, перед теми, кто ей доверился.

За реакцией Москвы очень внимательно следили в Северной Осетии, да и на всем Северном Кавказе. Прояви Москва слабость, и последствия стали бы непредсказуемыми, но однозначно весьма негативными для России, потому что стране не нужны руководители, которые не способны защищать в глазах как своих граждан, так и мирового сообщества ее честь и достоинство. Здесь ключевое значение имеет не бахвальство, не сотрясение воздуха громкими и грозными заявлениями, а решительная защита национальной чести, которая имеет ключевое значение для национально-государственной и геополитической идентичности.

Пожалуй, впервые с момента распада СССР Россия оказалась в ситуации, когда ей пришлось действовать, не оглядываясь на издержки, связанные с реакцией извне. Кремль пришел к выводу, что по данному вопросу действия, которые были бы одобрены внешними партнерами, обойдутся слишком дорого с точки зрения жизненно важных интересов страны. Кавказские события вызвали шок в западных столицах не потому, что там исключалась сама возможность вооруженного вмешательства России, а потому, что Москва продемонстрировала политическую волю защищать свои жизненно важные национальные интересы и выполнять традиционную роль гаранта мира и стабильности на Кавказе.

Тем самым Россия послала недвусмысленный сигнал, что периоду отступления и постоянных уступок пришел конец, что она не позволит кому бы то ни было продолжать окружать себя новым санитарным кордоном. Именно в этом смысле следует воспринимать заявление Д. Медведева о том, что Россия была, есть и будет гарантом стабильности на Кавказе. Здесь Москва, по сути дела, открыла глаза остальному миру на ту «красную линию», за которую она ни при каких обстоятельствах не намерена отступать. В то же время этот шаг можно рассматривать как указание на пределы могущества США, которые оказались не готовы направить свои воинские подразделения для защиты Грузии. Тем самым Россия доказала, что воля к сопротивлению и ее реализация сами по себе есть право на вето.

30.4. Почему США не защитили Грузию?

Разумеется, здесь никак нельзя не затронуть вопрос о роли США или отдельных их руководителей в принятии Саакашвили рокового решения о начале военной операции. Многие наблюдатели и аналитики сходятся в том, что президент Грузии не мог пойти на этот роковой шаг, не посоветовавшись с американцами, хотя мог и не совсем верно понять их ответ. Некоторые аналитики даже считают, что акция была подготовлена совместно с американскими советниками с одобрения К. Райс¹.

¹ См.: Le Figaro. 2008. 15 Septembre.

Все же необходимо признать, что американцы на протяжении всего периода после «революции роз» в меру своих возможностей и желаний пытались ограничить амбиции и агрессивные настроения руководства Грузии. Такой же линии Вашингтон придерживался на протяжении всего 2008 г., вплоть до начала августовской войны.

Как представляется, Вашингтон по большому счету не был заинтересован в развязывании Грузией конфликта, во всяком случае, накануне открытия Олимпийских игр в Пекине. Тем более, что американцы, по-видимому, не собирались оказывать ей военную поддержку. Здесь важно учесть тот сравнительно новый феномен, значение которого воочию обнаружилось как в грузино-российской войне и вокруг нее, так и во время газового кризиса в январе 2009 г. Речь идет о том, что после распада двухполюсного миропорядка создались условия, при которых малые государства и народы (особенно те, которые сравнительно недавно обрели независимость) получили возможность в буквальном смысле слова шантажировать великие державы, делать их в некотором роде заложниками своих узкоэгоистических интересов, нередко спекулируя, когда им это было выгодно, аргументами вроде «я маленький, слабый, больной» и т.д.

Опасность данного феномена состоит в том, что из-за авантюры или безрассудства какого-нибудь малокомпетентного руководителя какого-нибудь неоевропейского государства НАТО может оказаться перед необходимостью выступить в защиту своего нового союзника. В противном случае она будет выглядеть как «бумажный тигр» и постепенно утратит свой авторитет и значимость в глазах остального мира. Не является секретом тот факт, что Саакашвили призывал Запад в целом и Вашингтон в особенности вступить в войну на стороне Грузии, представляя ее как атаку России на западные ценности.

При этом возникает вполне законный вопрос: почему США ограничились лишь вербальной поддержкой своего союзника? Действительно, в то время как Россия выступила в защиту Южной Осетии, у остального мира могло создаться впечатление, что Вашингтон как бы «сдал» Грузию. Здесь, несомненно, США понесли существенный имиджевый урон. Фактически речь может идти о падении (хотя и незвученном) их авторитета в глазах прозападных режимов на постсоветском пространстве, да и не только.

Министр обороны Р. Гейтс был вынужден признать, что возможности США по оказанию воздействия на поведение Москвы весьма ограничены. Заявив, что США, возможно, окажут значительную помощь Грузии в восстановлении ее экономики и вооруженных сил, он тем не менее исключил сценарий применения силы против России даже в более отдаленной перспективе¹. Вышло так, что грузинский лидер позволил Москве довольно четко обозначить границы американских интересов в странах, непосредственно прилегающих к границам России.

Здесь возникает вопрос: можно ли вообще упрекнуть Вашингтон за свою позицию в августовском конфликте? Скажем, убийство эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. в Сараево было лишь поводом, а не причиной начала Первой мировой войны. Тогда все вовлеченные в противоречия и споры стороны уже были готовы и ждали (я бы сказал, жаждали) ее, убийство эрцгерцога послужило лишь последним винтиком в огромном механизме, запустившем движок молоха всемирной бойни.

М. Саакашвили, который своими действиями пытался вовлечь США в вооруженный конфликт с Россией, никак не мог быть поводом к американо-российскому военному конфликту, поскольку не было реальных глубинных причин для развязывания такого конфликта. У Вашингтона не было перед Тбилиси каких бы то ни было договорно оформленных обязательств выступать на его стороне в случае военного конфликта с Россией или каким-либо иным государством.

К тому же в контексте тех глобальных сдвигов, которые происходят в рамках формирования нового миропорядка и новой конфигурации геополитических сил, Грузия, скажем прямо, представляет собой весьма малую величину, чтобы оказать сколько-нибудь серьезное влияние на эти процессы глобального масштаба. Даже Дж. Буш-мл. с его командой неоконсерваторов с их примитивным троцкистским мышлением не могли не понимать, к чему любой непродуманный шаг в этом направлении может привести.

В итоге локальная по масштабам пятидневная война с первых минут приобрела глобальное измерение, поскольку за ее непосредственными участниками стояли стратегические интересы Российской Федерации и США, кото-

¹ См.: The Independent. 2008. August 15.

рые впервые за многие годы оказались по разные стороны баррикад. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что за одни только первые сутки войны конфликт три раза обсуждался на заседаниях Совета Безопасности ООН.

30.5. Последствия пятидневной войны

Разумеется, всякого рода рассуждения о будто бы радикальном изменении в результате пятидневной войны геополитической карты чуть ли не всего мира грешат изрядным преувеличением и навеяны эмоциями и неожиданностью и оперативностью реакции Москвы, положившей конец спекуляциям о слабости и неспособности России защищать жизненно важные для нее интересы на Кавказе. Но нельзя не признать, что конфликт серьезно изменил геополитический расклад сил и социально-психологический климат в регионе.

В этом контексте результаты пятидневной войны стали последним звеном в процессе, который в феврале 2008 г. начали три члена Совета Безопасности ООН, признавшие независимость Косово — автономии суверенного государства Сербии. Необходимо признать, что косовский прецедент (независимо от того, хотели его инициаторы этого или нет) в данном вопросе внес свою лепту в подготовке более благоприятной политико-правовой и моральной почвы как для вмешательства России в данный конфликт, так и для признания ею Абхазии и Южной Осетии.

Всякие рассуждения о некоем радикальном отличии двух прецедентов можно рассматривать лишь как плод политической словесной эквилибристики. Здесь уже никакого значения (во всяком случае, в обозримой перспективе) не имеет нежелание той или иной страны не отказываться от принципа территориальной целостности Грузии. Впрочем так же, как не имеет значения нежелание России признать независимость Косово.

Абсолютно несостоятельны аргументы тех наблюдателей и публицистов, которые предрекали, что предоставление независимости двум южнокавказским республикам вызовет «эффект домино» внутри самой России, откроет ящик Пандоры или парад независимостей на Северном Кавказе. Такие аргументы построены на полном непонимании реального положения вещей в регионе.

В действительности же ситуация здесь прямо противоположна. Подавляющее большинство населения северокавказских республик с энтузиазмом реагировало на вмешательство России и признание Абхазии и Южной Осетии. Что касается нынешней напряженной ситуации в ряде республик региона (прежде всего в Дагестане и Ингушетии), то ее корни следует искать не в стремлении их народов отделиться от России, а в фактической нелегитимности региональной власти в глазах населения этих республик, непродуманной политике Москвы, которая не всегда строится на учете реального положения вещей в регионе. Хотя надо признать неизбежность той или иной степени сепаратистских настроений в любом многонациональном или многосоставном обществе, которые не обязательно будут разделяться большинством.

Само собой разумеется, в результате войны в регионе в геополитическом плане существенно возросла (или, вернее говоря, восстановилась) роль Российской Федерации при ослаблении (может быть, и временном) позиций США. Что касается заявлений и угроз определенных политических и журналистских кругов, да и руководителей некоторых младевропейских стран о международной изоляции России, то они никаких реальных оснований под собой не имеют. Россия уже не та, какой она была в смутно-бурные 90-е гг. Да и Запад не тот, каким он хочет предстать перед остальным миром. Во-первых, он не един, во-вторых, помимо всего прочего, у него попросту нет достаточных политических и экономических ресурсов, чтобы вотиловать любые шаги России по защите своих национальных интересов.

При всем том сколько угодно можно иронизировать, что «император голый», но весьма сомнительно, что Вашингтон просто так откажется от своих заявленных интересов и политического курса на Кавказе. Хотя на данном этапе довольно трудно определить, насколько изменилась роль США в регионе, поскольку не совсем ясно, носит ли ослабление позиций Вашингтона временный характер, или же мы имеем дело с началом более глубоких процессов, способных заставить США умерить свои аппетиты или искать новые пути и средства расширения и укрепления своих позиций в данном направлении.

Необходимо учесть, что Кавказ (равно как и кавказско-каспийский регион) остается сферой соперничества между Россией, США и ЕС, а также Китаем и двумя региональны-

ми государствами — Турцией и Ираном. Разумеется, здесь возможны как конфликты, так и компромиссы, но главная проблема состоит в том, чтобы компромиссы не выглядели сдачей позиций одной из сторон. Что касается собственно США, то нельзя забывать, что это мировая имперская держава, которая просто так не может отказаться от попыток реванша.

В условиях, когда перед США стоит перспектива бесславного ухода сначала из Ирака, а затем также из Афганистана, они могут концентрировать усилия на Кавказе, к тому же нынешнее и любое будущее руководство Грузии само просится в объятия Вашингтона. Как правило, американские интересы в кавказско-каспийском регионе ассоциируются главным образом с запасами углеводородного сырья и выбором маршрутов их транспортировки на мировые рынки. Сами американцы, как бы подтверждая этот тезис, заявляют о значимости региона для обеспечения энергетической независимости и диверсификации источников энергоресурсов.

Однако представляется не совсем верным концентрировать внимание исключительно на этой стороне стратегии в регионе западных стран в целом и США в особенности. Анализ реального положения вещей показывает, что (во всяком случае, на данном этапе) применительно к региону привилегия отдается более широким геополитическим интересам.

Именно в этом контексте государственный секретарь при президенте Дж. Буше-ст. Дж. Бейкер заявлял, что «Каспий — это не экономическая и не геологическая или техническая проблема. Это геополитическая проблема первостепенной важности»¹. Военно-стратегическая важность кавказско-каспийского региона определяется, помимо всего прочего, также его близостью к зоне Персидского залива и таким ключевым странам этой зоны, как Ирак и Иран, т.е. к региону, который объявлен зоной жизненно важных интересов США.

К тому же в последние годы в кавказско-каспийском регионе и Центральной Азии все настойчивее заявляет о себе новый, стремительно набирающий мощь актор в лице Китая, который претендует серьезно конкурировать с Западом за свою долю углеводородов. Немаловажное значение име-

¹ Los-Angeles Times. 1998. March 11.

ет фактор давления на Россию, поскольку за океаном хорошо осознают, что доставить Москве большие неприятности можно, раскачав ситуацию в северокавказских республиках и т.д. Для этого Южный Кавказ является наиболее подходящим плацдармом.

30.6. Позиции Евросоюза на Кавказе в свете пятидневной войны

Обращает на себя внимание заметный рост во время и после августовской войны активности ЕС, который пытается расширить свое присутствие на Южном Кавказе. Поскольку США рассматривались в качестве фактического союзника одной из воюющих сторон, ЕС при председательстве Франции выступил в роли «честного брокера» в российско-грузинских отношениях. Именно президент Франции Н. Саркози вместе с президентом РФ Д. Медведевым стали соавторами мирного плана по Южной Осетии.

Грузинский кризис открыл для Н. Саркози весьма удобный случай приступить к осуществлению амбициозных планов по завоеванию Францией нового статуса ведущего актора в мировой политике. Париж оказался в центре масштабной дипломатической активности. Примечательно, что в разгар кризиса Саркози не последовал совету Дж. Буша-мл. не ездить в Москву, что свидетельствует о том, что при всем союзничестве с США Париж намерен вести, во всяком случае по данному вопросу, собственную политику, не совпадающую с политикой Вашингтона.

Вместе с тем августовские события 2008 г. поставили ЕС перед весьма сложной дилеммой: как совместить позиции своих членов, часть из которых безоговорочно поддержала Грузию, а другая часть заняла более или менее прагматическую позицию, возложив вину за инициирование войны на обе стороны. У Евросоюза нет единой политики в вопросах, касающихся как каспийских энергоресурсов, так и конфликтов на юге Кавказа. Тем не менее руководство этого объединения заявило о своей решимости поддержать территориальную целостность Грузии и не признавать независимость Абхазии и Южной Осетии.

Одной из последних весьма амбициозных начинаний ЕС стала программа так называемого «Восточного парт-

нерства» (Eastern Partnership), принятая 3 декабря 2008 г. Европейской Комиссией по инициативе Польши и Швеции в рамках развития «политики соседства». Программа декларирует далеко идущие цели содействия социально-экономическому и политическому развитию ее стран-участников — Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана. Финалом этого процесса должно стать создание зон свободной торговли. Кроме этого члены партнерства могут рассчитывать на облегчение визового режима и возможное открытие для них рынка труда ЕС.

Главным условием реализации данного проекта рассматривается осуществление странами-участниками программы экономических и политических реформ. Помимо всего прочего, партнерам ЕС на Востоке предлагается гармонизировать энергетическую политику и законодательство в этой сфере. Впрочем, отдельные руководители ЕС не прочь ставить и такие условия, которые нельзя не рассматривать как вмешательство во внутренние дела соответствующих стран.

Так, Белоруссии в качестве условия присоединения к «Восточному партнерству» было предписано непризнание Абхазии и Южной Осетии. Министр иностранных дел председательствующей в ЕС Чехии К. Шварценберг 23 февраля 2009 г. заявил, что если Минск признает Абхазию и Южную Осетию, у него «возникнут очень и очень серьезные проблемы» с присоединением к этой программе ЕС¹. При этом громаду планов на бумаге предполагается подпереть незначительными для их масштаба финансовыми подпорками: на реализацию «Восточного партнерства» предполагается выделить 600 млн евро до 2013 г.

30.7. Сдвиги в позициях сопредельных государств

Нельзя не обратить внимания на определенные сдвиги в позициях ряда соседних стран в отношении России и в особенности Кавказа. Речь идет прежде всего о Турции, которой пятидневная война коснулась самым непосредственным образом. Казалось бы, война имела все шансы серьезно испортить отношения Москвы с Анкарой. Однако, после того как российские воинские подразделения без серьезных препятствий дошли до Гори и Поти, стала оче-

¹ Баусин А. Партнерство вместо соседства // Эксперт. 2009. № 8.

видна крайняя уязвимость грузинского участка маршрутов транспортировки углеводородного сырья.

В Анкаре также обратили внимание на то, что во время июльского визита в Баку Д. Медведев обратился к И. Алиеву с предложением выкупать весь газ, добываемый на Каспийском шельфе, по ценам, сравнимым с европейскими. В то же время турецкое руководство не может не учитывать, что Москва — главный торговый партнер Анкары, а более половины иностранных туристов, прибывающих в страну, — граждане Российской Федерации. В 2008 г. товарооборот между двумя государствами превысил 32 млрд долл. Сегодня 29 % нефти и 63 % газа, потребляемых в Турции, имеют российское происхождение.

Во многом этими и другими связанными с ними факторами объясняется ставший своего рода сюрпризом визит премьер-министра Турции Р. Т. Эрдоган в Москву в разгар войны и той кампании критики в адрес России, которая развернулась на Западе. Этот визит стал одним из событий, позволяющих говорить о новой геополитической реальности на Кавказе, об осознании руководством Турции того факта, что баланс сил в регионе изменился в пользу России. В ходе переговоров с российским руководством Эрдоган заявил о необходимости создания некоего союза типа «Кавказского альянса». В Москве идею Эрдогана восприняли благосклонно, чего нельзя сказать о реакции США. 20 августа 2008 г. Эрдоган официально презентовал свою идею под названием «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК) И. Алиеву в Баку.

Тем самым Турция демонстрировала решимость выступать в регионе в качестве самостоятельного, независимого от США игрока в геополитической игре.

В рассматриваемом контексте интерес представляют позиции ряда других государств Ближнего Востока. Так, идеи стабилизации положения на Южном Кавказе и разрешения конфликтов мирным путем предложило руководство Ирана, которое проявило интерес к участию в дискуссии по Кавказу и предложению о создании зоны безопасности в регионе. Тегеран не остался равнодушен к проекту Р. Т. Эрдогана, который, впрочем, не включил Иран в круг стран-членов предполагаемого союза.

В отличие от стран Запада, многие в исламском мире поддерживали Москву (как на уровне политических лидеров, так и среди населения). Сразу после окончания вооружен-

ной фазы конфликта заметно участвовали визиты ближневосточных политиков, в том числе президента Сирии Б. Асада, короля Иордании Абдаллы II.

Что касается собственно Грузии, то для нее неизбежными последствиями войны стали ослабление как региональных, так и геополитических позиций в мире, усиление в стране социальной и политической нестабильности. Как отметил В.В. Путин, своей военной авантюрой Саакашвили нанес «смертельный удар» территориальной целостности Грузии.

В целом война и ее последствия, с одной стороны, упростили ситуацию в регионе в том смысле, что стали предельно ясны позиции главных вовлеченных в конфликт сторон. С другой стороны, они еще более осложнили геополитическое положение, которое характеризуется усилением неопределенности и неустойчивости. Можно с уверенностью сказать, что сложившаяся после пятидневной войны ситуация создает на Южном Кавказе как потенциальные возможности и перспективы, так и новые угрозы и вызовы безопасности и стабильному развитию региона.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Каковы, на ваш взгляд, основные причины грузино-российской войны в августе 2008 г.?
2. Какую роль в развязывании войны сыграли страны Запада в целом и США в особенности?
3. По-вашему, правильно ли поступила Россия, выступив в защиту Южной Осетии?
4. Каковы были бы последствия для имиджа и геополитического статуса России, если бы она поступила иначе?
5. Почему война, которая была локальной, вызвала резонанс глобального уровня?
6. В силу каких причин поддержка Вашингтоном Грузии ограничилась лишь дипломатическими демаршами?
7. Каковы геополитические последствия войны для мира в целом и для постсоветского пространства и самого кавказского региона в частности?
8. В каком направлении изменилась политика в отношении региона ЕС и сопредельных государств?
9. К каким последствиям привела война для самой Грузии?

Глава 31. ВОЙНЫ И КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Конфликт и консенсус, война и сотрудничество составляют своего рода диалектические пары, интенсивность, глубина и направленность каждой из которых во многом определяют характер и жизнеспособность любого человеческого сообщества. Вся история человечества свидетельствует о том, что война — это неотъемлемая врожденная составляющая человеческого существования, точно так же как тяга к игре, пению, снятию стресса, потребности в сатурналиях, вальпургиевых ночах, маскарадах и т.д. Здесь апологию войны необходимо решительно отделить от признания самой реальности этого феномена. Вся жизнь человека построена на антиномиях: жизнь и смерть, добро и зло, свобода и рабство и др. Некоторые из антиномий неразрешимы. Возможно, к этой категории относится и антиномия между войной и миром.

31.1. Особенности войны в ядерную эпоху

Войны — результат политических решений для достижения политических целей с помощью множества находящихся в распоряжении государств средств (политических, дипломатических, экономических, идеологических, информационно-пропагандистских, технологических и т.д.), в которых главенствующую роль играют вооруженные силы. В прежние эпохи на войну смотрели как на вполне законное средство достижения политических целей. Как считал К. фон Клаузевиц, война есть продолжение политики другими средствами.

Ракетно-ядерное оружие в определенной степени внесло коррективы в связь между политикой и войной. Дело в том, что разумная политика, призванная реализовать на международной арене национальные интересы, не может

допустить применение ядерного оружия, обладающего чудовищной силой разрушения. Некоторые из наиболее проныцательных создателей ядерного оружия сознавали его значение с точки зрения перспектив войны и мира.

Еще в 1943 г. в Лос-Аламосе Нильс Бор, принимавший участие в создании первой атомной бомбы, говорил: «Новое оружие не только изменит характер будущих войн, но и заставит человечество отказаться от вековой привычки воевать»¹. В 1945 г. ему вторил венгро-американский физик Л. Сциллард, который, в частности, утверждал: «Как только у русских появится атомная бомба, установится длительный вооруженный мир»². Из подобных установок Б. Броуди в 1946 г. сделал следующий вывод: «До настоящего времени основной целью высшего военного руководства являлась победа в войне, впредь целью станет избежать войны»³.

А. Эйнштейн как-то говорил, что освобождение энергии атома изменило все, кроме способа нашего мышления. Здесь помимо всего прочего он, по-видимому, имел в виду и тот факт, что в течение довольно длительного времени к проблемам ядерного века продолжали подходить с позиций доядерного века. Каждая из двух противоборствующих сверхдержав стремилась к расширению и укреплению своей гегемонии. Для «ястребов», доминировавших на политической арене с обеих сторон, сама идея невозможности войны по логике вещей оказывалась неприемлемой. Они были убеждены в возможности выиграть и выжить в ядерной войне.

Тем не менее в данном контексте особо важное значение имел тот факт, что в период холодной войны ядерное оружие, выполняя роль эффективного инструмента взаимного сдерживания двух сверхдержав, продемонстрировало ограниченность своих возможностей при реализации множества других целей, традиционно решавшихся с помощью военной мощи. Так, сразу после Второй мировой войны, обладая монополией на атомное оружие, США не сумели вынудить Советский Союз изменить его политическую стратегию, в том числе и в сфере внешней политики.

Обладание ядерным оружием оказалось не способно внести какие бы то ни было серьезные коррективы в ход

¹ Вопросы философии. 2007. № 8. С. 10.

² Там же.

³ Brodie B. War and politics. London, 1973. P. 253.

и результаты корейской и вьетнамской войн. В афганской войне СССР вел себя так, будто он вообще ничего не знает о ядерном оружии. Оно также не стало гарантией от распада Варшавского пакта и самого СССР. А в 1982 г. Аргентина начала войну против Великобритании, игнорируя тот факт, что эта страна обладает ядерным оружием.

Это стало результатом осознания того факта, что, как и всякая другая историческая эпоха, ядерно-космический век также имеет специфические закономерности и тенденции. Как выше указывалось, научно-технический прогресс послевоенных десятилетий имел своим результатом качественное изменение географических факторов бытования большинства стран и народов планеты. Он внес существенные поправки в традиционное понимание национально-государственной безопасности.

В этом отношении особо важное значение имело осознание всеми заинтересованными сторонами того очевидного факта, что ядерная война представляет угрозу самому существованию человечества. Поэтому постепенно утверждалось своеобразное ядерное табу в отношениях между двумя сверхдержавами или военно-политическими блоками.

Уже в 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о запрещении применения ядерного оружия на том основании, что оно чревато неоправданными жертвами среди мирного населения и тем самым противоречит международному праву и общепринятым нормам человечности. По-видимому, ракетный кризис, разразившийся осенью 1962 г. между СССР и США после размещения на Кубе нашей страной своих ракет, можно считать поворотным пунктом в истории современного мира. Действительно, этот кризис подействовал на обе сверхдержавы отрезвляюще. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что 20 июня 1963 г. между Москвой и Вашингтоном была установлена линия «горячей связи», которая в круглосуточном режиме позволяла лидерам обеих держав напрямую общаться друг с другом.

Именно этот кризис положил начало тем процессам, которые стали известны под названием «разрядки международной напряженности» и в конечном счете привели к окончанию холодной войны.

Не случайно бывший президент США Р. Никсон в своей книге «Реальный мир» вынужден был признать: «Две сверхдержавы не могут позволить себе начать войну друг

против друга в какое бы то ни было время или же при каких бы то ни было обстоятельствах. Огромная военная мощь каждой из сторон делает войну устаревшей в качестве инструмента национальной политики»¹. Не кто иной, как Р. Рейган в своем ежегодном послании Конгрессу «О положении страны» 25 января 1984 г. (т.е. еще до начала улучшения советско-американских отношений) заявил, что «войну нельзя выиграть и она никогда не должна быть развязана»².

Что касается СССР, то с самого начала ядерного века (во всяком случае, в своих официальных декларациях) он выступал за полное запрещение использования этого средства всемирного апокалипсиса. Ведь тот же Н.С. Хрущев, который предупреждал капиталистов, что «мы вас похороним», был однозначно и категорически против применения ядерного оружия, заявляя, что если ядерная война будет развязана, живые станут завидовать мертвым.

Верная мысль, поскольку после ядерной войны может создаться ситуация, при которой отпадет сама необходимость проведения каких бы то ни было различий между интересами государств, классов, идеологий и т.д. Если привести аналогию с теорией игр, то можно согласиться с Т. Шеллингом, который в 1983 г. показал, что современная война на самом деле представляет собой игру с ненулевой суммой (отрицательной суммой), поскольку по большому счету все участники войны в конечном итоге остаются в проигрыше.

31.2. Трансформация предназначения войны как продолжения политики другими средствами

Ядерное оружие, возможно, символизирует безрассудство и глупость человечества. Но вместе с тем нужно признать, что, постоянно ощущая нависающий над собой карающий всех без разбору обоюдоострый ядерный меч, человечество продемонстрировало свою способность удержаться от соблазна пересечь тот роковой рубеж, который вверх бы его в глобальную катастрофу. Более того, ядерное оружие, взятое само по себе, стало главным фактором пре-

¹ *Nixon R. Real peace.* Toronto, 1984. P. 1.

² *The New York Times.* 1984. January 26.

дотворачивания его использования какой-либо одной из сторон. Оно предельно сузило цели, для достижения которых может быть использована стратегическая мощь, главной его задачей стало сдерживание возможной атаки противника.

Отчасти в силу того, что стратегическое ядерное оружие служит именно этой и никакой иной цели, мир воцарился в развитом мире в течение всех послевоенных десятилетий. В то же время войны малой и средней интенсивности, ведомые с помощью обычных вооружений, часто бушевали на периферии. Все это свидетельствует о том, что ядерное оружие способно служить традиционной цели обеспечения выживания государства лишь при условии, что оно никогда не будет использовано.

При таком положении вещей в отношениях между великими державами всевозрастающее значение обретают новейшие типы войн, такие как экономическая, торговая, экологическая. Новое измерение и новый импульс приобретают идеолого-информационная, культуртрегерская, психологическая и иные разновидности бескровной войны. Например, эффект использования информационно-телекоммуникационных технологий в целях дезорганизации систем государственного управления и военного командования, воздействия на моральный дух населения и войск по своим последствиям может быть сопоставим с ущербом от применения оружия массового поражения, в том числе и ядерного.

Особенность ядерно-космического века состоит в том, что в результате происшедшего разрыва между войной и политикой происходит также разрыв между теорией и практикой. Во все прежние времена военная теория в основном базировалась на конкретном опыте. Зачастую понятия, обозначающие параметры ядерной войны, во многом представляют собой некие абстракции или мысленные, концептуальные конструкции, которые невозможно апробировать в конкретных условиях ведения военных действий.

По признанию многих специалистов, ядерное оружие изменило корреляцию между уровнем экономического развития и военной мощью, поскольку страна с менее чем половиной экономических способностей ведущей экономической державы без особого труда может конкурировать с ней в военном отношении. И, наоборот, ведущая держава не может использовать экономическое превосходство для установления своего военного господства или же завоевать

стратегическое преимущество над своими соперниками — претендентами на статус великой державы.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что ракетно-ядерное оружие нельзя более рассматривать как средство продолжения политики в том смысле, как это понимал Клаузевиц и многочисленные его последователи. Оно, несомненно, ведет к сокращению роли силы на стратегическом уровне до роли сдерживания, упрощает задачу оценки стратегических возможностей стран и облегчает задачу достижения самого баланса между конфликтующими или противоборствующими сторонами.

Следует отметить также то, что в нынешних реалиях авторитет и влияние государств в мире определяется не только и не столько численностью армии и объемами арсеналов вооружений. Выше уже затрагивался вопрос о «мягкой» силе, способной достигать тех политических целей, которые в прежние периоды достигались исключительно «жесткой» силой, т.е. вооруженными силами. Здесь отметим лишь то, что все более растущую значимость приобретают интеллектуальный потенциал нации, ее способность создавать богатства и новые технологии, степень ее самодостаточности и жизнеспособности, способность на равных конкурировать с ведущими акторами мировой политики и законными средствами отстаивать и продвигать свои национальные интересы.

Особенно важно обеспечить своим гражданам благоприятные условия для самореализации и достойной современной человека жизни. Некоторые авторы говорят даже о «тривиализации» международных отношений, когда бухгалтер верховенствует над стратегом и на смену высокой политике приходит прозаический экономический расчет. Едва ли будет преувеличением утверждение, что в некоторых аспектах научное знание, информация и технологический опыт стали для целей безопасности тем, чем раньше были оружие и армия.

Изменение роли военной силы выражается, в частности, в том, что когда одно государство стремится изменить экономическую политику другого государства, чтобы обеспечить себе, например, больший доступ к рынкам, экономические средства оказываются более эффективными, чем военно-силовые. То же самое верно и применительно к проблемам борьбы с загрязнением окружающей среды, эпидемиями, наркобизнесом и т.д. Все это в совокупности

составляет то, что стало известно под названием «мягкая» сила, или «мягкая мощь», о чем уже говорилось выше.

При таком положении вещей, казалось бы, невозможно не согласиться с Я. Тинбергеном и Д. Фишером, утверждавшими, что «миром лучше всего управлять, не прибегая к войне как к инструменту политики»¹. Однако все вышеперечисленные факторы сами по себе отнюдь не отменяют принцип использования силы для достижения политических целей, который лишь трансформируется, приобретает новые измерения. Тем более, что история человечества дает множество примеров, подтверждающих, что люди не всегда и не во всем руководствуются велениями разума и выкладками рационального расчета.

31.3. Может ли демократия предотвратить войну?

Мир, свободный от войн и кровавых конфликтов, был идеалом, проповедовавшимся лучшими умами человечества. Большую популярность такая позиция получила в Новое время по мере постепенного вызревания рыночной экономики и гражданско-правовых общественных отношений. Уже на заре Нового времени возникли сакраментальные вопросы:

— Что приносят с собой коммерция и свободная конкуренция: конфликт или сотрудничество, мир или войну?

— Что в большей степени обеспечивает процветание и богатство народов: война или мир?

На эти вопросы в разные эпохи разные авторы в зависимости от множества факторов давали разные ответы. Вспомним в данной связи, что, вступая в Первую мировую войну на завершающей ее стадии, тогдашний президент США В. Вильсон провозгласил, что она будет последней войной, призванной положить конец всем войнам. Однако всего лишь через двадцать лет после Версаля и известных «14 пунктов» В. Вильсона вся планета стала ареной всемирной бойни, невиданной в истории человечества как по своим масштабам, так и по своей жестокости.

Когда 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена, многие уповали на то, что в Европе, да и в мире в целом, наступит,

¹ *Tinbergen J., Fisher D. Warfare and welfare: Integrating security policy into socio-economic policy. N. Y., 1987. P. 13.*

наконец, период гармонии и порядка. Сложилось убеждение, согласно которому тенденция к утверждению во все более растущем числе стран и регионов демократии в конечном итоге приведет к коренному изменению самой природы внутри- и внешнеполитических отношений во всемирном масштабе. Главным же ее результатом, по мнению многих исследователей и наблюдателей, станет исчезновение войн из жизни человечества. Появилось множество работ, лейтмотивом которых стал тезис о том, что в современную эпоху по мере утверждения во всем мире западной демократической модели жизнеустройства войны станут достоянием истории¹.

В подтверждение этого тезиса приводят, как правило, тот факт, что в течение нескольких послевоенных десятилетий между демократическими странами Запада не было не только войн, но и сколько-нибудь серьезных конфликтов. Действительно, с исчезновением фронтального системного, идеологического и военно-политического противостояния ведущих акторов мировой политики как будто исчезли предпосылки для использования войны в качестве инструмента разрешения межгосударственных и международных споров.

Если раньше наиболее экономически развитые и мощные военные державы воспринимали друг друга как угрозу, то в нынешних реальностях представляется маловероятной ситуация, при которой индустриально развитые страны Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии обратят свою вооруженную мощь друг против друга. Создается впечатление, что страны, которые во Второй мировой войне боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть, теперь отказались от военной силы в качестве инструмента решения возникающих между ними спорных вопросов.

Однако было бы неразумно делать слишком обобщенные оптимистические выводы из западного опыта послевоенных десятилетий, хотя многое можно сказать о корреляции между демократией и миром. Нельзя забывать, что в конфронтационный период западноевропейцы были сплочены прежде всего перед лицом грозного противника, угрожавшего, как им казалось, самому их существованию. Стабильность обеспечивалась в рамках двухполюсного миропорядка, где две сверхдержавы удерживали своих союз-

¹ См.: *Mueller J.* Retreat from Doomsday: The obsolescence of major war. N. Y., 1989. P. 7.

ников от каких бы то ни было самостоятельных действий. К тому же одним из парадоксов послевоенного периода следует считать тот факт, что контроль над вооружениями был достигнут в относительно спокойной зоне конфронтации между Востоком и Западом, практически не затронув остальные регионы.

Верно, что взаимоотношения государств в современном мире нельзя представлять как гоббсовскую войну всех против всех. Нельзя также изображать дело таким образом, будто насилие или угроза его применения и сейчас постоянно неотвратно витают над странами и народами. Все же необходимо признать суровую реальность конфликтов и войн и их неискоренимость из жизни международного сообщества.

Изменения, происшедшие в последние два-три десятилетия, в том числе переход целой группы стран на рельсы демократического развития, не уменьшили риска войн и вооруженных конфликтов. В этом плане утопия отнюдь не стала действительностью. Сама демократия (хотя она, возможно, самая справедливая форма правления) сопряжена с множеством издержек именно с точки зрения развязывания страстей, эмоций, враждебности и конфликтов. Гипотетическое господство демократии во всемирном масштабе способно стимулировать нестабильность и конфронтацию между различными странами.

Парадоксальным образом одновременно с увеличением числа стран, вставших на путь демократического развития, возросло также число стран, где вспыхнули гражданские войны. События в бывшей Югославии, бывшем СССР и отдельных регионах Африки и Азии воочию демонстрируют, насколько болезнен переход от одной системы к другой. Ликвидация авторитарных и тоталитарных режимов и переход на рельсы демократизации могут способствовать развязыванию дремлющих сил межобщинных и этнических фобий и кровавых конфликтов.

Нынешние войны и вооруженные конфликты могут оказаться лишь верхушкой айсберга потенциального брожения, от которого, возможно, не застрахованы даже исторически наиболее консолидированные народы и государства. Можно утверждать, что увеличение числа стран с демократическими режимами не всегда и не обязательно ведет к утверждению демократических принципов в отношениях между государствами.

Более того, с величайшим сожалением приходится констатировать, что ядерное оружие отнюдь не отменило возможность невозможного, поскольку, как показывает исторический опыт, человек и человеческие сообщества часто действовали вопреки очевидному. Конец холодной войны, уверения об отказе от глобальной военно-политической и идеологической конфронтации отнюдь не привели (и не могли привести) к ликвидации громадных арсеналов ядерного и обычного вооружений.

С одной стороны, предпринимаются усилия по сокращению этих арсеналов и постановке их под контроль. С другой стороны, не прекращаются, а, наоборот, расширяются и интенсифицируются работы по созданию новейших и высокоточных средств ведения войны, основанных на новых физических принципах (например, плазменном, лазерном, психотропном, геофизическом и др.).

Если политика предполагает конфликт, конфронтацию и при отсутствии внешнего врага государство как бы теряет свой *reson d'être*, исчезновение войн имело бы своим предварительным условием исчезновение самого государства в том виде, в каком мы его знаем на протяжении всей истории человечества.

Из этого, казалось бы, сам собой напрашивается вывод, что для достижения всеобщего мира необходимо создание некоего универсального наднационального мирового государства. Но такая перспектива, как уже указывалось, не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований, поскольку она потребовала бы радикального изменения самой природы человека.

Феномен государства как формы политической самоорганизации людей порожден самой природой политического правления как проявления конфликтного начала и противостояния «друг — враг». Каждое конкретное государство может существовать лишь в его отношении с другими государствами или в системе государств. Если в пределах отдельно взятого государства политика является результатом столкновения интересов различных конфликтующих групп, сословий, классов, то на международной арене в качестве антипода-врага выступает главным образом другое государство или государства.

Само существование национального государства в определенной степени обусловлено угрозой войны и необходимостью соответствующей подготовки к ней. Как отмечал

Дж. Холл, войны создавали государства в не меньшей степени, чем государства создавали войны¹.

Из всего этого можно сделать вывод, что в обозримой перспективе мир отнюдь не трансформируется в некий единый универсум, характеризующийся господством мира и согласия между народами, он останется сообществом множества конкурирующих и взаимодействующих, конфликтующих и сотрудничающих друг с другом государств и народов, стран, культур, конфессий, союзов, коалиций и т.д.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какое место конфликты и войны занимают в жизни человеческих сообществ?
2. Как вы оцениваете высказывание К. фон Клаузевица о том, что война есть «продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»?
3. Какие изменения претерпели характер и предназначение войны в ядерную эпоху?
4. Как оценивали сами создатели атомного оружия роль войны в современном мире?
5. Какие именно факторы способствовали осознанию мировыми лидерами недопустимости ядерной войны?
6. Соответствует ли реальностям ядерного века формула «война есть продолжение политики другими средствами»?
7. Может ли демократия стать препятствием на пути развязывания войны?

---

¹ См.: Hall J. Nationalisms: Classified and explained. Daedalus. Summer 1993. P. 5.

Глава 32. ТЕРРОРИЗМ: НОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ИЛИ ОДИН ИЗ НОВЫХ ТИПОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

В век интернационализации, глобализации и информатизации важнейших сфер общественной жизни, массовых миграций и масштабных перемещений людей неуклонно подрываются устои, на которых зиждились многие твердыни привычного в течение многих поколений жизнеустройства. Мировые реальности во все более растущей степени бросают вызов не только региональной идентичности, но также национальной, социокультурной, государственно-политической идентичности каждого отдельно взятого народа. В такой ситуации нелишне напомнить, что глобализация и интернационализация имеют своей оборотной стороной возрождение национализма, различных форм фундаментализма, племенных, клановых, местных и иных приверженностей.

32.1. 11 сентября 2001 года как точка отсчета XXI века

Событием, ставшим неким знаковым рубежом, своего рода Рубиконом для современного мира, можно считать беспрецедентный по своим масштабам, разрушениям и человеческим жертвам террористический акт против двух небоскребов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 2001 г. Это событие поставило не только перед Америкой, но и перед всем мировым сообществом множество вопросов, на которые, во всяком случае, сейчас трудно найти адекватные ответы. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые аспекты, имеющие для понимания перспектив полицентрического миропорядка особо важное значение.

Это событие свидетельствует о том, что международный терроризм поднялся на качественно новую ступень своего развития. Для реализации такого акта требуется накопление огромных интеллектуальных, финансовых, кадровых (особенно если учесть, что эти кадры готовы сознательно идти на смерть), организационных и иных средств. Такая акция, очевидно, изначально была не под силу какой-либо маргинальной группе террористов.

В этом событии международный терроризм проявил себя как один из важнейших негосударственных коллективных субъектов мировой политики. Оно воочию продемонстрировало, что терроризм представляет собой негосударственный источник насилия и является анонимным «врагом без границ». Самым зловещим его посланием современному миру является свидетельство того, что государство теряет свою монополию на легитимное насилие. Со времени Вестфальского мира и возникновения современного национального государства само собой разумеющимся фактом считалось, что именно государство должно обладать исключительным правом или монополией на средства ведения войны и на само ведение войны.

В данном же случае речь идет о своеобразной денационализации насилия, произошла своего рода приватизация права и средств применения насилия. В результате право войны и мира перестало быть монополией государства. Право применения насилия в международных делах явочным порядком взяли на себя негосударственные организации и группировки.

Собственно говоря, Америка была выбрана в качестве мишени атаки именно потому, что она — самое сильное государство современного мира. Тем самым имела место анонимная стратегическая атака на государство как таковое. Символично, что стратегического масштаба удар без участия какого-либо государства был нанесен Пентагону — святой святых олицетворения военной мощи сверхдержавы, а также центру глобальной финансовой системы — Всемирному торговому центру.

Тем самым террористы, по-видимому, хотели показать всему миру, что они составляют силу, способную разрушить устои любого государства, независимо от его политического веса, идеологической ориентации, внутреннего устройства и военной мощи.

Очевидно, что такого масштаба операцию могли подготовить и осуществить люди незаурядного таланта и ума, о чем свидетельствует их способность собрать в единый кулак огромные финансовые, материальные и интеллектуальные ресурсы. Особое внимание привлекает то, что организаторам атаки на ВТЦ и Пентагон удалось обеспечить безупречную информационную безопасность операции. Теракты готовились на высоком технологическом уровне с небывалым сохранением секретности.

Пока что никто не может объяснить, как террористам удалось одновременно пройти все проверки служб безопасности в трех аэропортах страны, как им удалось одновременно угнать четыре пассажирских самолета, как они с потрясающей точностью сумели направить их на заранее выбранные объекты. Террористы продемонстрировали исключительную информированность в области системы безопасности полетов в США, механизмов охраны воздушного пространства и организации полетов.

С большой долей уверенности можно утверждать, что американские спецслужбы проглядели зияющие дыры в системе безопасности страны. Данное обстоятельство свидетельствует также о глобальном провале спецслужб не только США, но Израиля и всех западных великих держав, в том числе и России.

Применительно к акции 11 сентября и к современному терроризму в целом речь идет не о традиционных межгосударственных войнах, а в значительной степени об анонимных войнах, развязываемых террористическими группами и организациями, которые в сверхсложных транснациональных системах современного мира могут расположиться и действовать в любом государстве и регионе.

Не случайно масштабность, формы реализации и жестокость акции 11 сентября 2001 г. дали некоторым наблюдателям основание говорить о начале нового этапа в мировой политике. Действительно, эта и последовавшие за ней акции в Мадриде, Лондоне, Беслане показывают, что новый полицентрический миропорядок выстраивается не под воздействием воодушевления от всемирного торжества демократии, а под ужасом перед тотальным, бессмысленным, невиданным в мировой истории разгулом кровавого террора.

Об обоснованности этого тезиса свидетельствует увеличение количества конфликтов этнонационального, конфессионального, территориального и иного характера. В ряде регио-

нов, несмотря на окончание холодной войны, развернулась гонка вооружений. Возрастает роль и активность империализма демократии и прав человека, сущностной характеристикой которых является экспорт разного рода «цветных» и иных революций (правда, порой оборачивающихся просто бунтами). В том же направлении развиваются организованная преступность, контрабанда живого товара, наркобизнес и т.д.

32.2. Отличительные особенности современного терроризма от традиционных военных конфликтов

Одной из сущностных характеристик «нового мирового беспорядка» стало то, что конфликтогенность приобретает планетарные масштабы. Некоторые авторы называли войны, имевшие место в прошлом в Европе, европейскими гражданскими войнами. Теперь же все более убыстряющиеся глобализация и универсализация мира, его дальнейшее сжатие и закрытие позволяют говорить о гражданских войнах мирового масштаба, о всемирных гражданских войнах в форме, например, террористических войн, за которыми, естественно, следуют антитеррористические войны.

Разумеется, такая постановка вопроса носит дискуссионный характер, и в какой степени она правомерна, покажет время. В период после распада двухполюсного миропорядка и окончания холодной войны большая часть политического и военного истеблишмента великих держав оставалась верной афоризму «генералы всегда готовятся к прошедшей войне». И это неудивительно, если учесть, что военные, разведывательные, исследовательские и промышленные структуры создавались в соответствии с требованиями холодной войны. Великие державы готовились к конфликтам с крупными организованными государствами, вооруженными современной военной техникой, в том числе ракетно-ядерным оружием.

Однако трагедия 11 сентября 2001 г. показала, что даже такая сверхдержава, как США, при всей своей гигантской военной мощи не может гарантировать не только безопасность своих европейских союзников от новых угроз, но и безопасность Манхэттена от тех угроз, в отражении которых эта мощь показала свою беспомощность.

Реальность состоит в том, что уже в период двухполюсного миропорядка с благословения и при поддержке двух

сверхдержав сформировался своеобразный параллельный анонимный субъект мировой политики, способный оказывать существенное влияние на магистральные тенденции геополитического развития. Сила и опасность этого своеобразного агрессивного «мирового подполья» состоит в том, что он, действуя на стыке принципов рационализма и иррационализма, не признает установившиеся на государственном и надгосударственном уровнях общепринятые морально-этические и правовые нормы и ограничения.

В войне классического типа все более или менее ясно: кто свой и кто враг, кто наступает и кто обороняется, кто одержал победу, а кто потерпел поражение, какие именно силы стоят за каждой из воюющих сторон. Иное дело с войной против терроризма. В ней нет очевидных фронтов и строго очерченного круга участников, нет линии фронта, поскольку она идет чуть ли не повсеместно. В результате война с терроризмом оказывается войной с призрачным фронтом, с «мировым подпольем» в ипостасях разного рода субнациональных и наднациональных террористических, криминальных и иных группировок и организаций.

В этой войне традиционные формы и средства сдерживания теряют в ряде случаев действенность и эффективность или просто перестают срабатывать. В этом плане одна из особенностей ситуации состоит в том, что существенно изменяются представления о типах, характере и методах ведения войн, параметрах национальной и международной безопасности, соответствующих новым реальностям.

К тому же появилась возможность попадания различных новейших видов оружия массового поражения (химического, ядерного, бактериологического) в руки негосударственных или не подконтрольных государству радикальных акторов в лице разного рода террористических группировок. Более того, все более возрастающее упрощение производства таких вооружений, сокращение их габаритов и веса дает подобным группировкам дополнительные возможности овладеть ими.

Можно сказать, что век террора пришел в современный мир на крыльях науки, новейших технологий и прогресса, в немалой степени оказывая влияние на формирование контуров и конфигураций нового полицентрического миропорядка. В каком-то смысле как бы подтверждается прогноз У. Черчилля, который говорил, что каменный век может вернуться к нам на сияющих крыльях науки.

Действительно, террористы, где бы они ни находились, продемонстрировали свою способность умело использовать для своих целей достижения современной техногенной цивилизации. Они оказались способны быстро и эффективно овладевать этими достижениями, интеллектуально переигрывать обладающие гигантскими возможностями спецслужбы великих держав. Они соединили самые современные технологии уничтожения с самым отсталым фундаментализмом и фанатизмом, будь то исламским, протестантским, светским или каким-либо иным.

Об этом свидетельствует тот факт, что террористы проявляют заметный интерес к военным технологиям. Известно, что японская секта «Аум синрике» наладила в свое время производство нервно-паралитического вещества зарина, которое было применено во время атаки в токийском метро в марте 1995 г. Она пыталась разработать биологическое оружие, проводила собственные ядерные исследования. Показательно, что секта имела доступ к базам данных Управления национальной обороны, которое заказало «Аум синрике» систему защиты компьютеров военного ведомства от несанкционированного доступа.

По имеющимся данным, террористические группы и организации исламистской ориентации прилагают большие усилия для поиска источников необходимого им оружия и даже разработки собственных аналогов оружия массового поражения.

Объектами атак террористов становятся компьютеры и созданные на их основе банковские, биржевые, исследовательские, управленческие и иные системы, глобальные сети информационных агентств и служб, компьютеризированные радиотелевизионные центры, а также средства коммуникации — от спутников непосредственного телевидения и связи до радиотелефонов и пейджеров. В качестве оружия террористические организации используют массовое изготовление фальшивых денег, направленное на ослабление финансовых и экономических структур «противника», или широкомасштабные операции по транспортировке и распространению наркотиков.

Все это свидетельствует о том, что терроризм превратился в одну из серьезных проблем безопасности, с которой человечество вошло в XXI столетие. При оценке всего вышеизложенного следует учесть, что в истории человечества было немало примеров, когда высокоразвитые цивили-

зации, империи, народы гибли, разрушались под натиском сил, значительно уступавших им в своем развитии. Именно в результате такого горизонтального вторжения варваров были разрушены многие мировые империи, наиболее типичным примером которых явилась Римская.

32.3. Типы современного терроризма

Трудность анализа и поиска правильной оценки терроризма осложняется тем, что до сих пор еще нет сколько-нибудь четкого его определения как общественно-политического феномена, его сущностных характеристик, границ, составляющих, юридически-правового статуса и т.д. Существуют сотни определений этого явления, а литература, посвященная ему, исчисляется тысячами публикаций. Поэтому поиски в наибольшей степени отвечающей его существу формулировки представляются весьма трудным делом.

Современный терроризм прошел довольно сложный путь становления и эволюции. В конце XIX и на протяжении большей части XX в. преобладал так называемый классовый террор. Большинство других форм террора также приобретали классовую окраску. Одним из проявлений такого варианта терроризма стал левый терроризм, получивший особенно широкое распространение после Второй мировой войны.

Речь идет, например, о деятельности таких организаций и групп леворадикальной ориентации в 60–70-х гг. минувшего века, как «Фракция Красной армии» в ФРГ, «Красные бригады» в Италии, группа «Прямое действие» во Франции, «Монтанерос», «Тупамарос», «Сендеро луминосо» и др. в Латинской Америке, которые в последующие десятилетия постепенно практически сошли с политической арены.

В последние десятилетия XX в. постепенно, в силу целого ряда факторов, в том числе и краха марксистско-ленинской теории всемирной пролетарской революции, на смену классовому терроризму пришли новые разновидности терроризма: *этнический* (североирландский, баскский, курдский, палестинский), *фундаменталистский* (в различных его ипостасях), *социокультурный*, *локальный*, *международный* и т.д. Различают террор *политический*, *революционный*, *левый*, *правый*, *сепаратистский*, *криминальный* и т.д.

Одним из проявлений современного терроризма является похищение людей или захват заложников в целях получения выкупа. Получает все более широкое распространение так называемый *информационный*, или *хакерский*, терроризм, нацеленный на взлом банковских кодов и внедрение вирусов для вывода из строя компьютерных систем, что чревато катастрофическими последствиями для тех или иных объектов народного хозяйства. Он является разновидностью так называемого *кибертерроризма*, наиболее совершенного и напрямую не обязательно связанного с человеческими жертвами.

Изменились менталитет и, соответственно, поведение и объекты атак террористов. В начале XX в. в России известны случаи, когда боевики-эсеры отказывались осуществить террористический акт, если узнавали, что рядом с предполагаемым объектом покушения находились члены его семьи, особенно дети. Что касается современных террористов, то они зачастую начисто лишены подобных морально-этических ограничений. Они склонны выбирать политические цели, не предполагая избирательность при проведении намеченных акций. Для них объектами террористических атак и захвата в заложники стали не столько военные, сколько сугубо гражданские лица, женщины и дети (вплоть до больниц и родильных домов).

Поэтому неудивительно, что современные террористические акции приводят к значительно большим, чем акции традиционных идеологически ориентированных групп, жертвам. Современные террористы зачастую обладают верой в мученичество, или же они рассматривают себя как агентов изменений, направленных на создание нового мирового порядка.

Неотъемлемой составляющей терроризма является насилие или угроза его применения, что призвано вызвать страх и панику. Насилие обладает мощным потенциалом заражения и самовоспроизводства. Оно, как правило, неизбежно порождает жестокость, которая стала одной из сущностных характеристик терроризма в любых его проявлениях. Возможно, совпадение имени убийцы Цезаря (Брут) и корня слова «брутальность» — чистая случайность, но в этом совпадении есть и глубокий символический смысл: один из первых политических террористов заплатил своему благодетелю столь вероломной неблагодарностью и жестокостью.

В современном мире наибольшую активность, напористость и агрессивность проявляют различные группировки и организации исламских фундаменталистски ориентированных террористов. О сущностных характеристиках исламского фундаментализма более подробно говорилось в главе 22. Здесь ограничимся констатацией того факта, что террористов всех мастей нельзя свалить в одну кучу. Их недовольство и требования вызваны разными причинами, разнообразны объекты их угроз. Некоторые причины терроризма коренятся в религии, в то время как другие носят чисто политический и секулярный характер. Так, при единстве взглядов по тем или иным вопросам между различными организациями и группировками фундаменталистского толка существовали и продолжают существовать довольно заметные различия и разногласия, например, в трактовке джихада.

Это вызывает постоянные конфликты, выливающиеся в вооруженные столкновения. Тем не менее имеет место тенденция к созданию неких «священных союзов» между различными направлениями терроризма. Происходит процесс интернационализации и глобализации терроризма. Терроризм приобретает транснациональный, универсальный характер. Создается что-то вроде некоего террористического интернационала.

Так, «Аль-Кайде» удалось объединить или подчинить себе множество ранее независимо действовавших друг от друга террористических групп. В созданный бин Ладеном в феврале 1998 г. «Всемирный исламский фронт борьбы против иудеев и крестоносцев» вошли такие разные группы и организации, как «Египетский Исламский Джихад», «Джамаа Исламийа», «Ливийская Исламская Боевая Группа», «Исламская Армия Адена», кашмирские «Лашкари-Таиба» и «Джаиш-и-Муххамед», «Исламское Движение Узбекистана», турецкие «Исламские Великие Всадники Востока» и «Бригады Абу Хафса Аль-Масри» и др.

32.4. Причины терроризма

Разумеется, немаловажное значение для выяснения причин экстремизма и терроризма во всех их проявлениях имеет выявление глубинных факторов, вызывающих их к жизни. В благополучном и стабильном в социально-экономическом,

социокультурном, политическом отношении обществе разного рода утопии, протестные, антисистемные движения оказывают незначительное влияние на процессы и основные векторы общественно-исторического развития. Они рождаются, как правило, в условиях кризиса, неопределенности, неуверенности и смутных времен. Поэтому с определенными оговорками их можно назвать своеобразной современной формой революции или контрреволюции.

Естественно, намечая и прокладывая пути в будущее, не следовало бы оставлять на свободе дремлющих демонов прошлого. Результатом набирающего все более растущие масштабы социального, экономического, технологического прогресса становится эрозия традиционных связей, устоев жизни, общепризнанных духовных ценностей. Обнаруживается тенденция к размыванию неоднородности, полифонии, самобытности культур, богатства их проявлений, к утверждению единых стереотипов и шаблонов.

Лишившиеся корней и социокультурных связей между собой атомистические анонимные мириады одиноких, разобщенных индивидов, потерявших свои авторитеты и ценности, становятся той питательной почвой, на которой возникают общности, получившие название толпы, массы. В этих условиях национализм, этнизм, религиозный и секулярный фундаментализм и т.д. несут в себе обещание восстановить нормальный порядок вещей. В то же время они освобождают людей от трудной и мучительной необходимости самим принимать решения.

Ощущение принадлежности к сообществу придает смысл и значимость самой жизни, укрепляет чувство взаимной ответственности и сопричастности, уменьшая тем самым чувство одиночества и отчуждения. Особую значимость национализму придает тот факт, что он способен абсорбировать личное недовольство, личную неудовлетворенность отдельного индивида. Люди обращаются к национализму, когда они озабочены проблемой придания смысла собственной жизни. Эту же функцию выполняет и религия, что особенно важно для мусульманских стран, где ислам служит в качестве основополагающей доминанты образа жизни и национального самосознания.

Понимая это, необходимо учесть, что бараноидное или первобытное дикое сознание присуще не только прежним отсталым или примитивным обществам. Оно приобретает новые формы и еще больший размах в условиях господства средств

массовой информации. Насилие, преступность, террор, кровавые стычки, порой романтизированные и героизированные, в буквальном смысле пронизывают современные электронные средства массовой информации и особенно шоу-бизнес.

В этой связи важно учесть, что современные формы варварства, одним из проявлений которого является терроризм, являются порождением современной цивилизации, ее неотъемлемой частью. Здесь как нельзя уместны слова Вольтера, который говорил, что «в век разума постоянно отстают головы гидры фанатизма».

Поэтому исламский и иной фундаментализм нельзя рассматривать как маргинальное явление. Его приверженцев можно обнаружить среди почти всех слоев населения с разным социальным статусом, разным уровнем образования, специалистов разных профессий, разных полов и возрастов. Многие эксперты приходят к мысли о том, что корни современного исламского терроризма нужно искать не у нищих и малообразованных талибов, а в процветающих монархиях Персидского залива.

Они вербуют сторонников не только в трущобах, среди малограмотных или безграмотных и бедных слоев населения, но и в университетах, школах, мечетях, благотворительных учреждениях. Например, в Египте для «Братьев-мусульман» один из главных источников пополнения своих рядов — это не трущобы Каира, а Каирский университет. В этой связи интерес представляет тот факт, что источниками политического исламизма стали арабские университеты.

Не следует относиться к террористу-смертнику как к явлению психически ненормальному. Как считает психолог С. Ениколопов, в отличие от террористов-одиночек, занимающихся захватом самолетов, среди которых процент людей с нарушениями психики действительно велик, среди террористов-смертников процент таких людей значительно мал. Они не сумасшедшие, а фанатики. Проблема в том, что фанатизм позволяет совершить осознанно и добровольно агрессивное, саморазрушающее действие. «Хороша была бы японская армия с сумасшедшими летчиками-камикадзе! Нет, это фанатическая идея, которая дошла до логического завершения: “Я готов пожертвовать собой ради...”»¹.

Естественно, террористы-смертники проходят специальную подготовку в соответствующих организациях, под-

¹ Время. 2003. 25 нояб.

готовку, составной частью которой является и чистейшее одурманивание, прививающее им единственно верную для них истину в последней инстанции. Немаловажное значение имеет и тот факт, что окружающие — община, семья, близкие, друзья — не только не осуждают их, а, наоборот, гордятся ими, причем сами террористы-смертники безоговорочно верят в то, что для них уготовано достойное место в раю. Исламистские организации оказывают социальную поддержку, предоставляют моральное руководство, материальную помощь, медицинские услуги, помощь в получении образования, преодолении безработицы и т.д. Правительства мусульманских стран зачастую не способны оказывать людям такую помощь.

Большинство террористических организаций имеют своих духовных лидеров и наставников, сильных и богатых покровителей и спонсоров, собственную идеологию и стратегию действий. Как считает ряд наблюдателей, терроризм превратился в весьма прибыльный бизнес глобального масштаба с развитым «рынком труда» и приложения капиталов, со своими правилами и моралью. Можно согласиться с английским еженедельником «Экономист», который утверждает, что «терроризм — это устрашающе расчетливая попытка использовать насилие для достижения определенной цели»¹. Поэтому он не без оснований предупреждает не рассматривать терроризм как некий иррациональный, спонтанный феномен.

Действительно, большей частью современные террористы-смертники — это молодые, достаточно образованные люди, приверженные какой-либо политической идее, ради реализации которой они готовы пожертвовать своей жизнью. Свое главное предназначение они видят в искоренении по-особому понимаемого ими мирового зла, при этом присваивая себе право определять, что есть добро и что есть зло, что хорошо и что плохо, право судить и одновременно приводить в исполнение «судебные решения».

32.5. Терроризм как реакция на информационно-идеологическое и культурное наступление Запада

Для правильного понимания движущих мотивов терроризма важно учесть, что для людей нередко характерно ис-

¹ The Economist. 2001. September 22. P. 11.

кать источник своих проблем и бедствий не в самих себе, не в своей общине, группе, нации, стране и т.д., а вовне, в чужих. В глазах недовольных и разочарованных в западном мире наиболее удобной мишенью обвинений и ксенофобии является Запад в целом и Америка в частности. Антиамериканизм выступает в качестве крайнего проявления неприятия Запада.

Это можно легко объяснить, если учесть, что именно на Западе, и прежде всего в Америке, они видят главный источник и виновника растления нравов, распространения аморальности, порнографии, наркомании, экономических неурядиц, одним словом, всех своих бед. В глазах исламских фундаменталистов (да и не только) Америка представляется как квинтэссенция всего того зла, которое, по их мнению, исходит от Запада.

Можно утверждать, что современный терроризм по своим целям, методам и средствам осуществления представляет собой в некотором роде асимметричный ответ на агрессивное наступление западных социокультурных, политико-культурных, демократических ценностей и принципов. Это реакция на модернизацию на западных, прежде всего американских, условиях, ответ униженных и оскорбленных на действия упивающегося своим богатством и мощью Запада.

Возможно, это разновидность феномена, который в научной литературе получил название «малая война». Как отмечает германский исследователь М. Гох, малая война по определению не знает границ, все средства пускаются в ход и с характерной для нее брутальностью, в особенности по отношению к мирным жителям, женщинам и детям. Она приобретает черты, сближающие ее с феноменом тотальной войны: в качестве врага рассматривается весь совокупный противник, который становится объектом боевых действий, а не только его вооруженные силы¹.

Парадокс состоит в том, что сам Запад на определенном этапе в силу комплекса причин немало сделал для взращивания исламского терроризма. Впрочем, как и в разное время КГБ, ЦРУ, «Моссад», британская и китайская разведки. Несомненно, здесь решающую роль сыграли США, которые оказали значительную моральную, финансовую, военнотехническую поддержку отрядам моджахедов.

¹ См.: *Hoch M. Krieg und Politik im 21. Jahrhundert* // *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament*, 2001. 11 Mai. S. 19.

В ряде стран Запада и по сей день без особой конспирации действует множество радикальных исламских организаций, открыто занимающихся вербовкой добровольцев, сбором средств на террористическую деятельность. Эти организации, по сути дела, выполняют функции своего рода современных троянских коней, действующих в тылу противника и способных серьезно дестабилизировать социально-политическую обстановку во всем регионе.

В начале каждого крупного пожара XX в. мало кто из его участников имел реальное представление, насколько жестоким, насколько широкомасштабным и разрушительным он будет. Напомним, что в августе 1914 г. многие из тех, кто отправлялся на поля сражений, были убеждены в том, что к Рождеству они будут дома. Мало кто в 1939 г. мог предположить, до какого варварства и механизированного убийства мир способен пойти.

То же самое (разумеется, в иных условиях и формах) происходит и в наши дни. За молниеносной военной победой, одержанной в середине апреля 2003 г. в Ираке, последовал постепенно набиравший силу хаос, который превратил эту страну в плацдарм международного терроризма.

Военно-техническое содержание вооруженного противостояния, его стратегические цели, виды применяемого оружия, масштаб и размах военных действий определяются масштабами, характером, формами конкретной угрозы или вызова со стороны конкретного противника. Другими словами, средства должны соответствовать поставленным целям. Образно говоря, наказание должно отвечать тяжести и масштабу преступления. Такая постановка вопроса вытекает из классической формулы «война есть продолжение политики другими средствами».

Игнорирование этой азбучной истины при противостоянии любым актам войны или любого конфликта не всегда может привести к желаемым результатам. Нередко эти результаты могут быть прямо противоположными, чем те, которые на самом деле ожидались. Здесь известная формула «сила есть — ума не надо» совершенно неприемлема. Каждой великой державе, претендующей на этот статус, прежде чем предпринять тот или иной шаг на международной арене, необходимо сначала самым серьезным образом взвесить все «за» и «против», просчитать возможные последствия предпринимаемых действий, а потом уже продемонстрировать свои «мускулы».

Целью войн, развязанных США в Афганистане и Ираке, была объявлена не победа над конкретным государством, а уничтожение анонимного международного терроризма. Террористические организации зачастую настолько гибко структурированы и законспирированы и, самое главное, анонимны, что обнаружить и уничтожить их (сколь бы высокоточным ни было направленное против них оружие) представляется весьма трудным, а то и невозможным делом.

Попытки нанести поражение террористам или уничтожить их традиционными средствами — это все равно что стрелять в воробьев из пушек. Возможно, при этом пострадает определенное количество конкретных воробьев, но само семейство воробьев не уничтожить. Точно так же в результате массированных бомбардировок высокоточным оружием городов возмездие редко настигает реальных виновников преступления. Такие бомбардировки могут поразить те или иные убежища террористов, но главными жертвами становятся ничем не повинные мирные жители и их дома. Здесь также образно можно сказать, что авианосцы против террористов — это все равно что динамит против тараканов.

В результате создалась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, в которой Америка, выступившая в роли главного борца против терроризма, стала самым главным его генератором. Возможно, одна из целей бин Ладена, как утверждал бывший руководитель контртеррористических операций при президентах Б. Клинтоне и Дж. Буше-мл. Р. Кларк, и состояла в том, чтобы втянуть США в войну с Ираком. Для сторонников расширения глобального джихада вряд ли кто мог бы придумать лучший подарок, чем военную оккупацию Америкой одной из ведущих мусульманских стран в сердце мусульманского мира¹.

Конечно, как международные террористы, так и диктаторские режимы являются злом. Противодействие им в общепринятых мировым сообществом формах вполне понятно, его правомерность не может вызывать каких бы то ни было сомнений. При этом нельзя забывать, что представление о своем могуществе, особенно в том случае, если оно замешано на синдроме «надменности власти» (или «надменности мощи»), стимулирует искушение попытаться установить контроль над всеми происходящими в мире

¹ См.: *Allin D.H. The Atlantic crisis of confidence // International affairs. 2004. July. Vol. 80. № 4. P. 652.*

событиями и процессами. Правда, зачастую такие представления оказываются иллюзорными, не соответствующими реальному положению вещей.

Все это говорит о том, что, начиная любое предприятие, тем более войну, надо задуматься над ценой победы, а то может получиться как у небезызвестного Пирра, который относительно одной своей победы сказал: «Еще одна такая победа, и я погиб». Перефразируя известное выражение «война слишком серьезное дело, чтобы ее можно было поручить генералам», можно утверждать: война слишком серьезное дело, чтобы ею занимались недалекие и некомпетентные в мировых делах политические и государственные деятели.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. На каком основании террористический акт 11 сентября 2001 г. против ВТО и Пентагона называют точкой отсчета XXI века?
2. Какие из этого акта вытекают выводы для мирового сообщества?
3. Почему, по вашему мнению, именно Америка была выбрана в качестве объекта атаки?
4. Как можно трактовать эту атаку с точки зрения формулы К. фон Клаузевица «война есть продолжение политики другими средствами»?
5. В чем состоит отличие современного терроризма от традиционных его форм и традиционной войны?
6. Какие выделяются типы терроризма?
7. Почему современный терроризм отождествляют с исламским фундаментализмом?
8. Почему считается, что терроризм является реакцией на информационно-идеологическое и культурное наступление Запада?

Учебное издание

Гаджиев Камалудин Серажудинович

ГЕОПОЛИТИКА

Учебник

Редактор *М. А. Мороз*

Корректор *Л. Ю. Шанина*

Художественное оформление *А. И. Гиренко*

Компьютерная верстка *О. В. Красильников*

Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «Petersburg (OTF)». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,15. Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Издательство Юрайт»

140004, Московская обл., г. Люберцы, 1-й Панковский проезд, д. 1.

Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru